Елизавета Топалова

Дом на Арбате

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга посвящена жизни обитателей одного из старинных московских домов на Арбате. Все описанные события, происходящие в начале XXI века, соответствуют действительности, все персонажи – реальны. Автор увлекательно рассказывает нам не только об истории дома и его именитых (и не очень) обитателях, но и через призму конкретного строения передает дух времени.

- Елизавета Топалова
  -
  - Предисловие
  - 2014 год
  - 2015 год

Елизавета Топалова
Дом на Арбате

© Топалова Е., 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Предисловие

Дом № 25/36 на углу Арбата и Староконюшенного переулка имеет богатую и славную историю. Построенное в начале XIX века здание принадлежало вначале родственнику Грибоедова Николаю Тенькову. Из квартировавших в то время жильцов наиболее был известен поэт и герой-партизан Отечественной войны 1812 года Денис Давыдов, который, согласно воспоминаниям современников, осенью 1826 года принимал у себя в гостях вернувшегося из михайловской ссылки Александра Пушкина, а потом был одним из немногих участников его свадьбы.

В 1871 году новый хозяин дома, гвардейский офицер, поручик в отставке, известный меценат и общественный деятель, застройщик ряда доходных домов и таких известных московских зданий, как ресторан «Славянский базар» и купеческие «Тёплые ряды», А. А. Пороховщиков кардинально перестроил дом по проекту архитектора Р. Гедике. В начале 70-х годов трёхэтажный особняк на Арбате сначала арендовало, а затем и выкупило знаменитое Общество русских врачей – одна из самых известных благотворительных организаций того времени.

Общество русских врачей было создано в первые годы после отмены крепостного права в 1861 году врачами-энтузиастами для помощи малоимущим больным и решения медицинских проблем под девизом «Через науку служить человечеству». Первым председателем Общества был знаменитый хирург, терапевт, невропатолог, профессор Московского университета Фёдор Иванович Иноземцев, который стоял и у истоков применения анестезиологии, так как первым провёл операцию под эфирным наркозом. Ему же принадлежала инициатива создания «Московской медицинской газеты». Днём врачи принимали приходящих больных, а вечерами проводили научные заседания, где обсуждали новые лечебные методы и направления лечения по разным специальностям. На них звучали доклады авторитетных врачей, а многие будущие медицинские светила начинали общеврачебную практику.

Общество действовало весьма активно: в отчёте за 1909 год указывалось, что со времени основания была оказана медицинская помощь более чем 1 300 000 больных, из них 50 тысяч сделаны операции. Известные профессора медицины принимали больных за символическую плату в 20 копеек, а бедных вообще обслуживали бесплатно. В доме на Арбате размещались бесплатная лечебница и родильное отделение для

неимущих горожан, а также аптека, лекарства в которой неимущим отпускались с большой скидкой или бесплатно.

В 1884 году в здании открылись «Классы рисования, живописи и скульптуры» под руководством Константина Юона и Ивана Дудина, которые арендовали для учебной студии часть второго этажа дома. Через эту студию прошли сотни молодых талантов, составивших впоследствии славу и гордость отечественного искусства. Здесь учились художники Василий Ватагин, Роберт Фальк, Владимир Фаворский, Александр Куприн, архитекторы-художники братья А. и В. Веснины, поэт и художник Сергей Городецкий, друг Маяковского и известный художник-футурист Давид Бурлюк, скульптор Вера Мухина, ставшая автором знаменитой скульптурной группы «Рабочий и Колхозница», украшавшей советский павильон Всемирной выставки в Париже, вход на ВДНХ и титры киностудии «Мосфильм».

В первую русскую революцию в декабре 1905 года ученики студии забросили кисти и начали строить баррикады на Арбате. Это стоило Юону немалых неприятностей, но студия избежала закрытия и благополучно просуществовала до 1917 года. Сам художник впоследствии перебрался из квартирки при студии в Трубниковский переулок неподалёку от Арбата. Он оставил много живописных полотен, посвящённых заповедным уголкам Москвы и России, запечатлевших ряд знаковых исторических событий страны, таких так «Купола и ласточки», «Кормление голубей на Красной площади», «Штурм Кремля в 1917 году», «Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года». Константин Фёдорович Юон написал несколько книг по теории искусства, в том числе «Москва в моём творчестве», стал одним из первых руководителей Союза художников СССР, созданного в 1957 году.

* * *

Я оказалась в доме на Арбате в 1982 году. И до этого я несколько лет жила в районе Арбата – снимала комнату на втором этаже дома в одном из арбатских переулков. В начале 80-х он назывался улицей Луначарского, а с начала 90-х, когда прошла волна возвращения исторических названий улиц, стал Глазовским переулком. В то время я училась в аспирантуре Института экономики Центрального научно-исследовательского института чёрной металлургии имени Бардина. В соседней Украине у меня оставалась квартира, полученная во время работы на одном из крупных горно-обогатительных комбинатов, где я проработала

шесть лет по распределению как молодой специалист. Её я и обменяла в 1980 году на маленькую комнатку в подмосковном Домодедово, откуда два года ездила на работу в Москву.

Смертельно устав от ежедневных многочасовых поездок из Домодедово в Москву и обратно, однажды я оказалась в Банном переулке, где в то время собиралась известная московская тусовка по обмену квартир. Старательно приклеив объявление «Меняю Домодедово на Москву», я под иронические замечания стоявших рядом завсегдатаев толкучки («Меняю Козельск на Москву») уже собиралась отправиться домой, как вдруг ко мне подошла аккуратная старушка и предложила проехать с ней на Арбат. Выяснилось, что женщина – звали её Клавдия Фёдоровна Мураенко – почти моя землячка, много лет назад приехала в Москву из Ростова-на-Дону, а теперь хочет воссоединиться с сыном, проживающим в Подмосковье. Так я оказалась в большой коммунальной квартире в историческом доме № 25/36 на углу Старого Арбата и Староконюшенного переулка.

В доме, кроме меня, жили ещё две семьи: секретарь-машинистка из известного ведомства на Лубянке с сыном Павлушкой и пожилая женщина-фельдшер из психиатрической лечебницы с престарелой матерью, которая в прошлом была заведующей клиники, в которой теперь работала её дочь. Мать была вдовой фронтовика, погибшего в Отечественную войну, и они с дочерью со дня на день ждали получения квартиры. Секретарша тоже ожидала получения отдельной квартиры от своего ведомства. Только мне надеяться было не на что: ведь в случае выезда одних соседей на их место должны были прибыть другие. Получения новых квартир моим соседкам пришлось ждать долго – почти десять лет. За это время произошло много знаменательных событий в стране и в столице.

Москва была перенаселена коммуналками. С приходом к власти нового генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачёва и началом перестройки появились новые веяния и в жилищной сфере. В Москве избрали мэром профессора МГУ Гавриила Попова. Началась бесплатная приватизация квартир, которая, однако, не распространялась на старинные особняки в центре Москвы. Их объявили памятниками истории и культуры, которые в соответствии с Постановлением Верховного Совета РСФСР «О неотложных мерах по сохранению национального, культурного и природного наследия народов РСФСР» от 25 декабря 1990 г. приватизации не подлежали. Такими «памятниками» столичные власти объявили сотни домов в центре Москвы. Ходили упорные слухи о том, что все эти дома будут проданы инвесторам, а жители – переселены в отдалённые

районы Москвы без их согласия на это.

Именно тогда в Москве появился и громко заявил о себе «Фонд ликвидации коммунальных квартир». Это была совершенно новая общественная самодеятельная организация, из тех, которые стали появляться в начале перестройки. Фонд создали муж и жена, молодые симпатичные супруги Анатолий Басаргин и Татьяна Крылова. Он – выпускник режиссёрских курсов, она – молодая талантливая актриса. Но, как это часто происходило во время перестройки, оказавшись без работы по специальности, они решили переквалифицироваться в управдомы. Большой дом на Солянке, где они жили, находился в районе Китай-города, в самом центре Москвы, неподалёку от Красной площади, и был почти сплошь населён жителями коммуналок, которые ни под каким видом не собирались уезжать с насиженных мест. Нет, они не хотели и дальше ютиться в коммуналках, они хотели получить отдельные квартиры, но в этом же доме, без принудительной депортации на окраины. Так возникла очень простая идея: жители домов, которые подлежат переселению, объединяются, регистрируют коммерческое товарищество и сами ищут инвесторов, готовых взять на реконструкцию их дома с учётом пожеланий самих жителей. Кто-то согласен уехать в другой район, кто-то хочет остаться в старом доме, но в любом случае нет никакого принудительного выселения.

В доме на Солянке заработала бесплатная юридическая консультация для желающих создать подобные товарищества, создавался банк данных для потенциальных инвесторов. Анатолий Басаргин добился от московских властей заключения контракта по их дому на Солянке: все нежилые помещения на первых этажах этого огромного дома передавались в хозяйственное ведение товариществу жителей, которое должно было на доходы от их аренды самостоятельно осуществить капитальный ремонт дома, расселить коммунальные квартиры с учётом пожеланий жителей, благоустроить территорию.

Это был невиданный по тем временам жилищный эксперимент. В начале 1992 года, практически сразу после исторического развала СССР, Фонд ликвидации коммунальных квартир с большим размахом провёл в Москве съезд, куда съехались жители не только московских коммуналок, но и коммунальных квартир из многих других регионов России. Либерализация цен уже началась, инфляция набирала обороты, но ещё не совсем давала о себе знать. В фойе зала, где проходил съезд, играл духовой оркестр, толпился народ, инструкции по созданию товариществ жителей в домах шли нарасхват.

После съезда я постаралась попасть к юристам Фонда и даже переговорила с самим Басаргиным.

– Я тоже живу в доме с коммуналками, многие соседи не хотят уезжать из дома, где они прожили много лет. Но я боюсь, что с нами никто не станет считаться, и как только появится инвестор, нас просто выбросят из центра Москвы.

Басаргину мой пессимизм очень не понравился:

– Никто вас не выбросит, если вы сами не согласитесь уехать, – недовольно ответил мне он. – Сейчас есть возможность объединиться и противостоять любому нажиму властей. Если вы организуетесь в жилищное товарищество, никакие власти ничего с вами не смогут сделать и будут вынуждены с вами считаться.

Но возможность объединиться стоила тогда довольно дорого. Для того чтобы создать коммерческую фирму, нужно было иметь уставный фонд не менее 10 тысяч рублей. Много это или мало? Тогда это было очень много. Достаточно сказать, что мой оклад старшего научного сотрудника с учёной степенью кандидата наук составлял 300 рублей в месяц. Правда, в конце 1991 года научным работникам дали возможность зарабатывать на контрактах с предприятиями, и у меня в «загашнике» было около 5 тысяч рублей. Их я и решила пожертвовать на создание уставного фонда. Оставшуюся сумму распределили между всеми жителями дома, которые с энтузиазмом поддержали идею создания товарищества в нашем доме. Сомнение выразил лишь жилец коммуналки из 7-й квартиры Олег Паничев, следователь по особо важным делам Прокуратуры РСФСР, но после того, как я предложила ему встать во главе созданного товарищества, пообещав при этом взять на себя всю рутинную работу, он перестал возражать.

Увы, гора родила мышь. Несколько лет я усердно поддерживала на плаву товарищество с ограниченной ответственностью «Арбат 25», регулярно сдавая в налоговую инспекцию и другие сопутствующие фонды пустые отчёты о хозяйственной деятельности. Олег Паничев то ли не нашёл времени, то ли не захотел сотрудничать с Фондом ликвидации коммунальных квартир и особой активности в самостоятельном поиске инвесторов не проявлял. Все согласились с тем, что надо ждать тех инвесторов, которых найдут нам московские власти, и уже тогда предъявлять им свои требования. Но никакие инвесторы так и не объявились. Теперь я уже знаю, почему. Буквально через два месяца после регистрации нашего товарищества, вопреки постановлению московского правительства о запрете приватизации в нашем доме, неким ООО «Руджи» оказался приватизированным магазин «Ткани»,

расположенный в торце дома. Этого оказалось достаточно, чтобы все потенциальные инвесторы сразу потеряли интерес к дому: ведь любого инвестора интересуют прежде всего нежилые помещения на первых этажах, которые после реконструкции поступают в его собственность и могут сдаваться в аренду за хорошие деньги. Но если часть этих помещений уже находится в частной собственности, брать в реконструкцию дом нет никакого смысла. В итоге дом ещё на 10 лет оказался законсервированным.

Но нет худа без добра. Приватизация магазина создала прецедент, и власти в конце концов разрешили в нашем доме и приватизацию жилых помещений, в которых располагались коммунальные квартиры. Возможно, этому в какой-то мере способствовало то, что в 1993 году я неожиданно для себя стала депутатом фракции ЛДПР в новой Государственной Думе, избранной после принятия в 1993 году новой Конституции России. Когда готовились избирательные партийные списки, Жириновский вспомнил о том, что когда-то я написала программу для его тогда ещё малоизвестной партии, и пригласил поучаствовать в выборах. Вопреки всем прогнозам партия Жириновского одержала на этих выборах убедительную победу, опередив и коммунистов, и правящий «Выбор России». Мои депутатские запросы в адрес Москомимущества по поводу приватизации нежилых помещений в доме, где запрещена приватизация, сыграли свою роль. Запрет на приватизацию был снят, и жители дома на Арбате, приватизировав квартиры, получили возможность удачно разъехаться. Многие квартиры были выставлены риелторами на продажу, и со временем в доме появились новые жильцы, которые приобрели эти квартиры на вторичном рынке.

Мне не хотелось уезжать с Арбата. К тому времени в нашей коммуналке мои соседи уже получили свои долгожданные квартиры. Последней уехала Галли Кричевская – ей с матерью накануне 50-летнего юбилея Победы дали просторную двухкомнатную квартиру в новом благоустроенном районе Строгино, и они без сожаления покинули шумный Арбат. Я осталась одна в большой четырёхкомнатной квартире. У меня был выбор: как и остальные соседи по дому, через риелтора приобрести небольшую квартиру в другом районе Москвы или, воспользовавшись своим правом первоочередного выкупа освободившихся помещений, стать хозяйкой всей квартиры. Я выбрала последнее, так как давно лелеяла мечту устроить в этой квартире мемориальный музей художника Константина Юона. Лично мне достаточно было бы и одной комнаты, но, прожив столько лет в коммуналке, хотелось хотя бы остаток дней пожить

без соседей.

Какую-то часть квартиры я присоединила бесплатно как научный работник, имеющий право на дополнительную жилплощадь, остальное пришлось выкупать за деньги. Кредиты тогда были далеко не так доступны, как сейчас, пришлось влезть в кабальные долги, с которыми удалось расплатиться лишь много лет спустя. Но зато я стала полноправной хозяйкой в большой арбатской квартире, хранившей в себе дух замечательного художника Константина Юона и его выдающихся учеников, которые более ста лет назад поднимались по лестнице в знаменитую студию, общались между собой, совершенствовались в мастерстве, задумывали и творили бессмертные произведения искусства.

Со временем мне удалось добиться устройства дополнительного входа в гипотетический музей Константина Юона, копии самых известных картин которого висели на стенах моей квартиры. Пока это был домашний музей, куда приходили только мои близкие друзья и хорошие знакомые, но к юбилейным датам я открывала его для всех желающих познакомиться с творчеством Юона. К сожалению, таких людей оказалось не так много. Раскрутка музея требовала серьёзной рекламы, а статус музея не был определён, нужно было переводить помещение в нежилой фонд, чего я не могла сделать в силу того, что эта квартира была моим единственным жильём. Да и серьёзно заниматься музеем времени не было, ведь я продолжала работать, преподавать в вузе, занималась научной и общественной работой. Поэтому музей Юона так и продолжал оставаться моим домашним музеем, экспонатами которого вдохновлялась по преимуществу я сама, надеясь, что в дальнейшем жизнь сама подскажет мне решение этой проблемы. А пока я начала писать книгу о художнике Константине Юоне и его учениках. Работа над книгой натолкнула меня на мысль: а почему бы мне не начать вести историческую хронику этого уникального дома на Арбате, жизнь которого тесно связана с событиями, происходящими в этом районе Москвы, в нашей стране, с личной жизнью каждого человека, волею судьбы оказавшегося на подмостках этой своеобразной сцены? Возможно, нашим современникам и их потомкам будет интересно узнать, чем жили, о чём думали жители нынешнего Арбата, как они общались между собой, что их волновало и как они решали свои проблемы. Удалась ли мне эта арбатская летопись начала нового века, судить читателю.

2014 год

1 апреля 2014 года, вторник.

Сегодня мне позвонили из управы района Арбат и предложили стать советником нового её руководителя Максима Дерюгина. Я «засветилась» в нашей управе в результате долговременного конфликта, который возник в нашем доме после появления в нём новых собственников.

В начале 2000-х годов мне пришлось пережить что-то, очень похожее на попытку рейдерского захвата моей квартиры. Хорошо известна старая истина о том, что как только у человека появляется что-то ценное, сразу же откуда-то возникают и люди, которые хотели бы это у него отнять. Подтверждение тому – толпы бездомных бомжей, наводнивших Москву после начала жилищной приватизации. И ещё большая толпа безвестно пропавших одиноких пенсионеров – собственников квартир, которых никто не искал и не собирается искать после их исчезновения. Возможно, что я тоже могла бы однажды пополнить их ряды.

Началось с того, что расположенную надо мной квартиру № 3 приобрела какая-то риелторская фирма. Квартира эта относилась к категории так называемого «вымороченного» жилья, перед приватизацией в ней жил со своей женой бывший директор гастронома, который располагался в доме на углу Арбата и Большого Афанасьевского переулка (тогда он назывался улицей Мясковского). Дом в начале 90-х пошёл под реконструкцию. За право проводить эту реконструкцию боролось несколько инвесторов. Тогдашний глава Арбатской управы, видимо, то ли кому-то что-то пообещал и не выполнил обещанного, то ли не хотел идти на какие-то сделки, но однажды его просто-напросто пристрелили в его же собственном подъезде. После реконструкции дома гастроном так и не вернулся на прежнее место, а директор с женой куда-то исчезли. Их место в квартире № 3 заняла та самая риелторская фирма, которая стала присматриваться к моей квартире. Юрист фирмы, молодой коренастый парень с разноцветными глазами, стал ласково предлагать мне свои услуги: подыскать подходящий обмен для моей квартиры, но, так и не найдя отклика, вплотную занялся ремонтом. Года два я днём и ночью слушала стук молотков и рёв болгарки над своей головой, а в завершение в результате этого ремонта в моей квартире обрушился потолок.

Я была в отчаянии. Юрист пришёл осмотреть содеянное и со словами соболезнования предложил мне в качестве компенсации

обменять мою полуразрушенную квартиру на их, только что отремонтированную. Соблазн был велик. Но, взглянув в разноцветные глаза юриста, с непонятным азартом ожидавшего моего ответа, я поняла, что это ловушка. Я вежливо отказалась от предложения и сказала, что буду требовать от их фирмы компенсации нанесённого мне материального ущерба. Пришлось познакомиться с хозяйкой риелторской фирмы. Ею оказалась миловидная девица родом из Саратова. Она с пониманием отнеслась к моим проблемам и пообещала сразу же после сдачи квартиры в аренду возместить ущерб. Я простодушно согласилась подождать. Но квартиру никто и не собирался сдавать в аренду. Её вскоре продали, причём довольно странным образом. Девица вначале продала эту квартиру своему юристу, тот, в свою очередь, продал её своей маме, а уже мама продала эту квартиру новым жильцам. Ну а бывшие владельцы квартиры, так и не выплатив мне обещанного возмещения, исчезли в неизвестном направлении.

Разумеется, предъявлять претензии новому собственнику было бесполезно. Пришлось разыскивать даму из Саратова по всей Москве, чтобы предъявить ей судебный иск о возмещении ущерба. Искать пришлось долго: дама постоянно меняла места своего проживания, соответственно, и мне тоже приходилось обращаться в разные суды, но в какой-то момент она, видимо, расслабилась, потеряла бдительность, и мне удалось-таки её настигнуть и вытащить в мировой суд района Люберцы, где обнаружилось последнее место её регистрации. Когда она пришла в суд, я не сразу узнала в располневшей неопрятной женщине ту самую миловидную особу, которая так убедительно обещала мне при первой же возможности возместить нанесённый моей квартире ущерб.

Оказывается, женщина последний год провела в тюрьме, куда её засадил тот самый юрист со своей мамашей. Я даже пожалела о том, что с таким усердием преследовала её все эти годы. Но дело было сделано. Она оплатила мне свой долг, который я великодушно не стала индексировать на прошедшую за это время инфляцию и даже извинилась перед ней. В ответ она как-то загадочно улыбнулась и спросила меня, кто теперь хозяин квартиры № 3? Тогда я ещё не знала этого и ничего ей не ответила. Теперь думаю, что надо было бы расспросить её об этом подробнее. Возможно, что она рассказала бы мне много интересного.

Новый жилец квартиры № 3 Виктор Тарасов, невысокий светловолосый крепыш с цепким взглядом мутноватых серо-голубых глаз, сам нашёл меня. Он оказался одержим идеей

создания ТСЖ – товарищества собственников жилья. Я отнеслась к идее создания ТСЖ довольно сдержанно: жилищные товарищества уже давно перестали быть какой-то экзотикой, вроде товарищества на Солянке, по образу и подобию которого в своё время создавалось и коммерческое товарищество в нашем доме. Уже давно был принят закон «О товариществах собственников жилья», в Москве были созданы сотни ТСЖ, которые брали в свои руки управление и обслуживание домов, сдачу в аренду находящихся в этих домах нежилых помещений, принадлежащих городу, получение средств от размещённых на фасадах домов рекламы и т. п. Но появление денег, а иногда это были очень большие деньги, многих стало буквально сводить с ума. Первых энтузиастов-романтиков в ТСЖ быстро сменили практичные прагматики, которые стали распоряжаться общественными деньгами как своими собственными. Люди, которых выбирали сами жители, чтобы избежать воровства и поборов государственных управляющих компаний, оказались в этом отношении ничуть не лучше, а зачастую даже намного хуже тех государственных чиновников от ЖКХ, которые раньше управляли их домами. И контролировать их оказалось совсем не просто. Конечно, были и другие ТСЖ, которые старались улучшить жизнь в своих домах, но почему-то их оказалось гораздо меньше.

Первый звоночек прозвенел в знаменитом доме на Солянке, где, к моему удивлению, жители стали жаловаться на своё товарищество, создания которого так долго добивались.

– А вы знаете, какую зарплату установил себе Басаргин? А какие шубы покупает себе Крылова? – задала мне сакраментальный вопрос одна из бывших активисток этого дома. – Они и свой банк «Жилкредит» создали специально для того, чтобы лучше было уводить деньги от аренды нежилых помещений! И театр в доме открыли, чтобы легче было деньги отмывать!

Не поверив, я решила выяснить правду у самих создателей товарищества на Солянке.

– А что же они хотят, чтобы мы всё для них делали бесплатно? Сами имеют в собственности квартиры, машины, даже грузовики, а хотят, чтобы мы с Басаргиным ходили в рубище и носили онучи, – обиженно развела руками Татьяна Крылова.

Несмотря на то что жители дома продолжали жаловаться во все инстанции вплоть до ФСБ, товарищество на Солянке продолжало функционировать и успешно выигрывало суды и у недовольных жильцов, и у московских чиновников, которые требовали обещанного капитального ремонта в доме на Солянке.

ТСЖ не спешило начинать дорогостоящий ремонт, ссылаясь на нехватку денег.

С приходом нового мэра Собянина ситуация изменилась: новые власти серьёзно взялись за возвращение городу его собственности и доходов от её аренды. Недавно мне попалась на глаза заметка в одной московской газете, которая называлась «Колдунам не место на Солянке», где сообщалось о разгроме помещений, сданных в аренду товариществом на Солянке. Одно из них якобы было сдано каким-то экстрасенсам-колдунам. В качестве доказательства в газете была опубликована фотография «колдовского» помещения с почему-то явно православными иконами и зажжёнными перед ними свечами.

Виктор Тарасов не жалел слов, расписывая мне свои планы: сначала приватизировать землю под домом, потом взять под неё кредит и сделать надстройку нескольких этажей, устроить там мансарды, продать или сдавать их в аренду и делить вырученные деньги между членами ТСЖ. Я пришла в ужас от этих планов: какая такая надстройка, в ветхом доме XIX века постройки, где уже сто лет не было капитального ремонта? Он что же, хочет превратить наш дом в аварийный? Чтобы жильцов из него выселили? И вообще, кто ему разрешит делать надстройку в памятнике истории и культуры?

Я привела ему в пример пристройку к нашему дому, которую тоже начал делать один предприимчивый арендатор, после чего в соседнем подъезде появились трещины на стенах. Один из жильцов дома начал писать жалобы, судиться, и стройку прекратили. Сейчас это уродливое незаконченное строение стоит, затянутое зелёной сеткой, и дальнейшая судьба его не известна. А ведь в него уже вложили кучу денег! Наверняка под это дело набрали кредитов. Не позавидуешь теперь инициатору этой стройки-пристройки!

Однако мои доводы не произвели на молодого человека никакого впечатления. Он продолжил свою бурную деятельность, и ему удалось даже добиться снятия с дома статуса памятника истории и культуры. Москомнаследие в то время очень охотно откликалось на просьбы жильцов подобного рода и легко отдавало исторические здания. Ведь за дом-памятник надо нести ответственность, а тут жильцы берут всё это на себя!

К просьбам Тарасова подписать какое-то коллективное письмо с указанием данных паспорта и номера свидетельства о собственности я отнеслась довольно настороженно, памятуя о бывших собственниках «нехорошей» квартиры № 3.

Его иномарку не пускали на стоянку возле дома, и ему срочно понадобился статус старшего по подъезду, чтобы

разогнать обидчиков. Потом я всё же подписала ему бумагу, Тарасов получил удостоверение старшего по подъезду и начал уже сам гонять «чужие» машины, размахивая полученными «корочками».

Получив какой-никакой официальный статус, новоиспечённый начальник по подъезду потребовал ключи у управляющей компании и принялся обследовать закоулки дома в надежде найти свободные помещения для сдачи в аренду. Его внимание сразу же привлекла моя запасная дверь в музей, и он, видимо, решил, что, пожалуй, здесь можно будет поживиться. Однажды, придя вечером после работы, я обнаружила на соседней площадке напротив своей квартиры сидящего прямо на ступеньках бомжа, который не сводил глаз с двери в музей. Бомж сидел в подъезде дни и ночи напролёт, прилежно ведя наблюдение. Выяснилось, что его привёл тот же Виктор Тарасов. Однако когда я стала задавать ему вопросы, он только отмахнулся, сказав, что этот бомж безвредный, и пусть себе живёт в подъезде. Заодно начал выяснять у меня, кто занимает помещение за музейной дверью. Тут я всё поняла и объяснила ему, что это отдельная дверь в музей Константина Юона, который находится в моей квартире.

Виктор Тарасов опять завёл разговор о ТСЖ, но и на этот раз я категорически отказалась поддержать его инициативу. Парень оказался злопамятным, и через некоторое время ко мне с инспекцией заявились двое проверяющих, которые сообщили, что поступил сигнал о незаконном функционировании в квартире музея. Я любезно провела их по комнатам, показала картины и сказала, что музей мой личный, и пока нет возможности сделать его открытым. Когда такая возможность появится, я обязательно получу все необходимые разрешения. Хотя проверяющие отказались сообщить мне, кто автор поступившего сигнала, я сразу догадалась, чьих это рук дело.

Новый жилец каким-то образом всё же сумел зарегистрировать ТСЖ в нашем доме. Председателем ТСЖ стала его родственница, Тарасова Надежда Валентиновна, как выяснилось позже, его мама. Она здесь никогда не появлялась и жила совсем в другом месте, на окраине Москвы, являясь, однако, собственницей квартиры на Арбате. После своего избрания она тут же передала полномочия и оформила доверенность на Виктора Тарасова, который, оказывается, вовсе не был собственником, за которого себя выдавал.

Я слышала, что в Москве действует упрощённый порядок регистрации ТСЖ, но всё же было непонятно, каким образом удалось зарегистрировать ТСЖ с таким странным председателем,

который не живёт в доме? И было ли вообще собрание? Или Тарасов сам за всех расписался и отправил документы на регистрацию? Но я не стала вмешиваться в процесс: пусть парень попробует свои силы, наберётся опыта. Может, и будет от этого какой-то толк. Хотя бы для переговоров с управляющей компанией по разным вопросам, связанным с обслуживанием дома. Но оказалось, что я напрасно отнеслась к этому так легкомысленно.

Через некоторое время в подъезде опять появились бомжи. Грязные, опустившиеся люди сидели и лежали на лестничных площадках под батареями и на ступеньках. С каждым днём их становилось всё больше и больше. Дело было зимой, на улице стояли сильные морозы. Непонятно было, как эти люди вообще узнали код нашего домофона и смогли попасть в подъезд. Я позвонила по телефону в городскую службу «Социальный патруль», которая в Москве занимается бездомными. Мне сказали, что в сильные холода их принимают в ночлежку. Я вышла к бомжам и предложила им поехать на вокзал, где круглосуточно дежурит автобус «Социального патруля», он отвезёт их в Дом ночного пребывания в Марьино, где их накормят, продезинфицируют, выдадут тёплую одежду, желающим дадут направление на работу. Во всяком случае, зимой там можно будет пожить бесплатно и в тепле.

Бродяги послушали меня и уехали на вокзал. Какое-то время в подъезде их не было, а потом один из них вернулся. В новой экипировке, которую ему выдали в Марьино, он по-хозяйски развалился у батареи и лежал там круглые сутки, никуда не выходя. «Почему вы вернулись?» – спросила я у него. «Там плохо кормят, – ответил он. – А здесь из ночного кафе “Евразия” после банкетов мне приносят и закуску, и выпивку». Мне нечего было ему ответить, и я ушла, размышляя о том, что бы всё это значило и кто же снабжает бомжей в нашем подъезде выпивкой и закуской?

Вопрос разрешился, когда однажды, придя домой, я обнаружила в подъезде непонятное оживление. Какой-то молодой человек в комбинезоне ловко вывинчивал старый домофон и устанавливал новый. Рядом стояли жильцы из нашего подъезда. Мы познакомились. Это оказались новые собственники 4-й квартиры, которая расположена выше этажом напротив квартиры Тарасова: высокий худощавый молодой человек романтической внешности с нежным, как у девушки, лицом, и стоявшая поодаль женщина бальзаковского возраста, которую я сначала приняла за его маму. Оказалось, что это не мама, а жена молодого человека.

– Вы Смирнова Ирина Анатольевна? Это правда, что вы

имеете какое-то отношение к маршалу Коневу? – обрадовалась я. Когда-то покойная Вера Петровна Кустова из 8-й квартиры, которая знала все новости в нашем доме, сообщила мне о том, что в 4-ю квартиру заселились родственники знаменитого маршала Ивана Конева.

– Это был мой муж, но он уже умер, – подтвердила женщина. – Мы жили в доме на Сивцеве Вражке, который пошёл под снос, а нам взамен дали эту квартиру на Арбате. Мы редко здесь бываем, больше обитаем на даче в Малаховке. Но вчера специально приехали, чтобы поучаствовать в собрании по выбору новой управляющей компании.

– Первый раз об этом слышу, – удивилась я. – Что это за новая управляющая компания?

– Новая управляющая компания называется «Арбат-сервис». Очень хорошая компания. Вы сами видите, только вчера мы её выбрали, а сегодня она уже наводит порядок, меняет домофон в подъезде, – сообщил мне молодой муж дамы, который отрекомендовался как Геннадий Викторович Харитонов, предприниматель по продаже бижутерии.

– А зачем нужно было менять управляющую компанию, ведь совсем недавно наш дом начала обслуживать новая государственная компания ГУП ДЕЗ «Арбат»? – недоумённо спросила я.

– Потому что нас всех достали бомжи. Мы хотим приходить в нормальный чистый подъезд. Поэтому мы все и проголосовали на собрании за новую управляющую компанию «Арбат-сервис»! – заявил молодой человек.

– Какое отношение управляющая компания имеет к бомжам? – удивилась я. – Бомжи – это дело полиции, куда должны звонить в этих случаях сами жители. А что это за управляющая компания «Арбат-сервис», где она находится и как её можно будет найти?

– Вообще-то я не знаю, как туда звонить, надо спросить у Виктора Тарасова, это он предложил нам эту компанию, а мы проголосовали, – замялся молодой человек и убеждённо добавил: – Но дальше терпеть этих бомжей в подъезде было уже невозможно!

– А где гарантия, что бомжи не узнают и код нового домофона? И вообще, может быть, проще было перепрограммировать старый домофон, а не ставить новый? Кстати, какой тариф на обслуживание у этой новой управляющей компании?

– Тариф на обслуживание? Это что? Я не знаю, спросите у Тарасова, – занервничал молодой человек.

– А почему вас не было вчера на собрании? – пришла на выручку своему спутнику пожилая дама. – Все эти вопросы вы могли бы сами задать на собрании.

– Я не была, потому что не знала об этом собрании, мне никто не сообщил об этом.

– А это объявление вы читали? – указала женщина на доску объявлений, на которой кто-то уже заботливо сменил вывеску с названием прежней управляющей компании и поместил новую вывеску с названием «Управляющая компания “Арбат-сервис”».

– Как-то даже не обратила внимания на это объявление. Но вообще-то мне кажется, что такой серьёзный вопрос, как выбор новой управляющей компании, не должен решаться с помощью объявления на заборе. Можно было бы и сообщить мне хотя бы по телефону о том, что будет собрание. Кто из собственников там присутствовал? И какие ещё вопросы там обсуждались?

– Вчера все собственники из нашего дома написали заявления о вступлении в ТСЖ, созданное в нашем доме Виктором Тарасовым. Вы тоже можете в него вступить, – предложил молодой муж дамы.

Я попыталась выяснить у них, когда и как было создано это ТСЖ, но ничего не добилась.

– Вся эта история с бомжами всех убедила в том, что надо что-то менять в нашем доме. Мы должны, наконец, сами взять в свои руки управление домом и стать его хозяевами! – как мантру, убеждённо повторяли дама и её молодой супруг.

Я не стала их переубеждать и решила сама выяснить, что это за новая управляющая компания «Арбат-сервис» появилась у нас в доме. В Интернете никаких сведений об этой компании я не нашла и стала звонить в Единый расчётный центр. Там тоже ничего не слыхали о ней. Обнаружить её удалось совершенно случайно. Не так давно в нашем доме вместо исторической аптеки открылся ночной караоке-клуб «Евразия», который установил музыкальный центр как раз под моей квартирой. Жизнь превратилась в сущий ад. Промучившись несколько месяцев, я стала искать возможности воздействия на нарушителей тишины в ночное время, и мне посоветовали объединить усилия с некой Людмилой Королёвой, которая давно активно добивается тишины на Арбате, борется с уличными музыкантами, использующими звукоусиливающую аппаратуру.

Людмила Королёва оказалась хозяйкой «Арбатской лавицы», магазина сувениров на противоположном от нашего дома углу Староконюшенного переулка и Арбата. Крепкая, довольно упитанная дама лет 50–60, с настороженным взглядом серо-голубых глаз чем-то напомнила мне Виктора Тарасова. Она

довольно любезно ответила на мои вопросы. Правда, ничего нового не сообщила, кроме того что надо беспрерывно жаловаться во все инстанции. Зато когда я решила заодно спросить у неё, знает ли она что-нибудь об управляющей компании «Арбат-сервис», выяснилось, что эта компания обслуживает её дом № 41 в Староконюшенном переулке, где Королёва тоже организовала ТСЖ. На ловца и зверь бежит. Во время нашего разговора появился и директор этой управляющей компании Валерий Васильевич Ратушняк, небольшого роста чернявый мужичок с хитрыми, блестящими, как маслины, глазами, которого Королёва по-свойски называла просто Валерой.

– А какой будет тариф на обслуживание в нашем доме? – сразу поинтересовалась я у Ратушняка.

– 19 рублей 50 копеек за квадратный метр, – заявил Валера.

– Ну вы даёте! – воскликнула я. – Прежняя управляющая компания обслуживала нас по ставкам правительства Москвы, у меня в платёжке тариф 7 рублей 50 копеек, а с учётом моей ветеранской льготы вообще получается половина и этой суммы. Значит, мне теперь придётся платить за ЖКХ почти в пять раз больше, чем я платила раньше?

– А вы из какого подъезда будете? – ехидно осведомился Валера.

– Из первого.

– А, это там, где были бомжи? – многозначительно протянул он.

– Так, наверное, вы и устроили весь этот спектакль с бомжами? – догадалась я. – И за какие такие услуги вы собираетесь брать с нас 19,50? Вот рядом с нами, в бывшем цековском доме на Староконюшенном-32, управляющая компания берёт 15 рублей за квадратный метр, так у них сидит консьержка, ковры и пальмы в подъезде. Что же можно сделать в нашем доме такого особенного, чтобы брать за это 19,50? Для консьержки у нас и места нет…

– А что можно сделать за 7,50? – грудью встала на его защиту Королёва.

– С одного квадратного метра, – уточнила я.

– Да ничего вы не сделаете в доме за эти деньги! – заспорила она со мной.

– Очень много можно сделать! Во всяком случае, старой компании хватало этих денег, – возразила я.

– Да кому вообще нужен ваш дом, эта рухлядь! Скажите спасибо, что Валера вообще согласился взять его на обслуживание! Он и не такие дома обслуживает! Если хотите знать, 19,50 – это он с вас ещё по-божески будет брать. Вот,

например, в нашем доме жильцы платят не 19,50, а 30 рублей, а в доме на Арбат-31, там вообще жильцы платят Валере 80 рублей. Есть такие дома, что и 100, и 500 рублей с квадратного метра берут за обслуживание!

– Ну знаете, я не могу платить такие деньги управляющей компании, – опешила я. – У меня нет магазина, как у вас, я простой профессор, для меня даже 15 рублей, как в бывшем цековском доме, – это много.

– Ну вот и сидите тогда в грязи, со своими бомжами, – бросила на прощанье Королёва и ушла к себе в подсобку.

– А вы вообще-то хотя бы сказали жителям на собрании о том, что плата повысится? – обратилась я к Валере. – Да они же устроят восстание, когда получат ваши платёжки!

– Не устроят, – усмехнулся Валера.

После этого разговора я решила позвонить жильцам дома № 41 по Староконюшенному переулку, который обслуживает компания «Арбат-сервис», чтобы разузнать об этой компании. Выяснилось, что далеко не все жильцы дома довольны её работой и вообще подозревают, что Валера с Королёвой, которая привела его в дом, дружно «пилят» вдвоём деньги, но за руку поймать их невозможно, вот жильцы и терпят, потому что переизбрать Королёву и вернуться в государственную управляющую компанию оказалось непросто – часть жителей её поддерживает, а другая часть собственников вообще в доме не появляется, сдавая свои квартиры в аренду. Счета за коммунальные услуги им присылают астрономические, самые маленькие по 15 тысяч рублей в месяц за обычную трёхкомнатную квартиру, льготы управляющая компания не оплачивает. Не все жильцы в состоянии платить такие деньги, и тех, кто не может платить, Королёва с Валерой таскают по судам. Другие платят, потому что им обещали за эти деньги отремонтировать чердак и начать сдавать его в аренду, тогда вроде бы деньги от аренды пустят на частичную оплату счетов за ЖКХ.

– Королёва вообще хотела, чтобы «Арбат-сервис» обслуживал все дома на Арбате, но пока у Ратушняка здесь только несколько домов, – по секрету сообщили мне.

Всё это мне очень не понравилось, и я решила обратиться в Жилинспекцию, чтобы она проверила законность появления в нашем доме и ТСЖ, и этой новой подозрительной управляющей компании «Арбат-сервис».

Тем временем Тарасов всё больше входил в роль «начальника» дома. Спустя несколько дней после установки нового домофона он позвонил в мою квартиру. Я открыла дверь и вопросительно посмотрела на него.

– Мне можно войти? – по-хозяйски спросил он и попытался нахально протиснуться в дверь.

– Нет, нельзя, – строго остановила его я. – Говорите, что у вас за дело ко мне.

– Мне все уже заплатили за установку нового домофона, только вы остались. С вас четыре тысячи рублей, – деловито сообщил он.

– А вы обращались в нашу управляющую компанию ГУП ДЕЗ «Арбат» с заявкой на установку нового домофона? Насколько мне известно, управляющая компания должна бесплатно устанавливать домофон в подъезде – это вопрос безопасности, на это выделяются специальные средства.

– Да, три раза обращался, они отказали, – явно соврал в ответ Тарасов.

– Тогда покажите мне копию вашей заявки с отметкой о том, что вы её подавали, – потребовала я. – И где сам счёт за установку домофона? Я спрашивала: мастер взял за работу 9 тысяч рублей, коробка стоит самое большее 5 тысяч. Итого максимум в 15–20 тысяч рублей обошлась установка домофона. Я знаю, что с арендаторов в нашем подъезде вы уже взяли 20 тысяч, значит, жильцам платить ничего не нужно! До свидания! И вообще, я собираюсь проверить законность вашего ТСЖ и новой управляющей компании. Вы обязаны были уведомить всех жильцов о проведении собраний, но не сделали этого.

– Я не виноват, что вы не открываете дверь, я приходил и звонил в дверь, чтобы пригласить вас на собрание, – пробормотал Виктор. Видимо, он не ожидал такого поворота дела.

– По закону инициатор собрания обязан известить всех собственников за десять дней под роспись или по почте. Это же серьёзное дело – создание ТСЖ и выбор другой управляющей компании!

– Согласен, что серьёзное. Вот и давайте завтра вечером проведём собрание, – сказал Тарасов. – Вот я вас сейчас приглашаю на это собрание, где мы и обсудим этот вопрос с другими жильцами.

– Поздно, я уже отправила заявление в Жилищную инспекцию с просьбой проверить легитимность ваших собраний. И по созданию ТСЖ, и по выбору новой управляющей компании. Поэтому собираться до окончания проверки нет смысла.

Однако на следующий день часов в восемь вечера пришла целая компания: Харитонов из 4-й, Карапетян из 5-й и Боровинских из 7-й квартиры, которые начали настойчиво звонить в мою дверь. Сам Тарасов, прислав гонцов, сам почему-то остался внизу.

Меньше всего мне хотелось поздно вечером устраивать в безлюдном подъезде разборки с четырьмя малознакомыми мужчинами. Кто их знает, что у них на уме? А может, Тарасов решил устроить мне «тёмную» за то, что я не заплатила за домофон? Поэтому я благоразумно через дверь ответила им, что сейчас не могу выйти. Но они продолжали упорно трезвонить в дверь.

– Вот теперь вы все свидетели, что она не открывает дверь, – послышался за дверью голос Виктора Тарасова, который поднялся наверх и тоже присоединился к своим товарищам. Видимо, он таким образом решил подготовиться к предстоящей проверке Жилинспекции и начал искать союзников, чтобы с их помощью обвинить меня в том, что я не открываю дверь.

На следующий день я сама позвонила сначала Карапетяну, потом Харитонову и объяснила им, что это неприлично – без предупреждения приходить в гости к женщине, и попросила в следующий раз вообще не приходить ко мне домой, когда им вздумается, а звонить по телефону. Заодно предложила им забрать у Тарасова те 4 тысячи рублей, которые они ему заплатили за домофон, и посоветовала впредь проверять этого шустрого парня, который, судя по всему, нечист на руку. К моему удивлению, этим я только подняла в их глазах его авторитет: Харитонов выразил своё восхищение ловкостью этого прохвоста, Гарик Карапетян тоже зауважал его ещё больше и сказал, что он не будет требовать у него назад уплаченных за домофон денег.

Осталось ждать результатов проверки Жилинспекции, но она почему-то затягивалась.

Наверное, информация обо всех этих боях местного значения каким-то образом дошла до управы, потому что сегодня, 1 апреля 2014 года, мне позвонила Людмила Алексеевна Трайгель – специалист управы по работе с общественностью. Она сказала, что в Москве по распоряжению мэра Сергея Собянина создаётся новый институт общественных советников, которые должны стать связующим звеном между жителями дома и управой района Арбат, и сейчас они подбирают активных жильцов, чтобы через них поддерживать эту связь.

Для начала она попросила меня провести телефонный опрос жителей дома по двум вопросам: первый – удобнее ли стало жить на Арбате, и второй – готов ли житель сотрудничать с управой для решения проблем нашего района? В анкете была ещё одна графа «Примечание», где нужно было по результатам опроса дать краткую характеристику проживающих в квартире на предмет благополучия семьи, наличия беспризорных детей и инвалидов, а также указать, на что жалуются жители.

Заодно Людмила Алексеевна пригласила меня сегодня вечером прийти на встречу нового главы управы Максима Дерюгина с жителями района. Встреча должна состояться в Досуговом центре на Смоленской набережной.

Такие встречи стали проходить тоже по настоянию нового мэра Собянина, который обязал глав управ и префектур города регулярно каждый месяц встречаться с жителями и выслушивать их жалобы. Раньше я никогда не бывала на таких встречах и охотно согласилась прийти. Дождавшись вечера, я отправилась в Досуговый центр.

Встреча проходила в довольно тесном помещении, за столом президиума сидел глава управы Максим Дерюгин. Это был молодой человек интеллигентного вида, лет тридцати, в очках. Видимо, он немного волновался перед встречей, хотя внешне старался сохранять спокойствие и невозмутимость.

Я хотела задать ему свой вопрос по ночному кафе «Евразия», но какая-то женщина меня опередила и задала похожий вопрос по ночному магазину в их доме, торгующему по ночам спиртными напитками. Дерюгин довольно твёрдо заявил, что помещения на первом этаже их дома – частная собственность, управа не имеет никакого отношения к арендаторам этих помещений, и все претензии жильцы должны адресовать собственникам. Что касается работы магазина, то управа, согласно последним решениям правительства Российской Федерации, не имеет права вмешиваться в работу малого бизнеса. Он посоветовал при нарушениях тишины в ночное время звонить по телефону 02 и вызывать наряд полиции.

Я подумала про себя, что уже давно следую этой схеме и вызывала полицию десятки раз. Но толку от этих вызовов не было никакого. Сразу после отъезда наряда всё начиналось сначала. Но я не стала задавать свои вопросы Дерюгину. Видимо, он действительно ничего не может поделать с неподотчётными ему арендаторами, по которым, тем не менее, неудобные вопросы задают именно ему. Я сидела на самой последней скамейке. Сзади меня стояли муниципальные депутаты во главе с руководителем тоже недавно избранного Муниципального собрания района Арбат Евгением Бабенко. Он громко комментировал вопросы жителей, по которым он уже был в курсе дела.

На следующий день с заполненными анкетами я пришла к Людмиле Алексеевне Трайгель.

– Как у вас прошёл опрос? – деловито осведомилась она. – Со всеми жильцами удалось связаться?

– Я обзвонила почти всех жителей нашего дома. Надо сказать,

что неблагополучных семей у нас нет, а новые собственники – люди, судя по всему, не бедные. Все готовы сотрудничать с управой, но практически все отмечают ухудшение жизни на Арбате за последнее время, хотя многие живут здесь не так давно, – доложила я.

– Давайте начнём по порядку. Итак, первая квартира – это ваша? Вы ветеран труда, доктор экономических наук, преподаёте в вузе, живёте здесь с 1982 года. И вы тоже считаете, что жизнь на Арбате ухудшилась? – пробежав глазами анкету, она вопросительно подняла на меня глаза.

– Я написала в примечании, почему она ухудшилась: раньше в нашем доме была тихая аптека, а теперь ночное кафе, которое не даёт мне спать по ночам. И самое главное – с нарушителями спокойствия ничего нельзя поделать: полиция не может с ними справиться, – объяснила я.

– Ладно. Идём дальше – квартира № 2 – долгосрочная аренда Городского психоневрологического центра правительства Москвы. Что это за центр?

– Этот центр арендует помещение площадью почти 400 квадратных метров в нашем доме очень давно. Сейчас он консультирует будущих мам. Ходят туда толпами, дверь в подъезд не закрывается. Конечно, для жилого подъезда это определённое неудобство, особенно для меня, потому что центр находится со мной на одной лестничной площадке, и ко мне в квартиру постоянно звонят по ошибке его пациентки, но я на это не в обиде, пусть звонят, я к этому привыкла, пусть уж лучше будет консультация для беременных, чем какой-нибудь хостел, как в 7-й квартире в соседнем подъезде.

– Хорошо. Квартира № 3. Что о ней скажете?

– Собственником этой квартиры площадью 120 квадратных метров числится Тарасова Надежда Валентиновна. Именно числится, потому что я ни разу не видела её. Знакома только с её сыном Виктором Тарасовым, который в апреле прошлого года вроде бы создал в нашем доме ТСЖ. Я говорю «вроде бы», потому что сама не была на этом собрании и не знаю, кто там присутствовал, был ли на собрании кворум и, вообще, было ли оно на самом деле. До поры до времени я этим особо не заморачивалась: ТСЖ так ТСЖ. Но недавно это ТСЖ привело в дом частную управляющую компанию «Арбат-сервис», которая намерена брать за обслуживание в несколько раз больше недавно назначенной в наш дом государственной компании ГУП ДЕЗ «Арбат», которая обслуживала по городским ставкам, установленным правительством Москвы. Это уже меня тревожит. Тем более что, как я выяснила, репутация у этой компании не

очень хорошая.

– И жители согласны платить больше, чем прежней государственной управляющей компании? – удивилась Людмила Алексеевна.

– Я не была на собрании, но догадываюсь, что жителям могли пообещать обустроить чердаки, которые потом можно будет сдавать в аренду, и за счёт этого вообще в дальнейшем избавить их от оплаты ЖКХ. Такими планами Тарасов когда-то делился и со мной. Идея действительно выглядит заманчиво, вот только я сомневаюсь, что жителям что-то от этого достанется. Скорее всего, под этим соусом будут годами тянуть из них деньги, как в соседнем доме в Староконюшенном переулке, который обслуживает эта компания. Да учитывая, что оборудовать чердак будут без разрешительных документов, потому как на ветхий дом им никогда не дадут такого разрешения, ещё придётся платить и штрафы. А потом, может быть, за свой счёт и сносить незаконную постройку.

– В некоторых домах на Арбате уже такие проблемы возникли, – заметила Людмила Алексеевна. – Дом Жолтовского на Смоленской площади, где находится вход в старое метро «Смоленская», Каковинский переулок. Ваши жители знают об этом?

– Дело в том, что в соседнем подъезде жители на последнем этаже ещё и очень страдают от того, что через пристройку к дому, которую законсервировали как незаконную, на чердак проникают бомжи и наркоманы. Поэтому некоторые жильцы готовы платить больше новой управляющей компании, которая пообещала им решить эту чердачную проблему. Это же очень заманчиво – и проблему с чердаком решить, и заодно ещё и получать от аренды чердака деньги! А для начала пообещала разобрать незаконную пристройку. Правда, я слышала, что однажды её уже собирались разбирать, но объявился её собственник. В своё время ему дали разрешение на земельный отвод под временную пивную палатку, а он стал сооружать на ней капитальное строение, примыкающее к дому. Дом покосился, в квартирах появились трещины, один из жителей подал в суд, и стройку законсервировали. Хотели разобрать пристройку, но её хозяин тоже подал в суд за посягательство на его частную собственность, и, пока идёт разбирательство, всё приостановилось.

– Когда пристройку хотели разобрать, хозяин этой пристройки вышел с ружьём, – многозначительно посмотрев на меня, сообщила Людмила Алексеевна.

– А квартиру Виктора Батенкова, который обращался с иском в суд, чтобы убрали эту незаконную пристройку, пытались

поджечь: под дверь кто-то залил бензин и бросил спичку. Приезжали пожарные машины, жителей эвакуировали. Кстати, этот Виктор Батенков недавно скоропостижно скончался. Говорят, от сердечного приступа. Между прочим, ещё довольно молодой мужчина.

– Итак, двигаемся дальше. Квартира 4, – нахмурилась Трайгель.

– Здесь тоже новые собственники, вернее собственница, Смирнова Ирина Анатольевна, говорит, что она бывшая жена маршала Ивана Конева. Видимо, после его смерти она ещё раз вышла замуж и сменила фамилию. Сейчас Ирина Анатольевна вместе со своим новым мужем Геннадием Харитоновым постоянно живёт в загородном доме в Малаховке, а в квартире на Арбате они бывают наездами, в ней живёт её взрослая дочь от другого брака. Квартира довольно большая, больше 160 квадратных метров, в ней шесть комнат. Кажется, они пустуют, но собственники не против того, чтобы принимать участие в делах дома.

– Ну хорошо, идём дальше. Квартира 5.

– Здесь тоже 6 комнат, но поменьше: на 130 квадратных метрах живёт большая армянская семья бывших беженцев из Карабаха, хозяйка квартиры Карапетян (Никитина) Марета Вагаршаковна. Она вышла замуж за жителя коммуналки в нашем доме Анатолия Никитина. Никитин лечился от алкоголизма, потом сидел в тюрьме, вернулся на костылях, без одной ноги. Потом вообще куда-то исчез. Марета мне сказала, что она устроила его в какой-то пансионат. В квартире прописаны сын Мареты Гарик Карапетян, его жена, два сына, дочь, сестра, племянница, всего человек семь. Марета в своё время организовала коллективное письмо по кафе, которые установили вытяжную вентиляцию, с соответствующими запахами и круглосуточным гулом под окнами жителей. Но мы ничего не добились, и сейчас она уехала к своему второму сыну, который живёт в США.

– Хорошо, идём дальше. Что за квартира 5а?

– Это самая маленькая квартира в нашем доме, в ней две крохотные комнатки с общей площадью 55 квадратных метров. Раньше это была комната с кухней, там жила бывшая дворничиха Марья Ивановна Лексина. Она давно умерла, а хозяин квартиры сейчас – человек по фамилии Джаббаров. Он в ней не живёт, сдаёт в аренду какой-то турецкой фирме. Итого в первом подъезде 6 квартир. Остальные три квартиры нашего дома находятся во втором подъезде.

– А там кто живёт?

– В квартире № 6 на втором этаже уже много лет живёт старейшая жительница нашего дома и коренная москвичка, 92-летняя Александра Андреевна Гусева. Общая площадь квартиры – больше 140 квадратных метров, шесть комнат. Раньше здесь была большая коммуналка.

– У вас написано, что Гусева – участник Великой Отечественной войны. Её посещает социальная городская служба? – поинтересовалась Трайгель.

– Она не только участник, но и дочь погибшего на войне. На войне она служила в войсках связи. С ней сейчас живёт её внучка Ирина Витальевна Покровская, очень состоятельная женщина, которая помогла ей выкупить всю квартиру и заключила с ней договор ренты с пожизненным содержанием, и сейчас она ухаживает за бабушкой. Социальные работники старушку тоже навещают.

– Вот и хорошо, значит, с этим ветераном всё в порядке, – удовлетворённо сказала Людмила Алексеевна и обвела фамилию Гусевой кружочком.

– Следующая квартира № 7 выше этажом, та самая, которую поджигали. Самая большая квартира в нашем доме, 196 квадратных метров, в ней больше десяти комнат. Тоже раньше была коммуналкой, после отселения жителей была выставлена на продажу. Сейчас в квартире живёт бывшая жена Батенкова Глазырина Елена Леонидовна (он с ней развелся незадолго до смерти). В квартире прописаны ещё её мать и дочь от предыдущего брака, а также Валерий Семёнович Боровинских, видимо, её новый муж. Вместе с Глазыриной они держат в квартире хостел – мини-гостиницу для приезжих. Жильцы из соседних квартир одно время жаловались на нашествие постояльцев, но сейчас вроде бы договорились с хозяевами и говорят, что у них нет к ним претензий, – сказала я, мудро умолчав о том, что до хостела в квартире располагалось подпольное казино. Казино прикрыли по жалобам Покровской, которая теперь сожалеет об этом, так как нелегальное казино приносило гораздо меньше беспокойства, чем нынешний хостел, который действует вполне легально. Впрочем, Покровская сейчас подружилась с Боровинским и, по слухам, тоже в будущем (когда не станет бабушки) собирается открыть в своей квартире такую же мини-гостиницу.

– А кто живёт в 8-й квартире? – поинтересовалась Людмила Алексеевна.

– Это до сих пор коммуналка, в ней остались старые жильцы: две родственные семьи – Игнатьевой Светланы Григорьевны и её дочери. В этой квартире прописан ещё сводный брат Игнатьевой

Лебедев Евгений Павлович, который недавно освободился из мест заключения, но, по словам Игнатьевой, он уже выписался в какую-то деревню. Ещё в квартире прописана, но не проживает наследница недавно умершей жительницы дома Кустовой Веры Петровны, которая за ней ухаживала по договору ренты.

Здесь я тоже умолчала о том, что наследница не проживает потому, что её просто-напросто не пускают в квартиру, но не стала рассказывать об этом Трайгель.

– Итого 9 квартир? – подытожила Людмила Алексеевна.

– Нет, десять, – поправила я. – Есть ещё одна квартира № 10, вход со двора, там раньше жила горбатенькая Надежда Фёдоровна Шутова, которая работала на почте. Она, как и я, осталась одна в большой 100-метровой квартире, остальные соседи получили квартиры, а оставшиеся комнаты не заселяли. Когда разрешили приватизацию в доме, она через риелторскую фирму разменялась и уехала в однокомнатную квартиру на Юго-Западе Москвы, а 10-ю приобрела новая собственница Козырева Ольга Нестеровна. Я с ней не знакома и вообще её никогда не видела. Говорят, что она живёт где-то в Майами, а квартиру на Арбате перевела в нежилой фонд и сдаёт в аренду какой-то фирме под названием «Аэростандарт».

Ничего не знала я и о собственниках нежилых помещений на первом этаже нашего дома. Приватизированные в начале 90-х, они неоднократно перепродавались, и собственники себя особо не афишировали. Известно было только, что у исторической аптеки появилось четыре разных собственника. Все они со временем перепрофилировали помещение, а недавно сдали его в аренду более прибыльным предприятиям общественного питания. Два кафе в нашем доме – «Сан Марко» и «Данкин и Донатс» – закрывались в полночь, и их присутствие ещё как-то можно было терпеть. Но зато недавно обосновавшийся в центральном подъезде ночной клуб «Евразия» работал круглосуточно и ночью без особых церемоний включал музыку, напоминающую ту, которую обычно включают шофёры-дальнобойщики, чтобы не уснуть в ночных рейсах. Может быть, эта музыка с барабанным боем и позволяла держать в тонусе ночных посетителей, но для меня это превратилось в настоящий кошмар, так как музыкальная установка находилась прямо под моей квартирой.

Измученная бессонными ночами, я пыталась найти общий язык с постоянно меняющимися администраторами заведения, которые вежливо обещали выключать музыку после 23 часов, как это положено по закону «О тишине», но ночью всё опять повторялось. На жалобу пришёл ответ из префектуры ЦАО – это частная собственность, и городские власти не могут

воспрепятствовать собственнику сдавать помещения по его усмотрению, диктовать режим работы заведения, а если арендаторы нарушают тишину, жителям дома следует обращаться в полицию. Но полиция, куда я звонила по два-три раза за ночь, тоже ничего не могла с ними поделать. Собственника помещения, индивидуального предпринимателя Воробьёва В. В., найти было непросто – он был зарегистрирован и постоянно проживал где-то в Тульской области.

Случайно я узнала о том, что к нему зачем-то ездил Виктор Тарасов, однако, когда я попыталась узнать у него телефон Воробьёва, он сразу насторожился и отказался сообщить мне его. С чего бы это? Может быть, он сам и привёл этих арендаторов в наш дом? Или вообще с ними в доле? На все эти вопросы у меня не было ответов. Да и некоторые жители дома как-то не очень были мне благодарны за то, что я обратилась с жалобой на ТСЖ в Жилинспекцию и, таким образом, покусилась на обещанные им будущие доходы от аренды чердаков.

С Игнатьевой у меня, например, произошёл довольно неприятный разговор, когда я захотела узнать у неё подробности собрания по созданию ТСЖ в нашем доме.

– Что это за Тарасова Надежда Валентиновна, вы её видели, она хотя бы была на собрании? – спросила я.

– Да-да, она, кажется, была, но потом оформила доверенность на Виктора Тарасова, который теперь председатель нашего ТСЖ, – туманно объяснила Игнатьева.

– А вы хотя бы спросили у Тарасова, откуда он приехал, где работал раньше и где работает сейчас? – спросила я.

– А зачем? – удивилась Игнатьева.

– Как зачем? Ведь председатель ТСЖ – материально ответственное лицо. А вы доверили человеку, которого совсем не знаете, свои персональные данные, позволяете ему распоряжаться нашей общедомовой собственностью. Парень совсем молодой, ему нет и тридцати, а он уже купил себе дорогую иномарку. Откуда у него деньги? Может быть, он кого-то убил или ограбил?

– Наверное, ему папа купил, – недовольно возразила мне на это Игнатьева.

– А папа где деньги взял? – не унималась я. – Может, это вообще какие-нибудь чёрные риелторы, которые по вашим персональным данным где-нибудь в Дагестане найдут нотариуса и от вашего имени продадут и наши чердаки, и вашу квартиру?! Потом несколько раз перепродадут её, и вы уже ничего не сможете сделать. Знаете, сколько сейчас таких случаев? А судя по последней истории с домофоном, когда Тарасов надул соседей и положил себе в карман приличную сумму, ему вообще нельзя

доверять. Если даже в таких мелочах он нас пытается дурить, как же ему можно доверять что-то большее?

– А вы сами-то двадцать лет назад тоже собирали с нас деньги, и где они теперь? – ехидно сказала Игнатьева. – Помните, как вы собирали с жильцов деньги на регистрацию товарищества, обещали всем новые квартиры. В результате ни денег, ни квартир! Тарасов тоже обещает, но он хоть денег с нас за это не взял!

– Как? – растерялась я. – Вы в самом деле всё это время думали, что я присвоила эти деньги? Тогда ещё не было закона о ТСЖ, и чтобы зарегистрировать коммерческое товарищество, нужно было создать уставный фонд, на него и собирали деньги.

– Не знаю, не знаю, может быть, и вы тоже положили наши денежки себе в карман, а теперь о Тарасове мне рассказываете. А ведь это были тогда совсем не маленькие деньги, 600 рублей мы с братом заплатили. Вы обещали нам за эти деньги найти инвесторов, купить отдельные квартиры. Помню вас, как вы тогда выступали перед нами, вся такая успешная. Мы вам поверили, отдали вам последние деньги, и что же? Мой брат недавно у меня спрашивал – когда же мы квартиры получим? Я же деньги на это сдавал!

– Странно, что вы спрашиваете это у меня, ведь вы выбрали тогда председателем товарищества не меня, а Олега Паничева. Неужели вы думаете, что следователь по особо важным делам Паничев позволил бы мне положить что-то себе в карман? И вы, наверное, забыли, что в мае 1992 года 600 рублей уже ничего не стоили, а после деноминации десять тысяч рублей уставного фонда превратились в 10 рублей? Из этих десяти тысяч 5 тысяч я заплатила своих собственных денег за тех жильцов, которые не могли сами внести свой вклад в уставный фонд.

– Интересно, а откуда у вас были такие деньги? И почему вы заплатили их?

– Я очень не хотела уезжать с Арбата, а создание товарищества давало шанс, – честно ответила я.

– А мне этот Арбат грёбаный и даром не нужен, если бы была возможность разменяться, я бы с удовольствием отсюда уехала, – отрезала Игнатьева.

– Может быть, это и хорошо, что у нас ничего не получилось, – сказала я. – Я знаю другое товарищество на Солянке, у которого как раз в этом смысле всё получилось. Огромный дом, в котором сотни квартир, много нежилых помещений, которые принадлежат городу. Это товарищество заключило контракт с городскими властями, которые разрешили им сдавать в аренду муниципальные площади на первых этажах и

на деньги от аренды проводить капитальный ремонт дома и расселение коммунальных квартир.

– Хорошая идея, – одобрила Игнатьева.

– Хорошая-то хорошая, но вот говорят, что директор этого товарищества, вместо того чтобы направлять деньги на капитальный ремонт, установил себе зарплату на уровне топ-менеджера «Газпрома» и стал перекачивать всю аренду себе на зарплату, а жителям двадцать лет только обещал сделать капитальный ремонт. Они жаловались и Лужкову, и в ФСБ, были суды, но никто ничего с ним не мог поделать.

– Наверное, не очень хотели, а может, он делился с кем-то, – предположила Игнатьева.

– Не знаю, делился или нет, но в контракте оказался неучтённым какой-то ньюанс, и с юридической точки зрения нельзя было предъявить претензии, а может, юристы у города были никудышние, и Басаргин выигрывал у Московского правительства все суды. Но недавно по распоряжению Собянина ОМОН начал выселять арендаторов Басаргина, а Москомимущество предъявило иск товариществу на Солянке на 50 миллионов рублей незаконно полученных доходов. Не знаю, кто будет их выплачивать, потому что Басаргин, наверное, куда-то уже слинял. Видимо, придётся платить членам товарищества, потому что они, как и мы, были зарегистрированы как коммерческое товарищество. Уж не знаю, платил ли он какие-то дивиденды своим членам, скорее всего, нет, иначе они бы не жаловались на него. Так что, может, это и хорошо, что у нас ничего не получилось. По нулям, но хотя бы не в минусе, как сейчас на Солянке.

3 апреля 2014 года, четверг.

Сегодня мне позвонила Людмила Алексеевна Трайгель и опять пригласила на встречу с главой управы Арбат.

– Недавно уже была встреча с Дерюгиным, – напомнила я.

– Это была встреча с жителями, а сегодня будет встреча только с советниками. Уже набралось 80 советников, и теперь Дерюгин хочет встретиться и познакомиться с ними.

– 80 советников! Да это целая армия!

– Ну что вы, это очень мало! В нашем районе больше 200 домов. Надо от каждого хотя бы по одному советнику. Если у вас есть подходящие кандидатуры в других, ещё не охваченных домах, приводите их к нам.

Перед встречей я порылась в Интернете, чтобы узнать побольше о главе управы Арбат Максиме Дерюгине. Выяснила, что назначен он был чуть больше года назад, 1 февраля 2013

года. Родился 29 марта 1980 года в городе Рязани в семье военнослужащего, полковника воздушно-десантных войск. В Москве проживает с 1993 года, окончил общеобразовательную школу № 1004 с лицейскими классами. Имеет два высших образования, одно из них по специальности «Государственное и муниципальное управление», полученное в Государственном университете управления. Трудовой путь прошёл от мастера до начальника участка в строительном управлении, потом работал заместителем генерального директора столичного ГУП по эксплуатации и ремонту зелёных насаждений (почти эколог!), также был руководителем ДЕЗ (Дирекция единого заказчика), заместителем главы управы района Якиманка. На фотографии – молодой симпатичный, аккуратно подстриженный парень с непроницаемым лицом и слегка сдвинутыми бровями.

Решила копнуть поглубже – залезла на сайт «Оса», почитала «глас народа», отзывы на назначение. Привожу дословно: «Молодой павлин… очередная пустышка. Сразу получил скидки со всех ресторанов 50 %, сидит и думает, кого ещё развести». «А зачем Дерюгину делать что-либо для жителей? Ну какой ему с этого прок? Ср-ть ему на вас и на ваши голоса. Он наверняка откат заплатил, чтобы сейчас на Арбатском троне восседать, и видимо, очень немало заплатил!!! Сейчас отсидится здесь, деньжат поднакопит из арбатской казны и дальше себя во власть двигать будет». «Да что вы хотите от Дерюгина – сидит, штаны просиживает, толка никакого в районе. Никаких решений не принимает, явно отсиживается. Рычаги у него есть, а желания работать на благо жителей нет. Наобещает жителям и забудет». «На управе района Арбат должна висеть табличка “Оставь надежду, всяк сюда входящий”».

Но были и другие высказывания: «Дайте Дерюгину шанс! Он на Арбате лишь с февраля, ему нужно время, чтобы разобраться в этой клоаке, которую после себя оставила Черкасова (предшественница Дерюгина на посту главы управы Арбат). Не похож Дерюгин на крохобора, который, как щипач, ищет, в чей бы карман залезть или где на Арбате на халяву поесть…»

Да уж, не жалуют арбатцы свою власть. А каково самому Дерюгину читать о себе все эти перлы? С такими мыслями направилась я на встречу с главой управы.

В зале заседаний управы за длинным овальным столом собралось человек двадцать советников разного возраста – от совсем молоденькой девицы до пенсионного вида дядечки. Я разговорилась с сидящей рядом со мной ещё не старой женщиной, но с лицом, буквально изборождённым глубокими морщинами. Она оказалась советником от дома в Калошином

переулке, дом 6, – Валентиной Алексеевной Вязенкиной. Недавно о ней написала наша районная арбатская газета. У неё проблема вроде моей: один из новых собственников, купивший квартиру на первом этаже, перевёл её в нежилой фонд и сдал в аренду ночному кафе, которое теперь не даёт ей покоя по ночам. Видимо, поэтому она так плохо выглядит: говорят, что от недосыпания люди быстро стареют. Мне самой знакомые говорят, что я за последние два года постарела лет на двадцать.

– Главное, что размещение кафе согласовали с жителями квартиры, которая расположена совсем в другом конце дома, а те, у кого окна выходят на кафе, даже ничего не знали о том, что на первом этаже откроется ночное кафе, – горько жаловалась мне Вязенкина.

– Значит, всё-таки какое-никакое согласование для собственника всё же необходимо? – заинтересовалась я. – А мне в аналогичном случае прислали из префектуры ответ на жалобу, что городские власти ну никак не могут повлиять на решения, принимаемые собственником нежилого помещения. Могли хотя бы написать для сведения, что размещение кафе было согласовано с жителями. Я бы в таком случае запросила, кто в нашем доме дал такое согласование.

Наш разговор прервало появление Дерюгина, который прошёл в зал и занял место во главе стола. Он сказал несколько вступительных слов и дал слово руководителю аппарата управы Юрию Николаевичу Нечаеву – рослому молодому человеку, который, по-видимому, курировал вопрос взаимодействия с общественными советниками. Он прочитал нам целую лекцию:

– Создание института советников главы управы – это совершенно новое дело, по сути, эксперимент, направленный на то, чтобы наладить прямой диалог с жителями района, определить потребности каждого жителя, которые через советников смогут влиять на работу органов власти. Каждый москвич, готовый вместе с главой управы делать жизнь москвичей удобнее, может стать общественным советником. Предполагается, что общественные советники помогут наладить реальный, конструктивный диалог между властью и жителями. Конструктивный – это подчёркивается, поэтому просто прийти и «покричать» не получится. Перед общественными советниками ставятся вполне серьёзные и конкретные задачи: проведение опросов и сбор мнений жителей по актуальным инициативам городских властей. С другой стороны, советники будут разъяснять жителям действия власти, важные нормативные документы. Эта инициатива вполне вписывается в общий контекст политики мэра Сергея Собянина: построение постоянной коммуникации с

москвичами через городские информационные порталы, где каждый житель имеет право оставить собственное мнение. Эксперты признают, что аналогов, например, порталу «Наш город» нет ни в одном городе мира.

– Трудно зайти на этот портал, очень запутанная схема, – подал с места голос один из присутствующих, нарушив благостную картину, нарисованную оратором.

Тут зашумели остальные, набросившись с вопросами на главу управы Максима Дерюгина. Кто-то жаловался на забитые чужими машинами дворы после введения платных парковок, кто-то старался привлечь внимание к несанкционированному переустройству чердаков, кто-то выяснял, почему такие высокие цены на продукты на ярмарке выходного дня.

– Наш дом ветхий, в нём ничего нельзя делать, а собственник квартиры на последнем этаже ведёт строительные работы на чердаке, поднимает туда тонны цемента, а на все наши вопросы отвечает: «У меня все куплены, всё разрешено», – жаловалась какая-то женщина.

– Обо всех случаях несанкционированного переустройства прошу сообщать в комиссию по самострою, которую мы недавно специально создали для таких случаев, – отбивался глава управы.

– У нас ночной магазин не даёт жителям спать, собираетесь ли вы предпринять какие-то меры? – допрашивала Дерюгина другая женщина.

– Мы не можем вмешиваться в решение частного собственника о сдаче своей собственности в аренду и не имеем право закрывать магазин, – решительно отвёл претензии Дерюгин.

– Не закрывать, а изменить режим работы, – продолжала настаивать на своём женщина. Однако Дерюгин уже повернулся к другому советнику, молодому человеку богемной внешности в модном заграничном пиджаке, который начал говорить, слегка грассируя:

– Я предлагаю повысить штрафы за то, что собачки гадят на тротуарах. Я много лет жил в Нью-Йорке, там сначала собачки гадили, где хотели, и никто ничего не мог с ними поделать, а как только повысили штрафы до ста долларов, сразу проблема решилась сама собой.

Судя по заметному акценту, он совсем недавно приехал из Нью-Йорка. Меня очень заинтересовал этот молодой человек, и я решила после собрания спросить у него: правда ли, что последний мэр Нью-Йорка вывел из города все ночные увеселительные заведения? Но молодой человек, высказав своё мнение и «отметившись», исчез задолго до окончания встречи.

После встречи ко мне подошла сотрудница жилищного отдела управы Марина Баташова. Она попросила меня узнать мнение жильцов о недавно проведенном ремонте подъездов в нашем доме и, если не будет замечаний, прийти с кем-нибудь ещё из собственников подписать акт приёмки.

Вечером я обзвонила жильцов нашего дома. Замечаний по ремонту не было, но никто, кроме Тарасова, не изъявил желания пойти вместе со мной в управу. Когда я пришла утром в управу, он уже был там. Вместе с ним пришёл худощавый молодой человек в модной короткой курточке, который тут же подскочил ко мне и затараторил:

– Я актёр театра и кино Валерий Боровинских. Вы живёте в нашем доме? А почему не приходите на наши собрания?

– Наверное, потому что меня не пригласили, – ответила я.

– Ничего подобного! Лично я звонил в вашу дверь, чтобы пригласить на собрание. Вместе с Карапетяном и Харитоновым, потом к нам присоединился и Тарасов, он не даст соврать, – кивнул он в сторону стоящего поодаль Тарасова. – Вы нам не открыли дверь!

– А зачем вы приходили и звонили в дверь? Вы что же, не знаете номера моего телефона? А вообще-то, если вы хотели провести общее собрание, то существует определённый порядок оповещения жителей о предстоящем собрании. Об этом надо предупреждать заранее, за 10 дней до его проведения. Приду я или не приду – это моё дело, но оповестить вы обязаны, и не за пять минут до собрания, а за 10 дней, – повторила я и добавила: – А приходить в гости к незнакомым людям без предупреждения, тем более к женщине, когда вам вздумается, вообще неприлично. Если бы я была помоложе, то могла бы подумать, что вы меня домогаетесь.

– А вы знаете, сколько женщин меня домогается? – захохотал Боровинских.

Я не успела сообразить, что ему на это ответить. Вышла Марина Баташова и, увидев Тарасова, решительно заявила:

– Так, вы не собственник, с вами я разговаривать не буду.

– У меня доверенность от матери, – стал спорить Тарасов, размахивая какой-то бумагой.

– Мне нужны только собственники. Вы собственник? – спросила она у Боровинских. Тогда проходите.

Мы с Боровинских прошли через ограждение, а Тарасова охрана не пропустила, и он в бешенстве стал кричать что-то нам вслед, угрожая пожаловаться главе управы. Марина Баташова не обратила на это никакого внимания. Видимо, ей не впервой было так расправляться с нахальными посетителями. Но я, честно

говоря, была немного смущена.

Мы прошли в кабинет на втором этаже, где я стала читать акты приёмки, которые предстояло подписать. Прочитав, я передала их Боровинских. Он, схватив их, хотел выйти, чтобы показать их поджидавшему внизу Тарасову, но Баташова решительно преградила ему путь и забрала у него бумаги. Боровинских стал шуметь и кричать, что он известный актёр, и если они не знают этого, пусть заглянут в Интернет, где о нём всё написано. В конце концов, не то его выпроводили, не то он сам ушёл, но подписывать акты приёмки выполненных работ пришлось мне одной. Было ужасно неприятно, что я ввязалась в эту склоку.

Когда я вышла из управы, Тарасов с Боровинских поджидали меня у подъезда.

– Значит, вы подписали эти акты? Теперь ищите себе хорошего адвоката, вам это так не пройдёт! – зловеще пообещал мне Тарасов.

– А что не так? – спросила я. – У вас и у других жильцов не было претензий по ремонту подъездов.

– Почему этот ремонт делал ГУП ДЕЗ «Арбат»? – с вызовом спросил он.

– Не понимаю, что вы имеете против ГУП ДЕЗ «Арбат»? Очень хорошая компания. Чем она вам не угодила? – спросила я. – Наконец-то нам сделали ремонт в подъезде. Лично я очень благодарна ГУП ДЕЗ «Арбат» за проведенный ремонт.

– У нас в доме есть ТСЖ, и мы выбрали другую управляющую компанию – «Арбат-сервис». Никакая другая компания не имеет права получать деньги и проводить работы в нашем доме, – с вызовом заявил Тарасов.

– Знаете, лично я не против ТСЖ, хотя и не присутствовала на вашем собрании, но я не понимаю, зачем вы всех тащите в эту управляющую компанию «Арбат-сервис», ведь ей придётся платить гораздо больше за обслуживание, чем в ГУП ДЕЗ «Арбат»? – спросила я.

– Ничего подобного, – стал отпираться Тарасов.

– Как же ничего подобного, когда я сама разговаривала с директором этой компании, фамилия его, кажется, Ратушняк, и он мне лично сказал, что будет брать с нас за обслуживание 19,50, а сейчас у меня тариф 7,50. Зачем нам нужна такая дорогая управляющая компания? Люди переходят в другие компании, чтобы платить меньше, а вы предлагаете идти в компанию, где надо платить в несколько раз больше.

– Ну да, 19,50, – нехотя подтвердил Тарасов.

– Как, в самом деле больше? Ты же обещал, что останется всё,

как было! – ошарашенно обратился к Тарасову Боровинских.

– 19,50 – это только начало. Вот в соседнем доме в Староконюшенном переулке, который обслуживает эта компания, она уже подняла плату за обслуживание до 30 рублей, – добавила я.

– Так за 30 рублей сами жители проголосовали, – с досадой ответил Тарасов и сразу пошёл на меня в атаку: – А на вас я подам в суд за то, что вы всем звоните и наговариваете на меня всякие небылицы.

– Какие такие небылицы? О том, что вы надули жильцов с установкой домофона в подъезде? Впрочем, я не знаю, может быть, это не вы надули, а эта новая управляющая компания нагрела нас на такую сумму? 36 тысяч рублей, 200 процентов прибыли – не много ли для обычной установки домофона? Если даже в таких мелочах она столько накручивает, что же будет в остальном? И это при том, что государственная управляющая компания устанавливает домофоны вообще бесплатно!

– Вы за всё ответите, – продолжал угрожать мне Тарасов.

Я не стала вступать с ним в пререкания, повернулась и ушла. Боровинских бросился за мной.

– Как вы думаете, а почему в соседнем доме жители проголосовали за 30 рублей? – испуганно спросил он.

– Да откуда я знаю, почему они проголосовали за 30 рублей? А почему вы проголосовали за 19,50? Может быть, вас загипнотизировали? – с досадой ответила я ему.

Вечером полезла в Интернет и кое-то узнала об артисте Боровинских. Ему 50 лет. Приехал из Челябинска, в прошлом спортсмен-боксёр, окончил в Москве ГИТИС, помимо актёрской деятельности, занимается бизнесом. Постоянно работает в театре Моссовета. Снялся в нескольких фильмах, о которых я никогда не слышала, – видимо, они не шли в широком прокате. Удостоен какой-то престижной британской премии за свою актёрскую деятельность.

Ночью опять не давала спать музыка в кафе «Евразия». Если только можно назвать это музыкой. Первый раз я позвонила в начале первого ночи. «Хорошо, сейчас приедем», – отрапортовал дежурный отделения полиции, куда я позвонила. Приехали через 10 минут, какое-то время после этого было тихо, часа в два опять всё началось сначала. «Опять “Евразия” барабанит», – сообщила я дежурному. «Всё, принял, сейчас приедем», – с готовностью ответили мне. Машина приехала через 5 минут, но вновь после отъезда полиции возобновился концерт с барабанным боем. «Неужели вы ничего не можете с ними сделать?» – стала я выяснять уже под утро у дежурного. «Я вам советую: не

поленитесь, пойдите утром в отделение полиции и напишите заявление», – посоветовал мне дежурный. «Да я уже полгода назад писала, мне даже ответ дали, что провели профилактическую беседу». «А вы ещё раз напишите, и сразу увидите результат. Дежурные тут ни при чём. Пусть участковый наведёт порядок на своём участке».

Я последовала совету дежурного и утром отправилась в Арбатское отделение полиции в Кривоарбатском переулке с заявлением, в котором, ссылаясь на полученный ранее ответ о профилактической беседе с персоналом «Евразия», просила принять более строгие меры, так как кафе продолжает нарушать тишину в ночное время. Была суббота, выходной день, и железная дверь в отделении полиции была наглухо закрыта. Когда я позвонила, дверь автоматически открылась, и передо мной выросла внушительная фигура полицейского с автоматом наготове.

– Вы принимаете сегодня заявления? – с опаской спросила я.

– Проходите, – сказал полицейский.

Дежурный взял у меня заявление и начал его регистрировать в разных книгах, я в это время присела на стул. Рядом уселся полицейский, который с воинственным видом встречал меня у входа. Теперь он мирно положил автомат себе на колени и, немного помолчав, стал расспрашивать меня о моих проблемах.

– Самое главное, что ничего нельзя поделать с этой «Евразией», – горько стала жаловаться я ему. – Жители обращались в управу, в префектуру, даже Собянину перед выборами письмо написали, но все отвечают: это частная собственность, малый бизнес, мы не имеем права вмешиваться, обращайтесь в полицию, а мы никакого отношения к этому не имеем.

– Ну да, как это не имеют? – возмутился охранник.

– Мне тоже кажется, что отношение они всё же имеют. Я вообще удивляюсь, как это можно: в жилом доме открыть ночное кафе?

– Гы-гы, – посмеялся в ответ мой собеседник. – Деньги всё делают.

Тем временем дежурный, закончив писать, снял копию с моей жалобы и передал мне: «Чтобы вы не забыли, о чём писали».

– Как вы думаете, это поможет? – с надеждой спросила я.

– Поможет, – кратко ответил дежурный и, улыбаясь, добавил: – Лет так через 15.

– Нечего сказать, успокоили, – ответила я уже безо всякой надежды.

Но ночные концерты на какое-то время всё-таки

прекратились. Возможно, этому способствовало и то, что я получила письмо из Мосжилинспекции, где в ответ на мою жалобу мне сообщили, что вентиляционный короб у меня под окном установлен незаконно и подлежит демонтажу. Что касается уровня шума, то они отсылали меня в Роспотребнадзор, а по нарушению тишины в ночное время – опять же в полицию. О незаконной установке вентиляционного короба я не замедлила сообщить в отдел потребительского рынка нашей управы. Уж не знаю, что так повлияло, но после всего этого я стала спать по ночам спокойно. Возможно, ко мне стали относиться более уважительно как к опасной жалобщице, которая, судя по всему, не собирается угомониться.

16 апреля 2014 года, среда.

На сегодня назначена очередная ежемесячная встреча главы управы Арбат Максима Дерюгина с жителями. Тема встречи – работа правоохранительных органов. До этого на январской встрече жителей с главой управы работа участковых была признана неудовлетворительной. «Мы в своих домах лишены покоя, особенно в летнее время. Все наши жалобы остаются без внимания, стражи порядка реагируют на них очень неохотно, участковые фактически бездействуют, мы с содроганием ожидаем прихода нового летнего сезона», – писала газета «Москва-Центр» о высказываниях коренных арбатцев.

О ненадлежащем исполнении своих обязанностей некоторыми уполномоченными полиции района Арбат поведала и депутат Мосгордумы от Центрального округа Инна Святенко на собрании муниципальных депутатов в марте. По её словам, не все участковые района присутствуют на отчётных встречах с жителями, и привела конкретные примеры. «На эти встречи приходят жители, приходим мы, депутаты, а участковых нет, дозвониться до них невозможно, – пояснила Инна Юрьевна. – Я проинформировала руководство ГУВД об этих фактах».

Видимо, после этого и уволили участкового Сусанова, который подготовил мне ответ на мою жалобу о профилактических беседах с персоналом «Евразии». Конечно, не мешало бы мне тоже поприсутствовать на сегодняшней встрече, чтобы хотя бы узнать, кто теперь мой участковый, но идёт Страстная неделя, и как раз в это время вечером надо быть в храме на общей исповеди перед Пасхой. Подумав, я решила выбрать храм, тем более что вопросов к полиции у меня больше нет, а выслушивать чужие жалобы не очень интересно. Наверняка в газетах потом опубликуют отчёт о встрече, и я всё узнаю позже.

Удивительно, но моё заявление в полицию сработало –

довольно продолжительное время кафе «Евразия» не включало музыку по ночам. Видимо, их то ли оштрафовали на приличную сумму, то ли каким-то другим образом наказали. Но зато теперь в течение ночи и выходя под утро из кафе, его постоянные посетители, которых я уже стала узнавать по голосам, демонстративно долго громко обменивались впечатлениями, стараясь всячески досадить вредной особе, лишившей их ночной отдых музыкального сопровождения.

А лавочку под моим окном с самого утра занимал барабанщик, который беспрерывно дубасил свой барабан. По знакомым звукам я узнала ночного барабанщика из кафе. Часам к трём подходила полураздетая девица и исполняла «танец живота» под барабанный бой. Одним словом, то, что происходило ночью в кафе, теперь демонстрировали под моими окнами днём. Десять – двенадцать часов выдержать беспрерывный барабанный бой было довольно тяжело, но я молча терпела, надеясь, что вскоре им это надоест. Действительно, барабан вскоре иссяк. Но ему на смену пришёл какой-то горластый парень, видимо, бывший футбольный фанат, который и ночью, и днём выкрикивал под окном какие-то бессмысленные речёвки. Это я тоже решила перетерпеть. Наверное, этот крикун надоел не только мне, потому что несколько раз вокруг него затевалась какая-то свалка.

Подозреваю, что «Евразия» наняла этого крикуна, чтобы компенсировать невозможность включать ночную музыку. И не жалко же им денег! Впрочем, для этого им наверняка хватает объедков со стола, которые достаются усердному крикуну.

2 мая 2014 года, пятница.

Сегодня рано утром публика опять вывалилась из кафе «Евразия» с громким шумом и свистом. Горластый парень тоже, видимо, закончил свой банкет и, заняв позицию против окон моей квартиры, опять завёл свои речёвки. Я вышла из дома в половине девятого утра, он всё ещё продолжал свою работу. Я немного постояла на пороге дома, потом, поколебавшись, подошла поближе, чтобы рассмотреть крикуна. Он слегка опешил от моего бесцеремонного любопытства и, замолчав, тоже уставился на меня. Вид у него был довольно затрапезный, под глазом красовался огромный фингал.

– Вы чего с утра базар устроили? Люди ещё спят, – довольно миролюбиво сказала я ему.

– Хватит спать, пора вставать, – заорал он в ответ. Его приятели грозно придвинулись в мою сторону.

– Вы откуда приехали, такие дикари? – спросила я. Кажется, это его задело.

– Из России! Мы русские люди! А вот когда чернож-пые приезжают в Москву, то вы все молчите, ничего им не говорите, – опять завопил он.

– Да вы ещё хуже, чем они, – с досадой сказала я и, махнув рукой, пошла по своим делам.

Вернулась домой я довольно поздно. Крикун куда-то пропал. Больше я этого забулдыгу на Арбате не видела. Видимо, он уехал к себе домой, не найдя понимания в Москве. К тому же погода в Москве сильно испортилась, начались холода, да и первомайские праздники закончились.

5 мая 2014 года, понедельник.

Сегодня я обнаружила на доске объявлений грозное предупреждение с требованием предоставить управляющей компании «Арбат-сервис» копию свидетельства о собственности, копию паспорта и т. д. и т. п. «Может быть, им ещё и ключи от сейфа, где деньги лежат?», – вспомнила я бессмертного Остапа Бендера.

В почтовом ящике обнаружился счёт за апрель от управляющей компании «Арбат-сервис» на 3 с половиной тысячи рублей. Почти такой же счёт мне прислала управляющая компания ГУП ДЕЗ «Арбат». Хотя тариф на содержание и ремонт жилья в счёте «Арбат-сервис» 19,50, то есть в три раза больше, чем у прежней управляющей компании, платежи откорректированы за счёт меньшей суммы за отопление и отсутствия платы за газ и радиоточку. Видимо, расчёт был на то, что я не стану особо вникать и подмахну, не глядя, счёт «Арбат-сервис». А если хоть раз оплатил, то, значит, уже вроде как признал эту компанию. Ну уж нет, этого они от меня не дождутся!

С этими двумя платёжками я тут же двинулась в Многофункциональный центр на Староконюшенном, где теперь располагался Единый расчётный центр.

– Вот пришли два счёта, не знаю, какой мне оплачивать, – обратилась я в окошко.

Бухгалтерша долго молча изучала оба счёта, потом ещё дольше копалась в компьютере, кривилась, вздыхала, глядя на экран, наконец, сказала мне:

– Управляющая компания «Арбат-сервис» у нас в расчётной системе не зарегистрирована, ваш дом находится на обслуживании в ГУП ДЕЗ «Арбат». Туда и надо платить.

Воодушевлённая её ответом, я решила сегодня же выяснить отношения и с Жилинспекцией, куда два месяца назад послала заявление о проверке легитимности существования ТСЖ «Давыдов» и управляющей компании «Арбат-сервис» в нашем

доме. До этого я никак не могла дозвониться, трижды приезжала, но никак не могла попасть на приём. Сегодня как раз приёмный день, и я решила, наконец, выяснить судьбу своего заявления.

Начальник Жилинспекции по Центральному округу Булаева Надежда Викторовна оказалась молодой, грудастой, цветущей дамой с высокой халой на голове, так популярной у московских чиновниц. На все мои доводы, которые я ей приводила, она отвечала мне отказом: «Не пригласили вас на собрание? Ну и что? Не было кворума на учредительном собрании по созданию ТСЖ и сфальсифицированы подписи? Доказывайте это в суде! А чем вы, собственно, недовольны? Вам прислали счёт на 3 с половиной тысячи рублей? Так это нормальный счёт. Не хотите давать свои персональные данные в новую управляющую компанию? Так вас заставят в судебном порядке. Я не вижу никаких нарушений при создании ТСЖ и смене управляющей компании. Так решило большинство собственников в вашем доме, а меньшинство должно подчиняться большинству».

То ли она просто не хотела ничего решать, то ли она в сговоре с Тарасовым. Наверное, этот шустрый парень уже успел принять превентивные меры, и сразу после того, как я сообщила ему о том, что написала заявление в Жилинспекцию, побежал с конфетами улаживать дело в свою пользу. Хотя конфетами тут вряд ли обошлось, судя по той наглости, с какой эта чиновница защищала нелегитимное товарищество, и бессовестно убеждала меня в том, что чёрное – это белое. В конце концов, у меня лопнуло терпение, и я, пригрозив, что ни в коем случае не оставлю этого дела и обязательно доведу его до вышестоящей организации, ушла восвояси. Дама, кажется, немного струхнула, но сделала вид, что её это совсем не пугает.

6 мая 2014 года, вторник.

Вчера вечером написала новое заявление уже в Жилищную инспекцию по Москве с просьбой рассмотреть по существу мою жалобу, оставленную без внимания в нижестоящей инспекции Центрального округа, дополнив теперь жалобу конкретными указаниями на нарушения, допущенные при регистрации ТСЖ: это прежде всего передача полномочий избранных членов правления по доверенности лицам, которые не являются собственниками жилых помещений в доме, что категорически запрещается последними изменениями и дополнениями в Жилищный кодекс Российской Федерации, напомнила и о том, что избранные члены правления ТСЖ должны также представить справку об отсутствии у них судимости или запрета на занятие ими материально ответственных должностей.

С утра решила зайти к Марине Баташовой посоветоваться по поводу этого заявления.

– После двухмесячной волокиты вчера я, наконец, с четвёртого захода попала на приём к начальнику инспекции Булаевой, но она не усмотрела в документах по созданию ТСЖ никаких нарушений, хотя их множество, и они лежат на поверхности. Одного того, что не все собственники были уведомлены, достаточно, чтобы признать нелегитимность собраний и принятых на них решений. Видимо, она просто не хочет заниматься этим делом. Я написала жалобу в вышестоящую Жилинспекцию, хотела бы, чтобы вы её посмотрели.

Баташова внимательно прочитала моё заявление и посоветовала написать такое же ещё и в прокуратуру.

– Пожалуй, я сначала дождусь ответа от Жилинспекции, – сказала я.

– Согласна, не ваше дело – писать в прокуратуру, пусть этим лучше займутся муниципальные депутаты. Сегодня в 12 часов должен быть глава Совета депутатов муниципального округа Евгений Петрович Бабенко, я с ним поговорю, вы тоже к нему зайдите, он должен быть в курсе этого дела.

К 12.00 я подошла к приёмной Бабенко. Меня встретила молоденькая девчушка, оказавшаяся его пресс-секретарём Аллочкой (отчества её никто не мог вспомнить). Она предложила мне до прихода Евгения Петровича заполнить анкету и написать на его имя краткое заявление. Я написала и немного поговорила с Аллой.

– Много обращается просителей к Евгению Петровичу?

– В последнее время очень много, – вздохнула она.

– Значит, результат есть, – сделала вывод я. – А по каким вопросам обычно обращаются?

– Проведение капитального и текущего ремонта, а теперь ещё и шлагбаумы. Много спорных ситуаций.

– Ну да, кто-то за шлагбаум, кто-то против. Трудно быть арбитром в таких ситуациях, – посочувствовала я.

Тут появился сам Евгений Петрович – высокий представительный мужчина средних лет с модной сейчас небритой бородкой, но с довольно помятым лицом и глазами невыспавшегося лабрадора. Видимо, его пост нелегко ему даётся.

– Я живу на Арбате уже 30 лет и ещё никогда не писала жалоб, а теперь вынуждена этим заниматься, но не потому, что я такая вредная. Просто я не хочу платить деньги жуликам, – начала я.

– Я уже в курсе дела, только что переговорил с Баташовой. Я целиком на вашей стороне и обязательно напишу заявление от себя в прокуратуру, в Министерство жилищно-коммунального хозяйства: пусть наш новый министр ЖКХ Михаил Мень, который, кстати, живёт у нас в Хамовниках, знает, что творится у него под носом. Но вам надо с кем-то объединиться. Кроме вас, в вашем доме есть ещё недовольные этим ТСЖ?

– В том-то и дело, что я, кажется, оказалось одна, искать себе сторонников бесполезно, я даже не хочу тратить на это время, – удручённо ответила я.

– Почему? – озадаченно спросил Бабенко.

– У нас в доме-то всего десять квартир, но им всем наобещали заведомо нереализуемые вещи – сделать надстройку чердаков, сдавать новые площади в аренду и получать дивиденды. Ну вы же понимаете, на чём мошенники ловят доверчивых людей, – на глупости и на жадности. Никто не разрешит делать надстройку в ветхом доме постройки позапрошлого века, но, как говорится, чердачная идея овладела массами, – со вздохом объяснила я. – Под этим же соусом управляющая компания «Арбат-сервис» уже несколько лет тянет деньги у жильцов дома № 41 по Староконюшенному переулку. Сначала были вроде бы приемлемые счета, а теперь догнали тариф на обслуживание до 30 рублей за квадратный метр. Присылают счета уже по 15 тысяч в месяц, а с тех, кто не может платить, взыскивают по суду. Не знаю, почему они терпят всё это, для меня это загадка.

– Да жители этого дома не знают, как избавиться от своего ТСЖ и этой управляющей компании! – взорвался Евгений Петрович. – У меня сейчас жалоба, им не хватает 4 квадратных метра, чтобы переизбрать и ТСЖ, и управляющую компанию «Арбат-сервис». Как же ваш дом согласился перейти в эту сомнительную компанию?

– Откуда мне знать? Меня ведь на собрания не приглашают. Наверное, чтобы не мешала и не задавала неудобные вопросы. Я потом у жильцов спрашивала: как же вы проголосовали, даже не поинтересовавшись, что это за управляющая компания? А они мне в ответ: «Если она нас не будет устраивать, мы эту компанию через год переизберём». Да она за месяц может столько дел натворить, что потом за десять лет не расхлебаешься. Это же серьёзный вопрос, а они «хи-хи» да «ха-ха». Если бы это решение

не распространялось и на меня тоже, я бы и не стала их отговаривать, пусть сами отвечают за свои решения, они же взрослые люди. Если люди хотят, чтобы их обманывали, их бесполезно переубеждать. Ещё и будут думать, что я лишаю их каких-то будущих благ.

– А как ваш Тарасов вообще вышел на эту управляющую компанию «Арбат-сервис»? – поинтересовался Евгений Петрович.

– Говорит, что случайно познакомился на Арбате с одной чудесной женщиной, Людмилой Михайловной Королёвой, которая оказалась председателем ТСЖ в доме № 41 по Староконюшенному переулку, и та ему посоветовала управляющую компанию «Арбат-сервис», которая обслуживает их дом. Вот он и притащил её к нам. Он предложил, все проголосовали, вопросов не задавали. Но я не поленилась, спросила жителей дома в Староконюшенном, как их обслуживают? Они мне сказали, что хоть за руку и не поймали, но подозревают, что Королёва и Ратушняк очень дружно вдвоём «пилят» их денежки.

– Ну, с Королёвой всё ясно, – прокомментировал Евгений Петрович. – Я же вам говорю, что жители дома в Староконюшенном не знают, как от неё избавиться. Проголосовать легко, а попробуй потом исправить допущенные ошибки, – не так-то просто, оказывается.

– Да зачем вообще нужно ТСЖ? – задала я риторический вопрос. – Все вопросы вполне можно решить без всякого ТСЖ на общем собрании жителей, сейчас общим собраниям даны большие полномочия. А ТСЖ – это значит взять себе на содержание, кроме управляющей компании, ещё одного нахлебника.

– Полностью с вами согласен, – поддержал меня Евгений Петрович. – Достаточно Совета многоквартирного дома, чтобы решать все вопросы, а не передавать свои права всяким непонятным ТСЖ. Им ведь нужна зарплата, персонал, машина – как-никак на Арбате управляют, и всё это жильцы должны оплачивать дополнительно.

Тут кто-то позвонил, и Евгений Петрович заторопился на какую-то очередную встречу. Я поблагодарила его за то, что он нашёл время принять меня и выслушать, а он пообещал гнать волну против жуликов в ТСЖ. Буду надеяться, что это не уйдёт в песок. Я ведь и сама тоже была депутатом, поэтому знаю, что не всё в его власти.

Вечером решила позвонить соседям. Сначала набрала телефон Светланы Игнатьевой. Поинтересовалась, получила ли она счёт от новой управляющей компании и собирается ли его

оплачивать.

– Не знаю, я ещё подумаю, – безмятежно ответила Игнатьева. – Счёт на уровне того, что я платила раньше. Может, и стоит попробовать с новой управляющей компанией? Тарасов – юрист, наверное, он знает, что делает.

– Если он купил себе диплом, то это ещё не значит, что он стал юристом, – не удержалась я от ядовитого замечания.

– Не знаю, может, и купил, но мне он ничего плохого не сделал, и платить ничего не надо было за ТСЖ, – опять напомнила она мне о деньгах, которые в своё время заплатила в уставный фонд.

– Ну, дело ваше. Я вас предупредила, – сказала я.

– Предупреждён – значит вооружён, – скаламбурила Игнатьева.

Немного поразмыслив, я решила не обзванивать остальных жильцов. Какой смысл? Может, и не стоит им мешать, добиваться ликвидации этого лже-ТСЖ? Пусть попробуют, поработают с ним, глядишь, и сами поумнеют.

10 мая 2014 года, суббота.

Позвонила Александре Андреевне Гусевой из 6-й квартиры. Александра Андреевна – ветеран Великой Отечественной войны, в прошлом году ей исполнилось 90 лет. Я поздравила её с праздником Победы, спросила, поздравлял ли её кто-нибудь из управы. Александра Андреевна сказала, что получила от управы поздравительную открытку, а ещё и телеграмму от самого В. В. Путина (Администрация Президента рассылала такие поздравления всем ветеранам).

– А социальный работник к вам сейчас приходит? – поинтересовалась я.

– Да, приходила женщина уже несколько раз, покупала продукты. Но она так занята, так занята! У неё своих двое детей и мать лежачая больная. Она приходит вся уставшая, еле ноги волочит. Я её просила много раз: купите мне тыкву, а она мне всё отвечает: «Тыквы нет, тыквы нет». Вы не могли бы узнать, когда в «Седьмом континенте» будет тыква?

– Зачем вам покупают продукты в «Седьмом континенте»? – удивилась я. – Это очень дорогой магазин на Смоленской площади, рядом с МИДом, он для дипломатов и новых русских. Рядом с вами – Новоарбатский гастроном, прекрасный магазин, он к тому же даёт скидки для пенсионеров. И тыква там всегда есть. Если хотите, я вам принесу.

– Ой, миленькая, пожалуйста, принесите, я без тыквы не могу жить, я варю себе кашу с тыквой и пшеном, она разжижает кровь,

у меня ведь тромбоз ног.

– Вы сами варите себе кашу? – ещё больше удивилась я. – А что же Ирочка?

– Ирочка уехала на месяц отдыхать на Кипр. Её пригласила соседка по дому в Староконюшенном, где у Ирочки квартира, которую она сдаёт каким-то иностранцам. У Ирочки тоже есть дача в Испании, так что в следующий раз она пригласит эту свою подругу в Испанию отдохнуть на её даче. Летом её практически не бывает.

– И она оставляет вас одну на такое продолжительное время? – со всё большим беспокойством стала расспрашивать я Гусеву.

– Ох, сначала она, после того как я подписала с ней договор, вроде бы и заботилась, покупала продукты, и очень хорошие продукты. Но последнее время она меня вообще не замечает. Наверное, она не думала, что я так долго проживу. Но я же в этом не виновата! А недавно вообще устроила мне страшный скандал. Дело в том, что один мой родственник оставил мне в наследство свою квартиру, а я недавно оформила её в наследство своему племяннику. Ирочка узнала об этом, подняла крик: «Ты что это квартиры всем раздариваешь?» Я ей говорю: «Ирочка, побойся Бога, вся эта квартира на Арбате после меня тебе достанется. Неужели тебе этого мало?» Тут она как раскричится на меня: «Эта квартира уже и так моя! Моя! Захочу – не будет вас здесь!» Я ей сказала: «Ирочка, я не буду с вами на эту тему говорить» – и ушла. А теперь она, видимо, решила меня измором взять. Сама не помогает и родственникам запретила. Я вроде бы нашла себе женщину, она мне убирала, готовила кушать, продукты покупала, я ей платила, пенсия у меня хорошая. Но перед праздником эта женщина уехала к себе в Молдавию и заодно прихватила с собой все мои сбережения, всё, что я на похороны себе собрала. Я ведь ничего не запираю, всё нараспашку. Но мне Бог помогает. Вот теперь вы позвонили… Но вы, пожалуйста, ничего Ирочке не говорите о том, что я вам жаловалась на неё. Она ведь очень злопамятная, а мне с ней жить. Вы мне, пожалуйста, звоните почаще, не забывайте меня, одной так тоскливо сидеть в четырёх стенах!

– А я-то думала, у вас всё хорошо, – растерянно сказала я. – Но раз такое дело, я буду вам звонить и помогать. Может, и Ирочкина совесть тогда проснётся?

12 мая 2014 года, понедельник.

В газете «Метро» прочитала небольшую заметку о том, что после майских праздников Государственная Дума собирается

рассмотреть закон о запрете продажи алкоголя в магазинах, расположенных на первых этажах жилых домов, и ряд других антиалкогольных законов.

Я сразу догадалась, что, вероятно, та самая женщина, которая на встрече с главой управы Арбат Дерюгиным пытала его насчёт ночной продажи алкоголя в их доме, вышла на депутата Гончара, который уже много лет «окормляет» Центральный округ. Соответственно, он, наверное, и выступил с такой законодательной инициативой.

Я прикинула, что после майских праздников законопроект будет рассматриваться в первом чтении, а ко второму чтению, когда вносятся основные поправки, я смогу обратиться к тому же Гончару, чтобы он дополнил магазины ещё и ресторанами, расположенными в жилых домах. Потом подумала, что ещё лучше, если с таким предложением я обращусь и к Жириновскому, и даже набросала письмо на его имя, но вовремя вспомнила, что к такому известному политику, как Жириновский, письма приходят мешками, и он их никогда не читает. Где гарантия, что какой-нибудь неграмотный помощник не засунет моё письмо в урну для мусора? Решила немного подумать, выждать время.

И действительно, вскоре решение появилось. В той же газете «Метро» обнаружила информацию ещё об одном депутате Госдумы по фамилии Литвинцев, который выступил с законодательной инициативой об ограничении звуковой рекламы в мегаполисах. Депутат малоизвестный, наверняка моё письмо попадёт прямо ему в руки, и если он обратит на него внимание, то вполне может дать дополнение в уже внесённый антиалкогольный закон при втором чтении.

Можно, конечно, для страховки написать и Жириновскому, и Гончару. Можно вообще обратиться ко всем председателям депутатских фракций. Но вопрос не тянет на глобальность. Хотя вот, например, мэр Нью-Йорка вывел из города все ночные клубы, и жители трижды избирали его мэром. Избрали бы и в четвёртый раз, но по их законам можно только три раза избираться мэром.

13 мая 2014 года, вторник.

Решила утром сходить за бесплатными местными газетами в управу и по дороге встретила главу управы Максима Дерюгина, который, видимо, направлялся на какое-то совещание. Я его не сразу заметила, он тоже мельком взглянул на меня, и из выражения лица я поняла, что моё лицо ему уже знакомо, хотя я ни разу с ним не общалась. Возможно, он узнал меня по фотографии на удостоверении советника, которое он подписывал.

Встреча оказалась знаменательной. В газете «Вечерняя Москва», которую я взяла на столике в управе, как раз оказалась статья о главе управы Арбат Максиме Дерюгине: газета периодически давала на своих страницах информацию о чиновниках Москвы. Теперь вот статья о Дерюгине. Название статьи «Глава управы, для которого лучший отдых – кататься с детьми на роликах». И его фотография в полный рост – этакий красавчик в модном тёмно-сером костюмчике с бордовым галстуком. Из текста стало ясно, что катается он на роликах не со всеми детьми, а только со своими, правда, не уточнили, сколько их у него и сколько им лет. Видимо, ещё маленькие, пишет, что недавно ходили в зоопарк – дети были в восторге. А вообще, парень любит рыбалку, где, по его словам, отдыхаешь и телом, и душой. В прошлые выходные всей семьёй ездили на природу. Уловом был доволен. Кстати, жена отлично готовит рыбу – его любимое блюдо. Иногда ходит в спортивный зал, десять лет занимался восточными единоборствами, но сейчас на тренировки времени не хватает.

Любит благоустраивать скверы и памятники – не зря ведь до этого был заместителем главы управы соседнего района по благоустройству. Прекрасно понимает собачников, поскольку у самого дома две собаки – русский охотничий спаниель и йорк. Недавно по просьбе жителей открыл собачью площадку на Новинском бульваре. К августу обещает закончить благоустройство народного парка в Первом Смоленском переулке у дома № 24, проект которого обсуждал вместе с жителями. 9 мая на Новом Арбате, на его пересечении с Новоарбатским переулком, открыл сквер имени Николая Киселёва, командира партизанского отряда в Белоруссии, который в 1942 году спас более двухсот евреев, проживавших в белорусской деревне Долгиново, за что в Израиле его назвали русским Шиндлером.

В детстве мечтал стать космонавтом или, на худой конец, лётчиком, одно время даже собирал модели самолётов. Никогда не думал, что будет когда-то главой управы, хотя и стремился к госслужбе. Но на военной службе себя не видел, хотя его родители – военные-десантники: отец – полковник, мама – старший сержант. Семья жила в военных городках, часто переезжала, так что о дисциплине знает не понаслышке.

Просыпается в 5.30, заваривает кофе и выезжает – ровно в 7.00 начинается его рабочий день. Сначала – объезд района. Выходит на площади и идёт пешком по Арбату. Затем возвращается в управу, проводит мониторинг портала «Наш город», даёт поручения, составляет дальнейшие планы. И, конечно, ежедневно встречается с жителями, причём, как

правило, во дворах – на месте выясняет, какие у них проблемы.

В другой газете «Арбатские вести» наконец-то прочитала отчёт корреспондента газеты Сергея Ермолюка о встрече Дерюгина с жителями, состоявшейся 16 апреля, посвящённой работе правоохранительных органов, на которую я не ходила. На фотографии за столом президиума – сам Дерюгин и начальник отдела внутренних дел по району Арбат Игорь Янчук – стриженный под бобрик ещё молодой, но уже мордастый и с массивной шеей брюнет. Он вкратце рассказал присутствовавшим на встрече арбатцам о текущей работе участковых уполномоченных полиции и профилактике правонарушений в жилом секторе и на территории района, а затем, по сложившейся традиции, ответил на их вопросы. Вот как описывает этот диалог корреспондент газеты.

«Житель дома № 47 на улице Старый Арбат задал вопрос об уличных музыкантах. Для них на исторической улице было выделено три точки: у стены Цоя, у музея Пушкина и у памятника Окуджаве. По его словам, жители соседних домов не согласны с таким решением властей и требуют пересмотреть вопрос, так как постоянный шум от живой музыки уже просто всех достал.

(Что бы они сказали, если бы их доставали, как меня по ночам, звуки синтезатора? А живую музыку, тем более до 23 часов, я бы с удовольствием слушала. Во всяком случае, очень жалею о концертах безымянного певца, который раньше чудесно исполнял песни с микрофоном под моими окнами. Сейчас он куда-то исчез, видимо, кто-то пожаловался).

Отвечая на этот вопрос, Игорь Янчук посетовал на эту ситуацию, которая сложилась с уличными музыкантами. История эта, как известно, тянется не один год. Местные власти и представители правоохранительных органов пытаются помочь жителям в решении проблемы, но не всё так просто. На защиту музыкантов встали центральные телеканалы. Так, например, в телесюжете об уличных музыкантах Арбата, показанном телеканалом «Россия», сотрудники полиции районного ОВД выставлены в неблаговидном свете. Игорь Янчук сообщил собравшимся, что в настоящий момент материалы по данной проблеме рассматриваются в суде.

Не меньше, чем музыканты, арбатцам досаждают бомжи. И, судя по реакции участников встречи, вопрос с бомжами очень болезненный: когда один из жителей поднял эту тему, зал буквально вскипел. Каждый второй был готов рассказать свою историю, связанную с людьми без определённого места жительства.

Людей без определённого места жительства и средств к

существованию многолюдные места привлекают прежде всего возможностью лёгким способом насобирать денег на выпивку и еду. В большой толпе всегда найдутся сердобольные граждане, у которых вид опустившегося попрошайки вызывает чувство жалости. Но главное препятствие в разрешении проблемы не в этом. По словам Игоря Янчука, проблеме этой не один год, но взять и убрать бомжей с наших улиц не позволяет существующее законодательство, ведь даже в ту же ночлежку, в реабилитационный центр бомжей без их согласия не забирают. Ещё ситуацию усугубляют торговые точки, которые реализуют такому контингенту дешёвую алкогольную продукцию.

А вот жителям дома № 47 на Старом Арбате неудобства доставляют постояльцы хостела, который разместился в квартире № 2. Они поинтересовались, как можно повлиять на владельцев этого заведения. Игорь Янчук им ответил, что полиция имеет право проверять документы у тех, кто там снимает жильё (ночует), и, если есть нарушения, принимать соответствующие меры в рамках Кодекса об административно-правовых нарушениях. Контролировать работу хостелов, закрывать их полиция не имеет права.

Жители также сообщили начальнику районного ОВД, что в квартире № 14 по адресу Большая Молчановка, 17, проживают мигранты в количестве 20 человек. Они там якобы делают ремонт, а заодно и временно живут, ночуют. Жильцы дома поинтересовались, имеют ли мигранты на это право?

На это Игорь Янчук им ответил, что по поводу миграционного учёта нарушений там нет, документы у всех в порядке. Мигранты в этой квартире находятся с разрешения собственника, количество ночующих законом не оговорено. Полиция не имеет права их задерживать или выгонять из квартиры.

Очень много вопросов и нареканий от жителей в адрес управы прозвучало на тему незаконного строительства верхних этажей и мансард в старых арбатских домах. По словам жителей, причём подкреплённым документально, фундаменты старых зданий не рассчитаны на возрастающую нагрузку, ведущаяся реконструкция напрямую угрожает безопасности и жизни проживающих здесь людей.

Один из красноречивых примеров привёл на встрече житель дома № 17, расположенного на улице Большая Молчановка, Андрей Попов.

– Организация, занимающаяся такой реконструкцией в нашем доме, ввела в заблуждение и жильцов, и руководство банка, который располагается на первом этаже, и даже ДЕЗ. Под благовидным предлогом ремонта кровли фактически было начато

строительство ещё одного этажа с жилыми помещениями. Благодаря стараниям жителей реконструкция дома признана незаконной ещё несколько месяцев назад. Есть предписание административно-технической инспекции о прекращении строительных работ и сносе строительных лесов. Однако леса до сих пор стоят. Что нужно сделать, к кому обратиться, чтобы их убрали? А вы знаете, что стены нашего пятиэтажного дома, который был построен в начале прошлого века, ходят ходуном от этой реконструкции? А если он завтра сложится, как карточный домик, кто будет нести ответственность? На новом этаже устанавливаются стальные конструкции, открытым способом ведутся сварные работы. Существует реальная угроза пожара, поскольку в доме деревянные перекрытия. Имеют ли пожарные право доступа на эту территорию, с тем чтобы прекратить ведущиеся там работы?

Ситуацию прокомментировал замначальника 2-го Регионального отдела надзорной деятельности управления по ЦАО Главного управления МЧС России по г. Москве Олег Блохин:

– Вы можете, конечно, вызвать пожарную службу. Но пожарные должны заниматься тушением огня, а не просто взламывать двери. Если по факту никакого возгорания нет, а пожарные взломали дверь собственника, то уже на следующий день от него может поступить в прокуратуру заявление на незаконные действия сотрудников МЧС. Если помещение жилое, мы не имеем туда доступа без согласия собственников. И не путайте надзирающую структуру с теми, кто занимается собственно тушением пожаров.

Глава управы Максим Дерюгин добавил:

– Мы создадим комиссию, в которую войдут представители МЧС, ДЕЗ, других структур, и выйдем на объект для его обследования. По итогам обследования будут приняты необходимые меры. Со своей стороны жильцы вправе подать в суд на эту организацию, чтобы нежилые помещения (в данном случае чердак) были возвращены в их общедомовую собственность».

17 мая 2014 года, суббота.

Прочитала в газете, что сегодня депутат Государственной Думы Гончар принимает жителей района Якиманка, а в следующую субботу будет приём для жителей района Арбат. Я позвонила по указанному телефону, чтобы записаться на приём, но телефон был постоянно занят, и я решила съездить на Якиманку, чтобы записаться на приём лично. Заодно на всякий случай написала заявление, где предлагала Гончару выступить с законодательной инициативой об ограничении размещения

ночных увеселительных заведений на первых этажах жилых домов, как это давно сделано в Нью-Йорке и многих европейских столицах, где в ночное время запрещена продажа даже обычных товаров, не говоря об алкоголе. Обосновала это тем, что уже несколько лет жители Арбата страдают от того, что после приватизации нежилых помещений в 90-е годы их заполонили рестораны и ночные клубы, а органы местного самоуправления и полиция не могут справиться с этой проблемой.

После встречи я подошла к Гончару и, извинившись, что не успела напечатать письмо, попросила записать меня на следующую встречу с жителями Арбата.

– Прекрасный почерк, – заметил Николай Николаевич, бегло пробежав глазами моё заявление. – Приходите без всякой записи. Я буду принимать через неделю в здании гимназии на Новинском бульваре, дом 3.

24 мая 2014 года, суббота.

На приём к депутату Гончару я пришла пораньше. Он тоже приехал раньше назначенного времени и, увидев меня, сказал:

– Я вам звонил, но тот телефон, который вы указали в заявлении, не отвечал.

– Да, это мой домашний телефон, в рабочее время меня дома нет, – ответила я, умолчав о том, что мобильный телефон я не указала потому, что во время лекций его отключаю, а по дороге на работу плохо слышно.

– У меня у самого рядом с моим домом на Ленинском проспекте расширяют трассу, а это дополнительный шум, стоимость квартир в доме сразу упадёт. А я как депутат ничем не могу помочь даже себе. То, что вы предлагаете, очень сложно сделать. Чтобы провести закон, надо его согласовать со всеми регионами и с правительством, надо, чтобы проголосовало больше половины депутатов. В общем, это большая волокита. Может быть, вы назовёте какой-то конкретный адрес?

– Пожалуйста, – сказала я, и тут же при нём написала заявление с просьбой помочь демонтировать музыкальную установку кафе «Евразия», которая по ночам не даёт спать жителям дома.

– Дело в том, – туманно начал Гончар, прочитав моё заявление, – что первые этажи теперь принадлежат частным собственникам, а они вправе сдавать свою собственность кому хотят, и никто этому не вправе воспрепятствовать.

– Я это знаю, жители нашего дома уже давно жалуются. Вы, конечно, понимаете, что не только музыка мешает. И курят, и громко разговаривают под окнами ночью, и пьяные разборки

устраивают. Но на каждый чих не будешь вызывать полицию. А музыка – это стационарная установка. Они приспособились в последнее время: в два, три, четыре часа ночи включают «туш», наверное, для самых щедрых клиентов, и замолкают. Пока полиция приедет, у них тишина, и ты вроде бы в дураках…

– Хорошо, – согласился Гончар и спрятал заявление в свою папочку.

Тут стали подходить жители Арбата. Появился и председатель арбатского муниципального собрания депутатов Евгений Петрович Бабенко. Он вопросительно посмотрел на меня, видимо, вспомнив, что я жаловалась ему на ТСЖ и управляющую компанию в нашем доме.

– Я здесь по другому вопросу, – объяснила я. – Хотя, возможно, эти вопросы как-то между собой связаны. Жители дома никак не могут справиться с ночным кафе «Евразия». Мы начали жаловаться ещё до Дерюгина, перед выборами мэра писали Собянину, в ответ из префектуры пришла отписка, где нас уверяли в том, что городские власти ничего не могут сделать с собственниками приватизированных нежилых помещений на первых этажах, и рекомендовали обращаться в полицию.

– Так напишите заявление на моё имя, мы отберём у этого кафе лицензию на алкоголь, – обнадёжил меня Евгений Петрович.

– А это возможно? – с надеждой спросила я.

– Конечно, – заверил меня Евгений Петрович.

Я тут же написала ещё одно заявление на его имя с просьбой вывести из дома или хотя бы изменить режим работы ночного кафе «Евразия», которое уже несколько лет терроризирует жителей дома своей музыкой, пьяными драками и т. п. Бабенко посмотрел заявление, одобрительно кивнул и тоже спрятал в свою папочку. Потом он обратился к Гончару как к депутату Государственной Думы помочь остановить незаконную надстройку дома на Новом Арбате, которая, несмотря на все предписания всевозможных инстанций, тем не менее продолжается.

– Дом находится на правительственной трассе, по которой каждый день проезжает президент, и вдруг там ведётся стройка, о которой никто ничего не знает, которая никем не разрешена. Пожалуйста, поднимите этот вопрос на уровне Государственной Думы, мы не можем справиться с незаконным строительством, это просто какая-то эпидемия началась, – взывал он. Гончар в ответ согласно кивал.

Жителей Арбата пришло на приём не так много, всего человек семь. Кто-то сразу же проинформировал депутата, что Мария Гайдар, которая зарегистрировалась кандидатом от

оппозиции на предстоящих в сентябре выборах в Московскую городскую думу, уже проводит во дворах встречи с жителями.

– А вы знаете, кто выдвигается на выборы в Московскую думу от оппозиции? Актёр Леонид Ярмольник! Он идёт на выборы от той самой Гражданской платформы, которая недавно устроила антивоенный марш в Москве под бандеровскими знамёнами! – сделал страшные глаза Гончар. Но публика не особенно была настроена слушать его лекцию на политические темы. Пожилая пара попросила депутата похлопотать, чтобы им получить бесплатную путёвку в санаторий.

– Он ветеран войны и имеет право на бесплатную путёвку… – начала жена.

– Ветеран войны или участник войны? – уточнил Гончар. – Это, в общем-то, разные вещи. Напишите мне заявление, чтобы я мог приложить его к своему письму в Минсоцтруда, и обязательно укажите свой статус.

Пожилая пара тут же уселась за стоящее в зале пианино и в четыре руки стала писать заявление на имя Гончара.

– Скажите, а это правда, что муниципальная поликлиника скоро станет платной? – задала вопрос другая посетительница. – Вы не можете послать по этому поводу запрос и как-то воспрепятствовать этому?

– Обязательно выполню вашу просьбу, – охотно откликнулся Гончар и после некоторой паузы добавил: – Если вы тоже напишете заявление на моё имя и в нём точно укажете, кто, где и когда вам сообщил эту информацию.

Женщина сразу прикусила язык. Видимо, источник информации был ОБС – «одна бабушка сказала», и Гончар, как опытный бюрократ, это прекрасно понял.

Под занавес я спросила у Гончара, когда будет принят закон о лицензировании управляющих компаний, уже даже президент Путин об этом говорил в своём недавнем выступлении.

– Этот закон уже рассматривается в Государственной Думе, – коротко ответил Гончар и добавил: – Но встречает яростное сопротивление, прежде всего от фракции «Справедливая Россия», точнее, от депутата этой фракции Галины Хованской.

Я приняла к сведению его ответ и кивнула. Недавно газеты сообщали, что Путин вызывал Сергея Миронова – председателя фракции «Справедливая Россия» и потребовал ускорить принятие закона о лицензировании управляющих компаний.

27 мая 2014 года, вторник.

Зашла в гости к Александре Андреевне, принесла ей нательный крестик.

– Ой, спасибо вам большое. А где вы покупали этот крестик? – спросила она.

– В нашем храме апостола Филиппа, в Филипповской переулке, раньше он назывался Аксаковским.

– А, я помню эту маленькую церквушку, мы там отпевали свою тётю. Помню, там сердитая женщина работала в храме, на всех ругалась, всех отчитывала.

– Эту женщину звали Зоя, она давно умерла, причём прямо на посту, она всегда стояла у поминального канона, где ставят свечки за умерших. Она не злая, просто считала, что должна всех учить, как вести себя в храме. Она и меня тоже отчитывала за то, что я однажды пришла в храм в брюках. Я ей сказала, что эти брюки женские, но она всё равно ругалась на меня. После этого я перестала приходить в храм в брюках. А церковь эта хоть и маленькая, но очень значительная. Это подворье Иерусалимской церкви, а в Иерусалиме находится главная христианская святыня – Гроб Господень, и настоятель этой церкви назначается в Иерусалиме самим Иерусалимским патриархом, и он обязательно грек. В этой церкви Василий Сталин отпевал своего отца. Сталин был не против церкви, особенно после войны, но Хрущёв потом начал гайки завинчивать и преследовать верующих.

– Да, я в 60-х годах работала в оперной студии костюмершей, и там если узнавали, что кто-то из артистов поёт в церковном хоре, их тут же увольняли, – подтвердила Александра Андреевна.

1 июня 2014 года, воскресенье.

Позвонила Александре Андреевне, чтобы узнать, как её самочувствие и не нужно ли ей что-нибудь.

– Нужно, миленькая, – отозвалась еле слышно Александра Андреевна. – У меня лампочка перегорела на кухне, ничего не вижу, вы не поможете её поменять? Сама я боюсь влезать на табурет, чтобы не упасть.

Лампочку на кухне я заменила быстро. После этого Александра Александра Андреевна повела меня в комнату, где вытащила из ящика коробку с прибором и попросила измерить ей давление. Она жаловалась на головную боль и головокружение. Однако прибор оказался сломанным, и я предложила вызвать «Скорую помощь».

– Как-то неудобно, – сказала Александра Андреевна.

– Почему неудобно? У вас может быть гипертонический криз, а в таком состоянии как раз нужна медицинская помощь, – сказала я.

Я позвонила «03», и через некоторое время к дому подъехала карета «Скорой помощи». Я вышла их встретить, пришли мужчина

и женщина. Они вначале выяснили, действительно ли Александра Андреевна – ветеран Великой Отечественной войны, потом измерили давление (оно оказалось повышенным), дали какую-то таблетку, пообещали завтра позвонить в нашу поликлинику, чтобы пришёл участковый доктор. Александра Андреевна полезла в стол, достала оттуда 500 рублей и сунула женщине. Та не возражала. Когда они уехали, Александра Андреевна стала сокрушаться, что дала деньги только женщине и что надо было бы столько же дать и мужчине.

– «Скорая помощь» приезжает бесплатно, – сказала я, уже сожалея о том, что вызвала «неотложку» и ввела Александру Андреевну в напрасные траты.

– Если завтра придёт участковый врач, она, наверное, будет ругать меня, – забеспокоилась Александра Андреевна. – Как-то она была у меня, очень была недовольна, даже не выслушала, поговорила с кем-то по моему телефону по своим делам и ушла, даже не попрощалась.

– А разве участковый врач не обязан регулярно посещать ветеранов войны? – удивилась я. – Я читала в газете, что перед Днём Победы обследовали всех ветеранов войны.

– Ой, ну что вы, кому мы нужны! – обречённо махнула рукой Александра Андреевна. – Я сама как-нибудь измерю себе давление, но надо купить новый аппарат для измерения давления.

Я тут же предложила ей свои услуги и принесла новый аппарат, который купила в соседней аптеке за 600 рублей. Обрадованная Александра Андреевна тут же со мной рассчиталась, а потом опять полезла в стол, достала 500 рублей, чтобы заплатить мне ещё и за мою услугу.

– За кого вы меня принимаете? – возмутилась я.

– Миленькая, извините меня, я не хотела вас обидеть, просто я к этому не привыкла, меня всегда окружали люди, которым за всё нужно платить, – стала оправдываться Александра Андреевна.

– Давайте договоримся, что в следующий раз вы всегда будете говорить мне, что нужно купить, – предложила я. – И вообще не будете связываться с теми, кто за каждый чих берёт с вас деньги.

Сразу после Александры Андреевны я зашла проведать ещё одного ветерана из соседнего дома, в прошлом ответственного партийного работника. В 90-е годы он лишился жены и единственного сына, остался один, перенёс инсульт, но как-то сумел выкарабкаться и жил один в просторной трёхкомнатной квартире на третьем этаже, в престижном доме в Староконюшенном переулке. Недавно у него появилась хозяйка,

которая стала наводить марафет в его квартире, но я по старой памяти продолжала его навещать.

Немного посидела у него и пожаловалась, что житья не даёт ночное кафе на первом этаже дома: хронический недосып из-за того, что они по ночам включают музыкальную установку как раз под моей квартирой.

– Просто какое-то бедствие на Арбате наступило после приватизации нежилых помещений. Кругом одни кабаки, – посетовала я.

– У нас в доме тоже была такая же ситуация, – стал вспоминать мой сосед. – В 90-е годы кто-то каким-то непонятным образом приватизировал подвал в нашем доме. Это помещение несколько раз перепродавалось, и последний собственник решил устроить там ночной клуб со стриптизом. Но этот номер у него не прошёл, жители восстали, и сейчас этот подвал уже несколько лет стоит заброшенный. Я могу вам дать телефон очень толковой женщины из нашего дома, вы с ней поговорите, может быть, она что-то дельное вам посоветует. Она у нас председатель домкома.

– Наверное, ТСЖ, а не домкома? – уточнила я.

– Нет-нет, это точно не ТСЖ. Нам предлагал один новый собственник организовать ТСЖ в доме, но у нас живут люди опытные, все в прошлом ответработники, бывшие послы, они категорически отказались от ТСЖ. Кажется, у нас организовали Совет многоквартирного дома, а председателем выбрали Аллу Владимировну Титову, она оказалась очень хорошим организатором, жильцы ею довольны.

Придя домой, я сразу же позвонила по её телефону. Выслушав меня, она сказала:

– Так вы всего два раза писали заявление в полицию? Это мало. Надо, чтобы таких заявлений набралась толстая пачка. Тут надо учитывать бюрократический момент: они отчитываются по количеству расследованных и закрытых заявлений, поэтому чем больше вы их напишите, тем лучше. Если они не будут реагировать, у них сразу же упадут показатели. А звонить по телефону бесполезно: они захотят – приедут, захотят – не приедут, и вы будете им звонить без всякого полезного результата, тогда как письменные заявления фиксируются, и они на них должны обязательно реагировать, – учила она меня.

2 июня 2014 года, понедельник.

В половине третьего ночи кафе «Евразия» опять включило свою установку с барабанным боем и ударными инструментами, и эта какофония продолжалась до 4 часов утра. Потом компания, в честь которой играл туш, с шумом удалилась домой, а я так и не

смогла уснуть до самого утра.

На этот раз, вместо того чтобы звонить в полицию, я, встав пораньше, села за сочинение нового заявления на имя начальника Арбатского ОВД Янчука. Теперь я детально изложила все подробности: что звуковоспроизводящая установка находится в подвале прямо под моей квартирой, что даже при негромком включении вибрация и сильная акустика дома усиливают звук, и он распространяется по всей квартире, не позволяя уснуть. На основании Закона города Москвы «О тишине» я просила принять меры к прекращению работы музыкальной установки в ночное время.

Когда я появилась в отделении полиции, дежурный первым делом проверил содержимое моей сумки, в которую я положила ноутбук и папку с бумагами. Только после этого меня допустили к окошку, в которое я отдала своё заявление.

– Теперь я буду вам каждый день приносить заявления, пока не прекратятся эти концерты, – пообещала я и заодно поинтересовалась, кто теперь участковый на нашем участке вместо уволенного Сусанова. Новый участковый как раз появился в дверях.

– Что у вас? – спросил он.

– Ночное кафе «Евразия» каждую ночь веселится, а я после этого весь день ползаю как сонная муха, – мрачно сообщила я.

– Заявление написали? – осведомился участковый.

– А как же!

– Разберёмся.

Я попросила у дежурного сделать копию моего заявления с отметкой о дате принятия. Он долго возился с копировальным аппаратом и в конце концов сообщил, что он не работает. Вместо копии заявления он выдал мне корешок регистрационного талона, на котором были указаны дата заявления и фамилия того, кто его принял. Посмотрим, сработает ли новая тактика.

11 июня 2014 года, среда.

Всю неделю музыку не включали, но демонстративно устраивали шумные разговоры под окнами. Вот и сегодня, начиная с четырёх утра, напрягая все свои голосовые связки, верещали часов до пяти. Около шести утра опять вышли и устроили страшный гвалт, но я уже встала и начала заниматься своими делами, не обращая внимания на вопли внизу. Надеюсь, что когда-то им надоест это. Пусть орут, лишь бы свою рок-музыку не включали по ночам.

Спустилась вниз и обнаружила в почтовом ящике сразу два письма от Жилинспекций: одно, наконец-то, от инспекции по ЦАО

за подписью заместителя Булаевой (почему-то она сама не стала подписывать), другое – по Москве, куда я жаловалась недавно. Оба письма совершенно одинаковые, только бланки разные. По смыслу – отказ, ссылаясь на то, что документы в порядке, и судя по ним, никто не передавал своих полномочий по доверенности другому лицу, и что отсутствие справки о судимости не является препятствием. И опять адресовали меня в суд!

С этими письмами пошла в управу, позвонила Марине Баташовой, она спустилась ко мне, и я отдала ей одно из писем:

– Они совершенно одинаковые. К сожалению, ничего утешительного, – уныло сказала я.

– Ничего, Бабенко послал от своего имени жалобу Гончару в Государственную Думу, в Мосгордуму депутату Ирине Святенко и в прокуратуру, – сообщила Марина. – Но вообще-то Жилинспекция должна следить за этим, а не прокуратура.

– А Жилинспекция умывает руки, – вздохнула я. – Я принесла вам сегодняшнюю статью в газете «Московский комсомолец», где описывается аналогичная история: там тоже какая-то банда под видом ТСЖ захватила целый многоэтажный дом, и жители ничего не могут сделать, пишут жалобы, а им отвечают: сами выбирали, сами и разбирайтесь.

– В том-то и дело, что не выбирали, – поджала губы Марина, поблагодарив за газету. – Но не отчаивайтесь, я только что с совещания в префектуре, в следующем году все дома переведут в государственную управляющую компанию «Жилищник».

– Только в следующем году? – разочарованно протянула я.

– Ничего, ждать осталось немного, – обнадёжила меня Баташова.

12 июня 2014 года, четверг.

Позвонила Александре Андреевне, чтобы передать ей котлетки из сёмги, которые она просила ей купить в Новоарбатском гастрономе. В трубке слышался шум, видимо, рядом кто-то разговаривал. Когда я пришла, оказалось, что это Ирочка, которая уже вернулась с отдыха на Кипре. Она открыла мне дверь, сухо поздоровавшись со мной.

– Как вы загорели! – восхитилась я совершенно искренне. Она действительно выглядела как негритянка в своём белом махровом халатике, с модной короткой стрижкой.

– Только недавно приехала, – немного смягчилась Ирочка.

– Вы не выписываете газету «Московский комсомолец? – спросила я.

– Нет. А что?

– Там в последнем номере очень интересная статья о ТСЖ в

доме на Ленинском проспекте. Кстати, вы получали от новой управляющей компании счета на оплату? Вы будете их оплачивать?

– Конечно, я уже заключила с «Арбат-сервис» договор, – важно сказала Ирочка.

– А мне, видимо, придётся переходить на прямые расчёты с ресурсоснабжающими организациями. Я не хочу платить непонятно за что «Арбат-сервису» по завышенным тарифам, – сказала я.

– Ваше право, – снисходительно ответила Ирочка.

– А вы знаете, что жители дома в Староконюшенном, который обслуживает «Арбат-сервис», сейчас жалуются в муниципалитет и просят их избавить и от этой управляющей компании, и от ТСЖ в их доме. Сначала «Арбат-сервис» присылал им небольшие счета, а потом всё больше, больше. Уже самый маленький счёт перевалил за 15 тысяч. И жаловаться некому – это частная компания.

Ирочка изменилась в лице, но ничего не ответила. Я отдала Александре Андреевне котлетки, попрощалась и ушла, оставив Ирочку в мрачном раздумье.

13 июля 2014 года, пятница.

Сегодня 13-е число, да ещё и пятница. Я решила из дому нос не высовывать, тем более что дождливая погода не благоприятствовала этому. Но около полудня позвонила Александра Андреевна:

– Вы сейчас дома? – спросила она. – Ирочка уехала до завтрашнего вечера, её сейчас нет. Вы не могли бы ко мне сейчас зайти, я хотела с вами поговорить. Только ничего не приносите, у меня всё есть.

Я не послушалась и, наспех перекусив и захватив с собой душистую монастырскую медовую коврижку и стаканчик с черешней, отправилась к Александре Андреевне, гадая, о чём она со мной хочет поговорить.

– Я хотела вам рассказать о своих отношениях с Ирочкой. Боюсь, что она вынашивает какие-то планы относительно меня. Я чувствую давление со стороны родственников.

– А что за родственники? – поинтересовалась я.

– Видите ли, Ирочка мне не родная внучка. Григорий Васильевич до меня был женат на одной женщине, она когда-то была известной спортсменкой-пловчихой, но потом спилась, вела разгульный образ жизни. У них был сын Виталик. Когда Гриша развёлся со своей женой, а это было ещё до встречи со мной, Виталик был уже взрослый, у него родилась дочка Ирочка, внучка Гришеньки. Он хотя был в разводе, но продолжал жить в одной

квартире со своей бывшей женой. Она вела себя безобразно, Гриша был на грани нервного срыва. А познакомились мы так: я работала в оперной студии костюмершей и в антракте несла костюмы, а Гриша играл в оркестре, и в антракте вышел покурить, я проходила мимо и поздоровалась. А на следующий день Маша из бутафорской мне сказала, что кто-то со мной хочет познакомиться из оркестра. Я ей говорю: «Там же все женатые». Она мне ответила: «Нет, там есть один неженатый». А он был уже год как в разводе. Мы встретились, Гриша был очень интересный. Мне он понравился. Но я уже тоже побывала замужем. Замужество было неудачным, через полгода мы разошлись, и я решила, что вообще не буду выходить больше замуж, жила у своих дяди и тёти на Арбате. Они приютили меня, когда на фронте погиб мой папа, а мачеха вышла второй раз замуж, и я стала ей мешать. А у дяди с тётей погиб в самом начале войны их единственный сын, и они взяли меня к себе. Но скоро и я тоже получила повестку, и меня отправили на Ленинградский фронт.

– Первый раз вы вышли замуж до войны? – спросила я.

– Нет, первый раз я вышла замуж уже после войны, когда меня демобилизовали. Он пришёл к нам настраивать пианино, мы познакомились, стали встречаться, и он сразу сделал мне предложение, я согласилась. Тётя с дядей тоже вроде одобрили. Я переехала жить к нему. Но у нас с ним не получилось жизни. Я ведь была совсем неопытная, а у него, оказывается, было не всё в порядке как у мужчины. Он терзал меня каждую ночь, я стала нервная, худая, тётя заподозрила неладное, стала спрашивать меня, как я живу, я ей всё рассказала, и она сказала, что мне нужно развестись. Мне было ужасно стыдно идти в суд, муж никак не хотел меня отпускать, везде меня преследовал, и тётя придумала, как от него избавиться. Подложила мне на живот подушку, вроде я в положении. Когда он пришёл опять уговаривать меня вернуться, я ему сказала: «Поздно» – и показала на живот. Только после этого он от меня отстал.

– А где вы работали после войны? – спросила я.

– После войны я закончила курсы кройки и шитья, преподавала на курсах. Потом работала смотрительницей в музее Пушкина на Кропоткинской. Однажды там ко мне подошёл актёр из оперной студии и спросил: «Что ты тут делаешь? Иди работать к нам, у нас требуется костюмер». Так я и стала работать в театре. Это было моё, я ведь до войны посещала музыкальную школу. Потом появилась мачеха, она была против, и мне пришлось бросить занятия музыкой, но я всегда стремилась к театру. Там я и встретила своего Гришеньку. Это была судьба. Мне уже было лет под сорок. Дядя и тётя были старенькие. Тётя заболела, у неё

ничего не болело, но она худела, таяла, как свеча. Через некоторое время после того, как мы с Гришей расписались, она умерла. Дядя пережил её всего на три месяца, с ним случился инфаркт. Конечно, я бы одна не справилась со всем этим, что на меня обрушилось. Но я уже была с Гришей, тётя с дядей его прописали, и он ушёл из квартиры, где жил с бывшей женой, которая постоянно трепала ему нервы. Врач, который его смотрел, сказал: «Как вы вообще живёте при таком нервном истощении?» Мы оказались нужны друг другу. Просто вцепились друг в друга и прожили вместе тридцать лет, как один день. Последние годы он сильно болел, и когда он лежал в больнице последний раз, он мне сказал, что только благодаря мне он прожил столько лет.

– А сколько лет прожил Григорий Васильевич? – спросила я.

– Когда он умер, ему было 82 года. Он умер неожиданно. Неожиданно для меня, сам-то он, конечно, всё чувствовал. Я его вечером навещала в больнице, и он мне сказал: «Шура, я хочу тебе что-то сказать. Когда меня не будет, родственники моей бывшей жены будут предлагать тебе переехать к ним. Не соглашайся. Ты очень доверчивая. Они тебя могут обмануть». Я ему сказала: «Ну что ты сейчас о таких вещах говоришь, вот вернёшься домой, и мы поговорим на эту тему». А он домой уже не вернулся. Утром мне позвонили из больницы и сказали, что он умер. Получилось, что это были его последние слова. Видимо, он уже знал, что скоро уйдёт. А родственники: сын и жена сына – потом действительно уговаривали меня съехаться с ними, но я отказалась.

– Но потом всё-таки не послушали Григория Васильевича и заключили договор с Ирочкой? – напомнила я.

– А у меня не было другого выхода, – горестно ответила Александра Андреевна. – В начале 90-х в квартире оставались прописанными я, слепая Ольга и Олег Паничев. Он потом купил себе квартиру, а в своей комнате прописал сына Димочку. Он здесь не жил, только был прописан. Потом слепая Ольга умерла, её никто из родственников не хотел хоронить, комната у неё была неприватизированная, им ничего не досталось. Пришли из милиции, завернули её в покрывало и унесли. А в её комнату участковый привёл целую орду курдов, они ему платили за это. Их был целый табор, они заполонили всю квартиру, я не знала, куда от них деваться. А потом объявили приватизацию. Сын Паничева Дима тоже претендовал на освободившиеся комнаты. Но суд решил в мою пользу, Ирочка выкупила эти комнаты и предложила мне заключить с ней специальный договор по уходу, чтобы потом всё досталось ей. У меня не было другого выхода.

Курды не хотели уезжать, всё тянули, но она поставила им ультиматум, и они без звука исчезли. Я бы, конечно, без неё с ними не справилась. И выкупала она свободные комнаты за свои деньги.

– Но по льготной цене и от вашего имени, – заметила я.

– Да за эти комнаты настоящая война разгорелась. Димочка даже пытался меня отравить газом. Я случайно ночью вышла из комнаты и увидела, что газовые конфорки открыты. Я, конечно, их закрыла и легла спать. Потом, когда он утром пришёл, я ему сказала: «Не думала, что ты на такое способен». А он сделал вид, что не понимает, о чём я ему сказала. Ну да Бог с ним! Я не думаю, что он сам до этого додумался, наверняка это его бабка, мать Олега Паничева, его подучила. Но её судьба за это наказала. Она моложе меня: ей всего 80 лет, а она уже лежачая. Квартиру свою переписала на внучку от первого брака Олега Паничева, а та ждёт не дождётся, когда бабка помрёт. Она мне иногда звонит. Недавно жаловалась, что на Пасху хотела угостить внучку куличиком, а та ей в ответ сказала: «Да подавись ты, бабка, своим куличиком». Она сыну пожаловалась на внучку, а тот ей говорит: «Я, мать, терплю, и ты терпи».

– Родная внучка так с бабушкой разговаривает? – не поверила я.

– Да, родная внучка, которой она свою квартиру отписала, – подтвердила Александра Андреевна. – Я иногда думаю: ну чего я хочу от Ирочки, она же мне не родная, тут родные дети и внуки знать не хотят своих родных! Сын Григория Васильевича Виталик тоже ведь отца совсем не навещал, когда тот лежал в больнице. Гришенька несколько раз просил меня ему позвонить, чтобы он пришёл, я ему звонила, а он каждый раз мне отвечал «Мне некогда». Так и не пришёл попрощаться с отцом перед смертью. Но и когда сам Виталик умирал, ему тоже несладко было. У него случился инсульт, жена отвезла его на дачу, и он там лежал, никому не нужный, пока не умер.

– Ирочка – это их дочь? – спросила я.

– Да, Ирочка – это внучка Григория Васильевича. Он, конечно, всегда поддерживал связь с сыном и помогал ему, Ирочку я тоже считала своей внучкой, ведь у нас с Гришенькой не было детей. Но для меня она совершенно чужой человек, да и по духу совсем другая. Она вся пошла в свою бабку, жену Гриши, даже её фамилию взяла – Покровская. У неё были связи в МИДе, благодаря этому Ирочка закончила МГИМО. Но бабушка любила погулять. И Ирочка тоже в этом на неё похожа. Первый раз она вышла замуж за очень хорошего парня. Но уже через месяц они развелась, потому что этот парень застал её в постели с соседом.

Потом она вышла замуж второй раз, надо сказать, тоже удачно, она ведь интересная. Второй Ирочкин муж Серёжа занимался снабжением дипломатов, часто ездил в заграничные командировки, она тоже ездила вместе с ним по заграницам и нигде никогда не работала. Но потом у него начался роман с молоденькой секретаршей, Ирочке стало об этом известно, она закатила мужу скандал, и он обещал порвать отношения с этой секретаршей. После этого Ирочка ко мне пришла и заявляет: «Я еду в Париж». Я ей говорю: «Ирочка, вы же только что помирились, куда ты едешь, одна, без мужа?» А она мне отвечает: «Что же я, должна сидеть возле него? Никуда не денется, он у меня в ногах валялся, просил прощения». И что же? Она вернулась из Парижа, а он опять с этой секретаршей. И как она ни старалась, он к ней уже не вернулся, женился на этой молодой. Теперь она жалеет. А исправить уже ничего нельзя. Что же она хотела? И не таких, как она, бросают. Тем более ей тогда было уже за сорок. А сейчас ей уже 55, она оформляет пенсию. Неужели ей полагается тоже пенсия? Она же никогда не работала!

– Но вы говорили, что Серёжа всё равно помогает Ирочке? – спросила я.

– Серёжа хороший парень. Он помогает, но не Ирочке, а двум их дочерям, и он им запретил вообще что-то рассказывать матери о нём. Одной дочери недавно купил трёхкомнатную квартиру, сейчас там ремонт идёт. Двухкомнатная квартира, где они жили раньше, освобождается, её будут сдавать, ещё одна четырёхкомнатная квартира в Староконюшенном переулке, которую она отсудила после развода, тоже сдаётся в аренду, но, видимо, денег Ирочке всё равно мало, она привыкла жить на широкую ногу. Я чувствую, что уже мешаю ей. Чувствую, что когда мне звонят, ей это не нравится. Она хотела бы меня изолировать от окружающих, чтобы быть хозяйкой во всей квартире. Боюсь, как бы она меня отсюда не спровадила.

– А что написано в вашем договоре с Ирочкой? – начала допытываться я.

– Да я же слепая, ничего не видела, когда подписывала, – призналась Александра Андреевна. – Наверное, она всю квартиру уже на себя переписала. И дочек своих она здесь уже прописала, и внуков, наверное.

18 июня 2014 года, среда.

Вчера была встреча жителей Арбата с префектом Центрального округа Виктором Фуером в помещении издательства «Наука» в Шубинском переулке у Смоленской набережной. Зал был большой, и, видимо, из-за опасений, что

придёт мало людей, мне позвонила из управы Людмила Алексеевна Трайгель и попросила поприсутствовать на встрече. Опасения её оказались напрасными, зал оказался полон. В президиуме сидели Фуер, наш глава управы Арбат Максим Дерюгин, зам. префекта по спортивно-массовой работе (встреча была как раз посвящена физкультурной тематике) и ещё какой-то чиновник префектуры, кажется, заместитель Фуера по торговле и потребительскому рынку Литошин, тот самый, за подписью которого пришла жителям нашего дома отписка на жалобу по поводу кафе в нашем доме. Он же и открывал встречу, предоставив слово первому – главе управы Арбат Дерюгину.

После краткого сообщения Дерюгина об организации спортивно-массовой работы перешли к вопросам из зала. Разговор очень скоро перескочил со спортивно-массовой тематики на остальные животрепещущие темы, волнующие жителей Арбата. Женщина из Дома Жолтовского на Смоленской площади опять подняла вопрос о переустройстве чердаков и незаконном сооружении мансард на крыше их дома. На это Фуер резонно ответил, что вопрос не нов и касается не только дома на Смоленской площади. Проблема в том, что бригаду, присланную для разборки незаконного строения, не пускают собственники помещения и ТСЖ, созданное жителями. Зал слегка зашумел.

– Кроме того, – после некоторой паузы многозначительно продолжил Фуер, – по правилам, чтобы разобрать эти мансарды, требуется отселение жильцов дома.

Тут все просто взревели. Фуер быстро замял вопрос. Понятно возмущение жителей. Не хватало ещё, чтобы под предлогом сноса незаконных построек жителей из центра города выселили куда-нибудь на окраину, как это обычно бывает.

Кто-то поднял вопрос о ярмарке выходного дня у Смоленского метро: цены там запредельные, в полтора раза выше, чем рядом в супермаркете «Седьмой континент», хотя, казалось бы, должны быть ниже, так как торговцы не платят за аренду. Или, может быть, всё-таки платят? Иначе откуда такие цены? И не похожи они на фермеров из российских регионов, опять одни азербайджанцы. Фуер пообещал разобраться.

Тут встала какая-то пожилая дама, которая вначале долго хвалила Фуера и Дерюгина, вспоминала, как враждебно проходили первые встречи, и насколько по-деловому проходит нынешняя встреча. Значит, вопросы решаются.

– Но ещё когда Максим Александрович проводил первую встречу с жителями, ему прямо сказали: если у вас будут продолжать работать такие сотрудники, как глава отдела потребительского рынка Краснова, ничего у вас не получится. Вот

и сейчас она игнорирует все ваши распоряжения по ярмарке выходного дня, – закончила дама.

Я вспомнила, что когда я искала в Интернете материалы по новому главе управы Дерюгину, наткнулась на комментарии по поводу этой первой встречи с жителями, и там кто-то сетовал на реакцию Красновой на претензии жителей: с какой враждебностью она отвечала на их вопросы. «И это человек, который, по идее, должен заботиться о жителях района! Да мы для них всех враги!» – риторически восклицал автор. Я заинтересовалась и поискала информацию по «Красновой», нашла даже её фотографию. Оказалось, молодая рыжеволосая девица, к тому же председатель местного отделения партии «Единая Россия». Может, этим и объясняется такая снисходительность Дерюгина к своей подчинённой, не выполняющей его распоряжения? И раньше, при советской власти, парторг мог запросто уволить своего начальника, и теперь, наверное, мало что изменилось.

Встреча продолжалась два часа – с 19 до 21 часа. После встречи я захватила лежавшие на столах в вестибюле газеты «Арбатские вести» и «Москва-Центр» с результатами праймериз по выборам в Мосгордуму, которые прошли в прошлое воскресенье: Людмила Алексеевна просила советников передать газеты жителям. В нашем округе победителем праймериз оказался Леонид Ярмольник. Это единственный выдвиженец от «Гражданской платформы» Михаила Прохорова, который занял первое место в праймериз. Совсем немного ему уступила кандидат от «Единой России» врач Вера Шастина, которая сейчас входит в Совет муниципальных депутатов района Арбат. Но на настоящих выборах, которые состоятся 14 сентября, всё может измениться. Я думаю, что, скорее всего, пройдёт Шастина. Хотя и говорят, что за время муниципального депутатства она себя ничем особо не проявила, уж лучше она, чем Ярмольник, который, как я слышала, довольно тесно связан с криминалом. Да и зачем артисту идти в депутаты? Разве что хлопотать о чьих-то подрядах и земельных отводах в Москве?

20 июня 2014 года, пятница.

Вечером в квартиру кто-то позвонил. Оказалось, пришёл участковый. Он застал меня врасплох, я была в старом халате, но пришлось его впустить в квартиру. Он попросил меня предъявить ему паспорт и, вытащив из папки моё заявление, стал с пристрастием допрашивать меня: с какого года живу в квартире, не состою ли на учёте в психдиспансере, нет ли у меня судимости. Я сначала отвечала, а потом поинтересовалась, какое

отношение это имеет к моему заявлению в полицию? Он сказал, что всё это требуется при рассмотрении заявления, и он должен провести расследование.

– А в кафе «Евразия» вы тоже проводили расследование? – спросила я.

– А что, они опять включают музыку?

– Нет, музыку если и включают, то очень тихо, – признала я. – Но теперь они, видимо из мести, устраивают мне другие концерты по ночам. Вчера в три часа ночи минут 15 держали сигнал на мотоцикле, а сегодня в четыре часа устроили хоровое пение. Можно было бы, конечно, позвонить в полицию, но я же понимаю, что это бесполезно. Пока вы приедете, они уедут. Тут со стационарным источником звука никак не справимся, что же говорить об остальном! Пока музыкальную установку по ночам не включают, но где гарантия, что они и дальше не будут её включать?

– Это не музыкальная установка, это караоке, – показал свою эрудицию участковый.

– Ну я не знаю, как она называется, но житья не даёт уже второй год. Я пару раз спускалась, заходила в кафе со стороны двора. Установка находится в подвальном помещении, как раз под моей квартирой. В доме сильная акустика, по стенам идёт вибрация, когда они её включают, и даже если им кажется, что тихо, сразу просыпаешься, и уснуть невозможно, – опять начала описывать я ситуацию.

– Как только опять включат, вы сразу звоните мне, если мы их накроем на месте преступления, то сразу составим протокол и будем штрафовать, – заверил меня участковый.

– Давно пора, – сказала я. Я уже успела познакомиться с московским кодексом об административных правонарушениях, из которого узнала, что штраф за нарушение тишины в ночное время для юридических лиц – от 20 до 80 тысяч рублей.

– А кто живёт над вами? – поинтересовался участковый. – Им тоже мешает кафе «Евразия»?

– Тот, кто живёт над нами, как раз и крышует это кафе, – сказала я.

– Это как крышует? – чуть не свалился от неожиданности со стула участковый.

– Год назад мы писали коллективное письмо по поводу ночного кафе, все жители подписали письмо, только житель этой квартиры Виктор Тарасов не подписал. Мы жаловались в управу ещё прежней главе Черкасовой, дошли до Собянина, нам дали ответ из префектуры, что это частная собственность, они ничего не могут сделать, поэтому жалуйтесь в полицию. Но я знаю, что

вообще-то так просто нельзя открыть кафе, да ещё ночное, в жилом доме, обычно требуется согласование с жителями. Вы не могли бы по своим каналам выяснить в управе, кто в нашем доме от имени жителей дал согласие на открытие этого кафе? Мы подозреваем Тарасова. Во всяком случае, я слышу, как в эту квартиру из этого кафе кто-то под утро возвращается каждую ночь. Не знаю, может, не сам Тарасов, но вижу, что машина его стоит под окнами.

– Вот как, – заинтересованно пробормотал участковый и заторопился с визитом в соседнюю квартиру.

22 июня 2014 года, воскресенье.

Сегодня день начала Великой Отечественной войны, и я решила навестить Александру Андреевну. Спросила, не нужно ли ей что-нибудь купить из продуктов. Она сказала, что ничего не надо, но я всё-таки принесла ей стаканчик с земляникой, которую купила на ярмарке выходного дня у Смоленского метро. Александра Андреевна тут же вытащила кошелёк с намерением расплатиться. Еле уговорила её не делать этого, потому что я купила ягоды в последний день работы ярмарки выходного дня, когда торговцы распродавали всё в два-три раза дешевле, чем в первый день работы в пятницу.

– Вы не помните, как началась война? – спросила я.

– Конечно, помню, – сказала Александра Андреевна. – Объявили по радио о начале войны, выступал Молотов. Потом все разошлись по комнатам. А буквально через несколько минут в булочную рядом с Вахтанговским театром на Арбате выстроилась такая очередь, что заворачивала в Серебряный переулок. Сразу стали скупать продукты.

28 июня 2014 года, суббота.

В половине четвёртого утра опять включили барабанную музыку в кафе «Евразия». Я тут же проснулась. Вроде бы вдалеке стучат и негромко, а уснуть невозможно. Промучилась час. Не перестают. Решила наведаться к ним. Быстро собралась и спустилась вниз. Уже рассвело, идти было не страшно. Сначала обошла дом, чтобы со двора зайти на чёрный ход и сразу накрыть с поличным музыкальную установку в подвале. Но дверь на служебном входе оказалась наглухо закрытой. Пришлось опять вернуться на Арбат к главному входу.

Когда я зашла в кафе, зал был почти пуст. Какая-то парочка или тройка (не разобрала) сидела в центре пустого зала. Два официанта уже таскали швабру с тряпкой. Я спросила у них администратора. Они мне указали на закуток, где две

круглолицые не то японки, не то китаянки ворковали за чашечкой чая или кофе, кайфуя под негромкую музыку.

– Вы почему включаете музыку ночью? – набросилась я на них, указывая на часы. – Время пять часов утра, в зале никого нет. Для кого вы включаете эту музыку?

– Мы тихо включаем, – немного оправившись от неожиданности, пошла на меня в атаку девушка-администратор. – К нам приходили из полиции, и они ничего не могли нам вменить. Это кто-то другой вам мешает спать. Здесь рядом есть бар, это, наверное, он включает музыку.

– Какой бар? – взревела я, как раненый зверь. – Вы что же, издеваетесь надо мной? Кроме вас, никто ночью не работает. Вы что, не можете обойтись без своей музыки по ночам? Вы хоть немного думаете о людях, которые не могут из-за вас спать?

– Может быть, это ваши соседи не дают вам спать, а мы тихо включаем, – продолжала выкручиваться администраторша.

– Какие соседи? – возмутилась я. – Да у меня в квартире пол начинает дрожать, когда вы включаете свою музыку.

– Может, у вас пол такой, – не унималась администраторша.

– Бесполезно, – пробормотала я, уходя из кафе. На всякий случай проверила соседнее кафе. Оно было закрыто. Внутри за стеклом было темно.

Вернулась домой, переполненная планов мщения: как я сегодня пойду в полицию и напишу очередное заявление. Надо будет не забыть напечатать его в двух экземплярах, чтобы опять не оказалось, что у них не работает копировальный аппарат. Потом пойду в службу «Одного окна» и отдам заявление на имя главы управы Дерюгина с просьбой сообщить мне фамилию, имя и отчество собственника помещения, директора заведения и должностного лица, разрешившего ночное кафе в жилом доме. А в конце припишу: информация необходима для обращения в суд.

Дома было тихо. Я прилегла, чтобы хоть немного доспать. Проснулась в половине двенадцатого. Настроение уже было более мирное. Немного поразмыслив, решила, что сегодня не стоит забрасывать всех жалобами. Может быть, стоит подождать до понедельника? Но уж если завтра опять всё повторится, держитесь!

2 июля 2014 года, среда.

Получила кучу писем. Два письма из местного и городского отделения полиции по поводу «Евразии» мне сообщали о том, что проведенное расследование показало, что музыка там тихая и что другие соседи не жалуются на шум. Видимо, участковый побеседовал с Тарасовым, и тот ему, разумеется, сказал, что он

претензий к кафе не имеет, и музыка ему не мешает. Естественно, ведь он ночи напролёт там просиживает, как же ему может музыка мешать? Может быть, он сам её и включает? Итак, результат моего последнего заявления в полицию и письма депутата Гончара в горотдел полиции – пшик.

Другое письмо – тоже в ответ на запрос депутата Госдумы Гончара по поводу нелигитимности создания ТСЖ – содержало формальную отписку о том, что я могу обратиться в суд. Как будто я сама не знаю, что могу обратиться в суд! Столько бумаг, а результат – ноль.

Ну чего же я хотела? Сама два года была депутатом, тоже писала письма в разные инстанции. Из двух толстых папок бюрократических посланий, может быть, два-три письма имели хоть какой-то результат: одному мужику в тюрьме немного скостили срок, да еще одному инвалиду установили телефон. Вот и весь выход годного из моего бумаготворчества. За двадцать прошедших лет ничего не изменилось, разве что чиновники стали ещё наглее.

Но всё-таки какой-то небольшой результат есть – «Евразия» уже не так громко включает музыку по ночам. Правда, это «компенсируется» зловредными байкерами-посетителями ночного кафе, которые, видимо, в отместку за тихую музыку теперь по делу и без дела включают музыку и звуковые сигналы на своих байках.

3 июля 2014 года, четверг.

Позвонила вечером Александре Андреевне, и она поведала мне, что сегодня их квартиру затопило: меняли какие-то трубы на чердаке и что-то, видимо, не рассчитали, подъезд залило водой. Её постель плавает в воде, испорчена мебель.

– А это не новая управляющая компания начала осваивать наш чердак? – насторожилась я.

– Не знаю, позвони Ирочке, она с ними разбиралась.

Пришлось звонить Ирине Покровской:

– Что у вас там на чердаке? Говорят, затопило квартиру? Не новая ли это управляющая компания занялась обустройством чердака? Тарасов ведь именно для этого создал ТСЖ. Я очень боюсь, что они всё делают без разрешения и с некомпетентными специалистами. Как бы у нас не получилась такая же история, как в доме Жолтовского у старого Смоленского метро: там тоже начали без разрешения благоустраивать чердаки, в результате дом пошёл трещинами, и теперь стоит вопрос о выселении жителей.

– Нет-нет, – поспешно заверила меня Ира. – Это они просто

хотели поменять старые водопроводные трубы на чердаке.

7 июля 2014 года, понедельник.

Опять получила кучу писем – ответов из Государственной Думы, из префектуры, из отделений полиции по Арбату и по Центральному административному округу.

Полицейские мне бодро сообщали, что нарушений при проверке не обнаружено, жалоб от других жильцов на кафе нет, но они всё же провели профилактические беседы с персоналом кафе «Евразия». Хорошо, хоть не привлекли меня к ответственности за клевету на добропорядочное кафе. Ещё не известно, кто кому мешает: они – мне или я – им. Письма из полиции были похожи как близнецы. Видимо, их сочинял всё тот же оперуполномоченный Алексей Дебряев, который побывал у меня дома.

Письма из Государственной Думы и префектуры были по поводу моих обращений к депутату Госдумы Гончару и к председателю муниципального Совета депутатов Бабенко. Депутат Гончар пересылал мне присланную ему отписку о том, что если я считаю свои права нарушенными при регистрации ТСЖ и смене управляющей компании, то я могу обращаться в течение полугода в суд с иском. Письмо от Гончара было подписано главой управы Арбат Дерюгиным. Точно такое же, как под копирку, было письмо от зампрефекта Центрального округа Ломовой. Видимо, его сочиняли в одном месте – в управе Арбат.

Совсем раздосадованная этим потоком бесполезных писем, я сидела и рассуждала сама с собой – поднимать ли мне вопрос о начале переустройства чердаков, окончившегося потопом в подъезде, или нет? В конце концов, решила, что спуску давать нельзя, и написала очередную жалобу начальнице Жилищной инспекции Булаевой – той самой, которая «отфутболила» меня с самым первым письмом о нелегитимности ТСЖ и управляющей компании «Арбат-сервис».

Здесь я уже совершенно определённо написала о том, что в доме создано фиктивное ТСЖ «Давыдов», которое перевело дом в такую же фиктивную управляющую компанию «Арбат-сервис», пообещав жителям освоение чердаков с последующей совместной сдачей их в аренду. Что на днях приступили к переустройству, в результате которого была выведена из строя водопроводная система на чердаке и весь подъезд был залит водой. Во избежание приведения дома в аварийное состояние я просила проверить наличие разрешительной документации и обеспечить осуществление контроля за проведением указанных работ.

С этим бюрократическим перлом я направилась сначала в

арбатскую управу, к Марине Баташовой, которой показала полученные из префектуры и Госдумы ответы и новое своё письмо в Жилинспекцию.

– Не знаю, стоит ли его туда посылать? – с сомнением спросила я. – Может быть, уже пора остановиться? Но я боюсь, что если молчать, то эта компания разорит дом, и в результате мы окажемся на улице. Вы же были на последней встрече с префектом, слышали, что он говорил по поводу дома Жолтовского? Что жителей могут начать отселять из-за незаконной надстройки!

– Я думаю, что стоит, – заверила меня Баташова. – Обязательно пошлите им это письмо. Оно всё равно придёт к нам, а мы скоро будем обращаться в суд по поводу ликвидации нелегитимных ТСЖ, и включим в список и ваше ТСЖ «Давыдов». А управляющая компания «Арбат-сервис» не получит лицензию.

– А что, разве уже приняли закон о лицензировании управляющих компаний? – с недоверием спросила я. – Вроде бы этот закон в Госдуме отложили на осеннюю сессию.

– Нет-нет, его уже приняли. Как раз перед каникулами, так что к осени уже начнётся лицензирование, и эта управляющая компания «Арбат-сервис», можете быть уверены, лицензию не получит, – заверила меня Баташова.

Ободрённая, я отправилась с новым письмом в Жилинспекцию Центрального округа на Госпитальный вал. В канцелярии толстый коротыш с испуганными глазами, который регистрировал моё предыдущее письмо и присутствовал при моём нелицеприятном разговоре с его начальницей Булаевой, сразу подозрительно посмотрел на меня и сказал: «Кажется, вы уже у нас были». Пробежав глазами моё заявление, он наотрез отказался принимать его, отсылая меня в городскую Жилинспекцию, которая занимается переустройством. Я настаивала. Тогда коротыш побежал в соседнюю комнату, видимо, к заместителю Булаевой Качалову, который подписывал когда-то ответ на моё предыдущее письмо. Я последовала за ним. В кабинете сидел довольно молодой мужчина, вполне себе пижонского вида. Я объяснила ему, что обратилась с заявлением к ним, а не в Жилинспекцию по переустройству, потому что уже обращалась к ним раньше по поводу созданного в доме фиктивного ТСЖ, которое теперь в результате их бездействия уже начало несанкционированную перестройку чердака, что может иметь печальные последствия для дома XIX века постройки.

– Самые настоящие банды захватывают дома, творят что хотят, без проекта, без экспертизы, а Жилинспекции и дела нет до этого! А кто же будет отвечать, если эта компания приведёт дом к аварийному состоянию? – шумела я.

– Какие могут быть к ним претензии? – веско отвечал мне франт. – У них всё законно: собрание большинством собственников выбрало другую управляющую компанию…

– Потому что пообещала сдавать в аренду чердак и делиться доходами от аренды. Они и мне предлагали участвовать в этой афёре, от чего я, естественно, отказалась. Вы думаете, почему меня не пригласили на собрание? Чтобы не мешала и не отговорила остальных.

– Ну, деньги за аренду, конечно, никто не получит, ещё никто

не получил, – усмехнулся франт. – Но мы не занимаемся этими вопросами, вам нужно жаловаться в городскую Жилинспекцию, которая занимается переустройством. Если ваша управляющая компания с ТСЖ что-то нарушили, их оштрафуют.

– Когда уже поздно будет жаловаться? – спросила я. – У нас уже есть одна пристройка, из-за которой дом перекосило, хозяин её судится второй год и охраняет её с ружьём. Наш дом не выдержит ещё и надстройку.

– Ну что ж, нельзя штрафовать за намерение. Вот когда они что-то сделают не так, тогда другое дело. И это всё равно не к нам. Вы хотите получить от нас отписку?

– Да, я хочу, чтобы вы мне дали ответ. Чтобы вы потом не говорили, что ничего не знали, – ответила я. – А если вы не примете мою жалобу, я всё равно пришлю её вам по почте.

– Ну как хотите, – пожал плечами франт, вышел из кабинета и приказал коротышу зарегистрировать моё заявление.

С видом победителя я удалилась, правда, потом немного расстроилась, вспомнив, что не заверила отметку печатью. Но не стала возвращаться, чтобы исправить упущенное. Какая разница? Всё равно они напишут мне какую-нибудь очередную туфту. Но всё-таки последнее слово осталось за мной.

Когда пришла домой, услышала, как на чердаке уже в моём подъезде что-то сверлят. Видимо, с чердаком в соседнем подъезде ничего не получается, и работы переместились на другую сторону. Я поднялась наверх и увидела там долговязого мужика.

– Вы что это здесь делаете? У вас есть разрешение на эти работы? – строго спросила я.

– Конечно есть, – не моргнув глазом, ответил мужик, но потом добавил: – Вы позвоните в «Арбат-сервис». А я здесь чиню электропроводку.

Мне пришлось удовлетвориться этим объяснением, так как придраться, с формальной точки зрения, было не к чему. Имеет же право управляющая компания чинить эдлектропроводку на чердаке?!

15 июля 2014 года, вторник.

Накануне мне позвонила Людмила Алексеевна Трайгель, которая курирует советников главы нашей управы, и пригласила на встречу с префектом Центрального административного округа Виктором Фуером в здании средней школы № 627 по Дубининской улице, что у Павелецкого вокзала.

– Если нужно, то я приду, – пообещала я, хотя не было ни малейшего желания тащиться в такую жару в другой конец Москвы.

Сегодня утром произошла эта ужасная авария в метро на перегоне между станциями «Парк Победы» и «Славянский бульвар». Я шла на встречу и думала, что её, наверное, отменят по этому случаю, но она всё же состоялась.

Школа № 627 оказалась вполне приличной, возможно, даже элитной, актовый зал был огромный и оборудован кондиционерами, причём весь зал оказался забитым под завязку. Фуер пришёл вместе с заместителем мэра по социальным вопросам Григорием Петросяном. Раньше эту должность при мэре Лужкове занимала Людмила Швецова, которая теперь заседает в Государственной Думе.

Фуер предоставил слово Петросяну, тот звучным голосом выразил соболезнование по поводу гибели двадцати человек и более ста пострадавших, сказал, что всем им будет выплачена компенсация в размере 1 миллиона рублей за одного погибшего и до полумиллиона получившим ранение. Петросян предложил задавать ему вопросы по социальной политике, но все опять задавали вопросы одному Фуеру, причём со времени прошлой встречи они практически не изменились. Опять жительница из дома Жолтовского возмущалась незаконными мансардами на чердаке их дома, а Фуер продолжал так же отговариваться тем, что собственник этих мансард – ТСЖ – не пускает туда ни работников прокуратуры, ни представителей Жилинспекции.

Потом пошли всякие мелкие вопросы типа: переставить уличный туалет, разрешить бесплатную парковку инвалиду, расчистить скверик. Все эти вопросы вполне можно было бы решить на уровне своих управ, но за микрофоны разгорелась настоящая потасовка. Фуер с удовольствием руководил процессом, давая слово то одному, то другому. Такие вопросы его вполне устраивали, он щёлкал их, как семечки. Всё это продолжалось до 21 часа, и всё равно не все успели задать свои вопросы.

После встречи я вышла на улицу, меня догнала советник из Калошина переулка Валентина Вязенкина, и мы вместе поехали на троллейбусе домой.

– Ну как ваши дела с ночным кафе в вашем доме? – спросила она меня.

– Надоело звонить в полицию по ночам, и я написала письменное заявление начальнику отделения полиции. В результате ко мне явился домой без предупреждения участковый, хотя я в заявлении указывала свой телефон. Но он не соизволил позвонить, и мне пришлось встречать его в старом халате. Наверное, у них такая мода – приходить без предупреждения и заставать врасплох. Учинил мне форменный допрос, даже

спросил, нет ли у меня судимости и не состою ли я на психучёте. Вообще, вёл себя так, будто я чуть ли не напраслину возвожу на добропорядочное заведение. Наверное, чтобы в другой раз неповадно было писать жалобы. Теперь я действительно десять раз подумаю, прежде чем писать заявление в полицию. Прислали мне отписку, что нарушений в кафе не выявлено. Но музыку ночью вроде бы перестали включать. Не знаю, правда, надолго ли?

– А вы приходите завтра на встречу с главой управы Дерюгиным, – посоветовала мне соседка. – Там как раз будет вопрос о работе полиции и пресечении несанкционированной торговли.

Я так и сделала, и на следующий день отправилась на эту встречу.

16 июля 2014 года, среда.

Встреча проходила в Трубниковском переулке за Новым Арбатом, в помещении Социального центра района Арбат. Зал был тесноват, но все места были заняты, присутствовало человек тридцать, в том числе многие участковые тоже пришли. В президиуме сидел Дерюгин, по правую сторону от него – его заместитель по потребительскому рынку, рыжеволосая красавица Елена Рудольфовна Краснова, по левую – начальник участковых оперуполномоченных. Поскольку я зашла в зал последней, мне пришлось занять единственное свободное место в первом ряду прямо напротив Дерюгина. Воспользовавшись этим, я сразу же подняла руку и первая взяла слово.

– Добрый вечер, я советник главы управы от дома № 25 по улице Арбат, который находится на углу Староконюшенного переулка и Старого Арбата. Жители дома ещё при прежней главе управы Черкасовой писали коллективную жалобу на скопление ночных увеселительных заведений в нашем доме и в непосредственной близости от него, – я достала из сумки письмо и продемонстрировала подписи.

– Давайте его сюда, – протянул руку глава управы.

– К сожалению, в управе письмо куда-то кануло. Перед выборами мэра оно было продублировано на имя Собянина. В результате нам пришёл ответ из префектуры, в котором нас, так сказать, переадресовали (я чуть не сказала – «отфутболили») в полицию. С помощью участкового как будто удалось справиться с ночной музыкой от стационарной установки. А вот что касается мобильных источников звука, то тут возникают проблемы. Я имею в виду байкеров, которые в огромном количестве приезжают в эти ночные кафе и паркуются прямо под окнами

нашего дома, – продолжила я. – Если бы они просто стояли, это ещё ничего, но они всю ночь приезжают-отъезжают, и всё это сопровождается просто душераздирающими звуками. Бороться с этим невозможно. В связи с этим у меня не столько вопрос, сколько предложение: раз существует московский закон «О тишине», который ограничивает время шума 23 часами, можно ли привести в соответствие с этим временем и время работы кафе, расположенных в жилом доме и в непосредственной близости от него?

– Нет, тут надо обращаться в полицию, – сразу отмёл моё предложение Дерюгин. Ему поддакнул начальник участковых: «Да-да, звоните в этом случае в полицию».

– Я прошу прощения, – опять поднялась я со своего места, – но обращаться в полицию в этом случае бесполезно. Пока они приедут, нарушитель тишины уже уедет. У меня был другой вопрос: можно ли ограничить время работы ночных заведений в жилом доме? В компетенции ли это управы? Если нет, то к кому надо обращаться?

Дерюгин опять ответил мне что-то маловразумительное, а Краснова пробормотала что-то о прокуратуре. Я села, так и не получив ответа на свой вопрос. Должна ли я по ночам бегать и записывать номера мотоциклов или просто звонить в полицию – так и осталось неясным.

После меня слово взяла сидящая в соседнем ряду пышная дама – та самая Людмила Михайловна Королёва, которая держит на Арбате сувенирную «Лавицу» и которая является одновременно председателем ТСЖ в доме № 41 по Староконюшенному переулку, который обслуживает управляющая компания «Арбат-сервис». Не знаю, узнала ли она меня мосле моего зимнего разговора с ней в «Арбатской лавице», но я её сразу вспомнила.

Королёва набросилась на Краснову как бык на красную тряпку, оскорбляя и понося её на чём свет. Она зачитала длиннющий список объектов несанкционированной торговли на Арбате, всё это продолжалось минут сорок, все уже стали возмущаться, а я радовалась, что успела выступить первой. Дерюгин внимательно молча слушал её, не перебивая. Краснова то краснела, то бледнела, когда та уж особенно сильно на неё наскакивала. Потом Королёва перешла на полицию и тоже стала её крыть, но начальник участковых не стал ни в чём ей возражать, хотя она прямо обвиняла участковых в крышевании несанкционированной торговли и сборе денег с торговцев на Арбате. Наконец, она закончила и сдала свой список в президиум. Потом пошли выступления с мест, у кого что наболело. Дерюгин

вяло отбивался, Краснова и главный участковый в основном помалкивали. После того как все выпустили пар, около 21 часа собрание закончилось.

Я подошла к Дерюгину и попросила назад заявление, подписанное жителями, сказав, что это старое письмо, и оно у меня в единственном экземпляре, и что я завтра отдам в «Одно окно» новое заявление. Дерюгин без возражений мне его вернул.

Домой мы опять возвращались с моей вчерашней знакомой Вязенкиной, и я распрощалась с ней у Калошина переулка.

16 июля 2014 года, среда.

С утра написала и отнесла в управу письмо, в котором написала, что на протяжении длительного времени посетители кафе, расположенных в доме и в непосредственной близости от него, систематически нарушают тишину в ночное время, о чём жители неоднократно писали жалобы, в том числе коллективные. С помощью полиции этот вопрос трудно урегулировать, так как он связан с мобильными группами граждан, приезжающими в эти кафе в ночное время и паркующими свои транспортные средства под окнами дома. В связи с этим прошу ограничить время работы кафе «Евразия» и «Кафе-бар» 23 часами в соответствии с требованиями московского закона «О тишине». В том случае, если вопрос не решается на уровне управы, прошу сообщить следующую информацию: ФИО собственника нежилого помещения, руководителей кафе, ФИО жителя, давшего согласование на размещение кафе от имени жителей, а при отсутствии такового – ФИО должностного лица, санкционировавшего пребывание этих кафе в жилом доме. И в конце добавила: «Данная информация необходима для обращения в суд».

В «Одном окне» секретарша поставила штамп на копии моего письма и сказала, что номер его регистрации можно будет уточнить уже на следующий день.

Вечером мне позвонила какая-то девушка и предложила участвовать в избирательной кампании Веры Шастиной – кандидата в депутаты Мосгордумы от «Единой России». Сейчас она муниципальный депутат, одновременно работает главврачом в городской поликлинике на Пресне. Девушка сказала, что мой телефон ей дали в управе. Я без особых раздумий согласилась.

19 июля 2014 года, суббота.

Сегодня, когда я в 7 часов утра выходила из дому, рядом с кафе «Евразия» стояла полицейская машина. Я была заинтригована: вроде бы я ночью не звонила и не вызывала

полицию, хотя шумели, как всегда, изрядно. Кроме меня, судя по письму-ответу из полиции на мою жалобу, все довольны присутствием в доме этого кафе, кто же тогда мог пригласить полицию, да ещё в столь ранний час? Учитывая, что 7 часов – время пересменки, остаётся предполагать, что полицейские там подкрепляются после окончания смены. Остаётся вопрос – за деньги, бесплатно или со скидкой, в благодарность за то, что спускают на тормозах мои жалобы и ещё ни разу за полтора года моих бесконечных жалоб не оштрафовали это кафе?

Чего же я ещё хотела? Я участкового, когда он заявился ко мне в квартиру, даже чаем не угостила, а они кормят полицейских рыбными деликатесами. Правда, за этой сетью кафе «Евразия» ещё из Санкт-Петербурга тянется дурная слава о том, что они скупают в японских ресторанах, чуть ли не на помойках собирают, просроченные рыбные суши и роллы и потом подают их своим посетителям со скидкой. Видимо, наши полицейские ещё этого не знают. Или, может, их всё-таки угощают чем-то посвежее? А то ведь если у них после такого угощения будет расстройство желудка, кафе не поздоровится!

24 июля 2014 года, четверг.

Вчера зашла в управу за газетами и встретила там Людмилу Алексеевну Трайгель.

– Как дела? Есть какие-то новости? – спросила она, испытующе глядя на меня.

– Ничего особенного, только вот мне на днях позвонили от Шастиной и предложили помогать ей в избирательной кампании, сказали, что меня порекомендовали в управе. Это, наверное, вы меня порекомендовали?

– Нет, это не я, – ответила Людмила Алексеевна.

Потом я позвонила в канцелярию узнать судьбу своего письма. Оказалось, что его направили в отдел потребительского рынка. Я позвонила туда, и какая-то женщина, не назвавшись, очень вежливо и тактично стала мне объяснять, что моё письмо направят сначала в полицию и прокуратуру. Возможно, мне отвечала сама Краснова.

– Но там конкретные вопросы о том, кто собственник нежилого помещения, в котором расположено кафе, кто арендатор… – осторожно осведомилась я. – Вы, конечно, на них ответите?

– У нас такой порядок – нужно пройти эти инстанции, нам должны дать ответ, и мы обязательно доведём его до вас, – мягко возразила мне женщина.

– Но вы, конечно, ответите и на мои вопросы? – опять

спросила я. Очень уж мне хотелось выяснить, был ли кто-то из жителей, причастный к открытию ночного кафе в нашем доме.

– Ну конечно, – заверила меня собеседница. – Мы вам обязательно дадим ответ.

27 июля 2014 года, воскресенье.

Сегодня прочитала в местной газете о том, что Арбат объявили улицей без табака, вернее, глава муниципальных депутатов Евгений Бабенко обратился к гостям Арбата, чтобы они не курили на пешеходной зоне. Не знаю, связаны ли как-то эти события, но после полуночи под моими окнами началось что-то невообразимое. Какие-то молодые люди, человек 20–25, сдвинув лавочки, принялись горланить песни под гитару. Орали до хрипоты до самого утра, при этом дымили сигаретами так, что невозможно было дышать в квартире, хотя все окна были плотно закрыты.

Я спешно перебазировалась на другую сторону, которая выходит во двор, но там тоже невозможно было уснуть из-за шума вентиляторов. Пришлось поставить раскладушку в прихожей, но даже через плотно закрытые двери был слышен страшный «ор» и просачивался табачный дым.

Что это было? До сих пор не могу понять. Но в последующие дни наступила удивительная тишина. Никто больше не горланил и не курил под окнами.

29 июля 2014 года, вторник.

Сегодня было первое заседание избирательного штаба кандидата в депутаты Мосгордумы Веры Шастиной. Народу было раз-два и обчёлся, всего-навсего пять человек. Вёл заседание молодой мужчина, как выяснилось, преподаватель из Дальнего Востока, профессионально занимающийся продвижением кандидатов на выборах. Он не член «Единой России», но, видимо, готов продвигать кого угодно, если за это заплатят. Не знаю, сколько платят ему, но нам за работу в домах на 300 квартир пообещали заплатить по 15 тысяч за каждый этап, всего этапов три, итого 45 тысяч. Для меня важна была не оплата, а возможность выйти непосредственно на жителей Арбата для организации коллективных писем по выводу с Арбата увеселительных заведений. Если за это ещё и заплатят – слава Богу.

Сегодня мы только подписали договор и получили обходные листы, которыми мы должны отчитываться о своей работе по каждому из трёх этапов. Также дали первые агитационные материалы и обещали завтра подвезти новые.

Буклет Веры Шастиной очень приличный. На обложке – фото миловидной женщины лет 35–40 и дата выборов – 14 сентября 2014 года. Краткая биография: работает главврачом поликлиники № 220 Центрального административного округа города Москвы. Врач высшей категории. Кандидат медицинских наук. Председатель общественного совета по вопросам медицины Центрального округа, член экспертной комиссии по модернизации здравоохранения Общественной палаты Российской Федерации. С отличием окончила 1-й Московский медицинский институт имени И. М. Сеченова, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения этого института. С 2004 года – депутат Совета депутатов муниципального округа Арбат. Замужем, вырастила сына и дочь, воспитывает внука и внучку. На обороте – отзывы о Шастиной известного педиатра Леонида Рошаля, телеведущей Ангелины Вовк, которая вместе с ней работает сейчас муниципальным депутатом. В общем, вполне достойный кандидат, за такого не стыдно агитировать.

Думаю, что она вне конкуренции. В нашем избирательном округе с ней конкурируют актёр Леонид Ярмольник, который почему-то позиционирует себя как индивидуальный предприниматель. Его поддерживает «Гражданская платформа» миллиардера Михаила Прохорова. Ярмольник обошёл Шастину на праймериз (предварительных выборах) с разницей в один голос. Кроме Ярмольника, по нашему 43-му округу ещё выдвинуты кандидат от КПРФ Татьяна Денисенко – научный сотрудник НИИ машиностроения; Сергей Иваненко – от «Яблока», в своё время мы вместе с ним были депутатами Государственной Думы первого созыва, сейчас он себя обозначил как уполномоченный по финансовым вопросам «Яблока»; от ЛДПР Жириновского – молодой человек 24 лет Кравченко Юрий Александрович – помощник не известного мне депутата Госдумы Субботина; от «Справедливой России» – Иксанова Ирина Тахировна, руководитель секретариата заместителя председателя Госдумы Левичева Н. В.

В двух других избирательных округах Центрального округа – 44-м и 45-м – много самовыдвиженцев, среди них даже есть домохозяйки. Как им удалось собрать необходимое количество подписей в свою поддержку, для меня загадка. Наверное, это не простые домохозяйки. Жаль, что в биографиях не указывают мужа. В числе самовыдвиженцев – и ректор Высшей школы экономики Ярослав Кузьминов. Скорее всего, именно он пройдёт по 45-му избирательному округу. А по 44-му может пройти Илья Свиридов – молодой выдвиженец от «Справедливой России», на праймериз он занял одно из первых мест.

В нашем 43-м избирательном округе была всего одна самовыдвиженка – Мария Гайдар, которую отказались регистрировать в Избиркоме по причине большой отбраковки подписей. Жалко девочку. Я видела её палатку на Гоголевском бульваре, на которой крупными буквами было написано «Сбор подписей за Марию Гайдар». У неё, по данным Избиркома, оказалось 20 % фальшивых подписей при допустимой норме в 10 %. Как и положено в этих случаях, Мария Гайдар подала в суд на решение Избиркома. Вряд ли решение суда будет в её пользу, хотя я бы выпустила её на выборы только потому, что она заберёт голоса у Ярмольника. У этого неприятного типа очень дурная слава – он якшается с московской мафией. А как актёр он довольно известен – недавно снялся в фильме «Трудно быть Богом» по братьям Стругацким, где сыграл главную роль. Ещё о нём говорят, что он женат на последней возлюбленной Владимира Высоцкого Ксюше, которая в последнем фильме о Высоцком привозит ему наркотики. В фильме её роль играет актриса Светлана Акиньшина, бывшая подруга известного петербургского пьяницы и рок-музыканта Шнура, который организовал рок-группу «Ленинград» и в Берлине устроил стриптиз прямо на сцене: выступал без трусов, за что Лужков запретил ему появляться на московской сцене. Так что Акиньшина хорошо знала тему, когда исполняла роль подруги Высоцкого. Говорят, сейчас у Шнура другая подруга, и что удивительно – с ней он совсем «завязал», а вот Акиньшина вспоминает свою с ним жизнь как кошмар.

2 августа 2014 года, суббота.

Приступила к выполнению своих обязанностей агитатора. Сразу всё пошло как-то не так. Начала, разумеется, со своего дома, где все оказались в отъездах и на дачах. С трудом дозвонилась Джаббарову, который сдаёт свою двухкомнатную квартиру 5а на самом верху какой-то турецкой фирме. Работники, вернее, работницы этой фирмы ни под каким видом не хотели давать мне его телефон, наконец, договорились, что они ему при мне позвонят и передадут трубку мне. Он оказался весьма любезным мужчиной, когда я спросила, будет ли он голосовать, заверил, что обязательно пойдёт на выборы. Я предложила ему заполнить опросник, он сказал, чтобы я его оставила его сотруднице.

Потом я позвонила в 5-ю квартиру, договорилась, что положу опросник в почтовый ящик, они тоже пообещали всё заполнить. С трудом дозвонилась Смирновой с Харитоновым. Они оказались на даче. Телефон Смирновой взял Харитонов, сказал, что она

принципиально не ходит на выборы, но он готов заполнить опросник. Договорились, что я его тоже опущу им в ящик, а они потом бросят уже заполненный бланк в мой почтовый ящик. В соседнем подъезде ни Игнатьева из 8-й квартиры, ни актёр Боровинских с Глазыриной не отвечали: видимо, были в отъезде. Ира Покровская трубку взяла, но сказала, что голосовать не пойдёт, правда, потом передумала и сказала, чтобы я тоже положила опросник ей в ящик. Я спросила, будет ли голосовать Александра Андреевна, приносить ли ей ящик с избирательного участка?

– Нет, она не будет голосовать, – поспешно ответила Ирина. – В прошлые выборы она мне сказала, что никого не будет пускать в квартиру. Она боится.

– А если вы будете дома? – поинтересовалась я.

– Всё равно, – ответила Ирина, – она не хочет, чтобы приходили к ней посторонние.

Я не поленилась позднее позвонить Александре Андреевне и передала ей наш разговор.

– Как она за меня всё решает, – недовольно сказала Александра Андреевна, но определённо всё же ничего не сказала относительно голосования на выборах.

Долго колебалась: звонить ли Тарасову. Уже дважды он выкладывал из ящика арбатские газеты, которые я по просьбе Трайгель приношу жителям из управы и раскладываю в почтовые ящики. Всё же решила позвонить и Тарасову тоже. Чтобы потом не обвинял меня в том, что я его обошла с этим опросником.

– А почему вы выкладываете газеты, которые я опускаю в ваш ящик? Вам что, не нравится, что я бросаю их в ваш ящик? – поинтересовалась я.

– Нет, я ничего не выкладываю, – как обычно, стал отнекиваться Виктор и привёл неопровержимые доводы в подтверждение своих слов: – Ключ от почтового ящика только у меня, и никто, кроме меня, не имеет к нему доступа.

– Я собственно вот почему вам звоню: вы пойдёте голосовать на выборах 14 сентября? – продолжила я.

– Конечно, пойду, – ответил Тарасов.

– А ещё не определились, за кого голосовать? – спросила я. – Впрочем, вы можете голосовать за кого считаете нужным, но я хочу предложить вам опросник кандидата в депутаты Шастиной, в котором вы можете высказать свои пожелания как избиратель. У Шастиной хорошие шансы пройти в Мосгордуму, она уже трижды избиралась муниципальным депутатом на Арбате и хорошо разбирается в наших проблемах.

Договорились, что я и Тарасову положу в его почтовый ящик

опросник Шастиной, а он после заполнения бросит его в мой ящик.

С другими домами оказалось гораздо сложнее. Там, где были дежурные, меня просто не пустили в подъезд: «Чтобы не беспокоить жильцов» или чтобы отделаться, сказали, что все квартиры сдаются. В один подъезд, где была консьержка, я случайно проникла без препятствий, так как консьержка куда-то в это время отлучилась, оставив дверь в подъезд открытой. Обошла все восемь этажей, но мне нигде не открыли двери. Когда спускалась вниз, меня уже поджидала консьержка, которой позвонил и пожаловался кто-то из жильцов. «Я только вышла водички попить на одну минуту», – оправдывалась она. Пришлось объясняться с ней. Но она разрешила мне разложить рекламные избирательные буклеты в почтовые ящики, однако передавать жильцам опросники отказалась наотрез. И на том спасибо.

Совсем плохо оказалось в 31-м доме на Арбате. Здесь не было дежурных, подъезд был закрыт на замок, но у меня был записан код домофона, поэтому я беспрепятственно прошла в подъезд и даже дозвонилась одной пенсионерке, которая два часа держала меня в коридоре, рассказывая всякую ерунду. Я охотно поддержала неинтересный разговор, потому что она согласилась заполнить опросник и сказала, что после заполнения положит его в свой почтовый ящик, который, оказывается, у неё не закрывается. Дальше я пошла звонить в другие квартиры, но мне больше нигде не открыли. Когда уже спускалась вниз, увидела приоткрытую дверь на втором этаже. Обрадовавшись, заглянула туда и увидела двух ментов.

– Вы что здесь делаете? – подозрительно спросил один из них.

– Агитирую за кандидата в депутаты Мосгордумы Шастину, – ответила я.

– Покиньте помещение, – приказал мне тот, что постарше. – Вы беспокоите жителей. Идите к метро и там раздавайте свои материалы.

– А вы не можете назвать мне свою фамилию? – спросила я.

– Я здесь слишком известная личность, чтобы называть свою фамилию, – гордо ответил мне старший мент и повторил: – Покиньте помещение.

– Вообще-то, работникам полиции полагается представляться, – проворчала я, но решила всё же убраться подобру-поздорову. Менты вышли вслед за мной, ведя под конвоем какую-то девицу, которую они усадили в полицейскую машину, ожидавшую их у входа. Видимо, я попала на облаву бордели, которую устроили в одной из квартир. Хорошо, что хоть

не прихватили и меня за компанию.

После этого я уже не решалась ходить по подъездам. Нашла старый телефонный справочник 1972 года и стала обзванивать свои дома по телефону. Увы, ни один телефон не отвечал. То ли они изменились, то ли в домах на Арбате совсем не осталось жителей, одни арендаторы.

В понедельник мне нужно было отчитаться о первых результатах в избирательном штабе. Я позвонила и сказала, что пока особых результатов нет. Мне дали время до среды, чтобы я собрала хотя бы уже розданные опросники.

6 августа 2014 года, среда.

Когда пришла в избирательный штаб в Шубинском переулке, там меня громогласно встретила старуха из Совета ветеранов, с которой мы познакомились в первый сбор агитаторов. Когда в тот день мы вместе шли домой, она сказала, что живёт в доме на улице Сивцев Вражек у Гоголевского бульвара. Я написала на бумажке свой телефон и предложила обменяться телефонами для связи. Она осторожно уклонилась и сказала, что сама мне позвонит, и я узнаю её телефон из определителя номера. Я немного огорчилась: чего же мы хотим от простых избирателей, если даже сами агитаторы так подозрительно относятся друг к другу и боятся дать свой телефон?! За прошедшее время старуха, видимо, уже выяснила всю мою родословную по Интернету, потому что встретила меня радостными возгласами:

– А я вам звонила по телефону, который вы мне дали, он не отвечал!

– Наверное, вы звонили днём, а я бываю дома поздно вечером, – объяснила я.

– Как ваши успехи? – спросила старуха.

– Со скрипом. Почти никто не открывает дверь, очень неохотно берут для заполнения опросники, – вздохнула я.

– А вы когда ходите: утром или вечером? – спросила она.

– Вечером, конечно.

– А я хожу рано утром, – сообщила старуха. – Меня вообще один тип послал на три буквы. Вышел в трусах и обложил по матушке.

– Нет, я утром не хожу, люди в это время на работу собираются. Но меня тоже однажды послали. Я не могла попасть в подъезд, решила покараулить и спросить, когда кто-нибудь выйдет из подъезда, оказался какой-то псих. А в другом доме вообще попала в облаву на притон в доме, и меня тоже чуть не повязали за компанию. Меня попросили выйти из подъезда, а когда я спросила у полицейского его фамилию, он ответил, что он

такая известная личность, что не считает нужным представляться. В общем, капитан Жеглов. Я 30 лет живу на Арбате, его вижу впервые. А вообще, полиция должна как-то содействовать нам? Всё-таки мы агитируем за кандидатов от партии власти? – обратилась я к уполномоченной Избиркома Дарье, которая деловито что-то писала, сидя за столом.

– Не обращайте внимания, – посоветовала Дарья. – Продолжайте ходить, как ходили.

Досрочно представить материалы Дарья попросила, видимо, потому, что собиралась уехать на недельку отдохнуть. На это время её должна была заменить толстенькая брюнетка, которая была тоже на первом заседании штаба. Вообще, штаб работает ни шатко ни валко. Удостоверения агитатора до сих не готовы. Подробностями особо не интересуются. Откопировала готовые материалы, отсчитала очередную порцию агитационных материалов и дала понять, что говорить больше не о чем. Я попрощалась и ушла, а старуха осталась сидеть и громогласно о чём-то рассуждать, хотя Дарья слушала её с довольно скучной миной, не решаясь выпроводить. Конечно, ей гораздо интереснее было бы слушать о наших успехах, а тут какие-то жалобы да проблемы.

7 августа 2014 года, четверг.

Сегодня решила совершить обход нескольких домов с утра. В большом 17-квартирном доме № 47 на углу Арбата и Плотникова переулка, сразу за памятником Окуджавы, удалось переговорить только с двумя жильцами: на третьем этаже старуха 87 лет, но вполне в здравом уме, даже пригласила меня на кухню. Я прямо при ней заполнила с её слов опросник, отдала буклет, она пообещала с мужем и сыном проголосовать за Шастину, которая ей, оказывается, хорошо известна. Правда, старушка уже не выходит из дому, и ей придётся нести урну на дом.

Я уже решила, что Шастина не нуждается в агитации, но когда дошла до последнего, шестого этажа, выяснилось, что к ней есть большие претензии. Дверь мне открыла молодая женщина, у которой 87-летняя мать уже несколько лет лежит без движения. Дочь пыталась оформить ей инвалидность, чтобы получать какое-то пособие, но столкнулась со страшной волокитой. Она сама взялась заполнить опросник и написала всё, что она думает о Шастиной и о нашей арбатской поликлинике, которую она возглавляла до того, как стать главным врачом в кремлёвской 220-й поликлинике. Не знаю, что бы дало повышение степени инвалидности этой женщине. Судя по всему, семья не бедная, кроме сиделки, есть ещё и домработница. Но женщина грозилась

взыскать в судебном порядке всё, что недодали её матери-инвалиду.

У неё я также выяснила, что на одной лестничной площадке с ней находится квартира известной правозащитницы Алексеевой, но из этой квартиры, когда я позвонила, никто не вышел. А жаль. Интересно было бы поговорить с самой Алексеевой. Хотя ей уже тоже далеко за 80, возможно, она больна и нуждается в помощи, так как о ней давно ничего не слышно. Но из квартиры никто не откликнулся.

11 августа 2014 года, понедельник.

На этой неделе я продолжила обход закреплённых за мной домов и отправилась в строение 2 дома № 31 – того самого, который обслуживает управляющая компания «Арбат-сервис» и где фактически находится её офис. Дом этот расположен в тихом местечке в глубине арбатских дворов и буквально утопает в цветах. В отличие от строения 1, выходящего на Арбат, откуда меня попросили полицейские неделю назад, этот дом, видимо, населяли очень респектабельные жильцы, так как он был огорожен металлической решёткой с кодовыми замками, шифры которых мне не предоставили в избирательном штабе Шастиной.

Тогда я решила позвонить самому Ратушняку, телефон которого был вывешен на видном месте в нашем доме. Я сказала ему, что звоню из избирательного штаба Шастиной, и попросила допустить меня к жителям для предвыборной агитации. Каким-то образом Ратушняк меня узнал по голосу и сразу же обрушил на мою голову угрозы судебной тяжбы по поводу неоплаты счетов ЖКХ, которые он безуспешно высылает мне уже пятый месяц.

– Но я плачу в управляющую компанию ГУП ДЕЗ «Арбат», не могу же я оплачивать дважды одно и то же. С этой компанией у меня договор, а вас я не знаю, мало ли какие счета мне присылают. Меня не приглашали на собрание по смене управляющей компании, ТСЖ – липовое, на собрание при его создании меня тоже не приглашали, почему я должна платить неизвестно кому? – возразила я.

– Неправда, вы знали, вы сами при встрече тогда выясняли, что за компания «Арбат-сервис».

– Это было уже после собрания, а о том, что собрание было, я вообще случайно узнала. По закону вы обязаны были за десять дней до собрания уведомить всех собственников, а этого не было.

– Это дело ТСЖ, а меня пригласили собственники, я не обязан вас уведомлять.

– Ну если вы связались с липовым ТСЖ, чего же вы теперь хотите?

– Моё дело маленькое, меня пригласили, попросили обслуживать дом, я согласился, раз большинство собственников проголосовало за это, вы обязаны подчиниться.

– Ничего я не обязана. Вы берёте за обслуживание намного больше, чем ГУП ДЕЗ «Арбат», не учитываете льготы. Я 45 лет проработала, а вы меня лишаете моих законных льгот ветерана труда. И вообще, я наводила справки, и выяснилось, что жильцы дома в Староконюшенном переулке, который вы обслуживаете, на вас жалуются и просят избавить их и от вашей компании, и от ТСЖ в этом доме.

– Это жильцы с последнего этажа жалуются. Они против ТСЖ, потому что раньше они незаконно занимали чердак, а когда Королёва организовала ТСЖ, она потребовала освободить чердак. Сказала: или я завтра запускаю сюда бомжей, или вы в течение 24 часов убираете с чердака свои вещи.

– Ну, я не знаю, может, вы и хорошая компания, но вы мне не по карману. У меня нет денег платить вам больше, чем государственной компании. Тем более что у меня претензий к ней не было. Она продолжает присылать мне счета, и я их оплачиваю. А вы частная компания, сегодня вы мне присылаете счета на 3 тысячи, а завтра пришлёте на 30 тысяч рублей, и куда я пойду на вас жаловаться? Я обычный профессор, у меня маленькая зарплата!

– Ах, вы профессор, – чуть не поперхнулся Ратушняк. – Я уважаю профессуру, но всё равно вы обязаны подчиниться решению общего собрания, которое большинством голосов перевело ваш дом в нашу управляющую компанию. Через шесть месяцев я имею право подать на вас в суд и взыскать долги в судебном порядке. И те жильцы, которые в Староконюшенном не платили, проиграли дело в суде.

– Наверное, они плохо судились с вами, – сказала я. – Можете подавать на меня в суд, я бы на вашем месте тоже подала в суд, но платить вам я не буду.

– Но почему? – продолжал настаивать Ратушняк. – У меня есть все права, я заключил договоры с ресурсоснабжающими организациями, я уже затратил много средств на обслуживание вашего дома и несу убытки.

– А ГУП ДЕЗ «Арбат» тоже понесло убытки. Они сделали ремонт в подъезде уже через месяц после того, как начали обслуживать наш дом, а вы пришли на готовенькое.

– Это была такая пиар-компания со стороны ГУП ДЕЗ «Арбат», но собственники выбрали нас. Поэтому вы должны платить нам, – продолжал гнуть своё Ратушняк. – Если у вас есть сомнения, приходите в наш офис по адресу Арбат, 31, строение 2, я вам

покажу все документы, и вы убедитесь в том, что я абсолютно законно предъявляю вам счета для оплаты.

– Ну хорошо, я приду к вам в офис и познакомлюсь с документацией, а вы поможете мне с агитацией в вашем доме, – предложила я.

Так я попала в этот элитный дом. Оказалось, что там живут в основном чины из Минобороны, главным образом из недавно проворовавшегося Оборонсервиса. Квартиры преимущественно инвестиционные, хозяева в них не живут, на некоторые из них сейчас наложен арест. Видимо, Ратушняк сумел туда внедриться ещё на стадии сдачи дома в эксплуатацию.

Обходить квартиры Ратушняк мне не дал, сославшись на то, что ему платят деньги за то, чтобы он оберегал своих жильцов от посторонних вторжений. Сказал только, в какие ящики можно положить рекламные буклеты, а в какие не стоит, так как хозяева надолго уехали за границу. Я попросила распечатать мне договор и сказала, что познакомлюсь с условиями договора, но честно сказала, что подписывать не буду, пока не прояснится ситуация с лицензированием управляющих компаний, которое должно начаться уже в сентябре.

– Так лицензирование будет год проходить, вы что, целый год мне платить не будете? – возмутился Ратушняк, но смирился. Он вызвался меня проводить и показать, какие работы по нашему дому уже провела его компания. Я не возражала. Он провёл меня по подсобным помещениям, которые он очистил от мусора и вообще привёл в порядок.

– Вы собираетесь сдавать в аренду эти помещения? – прямо спросила я.

– Управляющая компания ничего не имеет право сдавать в аренду, – уклончиво ответил Ратушняк. – В доме на Староконюшенном, 41, нежилые помещения сдаются, там арендой распоряжается председатель ТСЖ Людмила Михайловна Королёва. Можно по-разному к ней относиться, о ней всякое болтают, что она чуть ли не сумасшедшая. Но всё-таки она сумела отвоевать у города подвалы, отремонтировала и сдала в аренду.

– Согласна, что Королёва – очень толковая женщина, – сказала я. – Но вот много ли пользы жителям от того, что они взяли в ТСЖ эти подвалы? У нашего председателя ТСЖ Тарасова тоже есть грандиозные планы вплоть до надстройки новых этажей над домом. Но дом у нас старый, надстройку может не выдержать. Надеюсь, вы не будете делать никакое переустройство без экспертизы и получения соответствующих разрешений? Чтобы потом не судиться и не охранять с ружьём свои незаконные строения, как вот эту, – я указала рукой на уродливую

пристройку, обтянутую зелёной сеткой, мимо которой мы как раз проходили.

– Все переустройства имеет право делать только ТСЖ, а я никогда без разрешительной документации ничего не стану делать, – поспешно заверил меня Ратушняк. На этом мы взаимно раскланялись и разошлись, довольные друг другом. Во всяком случае, я осталась вполне довольна нашим разговором. Прежде всего меня очень заинтересовала информация о том, что Королёва обещала запустить на занятый жильцами верхнего этажа чердак бомжей. Это как-то очень напоминает мне историю с нашими бомжами в подъезде.

Не Королёва ли подсказала нашему Тарасову быстрый способ сделать жильцов более сговорчивыми? А может, и сама Королёва таким способом пыталась осуществить экспансию подотчётной ей управляющей компании в наш дом? Кроме того, меня встревожила информация о том, что суд решил дело в пользу «Арбат-сервиса» и обязал неплательщиков погасить долги по ЖКХ перед этой компанией. Чтобы прояснить ситуацию, я позвонила жительнице дома в Староконюшенном, с которой судилась компания Ратушняка, и задала ей этот вопрос.

– Да нет, в моём случае суд ещё идёт.

– Значит, Ратушняк врёт, что он выиграл суд? – спросила я.

– Речь идёт о другой квартире, там вообще никто никому ничего не платил. А я перечисляю ресурсоснабжающим организациям напрямую, минуя «Арбат-сервис». Так что ко мне трудно прицепиться. У меня нет с ним никаких договоров. Самое интересное – в суде выяснилось, что у него не было договоров и с ресурсоснабжающими организациями, так что он вообще не имел никаких прав с нас что-то требовать. Мне судья так и сказала: «А если я вам скажу, чтобы вы мне деньги перечисляли, вы что же, и мне тоже будете платить?» То есть в моём случае суду всё ясно. Но он теперь задним числом заключил договоры с ресурсниками и опять требует с меня деньги. Ясное дело – лицензирования он не пройдёт, поэтому спешит нахапать как можно больше. Так что не поддавайтесь, – сказала она.

Заодно она припомнила какую-то статью в газете «Московский комсомолец» пятилетней давности, где было написано о том, что Королёва отмывала деньги Патриархии, вернее, через неё какой-то чин из Патриархии вроде бы скупал недвижимость на Арбате, и что всё это происходило ещё при покойном патриархе Алексии II. В общем-то, я так и предполагала, что магазин Королёвой – на самом деле не её собственность, и она, скорее всего, подставное лицо, но для меня стала неожиданностью связь Королёвой с верхами Патриархии.

Значит, она пользовалась там доверием. А это уже о многом говорит.

18 августа 2014 года, понедельник.

В обед позвонили из избирательного штаба Шастиной и предложили вечером прийти во двор дома № 32 по Староконюшенному переулку, чтобы обсудить на встрече Шастиной с избирателями вопрос межевания кварталов 178 и 179 между Большим Афанасьевским и Калошиным переулками (от Арбата до Сивцева Вражка). Я с любопытством отправилась на эту встречу. О межевании я ещё в начале августа прочитала в газете «Арбатские вести» и не думала, что спустя две недели это вызовет такой ажиотаж.

Панику подняла пожилая дама с фамилией Соболевская. Какой-то её знакомый, который работает в Архитектурно-планировочном управлении, обратил внимание на то, что начиная с мая сотрудники управления без выходных срочно начали выполнять какую-то работу по заданию Москомимущества. Выяснилось, что пока все москвичи находятся в отпусках, Москомимущество решило провернуть хитроумную операцию: пересмотреть и утвердить новые границы земельных участков в центре Москвы, при этом обрезать по фундамент земельные участки, прилегающие к домам, и, поскольку по закону при межевании полагается проводить публичные слушания, воспользовались тем, что местная газета «Арбатские вести» никому не доставляется, а поэтому её никто не читает, опубликовали в ней информацию о слушаниях. Но бдительная Соболевская раскусила этот хитроумный план и обратилась к кандидату в депутаты Шастиной. Правда, поздновато, так как завтра в 19 часов уже будет проходить последний этап – публичные слушания и утверждение новых границ земельных отводов. Шастина очень оперативно среагировала, и её штаб тут же организовал митинг жителей во дворе.

– Зачем это делается? – вопрошала к пришедшим Соболевская. – Для того, чтобы придомовые территории, где сейчас находятся детские площадки и бесплатные парковки для жителей, продать коммерческим фирмам. Которые устроят на них уже платные парковки. И такие прецеденты уже есть.

Соболевская рассказала собравшимся жителям страшную историю о том, что у дома каких-то её знакомых такая фирма с разрешения управы устроила коммерческую парковку за 20 тысяч рублей в год, а когда жители стали возмущаться, им ответили в управе, что это теперь городская территория, и они уже никакого отношения не имеют к этой земле.

Шастина, которая тоже пришла на этот импровизированный митинг, призвала жителей прийти завтра на слушания и проголосовать против этих планов. Заодно она рассказала жителям о том, как, будучи заведующей арбатской поликлиникой, она отбила атаку рейдеров, которые хотели захватить здание поликлиники и с этой целью даже подожгли его. Ей тогда удалось пробиться на личный приём к Лужкову, и поликлинику не только удалось сохранить, но даже сделать там за счёт средств города ремонт. Теперь Шастина перешла работать в Кремлёвскую поликлинику, но со старой поликлиникой на Арбате, где она раньше была главным врачом, теперь благодаря ей всё в порядке.

Все, открыв рты, внимательно слушали Шастину, которая находилась в центре внимания. Но тут на детской площадке появилась Людмила Михайловна Королёва. Я не сразу её узнала, вид у неё был довольно экстравагантный: белые брючки «три четверти», натянутые на жирную попу, яркая блузка с декольте. Она ревниво бросила:

– Тоже мне новость! Я этим межеванием с 4 августа занимаюсь, а Шастина только сейчас проснулась. Ну конечно, скоро выборы, надо заниматься пиаром. Что же вы так долго спали?

– Вот и хорошо, что и вы занимались этим, значит, у нас сейчас одни с вами цели! – сразу же нашлась Шастина. – Давайте все вместе завтра придём и дадим бой этому межеванию!

Я не очень поняла, почему именно город может плохо распорядиться придомовыми территориями, а не, например, какое-нибудь ТСЖ вроде того, что создал Тарасов в нашем доме, и где гарантия, что именно сообщество жителей не решит устроить на детской площадке парковку, но не стала встревать в споры и решила завтра тоже поприсутствовать на слушаниях. Правда, была одна заковыка – слушания назначены на 19 часов вечера, а у меня завтра на вечер запланированы другие, тоже очень важные дела.

Решила позвонить Тарасову и рассказать о ситуации с межеванием. Наверняка он ничего не знает об этом. А в нашем доме есть очень наглядный пример – незаконная пристройка, построенная на каким-то образом законно полученном землеотводе. Каким образом сумели отхватить без ведома жителей такой кусок земли? Ведь по закону придомовая территория принадлежит всем жителям дома, и они при желании могут оформить её в свою долевую собственность. Как же сумели распорядиться этим земельным участком в обход жителей дома? И вообще, как выглядит по проекту межевания этот участок? В

чьей собственности он числится?

Но поговорить с Тарасовым мне не удалось. После первого моего звонка он важно сказал, что сейчас занят, и попросил перезвонить позже. Ну конечно – все заняты, только мне делать нечего! Позвонила второй раз – он вообще сбросил мой звонок. Видимо, решил, что я интересуюсь опросником Шастиной, который я просила его заполнить. Третий раз я не стала ему звонить, раз у него сейчас более важные дела!

19 августа 2014 года, вторник.

Публичные слушания по межеванию проходили в Трубниковском переулке, в Центре социального обслуживания района Арбат, на втором этаже. Я опоздала на целый час, но, оказывается, слушания только начались, так как докладчики задержались на сорок минут. Однако собравшиеся терпеливо дожидались их и не расходились, маленькая комнатка была битком набита людьми. Шастина скромно сидела вместе со всеми, рядом с ней сидела громогласная старуха, с которой мы познакомились в избирательном штабе. Шастина заметила меня и поздоровалась. Видимо, после вчерашнего митинга помощники уже кое-что рассказали обо мне, потому что вчера она на меня совсем не обратила внимания. А может быть, она уже прочитала мой опросник, в котором я развернула целую законодательную программу для будущего депутата.

Доклад уже закончился, вопросы к докладчикам – девушке и двум молодым мужчинам, которые стояли перед залом, – видимо, тоже иссякли, и уже началось обсуждение доклада. Выступала Людмила Михайловна Королёва. По всему было видно, что наступил её звёздный час: она цитировала Закон о кадастре, Градостроительный кодекс, Гражданский кодекс не хуже любого юриста. Размахивая документами, она буквально припёрла к стенке докладчиков, которые, судя по всему, не ожидали такого напора и вообще такого большого наплыва слушателей, которые одобрительными возгласами поддерживали выступление Королёвой.

– Итак, – подвела итог своего выступления Людмила Михайловна, – это межевание, проведенное втайне от жителей, без согласования с собственниками, в нарушение процедуры, незаконное. Когда-то у нас так отобрали все нежилые помещения на первых этажах и подвалы и продали неизвестно кому, теперь у нас хотят точно так же отобрать землю, но теперь мы уже не допустим этого. Кто за то, чтобы отклонить этот проект?

Все подняли руки «за», один человек воздержался. Докладчики с обиженным видом сворачивали свои

демонстрационные листы – дескать, чихать мы хотели на ваше голосование, всё равно будет по-нашему. На завтра были назначены следующие слушания уже по 178-му кварталу между Староконюшенным и Калошиным переулком. Объявили, чтобы все присутствующие обязательно пришли и на эти слушания тоже. Все стали постепенно расходиться. Ушли и проектировщики. Королёва вслед им бросила:

– И на завтрашние слушания не приходите без своего заказчика – представителя Департамента государственного имущества. Мы спросим у него, какое право он имел заказывать вам эту работу, которую могут заказывать только сами собственники!

По дороге домой меня догнала громогласная старуха, имени которой я до сих пор так и не узнала. Переписав всех, присутствовавших на вчерашнем митинге и на сегодняшнем собрании, она умудрилась не написать свою фамилию в списке регистрации. Сразу чувствуется чекистская хватка.

Старуха по секрету сообщила мне, что на следующей неделе должны заплатить деньги агитаторам:

– Я им сказала: если не заплатите – всё, не надейтесь, что дальше будем работать!

Оглядев меня с ног до головы и, видимо, оставшись довольной моим внешним видом, она деловито предложила мне:

– А вы не хотите пойти работать в Совет ветеранов заведующей методкабинетом? Очень хорошая работа. Всегда приглашают на банкеты. Недавно мы были в посольстве Белоруссии, нам такой стол накрыли!

– И ещё на поминках ветеранов, – в тон ей ответила я. – Нет уж, спасибо, я не люблю ходить на похороны.

– Да что вы, это нижний уровень хоронит, а наш Совет ветеранов руководит всеми другими отделениями. Соглашайтесь – не пожалеете!

Я поблагодарила старуху и деликатно отказалась. Пока шли домой, она мне сообщила, что ей 75 лет, но она каждый день ходит в бассейн и, кроме работы в Совете ветеранов, ещё поёт в церковном хоре.

– А в каком храме? – поинтересовалась я.

– В храме Христа Спасителя, – важно ответила она.

20 августа 2014 года, среда.

Сегодня в Трубниковском переулке были публичные слушания по 178-му кварталу между Арбатом, Староконюшенным и Калошиным переулком и улицей Сивцев Вражек. Я опять подошла на час позже, ближе к восьми вечера. И сразу же

столкнулась нос к носу с Юрием Николаевичем Нечаевым – помощником главы управы Арбат Дерюгина, до которого, вероятно, дошли слухи о вчерашнем бунте на корабле против проекта межевания, и он прислал своего наблюдателя. Испытующе глядя на меня, Юрий Николаевич стал мне говорить что-то о предстоящих выборах.

– А я агитирую за Шастину, – сообщила я ему.

– За Шастину? – переспросил он с кислым видом. – Ну, вообще-то совсем не обязательно за кого-то агитировать. Главное – убедить людей, чтобы они пришли на выборы.

Не знаю, чем была вызвана его такая реакция на Шастину. Возможно, не понравилось, что она, будучи кандидатом от правящей партии «Единая Россия», затеяла противодействие городскому проекту межевания. Но ведь если бы она не откликнулась, все недовольные пошли бы к оппозиционным кандидатам, которые немедленно воспользовались бы этим и набрали себе дополнительные очки. Но я не стала развивать эту тему и прошла в зал.

Людей было уже поменьше, чем вчера. Такого гвалта, как вчера, тоже не было, можно было понять, о чём говорят выступающие. Королёва опять сидела в первых рядах и подавала реплики. На сегодняшние слушания пришёл представитель заказчика из Департамента имущества Москвы – седовласый дядька, который говорил о чём угодно, только не по существу дела. Все стали с места кричать, что он врёт, и топать ногами.

– Жители должны иметь в виду, что если они присоединят землю, им придётся за это платить, – напомнил он. – Поэтому департамент их пожалел и взялся за эту работу, чтобы не было дополнительного финансового бремени на жителей.

– Не надо нас жалеть, мы будем платить, – заявила Королёва.

Потом женщина из элитного дома в Сивцеве Вражке хорошо поставленным голосом начала рассказывать присутствующим, как им удалось оформить в долевую собственность всю придомовую территорию, а это очень приличный кусок арбатской земли. На это им потребовалось четыре года. Но там были какие-то нюансы, которые позволили при нынешнем межевании что-то оттяпать и у них в пользу города.

Я не дослушала до конца, потому что в сумке у меня зазвонил телефон. Я вышла в коридор. Дарья приглашала меня завтра к 13 часам приехать за деньгами по первому этапу избирательной кампании. Я уже не стала возвращаться в зал и ушла домой, так и не досидев до конца слушаний.

21 августа 2014 года, четверг.

В социальном центре на улице Ефремова к часу дня собралось несколько десятков агитаторов. Вышла женщина, объявила, что она финансовый представитель Шастиной и должна выдать всем аванс в семь с половиной тысяч рублей каждому.

– Но речь шла совсем о других деньгах, нам обещали по 15 тысяч за этап, – напомнил крепкий парень в синей футболке. – А теперь вы предлагаете нам подписать новый договор, где фигурируют совсем другие суммы: 500 рублей в день, это значит, что за все три этапа мы получим не больше 15 тысяч. Предлагаю всем отказаться и потребовать встречи с кандидатом для объяснений. В противном случае мы устроим пикет не в поддержку Шастиной, а с лозунгами «Шастина, заплати, что обещала». Это же типичный распил денег, «Единая Россия» отмывает избирательные фонды, а нас держит за идиотов!

Парень долго бузил, но большинство предпочло получить то, что дают сейчас. Я тоже решила, что моя прогулка по квартирам, куда меня не пускали, не стоит и этих денег. Но на этом я всё-таки решила завершить свою агитационную кампанию и сойти с дистанции: в новом договоре было что-то написано о пикетировании и раздаче листовок у метро. Не царское, вернее не профессорское это дело! Не хватало ещё, чтобы мои студенты застали меня за этим занятием! И что они подумают: не нужно ли им скинуться мне на бедность, если я готова за какие-то гроши бегать с листовками у метро?

В принципе, всё, что я хотела получить от участия в этой предвыборной кампании, я узнала, пожелания Шастиной и от своего имени, и от имени других арбатцев о работе ночных кафе написала, а уж включит ли она это в свою программу или ограничится близкими ей медицинскими темами, от меня уже всё равно не зависит. Поэтому я решила не отказываться от предложенных сегодня семи с половиной тысяч, но сказала Дарье, что хотела бы завершить своё участие в агитационной кампании.

Но уже вечером Дарья мне позвонила и попросила прийти в понедельник.

– Зачем? Мы же договорились, что я схожу с дистанции, – сказала я.

– Подождите, вы должны прийти за дополнительными деньгами, вы получили аванс, а теперь должны получить ещё 7,5 тысячи рублей за первый этап.

Против этого я не стала возражать. Видимо, крепыш в майке всё же дожал избирательный штаб «Единой России», и они решили во избежание ненужного шума и скандала заплатить обещанную сумму.

22 августа 2014 года, пятница.

Сегодня в управе Арбат прошла встреча главы управы Дерюгина со своими советниками по вопросу подготовки к встрече общественности с главой Департамента по культуре, министром правительства Москвы Сергеем Капковым, которая запланирована уже на следующую неделю, на 26 августа. Дерюгин хотел заранее выслушать наши предложения по концепции пешеходной зоны Арбат, которая по постановлению правительства Москвы перешла в ведение Департамента по культуре.

В зале для заседаний собралось около 20 советников. Я пришла ровно в 10.00. Дерюгина ещё не было, но уже шла дискуссия между его помощником Юрием Николаевичем Нечаевым и Людмилой Михайловной Королёвой, которая довольно беспардонно перебивала его на каждом слове. Королёва, безусловно, неглупая женщина, и у неё есть дар слова, но развязный тон и грубость при разговоре с людьми, привыкшими, чтобы перед ними заискивали, вызывают у них естественное отторжение. Наверное, поэтому её так не любят в управе и создают ей репутацию чуть ли не городской сумасшедшей. Тем не менее Дерюгин внимательно прислушивается к её словам, хотя и его не могут не тяготить её многословие и внимание к второстепенным и спорным вещам. Вот и сегодня она всех перебивала, никому не давала вставить даже слова, хотя и другие тоже грешили тем же: болтали о чём угодно, только не о концепции пешеходной улицы.

Минут двадцать обсуждали проблему велосипедистов, которые гоняют в шлемах по пешеходному Арбату и сбивают с ног арбатских старушек.

– Вы думаете, они просто так ездят? – многозначительно вопрошала одна из советниц. – Нет, они приезжают из отдалённых районов специально, чтобы здесь на Арбате оттянуться, назло нам: вот, вы здесь живёте, так вот вам!

Потом все стали ругать полицию, а сидящий рядом со мной матёрый мужик, который представился бывшим городским чиновником, сообщил, что когда он работал в правительстве Москвы и курировал правоохранительные органы, существовало негласное указание менять весь состав милиции на Арбате каждые два года.

– Ну конечно, – взорвалась Королёва, – ведь они все крышуют незаконную торговлю на Арбате, а Департамент торговли делает вид, что ничего не знает. Когда я туда позвонила во время месячника борьбы с незаконной торговлей и сказала, что у нас на

Арбате она процветает, они все очень удивились: «Как? Разве там ведётся несанкционированная торговля?» Пришлось им объяснять, что художники, которые торгуют своими дилетантскими картинами, – это тоже торговля, и когда на Арбате исполняются музыкальные произведения и потом собирают деньги и продают свои диски, – это тоже неразрешённая торговля. Но все эти художники и музыканты собрались, устроили митинг у Департамента культуры, и Капков им разрешил делать на Арбате, что они хотят. Но это же отстой! Сначала Ванька начнёт бренчать под окнами, потом Васька скажет – а чем я хуже? – и так собираются на Арбате всякие маргиналы, и во что они превращают Арбат?

Бывший московский чиновник, который сидел рядом со мной, вспомнил, что на днях зарегистрирована московская общественная организация советников, и предложил создать такую же в нашем районе, а Королёвой возглавить её, но та с возмущением отвергла это предложение, заподозрив, что на неё хотят повесить какую-то бесплатную работу.

Когда очередь дошла до меня, я предложила поднять вопрос, о котором в своё время говорил покойный академик Сигурд Оттович Шмидт, – о восстановлении шатровой колокольни церкви Николы Явленного на Арбате. Моя идея, кажется, понравилась Дерюгину, во всяком случае, он оживился и заметил, что появление церкви позволит избавиться от ночных байкерских кафе в этом месте. Видимо, он вспомнил о моём выступлении на последней встрече с жителями и последующей письменной жалобе на его имя, ответа на которую я, правда, ещё не получила.

Тут меня перебила Королёва. Она заявила, что ещё при патриархе Алексии II специально занималась этим вопросом, и у неё даже имеется уже готовый проект, который она в своё время заказала за свои деньги. Она разразилась продолжительной речью о том, какая это была прекрасная церковь, долго рассказывала о том, что там лежали мощи блаженного Алексия, человека Божия, которым приезжала поклоняться сама императрица Елизавета Петровна. Королёва и дальше продолжала бы живописать эту тему, но её оборвал худой жёлчный старик, который заявил, что он категорически против восстановления храма. Когда у него спросили, почему, он сказал, что наша патриархия – самая коррумпированная организация, и начал пересказывать какую-то статью, где об этом было написано. Другие его не поддержали, а я промолчала. Видимо, не только мне известно о каких-то финансовых делишках Королёвой с патриархией. Не эту ли статью в «Московском комсомольце» имел он в виду? Королёва сразу прикусила язык и замолчала. А мне показалось знакомым

лицо этого худого седого старика, но я никак не могла вспомнить, где я его видела. Вспомнила, только когда пришла домой. Ну конечно, это тот самый Юрий Николаевич Козлов, с которым мы 20 лет назад общались в Фонде ликвидации коммунальных квартир Анатолия Басаргина.

В то время он тоже создал в своём доме № 4 по улице Арбат такое же товарищество жителей, как и я в нашем доме. Мы с ним общались в 1993 году, после расстрела парламента, когда объявили о выборах в Государственную Думу. На какой-то встрече я предположила, что Жириновский на этих выборах всех раскидает и выйдет в лидеры. Он поднял меня на смех и очень нелицеприятно высказался о Владимире Вольфовиче. Однако же когда выяснилось, что я оказалась права и даже стала депутатом по списку ЛДПР, он стал проситься ко мне в помощники. К тому времени у меня уже был помощник, но я порекомендовала его депутату Кривельской из нашей фракции и даже организовала им встречу, когда она пришла ко мне в гости. К сожалению, он не произвёл должного впечатления на подполковника МВД Кривельскую: на него вдруг напал ступор, и он начал нести какую-то пургу, так что Кривельская его послушала-послушала и нашла вежливую причину, чтобы отказать.

После этого мы с ним больше не встречались, меня закрутили депутатские дела, и я о нём забыла. И вот такая неожиданная встреча через столько лет! Не знаю, узнал ли он меня, наверное, я тоже постарела, но в этом древнем озлобленном старике очень трудно было узнать прежнего, тогда ещё молодого человека. В своём выступлении он жаловался на помойки во дворе, на кафе «Крези и Дези», которое не даёт ему спать, просил убрать лавочки под окнами, так как в ночное время там тоже постоянно выясняют отношения. В общем, понятны его раздражительность и жёлчность: когда тебе каждую ночь действуют на нервы и не дают выспаться, поневоле становишься брюзгой.

Потом выступил какой-то незнакомый высокий лысый мужчина в элегантном костюме. Он оказался потомком бывшего московского фабриканта, владельца кондитерской фабрики Абрикосова, и рассказал, что долго жил в Париже, в Пекине, и такие же проблемы, как на Арбате, существуют и в этих городах. Но там ничего не запрещают, там регулируют. Что он понимает под регулированием, он так и не объяснил, но его выступление произвело большое впечатление на Дерюгина, и после заседания он долго благодарил его за выступление и жал ему руку.

26 августа 2014 года, вторник.

Вечером в 19 часов в отстроенном недавно роскошном Доме

русского зарубежья, в библиотеке имени Солженицына, на четвёртом этаже состоялась встреча жителей всех пешеходных зон Москвы с министром московского правительства, главой Департамента культуры Москвы Сергеем Александровичем Капковым.

В Интернете я посмотрела информацию о нём. Родился в Нижнем Новгороде, окончил Волго-Вятскую академию госслужбы, был вице-губернатором Чукотки при Романе Абрамовиче, мечтает о кресле губернатора Нижегородской области, но Собянин его пока не отпускает.

Внешне это ещё довольно молодой интересный мужчина, высокий, рыжеволосый, крепкого телосложения, с приятным низким баритоном, которым он барственно отвечал на вопросы присутствующих.

В основном вопросы задавали женщины пенсионного возраста. Одна старушка сообщила о том, что у них в районе происходит рейдерский захват библиотеки имени Крупской.

– Мы никому не отдадим библиотеку имени Крупской! – грозно отчитывала она министра.

– Я у вас ничего не забирал, ни библиотеку имени Крупской, ни библиотеку имени Ленина, – с деланным испугом отшутился Капков.

Потом вниманием публики завладела Людмила Михайловна Королёва, которая опять завела разговор о художниках и музыкантах, от которых, по её мнению, нужно освободить Арбат. В конце концов, она добилась, что Капков пообещал встретиться ещё отдельно и с жителями Арбата, и, возможно, с художниками, которые работают на Арбате, чтобы более детально обсудить этот вопрос.

Я не стала озвучивать свои вопросы, а написала две записки Капкову: одну – о перспективах воссоздания храма Николы Явленного на Арбате, вторую – о том, чтобы Департамент культуры выступил с законодательной инициативой во вновь избранную в сентябре Мосгордуму о запрете размещения в жилых домах на Арбате ночных увеселительных заведений.

Когда закончились устные вопросы, Капков взялся за записки. Сначала зачитал мою первую записку о храме Николы Явленного, слегка запнувшись на ударении, но произнёс правильно, с ударением на втором слоге. Немного покрутив записку, он отложил её, сказав, что не готов сейчас ответить на этот вопрос. Вторая записка его больше заинтересовала, и он даже сказал, что в конце встречи кое-что добавит по этому вопросу, но так к нему и не вернулся.

Поговорив до девяти часов вечера, все дружно разошлись по

домам.

Вечером мне позвонила Королёва и стала выяснять, принимала ли я участие в собрании по созданию и выборам районной организации советников. Я сказала, что ничего об этом не слышала.

– Говорят, председателем выбрали Абрикосова, а тот советник по фамилии Лобанов, который сидел рядом с вами и предлагал мне возглавить эту организацию, видимо, таким образом проверял, знаю ли я о том, что они тайно уже всё провернули без нас.

Я поинтересовалась, знает ли Королёва, кому сейчас принадлежат сохранившиеся пристройки к Церкви Николы Явленного, в которых сейчас работают кафе? Королёва сказала, что их приватизировали. Я посетовала, что Капков отложил мою записку о церкви Николы Явленного на Арбате, но, возможно, он действительно не владеет пока этим вопросом и незнаком с ситуацией.

– Всё он знает, – заверила меня Королёва. – Просто не хочет этим заниматься.

Я, подумав, решила, что Королёва права, и Капков действительно в курсе дела или хотя бы что-то слышал о храме Николы Явленного. Не случайно же он всё-таки правильно произнёс ударение на втором слоге в слове «Явленного». Это признак посвящённости в тему.

28 августа 2014 года, четверг.

В обед позвонили из управы и сказали, что Капков хочет провести обещанную встречу с жителями Арбата уже сегодня вечером.

К 19.00 я подошла к Досуговому центру на Смоленской набережной. Там уже собрались наш главный муниципальный депутат Бабенко, позже подошёл Дерюгин. Он скромно уселся в зале, Королёва пристроилась рядом с ним.

Капков задерживался. Оказывается, он открывал новый памятник Станиславскому и Немировичу-Данченко в Камергерском переулке. Прождали его целый час. Наконец, он появился в окружении юных нимф на высоченных каблуках.

Сразу слово взяла Королёва и потребовала удалить из зала художников, которые узнали о встрече и тоже пришли послушать.

– Это встреча с советниками, – заявила Королёва. – А эти якобы художники на самом деле никто. У них нет разрешения на торговлю, они не живут на Арбате, нечего им здесь делать. Ставлю этот вопрос на голосование.

Капков в замешательстве согласился, и бедным художникам

пришлось покинуть помещение. Потом начались выступления, из которых выяснилось, что незаконную торговлю на Арбате курируют какие-то московские чины в высоких кабинетах и, вообще, какая-то таинственная мафия. Королёва сразу же взяла быка за рога и тут же потребовала от Капкова, чтобы он разрешил ей заняться зачисткой Арбата, Капков легомысленно согласился, видимо, введённый в заблуждение тем, что Королёва сидела рядом с главой управы Дерюгиным, который за время встречи не произнёс ни слова. Не знаю, имеет ли он право давать такие полномочия кому бы то ни было, но Королёва, очень довольная ответом, уселась на своё место.

Я выступила в конце и напомнила о записке, которую он отложил на прошлой встрече, касающейся воссоздания на Арбате исторической церкви Николы Явленного, видимо, считая, что это дело патриархии, но речь идёт о воссоздании историко-архитектурного облика Арбата. Капков со мной согласился. Он вообще со всеми соглашался.

– Если уж мы заговорили о воссоздании исторического облика Арбата, я хочу ещё обратить ваше внимание, Сергей Александрович, на то, что до 1917 года и в советское время на Арбате не было никаких кабаков. А то, что они так расплодились на Арбате в последнее время, – результат дикой приватизации 90-х годов. Даже бывшие храмовые пристройки церкви Николы Явленного тоже оказались приватизированными, и сейчас на этом святом месте тоже открыты питейные заведения. Каждую ночь там происходят настоящие вакханалии – со всей Москвы съезжаются байкеры. По-моему, это кощунство – открыть пивнушку на месте бывшей церкви. Даже в советское время на месте культовых зданий открывали учреждения культуры.

– Что же вы прикажете делать? – развёл руками Капков. – Я понимаю, что много чего в 90-е приватизировали незаконно, но как вернуть всё? Не выкупать же эти помещения обратно!

– Именно выкупать! – не согласилась я.

– У нас нет на это денег.

– Ну что вы, государство выкупило за миллиарды долларов все разбазаренные в 90-е годы нефтяные месторождения! А уж нежилые помещения на Арбате тем более может выкупить! Вы должны ставить эти вопросы перед руководством!

Капков замолчал. Не знаю, что он думал, глядя на меня. Может, вспомнил, что был правой рукой у Романа Абрамовича, которому недавно из российского бюджета заплатили аж 13 миллиардов долларов за «Сибнефть», которую в 90-е годы во время залоговых аукционов всего лишь за 80 миллионов долларов прибрал к рукам Березовский, а когда на него начались

гонения, вынужден был продать за ту же цену Абрамовичу? А может, он вообще подумал, что я сошла с ума и болтаю всякую ерунду?

Тут опять в разговор вклинилась Королёва, которая сообщила, что она лично занималась этим вопросом и на свои деньги – 500 тысяч рублей – заказала проект восстановления храма Николы Явленного. Но патриарх Алексий умер, и всё остановилось, а сейчас сохранившиеся храмовые постройки арендуют до 2016 года и поэтому ничего делать не будут (мне она говорила раньше, что они приватизированы!).

Капков завершил встречу пространной речью, из которой я с удивлением узнала, что посещаемость Арбата в несколько раз выше, чем Парка культуры и отдыха имени Горького, который обслуживают и убирают 500 человек и огромное количество единиц техники. А на Арбате этим занимается в десятки раз меньше людей и машин. Но с Парком культуры все проблемы удалось решить, это теперь одно из самых посещаемых мест в Москве, и вход туда он сделал бесплатным. А с пешеходной зоной Арбат сложно, потому что, в отличие от других подобных зон в Москве, это жилая улица, и большое количество гостей создаёт большие неудобства для жителей.

Догадываюсь, что и Капков, и Дерюгин с большим удовольствием избавились бы от жителей на Арбате, которые ничего, кроме проблем и жалоб, для них не создают. Но их слишком много, и остаётся только ждать, когда они сами по себе разбегутся куда-нибудь и перестанут мешать серьёзным людям делать деньги на Арбате.

Встреча закончилась около 21 часа. Капков важно прошествовал к своему блестящему чёрному «мерседесу», за ним поскакали на своих каблуках прекрасные нимфы, а я ещё некоторое время потусовалась около Досугового центра, где проходила встреча: женщина, которая выступала первая и говорила, что она много кое-чего знает, сообщила в кулуарах, что весь Арбат держат три азербайджанца, которые собирают дань с художников и наваривают на этом большие деньги, и что она в своё время поднимала эти вопросы, будучи муниципальным депутатом, но ей прямо сказали, что если она будет много «возникать», то её убьют, и сына тоже убьют.

14 сентября 2014 года, воскресенье.

Сегодня день выборов в Мосгордуму, с утра моросит противный дождь. Я пошла на избирательный участок в конце дня, чтобы посмотреть в книге записей, кто ещё проголосовал из нашего дома. Оказалось, что никто.

Придя домой, я позвонила по телефону ТСЖ, указанному на доске объявлений. Ответил, как всегда по этому номеру телефона, Виктор Тарасов.

– Могу я переговорить с председателем нашего ТСЖ Надеждой Валентиновной Тарасовой? – спросила я.

– Нет, не можете, я вместо неё.

– Вообще-то, по закону вы не имеете права её замещать.

– Вы не те законы читаете, – нагло ответил он.

– Ну, не будем спорить, я сейчас по другому поводу, – сухо сказала я. – Я только что с избирательного участка. Из нашего дома никто ещё не проголосовал. Ну не нравится вам Шастина – проголосуйте за кого-то другого. Нельзя же так. А потом жалуетесь на фальсификации…

– У меня сегодня важные дела, – заявил Тарасов.

– Какие дела могут быть в воскресенье? Немедленно приезжайте и привозите свою маму на участок.

Тарасов что-то проворчал в ответ. Подозреваю, что он просто валялся дома на диване, и никаких таких важных дел у него нет, просто лень ехать куда-то.

После Тарасова я позвонила главе армянского семейства Гарику Карапетяну. В этой квартире прописано семь человек, но тоже никто не проголосовал. Он клятвенно пообещал проголосовать, в чём я тоже усомнилась.

Позвонила Покровской. Её мобильный телефон не отвечал, и, перезвонив Александре Андреевне Гусевой, я узнала, что она только что убежала с подружкой в кино. И сама не голосует, и за Гусеву, которая не выходит из дому, ещё раньше решила, что та голосовать не будет и отказалась пригласить на дом избирательную комиссию, когда я ей это предложила.

Смирнова с Харитоновым тоже отключили телефон, а у них ещё прописана в квартире взрослая дочь Смирновой, конечно, она тоже не пришла. Телефоны Глазыриной, её дочери и артиста Боровинских тоже не отвечали. Зато когда я позвонила Игнатьевой, та меня строго отчитала:

– У вас неправильные сведения, что никто из нашего дома не проголосовал, – мы все только что пришли с избирательного участка!

Я несколько усомнилась в этом, но не стала выяснять, правда ли это.

Какая же явка оказалась на этих выборах? Оказалось, 20 %. Даже больше, чем в Париже – там последняя явка была 18 %. Впрочем, это никого не обескуражило. На следующий день обозреватели рассуждали о том, что это свидетельствует о спаде оппозиционных настроений.

Шастина прошла на выборах в Мосгордуму с минимальным количеством голосов – 28 %, то есть она будет там представлять, с учётом явки, всего 14 процентов избирателей. Главный её

оппонент, артист Ярмольник, который на праймериз её обогнал, теперь уступил Шастиной 1 % и заявил, что не верит подсчётам и больше никогда на выборы не пойдёт. Впрочем, это не помешало ему пригрозить, что он инициирует пересчёт голосов. Правда, эту свою угрозу он так и не осуществил.

17 сентября 2014 года, среда.

Сегодня в 19 часов в Трубниковском переулке прошла еженедельная встреча с главой управы Максимом Дерюгиным. Тема – работа управляющих компаний. Обычно на такие встречи я стараюсь не приходить, но сегодня пошла, уж очень животрепещущая тема. Но, вопреки ожиданиям, ничего интересного не услышала, хотя пригласили руководителей всех управляющих компаний, работающих на Арбате. Пришли только представители госкомпаний, подотчётные управе, хотя приглашали и частные компании, но никто из них не явился.

Людей пришло много, но вопросы задавали какие-то несерьёзные: где-то засохли деревья и цветы, посаженные управляющей компанией. Как будто трудно самим полить цветник! Жители Нового Арбата возмущались, что у них нет двора и пенсионерам негде отдохнуть. Дерюгин объяснил, что по проекту в хрущёвских многоэтажках не было предусмотрено никаких дворов, и предложил пенсионерам отдыхать в соседних скверах. Кто-то был не согласен с тем, что без учёта их мнения им навязали государственную компанию ГУП ДЕЗ «Арбат» вместо проштрафившейся управляющей компании «Арбат».

– Мы не выбирали новую компанию, нас устраивала и старая. Но нас никто не спросил и навязали нам ГУП ДЕЗ «Арбат», – возмущалась какая-то женщина. – Мы хотим, чтобы нам вернули старую управляющую компанию «Арбат», которая нас обслуживала много лет!

– А когда вам назначали управляющую компанию «Арбат», вас что, спрашивали? – спросил кто-то у неё.

Дерюгин ответил, что ООО УП «Арбат» обанкротилась, и поэтому её заменили госкомпанией ГУП ДЕЗ «Арбат». Временно, так как с нового года всех переведут в единую госкомпанию «Жилищник района Арбат», которая, как в старое доброе время, будет иметь своих слесарей и дворников, а не будет нанимать гастарбайтеров из Киргизии. Почему-то Дерюгин не объяснил недовольной женщине, что если собственников по каким-то причинам не устраивает их управляющая компания, они в любой момент могут собраться и выбрать новую, и только если в течение года они этого не сделали, управа назначает им по конкурсу свою компанию. Но жители относительно этого пребывали в неведении

и продолжали задавать вопросы, а Дерюгин, прекрасно видя их неосведомлённость, почему-то не торопился вносить ясность в эти вопросы. Видимо, это было не в интересах управы.

Я не досидела до конца и ушла около 21 часа. Потерянное время. Единственная польза – узнала, что в ГУП ДЕЗ «Арбат» вместо Алексея Жучкова, который перешёл на другую работу, назначили нового начальника. Конечно, временного, раз уж скоро всех переведут в «Жилищник».

22 сентября 2014 года, понедельник.

Вчера, начиная с двух часов ночи, «Евразия» опять не давала мне уснуть, поэтому я весь день клевала носом и ничего не могла делать. И сегодня ночью в два часа проснулась от звуков барабана. Я терпела до четырёх часов, дважды одевалась с намерением выйти и посмотреть, какой ресторан включает ночью музыку, но, слава Богу, воздержалась от выходов, услышав на веранде бормотание с кавказским акцентом. Не хватало ещё, чтобы горячие кавказские парни, завидев меня среди ночи, затащили бы меня куда-нибудь или, чего доброго, пырнули ножиком. Звуки становились всё громче, и я позвонила, но не в дежурное отделение на Арбате, а по 02. Мне ответил заспанный женский голос.

– Это вас беспокоят Арбат, 25, квартира 1. У нас внизу ресторан с двух часов ночи включил дискотеку.

– Почему вы не звоните в своё отделение?

– Потому что туда звонить бесполезно, они никак не реагируют.

Дежурная отключилась. Я улеглась опять спать, не надеясь особо на скорое решение вопроса, но через непродолжительное время барабанный бой внизу вдруг прекратился. Я выглянула в окно и увидела хвост бесшумно удаляющейся полицейской машины, но не дежурного «мерседеса» из арбатского отделения полиции, а небольшого скромного «бобика» белого цвета с полосками по бокам, указывающими на принадлежность к полиции города. Музыка замолкла и больше не включалась, а я наконец-то спокойно доспала до восьми утра и к десяти часам прибыла в издательство, где мне назначили встречу. Даже успела позавтракать. Не знаю, кого за это благодарить. Наверное, новое руководство полиции Москвы и Центрального округа.

23 сентября 2014 года, вторник.

Сегодня в 18.00 состоялась очередная встреча главы управы Арбат Максима Дерюгина со своими советниками. Я опоздала на полчаса и, узнав тему – очередное обсуждение концепции

пешеходной зоны Арбат и выдача предложений для Департамента культуры Москвы, сразу включилась в обсуждение. Мне тут же передали на подпись какую-то коллективную бумагу на имя Капкова. Бегло прочитав её и увидев там упоминание о ночных кафе, я её подмахнула.

Подождав, когда закончит своё выступление женщина, которая жаловалась на посторонние машины у подъезда (совсем не в тему!), я стала тянуть руку. Но Дерюгин меня явно не замечал, хотя я тянула руку прямо перед его носом.

– Вам надо собрать жителей и подать заявку на установку шлагбаума, – обстоятельно стал объяснять он женщине.

Все стали шуметь, что это никакого отношения к теме собрания не имеет. Тогда Дерюгин стал подводить итоги:

– Значит, вы согласны с Капковым, что для того, чтобы навести порядок на Арбате, надо его сначала закрыть, зачистить от художников и музыкантов, и только тогда с чистого листа начинать строить пешеходную зону на Арбате?

– Да-да, совершенно правильно, – поддакнула Королёва, которая сидела напротив меня, обложенная кучей бумаг. Рядом с ней сидела её приятельница, которая в прошлый раз восхитила меня умением связно и красиво излагать свои мысли, которые, впрочем, тоже касались в основном изгнания с Арбата всяких маргинальных элементов вроде писающих в подъездах художников и артистов.

Я не стала дожидаться разрешения и встала:

– А я хотела бы вступиться за художников, которые рисуют на Арбате! Арбат знают во всем мире как улицу художников, на которой обитают свободные художники, – начала я.

– Какие это художники, – презрительно махнула рукой дама, сидящая рядом с Королёвой.

– Да кто я такая, чтобы судить о том, хороший художник или плохой? В искусстве не существует никаких критериев, – возразила я.

– А я всё-таки немного разбираюсь в искусстве, – важно сказала дама, – у меня муж был художник.

– Да они все пьяницы, бухают прямо на Арбате, – поддержала её другая женщина.

– К вашему сведению, все великие художники были пьяницы и маргиналы, – сказала я. – А сейчас на аукционах их работы продаются за миллионы долларов. И художники мне совершенно не мешают, в отличие от ночных кафе. Вот о них и надо говорить, о том, что мешает жителям, а художники никому не мешают.

– Как же не мешают, они ходят в наши подъезды справлять нужду, – включилась ещё одна дама.

– Значит, надо поставить на Арбате бесплатные туалеты, – ответила я и села на своё место.

– Дайте нам мандат, и мы сами разберёмся с этим базаром на Арбате, – обратилась Королёва к Дерюгину. – Вы не знаете, а мы, жители, знаем, что творится на Арбате. Жители нас поддерживают, но мы должны иметь какую-то бумагу от управы, которая бы давала нам соответствующие права, а уж мы быстро сами наведём здесь порядок. Сейчас, когда я что-то говорю этим художникам, они мне заявляют: «А вы кто такая?» Дайте нам бумагу, которая разрешала бы нам действовать, и завтра на Арбате не будет ни одного художника и музыканта!

– Зачем вам бумага, если вы сами говорите, что жители вас поддерживают? – вяло отбивался от её напора Дерюгин.

– Это совершенно неконституционно, – охладила я её пыл. – Вас затаскают по судам. Вместе с управой.

– Но они же не платят налоги, – завопила Королёва. – Почему я плачу налоги, а они не платят? А они, между прочим, потом пользуются всеми государственными бесплатными услугами, которые оплачиваются за счёт законопослушных налогоплательщиков, в том числе и меня! То есть они живут за мой счёт!

– Откуда вы знаете, что они не платят? Может быть, они как раз платят налоги. И, кстати, это не наше с вами дело, есть органы, которые обязаны за этим следить, а нам не надо подменять их работу, – сказала я. – И вообще, Арбат – это не наша личная вотчина, чтобы командовать здесь. Мне кажется, мы как жители должны сказать, что нам мешает нормально жить на Арбате, а не лезть не в своё дело. Что, нам больше делать нечего?

Королёва грозно воззрилась на меня и сердито засопела. Видимо, она не ожидала именно от меня возражений.

Дерюгин предложил советникам провести опрос жителей своих домов, чтобы потом они не ходили и не жаловались в управу и не говорили, что с ними не посоветовались. На этом собрание закончилось, все стали расходиться. Я не стала задерживаться и сразу пошла домой. На выходе из управы меня встретил Нечаев.

– Вы поговорите с жителями своего дома, что они считают нужным сделать на Арбате, а то получается, что у нас только Королёва всё знает, – сказал он.

– У Людмилы Михайловны очень много энергии, – дипломатично ответила я.

– У Людмилы Михайловны много не энергии, а хамства, – с досадой сказал Нечаев.

24 сентября 2014 года, среда.

Решила позвонить Людмиле Алексеевне Трайгель, чтобы уточнить, нужно ли писать какие-то обращения по поводу концепции Арбата от жителей нашего дома. Оказалось, что не надо, так как вчерашнее собрание, оказывается, было созвано по инициативе Королёвой, чтобы собрать подписи под её обращением к Капкову.

– Вы же подписали её письмо, – напомнила Людмила Алексеевна.

– Подписала, потому что там упоминались ночные кафе на Арбате. Но вообще, в этом письме такая каша! И главное, и неглавное – всё свалено в одну кучу.

– С управой вообще ничего не согласовывают, – сообщила мне Людмила Алексеевна. – Просто ставят в известность. И всё. Мы ничего не решаем. Но жалобы идут именно к нам. Открывают новые кафе, палатки – всё это помимо нас. Скоро два новых кафе должны ещё открыться в шестом доме после ремонта. Они тоже ночные. Но мы к этому не имеем никакого отношения – пешеходная зона Арбат находится в ведении Департамента культуры Москвы.

– Ну вот видите, ночные заведения расползаются всё больше и больше по Арбату, – огорчилась я. – Я слышала, что и Королёва тоже хочет закрыть свой сувенирный магазин «Арбатская лавица» и открыть там ресторан.

– Вот как? – заинтересовалась Люмила Алексеевна. – Но это объяснимо. Содержать такую большую площадь: два этажа, да ещё подвал. А покупателей у неё не так уж и много, все покупают сувениры у уличных торговцев.

– Поэтому она и борется с конкурентами, в её письме всё только о несанкционированной торговле. А о главном, что мучит жителей Арбата, – ночных кафе – сказано так себе, между делом. Ничего удивительного, она ведь живёт не на Арбате, а в Староконюшенном переулке, там никаких кафе нет.

– Она живёт на Арбате, в 45-м доме, – возразила мне Людмила Алексеевна. – В этом доме кафе «Му-му», она с ним тоже борется.

– Вот как, значит, у неё ещё и квартира на Арбате? А с «Му-му» зачем бороться? Это кафе закрывается в 23 часа. К таким кафе никаких претензий нет, мы уже привыкли, что на Арбате до самого вечера шумят, это в рамках закона. Но вот когда ночью включают музыку, да ещё такую, которая бьёт по ушам и невозможно уснуть…

5 октября 2014 года, воскресенье.

Позвонила Александре Андреевне Гусевой. До этого она говорила, что Ирочка должна уехать в Испанию с дочерью и внуками.

– Ну как, Ирочка уже уехала? – спросила я.

– Уехала, будет только через месяц, так что приходите, поболтаем, – обрадовалась Александра Андреевна.

Я принесла упаковку из двух котлет из мяса индейки, упаковку с несколькими ломтиками арбуза, яблоки и виноград из Новоарбатского гастронома. Александра Андреевна даже прослезилась.

– А я как раз думаю: что бы мне поесть, варить ничего не хочется, а тут готовые котлетки. Но я за всё вам заплачу.

Я назвала ей символическую сумму, чтобы она не чувствовала себя чем-то передо мной обязанной.

– Мне всё-таки Бог помогает, – сказала она. – Так грустно было: никто обо мне не вспоминает, Ирочка бросила, уехала, и вот Бог послал вас с такими вкусностями.

– Бог послал вам не меня, а вкусности, а я просто как курьер, – ответила я.

16 октября 2014 года, четверг.

Вспомнила, что письмо в отдел потребительского рынка нашей управы по поводу ночного кафе я сдала ещё 17 июля, а ответа до сих пор нет. Зато теперь кафе «Евразия», на которое я жаловалась и собиралась подать на него в суд, сменило название. Теперь это «Чайхана на Арбате». Но всё так же не даёт мне спать по ночам. Однако какая оперативность! Видимо, была утечка информации из управы о том, что на них собираются подать в суд. Теперь они уже не они и ни в чём не виноваты. Но ответ-то на моё письмо должен быть!

Позвонила в канцелярию управы, оказалось, что ответ отправили ещё 13 августа. Но я его почему-то не получила. Попросила сделать копию. Отписка в лучших традициях чиновничества: мне вновь сообщили о том, что, согласно Гражданскому кодексу, собственник вправе распоряжаться нежилым помещением по своему усмотрению, не спрашивая разрешения у управы, и устанавливать по своему усмотрению любой режим работы заведения. Законом не возбраняется открывать в жилых домах кафе и рестораны. Органами исполнительной власти разрешение на открытие этих предприятий не выдаётся, и управа, оказывается, понятия не имеет о том, кто там собственник, а кто арендатор. Меня опять переадресовали в полицию. Круг замкнулся.

Зато в доме напротив, в бывшей пристройке к церкви Николы

Явленного, вместо самого тихого кафе открылся филиал музея эротики – Дом ужаса. Для начала они установили перед входом трёхметровую скульптуру не то Гулливера, не то Люцифера, а на крышу здания подняли огромное кресло непонятного назначения (возможно, это его трон!). Я не обращала внимания на это. Затем в окнах заведения установили мощные мигающие прожектора, которые днём и ночью светили в окна моей квартиры. Я бросилась к хозяевам заведения: вы работаете до 0 часов, выключайте хотя бы на ночь. Мне пообещали отключать их после 23 часов. Но, несмотря на обещание, прожекторы как светили, так и продолжали светить. Я решила позвонить Людмиле Алексеевне:

– Вы, наверное, знаете, что в доме по адресу Арбат, 16 открылся филиал музея эротики?

– Да, знаю, а почему вы спрашиваете?

– Я просила хозяев этого заведения убрать световую рекламу напротив нашего дома. Ночью бьёт в глаза, не даёт спать, никакие шторы не спасают. Я просила отключать прожектора хотя бы на ночь, когда они уже не работают.

– И что же?

– Ноль внимания. Как светили, так и светят. И кафе в нашем доме продолжает включать музыку по ночам. Так что я, ложась спать, надеваю наушники, а теперь ещё и на глаза – повязку.

– Это ужасно, ужасно, – посочувствовала мне Людмила Алексеевна. – Пишите жалобу главе управы.

В качестве утешения она предложила мне в понедельник пойти на концерт в Доме культуры железнодорожников на вручение премии «Общественное признание». Я вежливо отказалась, сославшись на то, что я ещё не знаю, как у меня сложатся дела в этот день.

Удивительно, но сразу же после нашего разговора с Людмилой Алексеевной музей эротики стал после полуночи выключать свою агрессивную мигающую рекламу в мои окна. В понедельник я решила позвонить Людмиле Алексеевне и поблагодарить её, а заодно взять пригласительный билет на «Общественное признание». Но оказалось, что она никакого отношения к выключению рекламы не имеет, всё разрешилось само собой. Билеты на церемонию «Общественное признание», кстати, тоже уже закончились, и мне пришлось остаться дома. Потом в газете я прочитала, что на этой церемонии чествовали 99-летнего актёра Владимира Зельдина, который, несмотря на свой почтенный возраст, плясал на сцене и без всякой фанеры исполнил свою коронную песню «Друга я никогда не забуду, если с ним подружился в Москве» из кинофильма «Свинарка и пастух». В этом фильме ещё молодой Зельдин сыграл роль молодого

грузинского пастуха, который приехал в Москву и влюбился в русскую свинарку. Фильм очень нравился Сталину, который смотрел его несчётное количество раз. Зельдин – действительно уникум, до сих пор играет на сцене театра Советской Армии – уже 60 лет в одном и том же театре. Дай Бог ему дожить до ста лет и больше!

30 октября 2014 года, четверг.

Вторую неделю гриппую с температурой, никуда не выхожу из дому, чтобы не разносить опасные бациллы. В этом есть своя польза, так как я, наконец, разродилась двумя письмами на имя Собянина. В первом я напомнила, что год назад перед выборами мэра мы обращались к нему с наказом решить вопрос с ночными питейными заведениями, поселившимися в нашем доме. Сообщила об отписке, полученной из префектуры в ответ на наше письмо, которая переадресовала нас в полицию. Которая тоже не справляется, и ситуация со временем даже усугубилась, так как собственники нежилых помещений в погоне за сверхприбылями стали даже обычные кафе превращать в ночные клубы, и жители Арбата от этого сильно страдают, что, собственно, показало наше участие в последних выборах в Московскую городскую думу. Между тем в крупных мегаполисах мира эта проблема давно решена на законодательном уровне: в Париже, например, в ночное время в жилой зоне нельзя продавать не то что алкоголь, но даже обычные товары, и недавно Верховный суд Франции отказал крупной торговой сети по продаже косметических товаров, которая пыталась оспорить в суде этот порядок. А в Нью-Йорке бывший мэр Майкл Блумберг, которого жители трижды избирали на этот пост, вообще вывел за пределы города все ночные клубы. И только у нас, в России, можно годами терроризировать жителей и не нести за это никакой ответственности. В конце письма я предложила Собянину подать другим регионам России пример заботы о жителях и выйти в новую Московскую думу с законодательной инициативой, запрещающей открывать в жилых домах ночные увеселительные заведения.

Второе письмо я озаглавила «О храме Николы Явленного на Арбате». Начала с того, что в начале 30-х годов прошлого века на Арбате был снесён один из древнейших в Москве храмов с редчайшей красоты шатровой колокольней. Храм был главной достопримечательностью Арбата, который по его имени называли «улицей Святого Николая». Сейчас на этом святом месте находится пустырь, обнесённый бетонным забором, на котором периодически появляются уличные граффити. Но самое

возмутительное – это то, что сейчас в примыкающих зданиях открыты ночной клуб и филиал музея эротики, что нельзя расценивать иначе, как кощунство и сознательное надругательство над бывшей Арбатской святыней. Даже богоборческая советская власть, закрывая храмы, старалась открывать там культурные и оздоровительные учреждения – библиотеки, музеи, бассейны. Всё это вызывает недоумение у москвичей и гостей Москвы, снижает авторитет московской власти. В заключение я призвала мэра обратить внимание на эту проблему и принять меры к воссозданию историко-архитектурного комплекса храма Николы Явленного на Арбате, а пока принять необходимые нормативные акты, которые бы запрещали размещение вблизи действующих и восстанавливаемых культовых сооружений увеселительных заведений сомнительного толка. Подписала оба письма как доктор экономических наук, профессор, общественный советник главы управы Арбат.

Написанные тексты так мне понравились, что я даже захлопала в ладоши и закричала, как Пушкин после окончания «Бориса Годунова»: «Ай, да Пушкин, ай да сукин сын!» После этого я распечатала письма в двух экземплярах и, не затягивая дело, сразу же отправилась на Тверскую, 13, чтобы сдать их в канцелярию мэрии. Женщина в окошке, зевая, сначала решила, что это одно письмо, и чуть не поставила мне отметку там, где не надо. Это меня немного отрезвило. Ну, что же я хотела? Собянину письма мешками носят, и клерки, не читая, сразу суют их в урну. Наверное, такая же участь ждёт и мои эпистолярные шедевры. А может, это и не шедевры вовсе? Просто результат повышенной температуры? Но как хотелось бы, чтобы мои письма Собянину прочитал если не сам Сергей Семёнович, то хотя бы какой-нибудь вдумчивый его помощник. И оценил бы их по достоинству. И дал бы им ход! Почему бы и не помечтать об этом?

1 ноября 2014 года, суббота.

Всю ночь мне снился какой-то уже немолодой простецкий батюшка, которому я доставила какие-то хлопоты. Видимо, моё письмо о церкви Николы Явленного на Арбате уже попало по назначению, к какому-то священнику, которому поручено в патриархии заниматься восстановлением храмов. Но, судя по сну, моё письмо не очень попало в струю, там, видимо, хватает забот со строительством уже запланированных храмов. Так что, возможно, Никола Явленный пришёлся не ко двору? Посмотрим, к чему этот сон, ведь полагается ответ на моё обращение к мэру. Неужели ответят в том духе, что ваше письмо направлено в

патриархию? А оттуда ответа не дождёшься, это общественная организация: хочу – отвечу, хочу – не отвечу, скорее «не отвечу».

6 ноября 2014 года, четверг.

Зашла в управу за газетами и вот – в сегодняшней «Вечерней Москве» большая статья-интервью с архиепископом Егорьевским Марком (Головковым) – руководителем финансово-хозяйственного управления Московского патриархата и Фонда поддержки строительства храмов Москвы. Тут же его фотография внизу – для архиепископа довольно молодой батюшка, но с серьёзным и вдумчивым взглядом, по-мужски очень красивый и уверенный в себе человек. Не похож на того простецкого батюшку, который мне приснился неделю назад. Но, возможно, с моим письмом возился не он сам, а какой-то его помощник постарше возрастом и попроще.

Тут же, в газете, приведена краткая биография архиепископа Егорьевского Марка (Головкова Сергея Анатольевича), викария Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. Родился 31 марта 1964 года в Перми. В 1982–1984 годах служил в рядах Советской армии. 19 октября 1990 года в Троице-Сергиевой лавре пострижен в монашество, 21 ноября рукоположен в сан иеродиакона, 7 января 1991 года – в сан иеромонаха. 12 августа 1992-го назначен членом Русской духовной миссии в Иерусалиме. В 1997-м возведён в сан игумена. С 26 января 2000 года – настоятель храма Святой Троицы в Хорошеве. 3 мая 2000 года возведён в сан архимандрита. 14 января 2004 года хиротонисан во епископа Егорьевского, викария Московской епархии. 1 февраля 2010 года возведён в сан архиепископа. Распоряжением Святейшего Патриарха Кирилла от 31 декабря 2011 года назначен управляющим Северо-Западным викариатством в границах Северного округа и включён в состав Епархиального совета Москвы. По благословению Святейшего Патриарха Кирилла 25 июля 2014 года назначен председателем правления Фонда поддержки строительства храмов Москвы.

То есть совсем недавно. А кто же был до него, интересно? Или это совсем новая должность?

Рядом – интервью с куратором благотворительного проекта «Программа-200» по строительству православных храмов в Москве, депутатом Государственной Думы РФ Владимиром Ресиным. В статье написано, что программа по строительству 200 храмов была инициирована в 2010 году Патриархом Московским Кириллом и поддержана мэром Москвы Сергеем Собяниным. Строительство ведётся за счёт частных пожертвований и благотворителей. Владимир Ресин – советник мэра Москвы,

советник по строительству Патриарха Московского и всея Руси, в статье утверждает, что за четыре года в Москве появилось более 120 новых православных приходов. На новых территориях Москвы ведётся подбор 140 земельных участков для строительства храмов. Опыт программы распространяется и на другие регионы России: Московская область, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Ставрополь и другие города начали активно работать на уровне местных епархий и городских властей.

У меня сразу возник вопрос: я слышала, что губернатор Московской области сказал, что у них в области скоро не останется ни одного невосстановленного храма. А тут 200 новых храмов при пустыре на месте храма Николы Явленного в самом центре Москвы!

Интервью архиепископа Марка было посвящено в основном разъяснению того, что храмы строятся не на бюджетные деньги, а исключительно на пожертвования, причём много небольших пожертвований из немосковских деревень, видимо, из пенсий. Конечно, город помогает в основном в выделении участков под строительство новых храмов.

Архиепископ Марк также покритиковал название программы и сказал, что строятся никакие не модульные, а самые настоящие храмы, и предложил название «Москва златоглавая» или «Новые храмы Москвы».

Вот опять «новые храмы»! А кто же занимается в патриархии восстановлением старых? Вероятно, тот самый простецкий батюшка, который мне приснился недавно.

8 ноября 2014 года, суббота.

Получила уведомление из канцелярии мэрии о том, что моё письмо о ночных кафе зарегистрировано в аппарате мэра и правительства Москвы за № 3-6-231317. Там же сообщалось, что оно направлено аж в три адреса: правительство Москвы, префектуру ЦАО и Главное управление МВД РФ по г. Москве. Теперь буду ждать ответа от них. Интересно, что напишет мне Литошин из префектуры, который год назад отфутболил меня в полицию? Ну что ж, и полицию я предупреждала, что если это дело будет продолжаться, я вынуждена буду жаловаться в вышестоящие инстанции. Но письмо-то моё было о другом – это была не столько жалоба, сколько конкретное предложение о новом московском законе, запрещающем открывать ночные заведения в жилых домах. Надеюсь, что в правительстве Москвы моё письмо попадёт в отдел, который занимается как раз этими вопросами.

В письме меня также проинформировали о том, что

обращения граждан можно направлять электронной почтой на централизованный портал, где все жалобы оперативно рассматриваются, и в течение 8 дней опять же по электронной почте даётся ответ. Одним словом, деликатно намекнули, что хоть я и профессор, но отстала от жизни, раз посылаю письма старым дедовским способом. А что же делать остальным бабушкам, у которых нет ни компьютера, ни Интернета? И при этом в Москве нет никакого компьютерного ликбеза для пенсионеров. Одни разговоры об этом. Когда я попыталась записаться на такие курсы, заявленные в нескольких библиотеках Москвы, то так и не получила вразумительного ответа. Я даже начинаю подозревать, что вся эта электронизация организована для того, чтобы отсечь основную часть жалобщиков, к которым относятся пенсионеры.

В связи с этим вспомнила депутата Госдумы, популярную актрису кино Марию Кожевникову, которая на вопрос о том, почему она не помогла многодетной семье из глухой деревни, ответила: «А почему они ко мне не обратились? Пожалуйста, у меня всегда по скайпу открытый доступ!»

12 ноября 2014 года, среда.

Сегодня получила извещение из мэрии на своё второе письмо (о церкви Николы Явленного). В письме мне сообщали номер моего письма, с которым оно путешествует по инстанциям, он оказался на 5 единиц больше, чем у предыдущего моего письма, хотя отправляла я их одновременно. Видимо, когда высыпали письма из мешка, всё перепуталось. Письмо подписано той же Чигирёвой, которая сообщает, что направила моё письмо в префектуру. Не знаю, каким образом префектура будет восстанавливать храм Николы Явленного, но подождём ответа оттуда. А пока 5-метровый Люцифер, который красовался перед 16-м домом, где теперь филиал музея эротики, переместился с Арбата как раз на ту огороженную бетонным забором площадку, где был собственно храм, и огромное кресло, которое было на крыше, стоит рядом с ним на крыше.

В письме опять деликатная приписка об электронном адресе, по которому теперь надо направлять все письма в мэрию, например о детских площадках, мусоре во дворах и плохой работе управляющих компаний. Но мои обращения в мэрию совсем о другом. Видимо, зря я бисер рассыпала в своих письмах. Но подождём ответа.

Вечером навестила Александру Андреевну. Ирочка уже приехала из Испании, но ушла куда-то в гости, и Александра Андреевна позвонила мне и попросила прийти.

– Я очень скучаю одна. Ирочка со мной почти не разговаривает, я всё время одна в четырёх стенах, – пожаловалась она. – Я вижу, что Ирочке не нравится, когда мне звонят, а тем более когда ко мне кто-то приходит, она хотела бы быть хозяйкой всей квартиры, но никак не получается. Поэтому я её раздражаю.

– А кто раньше жил в вашей квартире? – поинтересовалась я.

– Квартира была коммунальная, в ней жило много людей, но тётя меня не выпускала из комнаты, старалась сама на кухне всё делать, потому что в квартире были страшные склоки. После войны, когда я работала в оперной студии, где заведовала костюмерным цехом, однажды за мной заехали знакомые на машине, и кто-то из соседей написал на меня донос, будто я занимаюсь проституцией. Меня вызвали повесткой, я туда пришла, и меня начали там вербовать, чтобы я сообщала сведения о своих соседях.

– И что вы ответили?

– Расплакалась, сказала, что я не смогу, потому что с утра до вечера на работе, и я ничего не знаю о соседях. На Арбате ведь проходила трасса, по которой ездил Сталин в Кремль, все подъезды были забиты агентами, они постоянно дежурили, между дверями в потайном шкафчике у них был телефон. Их сразу было видно, они были одеты не как все – в тёплых сапогах, полушубках. Я как-то вечером возвращалась с работы, было холодно, они набились в подъезде, под лестницей у них было какое-то помещение. Я испугалась, когда вошла, но они мне сказали: «Гражданочка, проходите, проходите, не задерживайтесь».

– А сейчас на Арбате тоже ходят дежурные. Тоже в специальной одежде: летом в песочных костюмах и кепи, зимой – в утеплённых штанах и куртке тоже особого цвета. Ходят по одному или парами, через каждые 10 метров. Но они не имеют никакого отношения к полиции, когда происходят драки, они не вмешиваются, только наблюдают. Говорят, у них очень большая зарплата. Но и работа такая, что не позавидуешь, – целый день в любую погоду ходить туда-сюда, – сообщила я Александре Андреевне.

– Что вы говорите?! – всплеснула она руками. – А я думала, на Арбате уже не ходят агенты, ведь он стал пешеходной улицей, и правительственная трасса теперь проходит по Новому Арбату – по нему ездят в Кремль. А оказывается, всё равно на Старом Арбате продолжают ходить агенты!

– Уже второй год ходят, – добавила я. – Может быть, и раньше ходили, но не в такой заметной форме. Ребята высокие, крепкие, с военной выправкой. Ходят, всё высматривают, всё берут на

заметку.

– Так что ничего не изменилось, – покачала головой Александра Андреевна. – Я помню, как мама Лёли Певзнер из 8-й квартиры наверху при встрече в подъезде шёпотом мне говорила: «За нашей квартирой следят». И скоро её действительно арестовали. Она была доктором, а тогда как раз начались гонения на врачей. Это было уже после войны.

– Но её, наверное, потом выпустили, после смерти Сталина? – спросила я.

– Нет, не выпустили. Она не вернулась. Её дочь Лёля продолжала жить здесь одна. Она очень хотела выйти замуж, но только на пенсии сошлась с Зозулевичем.

– Я помню и Елену Певзнер, и Зозулевича, её мужа. В их коммуналке жила ещё семья Моревых – муж, жена и два сына, все они пили по-чёрному, Певзнер с Зозулевичем боялись выходить из своей комнаты, когда они напивались. И две комнаты, которые они занимали, были такие обшарпанные, с обвалившимся потолком. Они очень надеялись, что им дадут отдельную квартиру, чтобы хоть на старости лет пожить по-человечески. Интересно, когда расселяли наш дом, они что-то получили? – спросила я.

– Зозулевич к тому времени уже умер, а Лёле дали отдельную квартиру в Староконюшенном переулке, но очень неудобную, она немного в ней пожила и вскоре умерла. Она не хотела далеко уезжать. Нам с Григорием Васильевичем тоже дали смотровой ордер на двухкомнатную квартиру в Капотне, мы ездили её смотреть. Григорий Васильевич был не против, чтобы переехать, а мне там совсем не понравилось. Я сказала женщине из управы, что никуда не поеду, умру на Арбате, и нас оставили в покое. Потом Григорий Васильевич умер. Когда предложили выкупить квартиру, появилась Ирочка, и она взяла всё на себя, она ходила в управу, наверное, что-то заплатила им, и ей разрешили выкупить.

– Для этого не надо было ничего платить, по закону те, кто живут в отселённой квартире, имеют право первоочередного выкупа освободившихся комнат, – заметила я. – Но, кроме вас, в квартире был прописан ещё сын Олега Паничева. Он, наверное, тоже претендовал на освободившуюся площадь?

– Ещё как претендовал! Он даже пытался меня газом травить. Но всё равно мне как ветерану войны дали преимущество, и он вот так пытался от меня избавиться. Не знаю, как потом Ира этот вопрос решила, но он выписался отсюда.

– Наверное, она выкупила у него его комнату, – сказала я.

– Да, наверное, выкупила. Ира потом и от курдов избавилась, которых привёл в квартиру участковый после смерти слепой

Ольги. Курды платили участковому и жили в квартире, их был целый табор. Они и не думали уезжать. Но Ирочка их два раза предупредила, а на третий сменила замки. Вот тогда они забегали. Но ничего – погрузили свой скарб в машину и уехали. Конечно, без Ирочки я бы с ними не справилась. Они занимали всю квартиру, я боялась нос высунуть на кухню. Думала: ну когда же всё это закончится? Нет, Бог мне всё-таки помогает. Я всегда чувствовала его помощь. Вот и вы мне крестик подарили, спасибо вам.

Мы ещё немного поговорили, и я ушла. На прощание Александра Андреевна просила не бросать её, почаще звонить и навещать. Но лучше это делать, когда Ирочки нет дома, чтобы её не злить.

28 ноября 2014 года, пятница.

Вчера мне позвонил Степан Нарбеевич, директор медицинского центра для беременных, который находится на одной площадке с моей квартирой, и поинтересовался, не мешает ли мне реклама филиала музея эротики, который открылся напротив нашего дома. К световой рекламе несколько дней назад добавилась и звуковая реклама по громкоговорителю.

– Очень надоедливая реклама, и голос противный. Я уже несколько раз звонила и просила их, чтобы они хотя бы ночью её отключали. Сейчас они вроде бы немного притихли, и в 23 часа её отключают.

– Так это я ходил к участковому, и он заставил их сделать свою рекламу немного тише, – возопил Степан Нарбеевич. – Но это же невозможно слушать целый день! От неё просто можно сойти с ума! Я подсчитал: каждую минуту 4 раза повторяют одну и ту же дурацкую фразу «Дом вверх дном, дом великана, сад бабочек, контактный зоопарк, приходите к нам, будет весело!» Я собираюсь написать жалобу в управу, вы подпишете? – спросил он.

Разумеется, я согласилась. И заодно позвонила Людмиле Алексеевне Трайгель, но она посоветовала писать жалобу не в управу, а муниципальным депутатам, а те, дескать, сами разберутся, кому её направить. Конечно, Трайгель – это громоотвод главы управы, вот она и направляет всех к депутатам, чтоб не беспокоили её непосредственного начальника.

Посмотрела Закон «О рекламе», однако ничего утешительного там не обнаружила. Для того чтобы рекламироваться, достаточно разрешения собственника здания, в котором находится фирма. А о звуковой рекламе там вообще нет ни слова. То есть опять «Закон о тишине», а он фактически

санкционирует любой шум с 7 до 23 часов, а после 23-х тоже можно, только на полтона тише.

Вечером зашла в управу за газетами и там нос к носу столкнулась с Людмилой Алексеевной Трайгель.

– Ну как, вы написали жалобу? – поинтересовалась она.

– Пока нет. Да и что толку? У меня уже целая папка этих жалоб, а результат – ноль. Вообще-то городская казна хоть что-то получает от этих заведений? Или все доходы достаются владельцам нежилых помещений? Ну, вот наша управа, например, что-то получает от ночных кафе?

– Ничего не получает. Но жители идут с жалобами в управу, и мы стараемся с этим бороться. Но собственники кафе ведут себя очень нагло. Вот вверху на Арбате на кафе «Дейзи и Грейзи» жители жаловались, мы заставили их выключать свою музыку, но время прошло – они опять включают. Жители снова нам пишут. И вы тоже пишите, – посоветовала Трейгель и, очаровательно улыбнувшись мне на прощание, исчезла за дверями управы.

Придя домой, обнаружила в своём айфоне СМС-сообщение о том, что опытная риелторская фирма поможет мне выгодно продать квартиру. На следующий день сообщение повторилось. Видимо, бумажных объявлений, которые регулярно клеют на дверь и бросают в почтовый ящик, кому-то показалось недостаточно. Может, вся эта история с ночной музыкой не случайна? Обычно так выживают старых жильцов с насиженных мест. Сначала делают невозможными условия проживания, а потом предлагают продать квартиру по дешёвке. Но не для того же я с таким трудом выкупала это помещение для музея Юона, чтобы теперь в этой квартире открыли какой-нибудь притон!

1 декабря 2014 года, понедельник.

Получила ответ из префектуры ЦАО на своё письмо о воссоздании храма Николы Явленного на Арбате. Подписано всё тем же зампрефекта Литошиным. В уголке указан автор письма – Цьмох И. В. Видимо, это женщина, а не мужчина, так как недели две назад мне звонила какая-то сотрудница из префектуры и уточняла имя-отчество.

В письме всё чин по чину: просто удивляюсь, как они все наловчились писать ответы и умудряться ни на что не ответить. Сообщили, что земельный участок по ул. Арбат, 12–14 является федеральной собственностью и принадлежит Центральному военному клиническому госпиталю имени П. В. Мандрыки, а улица Арбат является пешеходной зоной общегородского назначения. И что в префектуру ЦАО обращений от Патриарха Московского и всея Руси Кирилла по вопросу воссоздания церкви

Николы Явленного на Арбате не поступало.

И ни слова о том, что было постановление правительства Москвы о том, что храм должен восстанавливаться и восстановление должно было начаться как раз в 2014 году. Неужели они в префектуре об этом ничего не знают?!

Ну что же, придётся писать письма Патриарху и Медведеву – Путину, которым сейчас, конечно, не до этого – вчера в Москве прошла многотысячная демонстрация медиков, поддержанная оппозицией, против московской реформы здравоохранения и сокращения лечебных учреждений вместе с медперсоналом. Всё понятно: нефть дешевеет, доходы от экспорта падают. А освободившиеся здания в центре Москвы можно будет продать за хорошие деньги и залатать образовавшиеся дыры в бюджете, потому что Путин обещал сохранить все социальные обязательства, в том числе индексацию пенсий, что в условиях начавшейся инфляции совершенно необходимо. Впрочем, при Гайдаре никто ничего не индексировал, и те же медики и пенсионеры молчали в тряпочку, а сейчас все разошлись не на шутку.

«Эхо Москвы» устами какого-то американского друга Ходорковского даже «оговорилось» о том, что Путина «задушат подушкой» его же соратники, как когда-то задушили одного диктатора в Африке. Оказывается, это очень популярный способ умерщвления! Я слышала, что Сталина тоже задушили подушкой Каганович и его сестра. Об этом якобы говорила слепая провидица Матрона Московская, которая жила у нас на Арбате, в доме, хозяева которого носили фамилию Жданов. Возможно, это не просто однофамильцы соратника Сталина. Не зря ведь существует легенда о том, что вождь посетил Матрону, когда немцы были уже в нескольких километрах от столицы, и после этого визита Сталин якобы твёрдо решил остаться в Москве, да ещё 7 ноября провёл военный парад на Красной площади, а потом и восстанавил православную церковь, и выборы патриарха провёл, и распорядился освободить оставшихся в живых священников. И немцев с Божьей помощью отогнали от Москвы, а потом и погнали дальше, до самой Германии.

Проверить эту легенду невозможно, но многие в неё верят, существует даже икона, изображающая святую Матрону и рядом с ней – Сталина. Правда, потом священника, у которого в храме обнаружили эту икону, заставили её снять и спрятать подальше, но такой факт был, я сама читала об этом статью и видела фотографию запрещённой иконы.

А дом, в котором жила блаженная старица Матрона, судя по фотографии, как две капли воды похож на резной деревянный

дом Пороховщикова, который считается строением № 2 нашего дома. Но старица в нём не жила. Я узнала, что дом, в котором жила Матрона на Арбате, был разрушен, даже фундамента от него не осталось. На его месте теперь стоит какая-то многоэтажка.

8 декабря 2014 года, понедельник.

Вечером позвонила Валерия Португалова, арбатская активистка, которая организовала «Зелёную лампу Арбата» – собрание ветеранов, куда приглашают с лекциями известных краеведов, артистов, музейщиков. Не знаю, кем раньше работала Португалова, видимо, какой-то начальницей. Сейчас на вид ей лет 70–75, но она, по-видимому, ещё сохранила заряд пассионарности, если несёт такие нелёгкие общественные обязанности, связанные с «Зелёной лампой».

Однажды я прочитала в арбатской газете о лекции, посвящённой арбатским храмам, решила пойти, меня попросили оставить свой телефон, и с тех пор они регулярно приглашают меня на свои посиделки. Иногда я хожу, иногда нет. В последний раз я пошла послушать лекцию замдиректора Третьяковки – специально, чтобы задать вопрос: будет ли у них организовываться выставка картин К. Ф. Юона в связи с тем, что в следующем году будет его 140-летие? В запасниках Третьяковки огромное количество его работ, а в открытом доступе всего одна – дореволюционная картина «Сиреневый куст» в духе тогдашних импрессионистов. Не знаю, почему выбрали именно эту работу? Возможно, потому, что это была первая работа Юона, которую приобрела Третьяковская галерея. Правда, это случилось уже после смерти Третьякова, картина Юона была приобретена по инициативе его дочери Боткиной, которая входила в попечительский совет галереи, переданной её отцом в дар Москве.

Свой вопрос я задала, но получила на него отрицательный ответ: ничего юоновского в 2015 год не планируется. У меня было ещё сильное желание в тот вечер подойти к Португаловой и поговорить с ней насчёт церкви Николы Явленного, но что-то меня остановило. И вот она сама мне позвонила, первый раз, до этого мне всегда звонила какая-то её заместительница.

– Вы не хотите пойти на экскурсию в музей Достоевского? Мы собираем группу на вторник.

– Вы очень кстати позвонили, – сказала я. – Я недавно прочитала вашу книгу «Серебряный переулок». Вы живёте в Серебряном переулке?

– Ну да, допустим, живу, – насторожилась Португалова. – А

что?

– Я хотела у вас спросить: как вы относитесь к тому, чтобы восстановить церковь Николы Явленного, которая стояла на углу Арбата и Серебряного переулка? Сейчас там творится Бог знает что, с одной стороны кабак, а с другой недавно открыли филиал музея эротики, а на заборе нарисовали булгаковского Шарикова, а за забором, прямо в церковной ограде установили, кажется, самого булгаковского Воланда. Это, наверное, связано с булгаковским юбилеем в нынешнем году?

– Ну, во-первых, это не Воланд, а Гулливер. А во-вторых, там музей не эротики, а зеркальный лабиринт и сад бабочек, в-третьих, я против того, чтобы восстанавливать на этом месте церковь, так как начнутся строительные работы, а это шум, грязь и так далее, – возразила Португалова.

– Ну знаете, Гулливером или великаном он стал совсем недавно, после того, как стали люди возмущаться. А насчёт этого музея – Вы загляните в рекламу, которую они раздают на улице, – начинается с зеркального лабиринта и сада бабочек, а потом здесь же детям предлагают продолжить экскурсию в Николопесковском переулке, где находится их главный музей эротики и самый большой секс-шоп в Европе, как они его рекламируют. Я сама видела, как школьники целыми классами туда ходят, – с возмущением рассказала я Португаловой.

– Ну я не знаю, но вот церковь точно не нужна. Это будет какой-то новодел, как сейчас делают по программе «200 храмов» в Москве. Вот восстановили на Красной площади Казанский собор, вы его видели? Он же никуда не годится.

– Но, наверное, это лучше, чем общественный туалет, который был на этом месте? – возразила я. – А у нас не обязательно весь храм восстанавливать, покойный Сигурд Шмидт предлагал восстановить хотя бы одну шатровую колокольню – она имеет главную архитектурную ценность. И фундамент сохранился, ничего копать не надо. Сейчас восстанавливают старинную архитектуру очень точно по архивным данным. Не думаю, что это потребует больших и шумных работ. Зато уйдут байкеры на мотоциклах. Они вам, кстати, не мешают?

Что-то проворчав, Португалова попрощалась и закончила разговор. А у меня на душе остался осадок. Это уже второй человек, который против восстановления храма. Сначала Козлов, теперь вот Португалова. Что ими движет? Видимо, Португалова – бывшая чиновница советской закалки или, может, бывшая директриса какого-нибудь образовательного учреждения, которая даже в мыслях не может допустить возрождения чего-то, связанного с религией. Да, видимо, не всё так просто будет с

восстановлением храма.

9 декабря 2014 года, вторник.

Утро вечера мудренее. С утра я нашла в Интернете координаты Благотворительного фонда Святителя Николая и позвонила его исполнительному директору, чтобы проконсультироваться насчёт восстановления храма Николы Явленного на Арбате. Он сразу предупредил, что денег на восстановление в фонде нет, но охотно разъяснил, с чего надо начинать:

– Прежде всего для такого дела надо взять благословение у священника. И у него же узнать, кто благочинный по вашему району, он обычно решает такие вопросы. Потом нужно будет зарегистрировать церковную общину и начать поиски спонсоров. Дел, конечно, будет невпроворот, но с Божьей помощью всё пойдёт как надо, поверьте моему многолетнему опыту, – обнадёжил он меня.

После разговора я опять порылась в Интернете и разузнала кое-что о госпитале имени Мандрыка. Пётр Васильевич Мандрык – это первый начальник этого госпиталя, который был создан во время Гражданской войны в 1919 году (недавно отмечали 90-летие!). Лечат там главным образом командный состав Армии.

Известно, что в начале войны в 1941 году госпиталь посещал Сталин, который навестил там тяжелораненого генерала Ерёменко. После ранения обеих ног у него началась гангрена. Сталин распорядился, чтобы достали пенициллин, и гангрена отступила. Насколько мне известно, Ерёменко в мемуарах довольно нелицеприятно отзывался о Сталине. С учётом фактов, о которых я сегодня узнала, с его стороны это была чёрная неблагодарность.

Ещё я выяснила, что госпиталь уже в наши дни окормлял митрополит Питирим, и даже лечился в нём, но помочь ему было уже нельзя. Видимо, у него была онкология. Он испытывал сильные боли, но отказывался от обезболивающих. Умер 4 декабря, на Казанскую. Наверное, поэтому в каком-то из филиалов госпиталя построили потом церковь во имя Казанской иконы Божией матери.

Сейчас к госпиталю прикреплены все маршалы, в том числе 98-летний маршал Соколов, тот самый, которого Горбачёв уволил после приземления Руста на Красной площади, 92-летний маршал Петров (кажется, они уже умерли), маршалы Куликов и Язов – этим уже по 90 лет. Каждый год они проходят реабилитацию в филиалах госпиталя типа санаториев в Сокольниках и в подмосковном Болшеве. Клиника в Серебряном переулке на

Арбате с июля 2013 года находится на реконструкции, которая должна закончиться в августе 2015 года.

У меня сразу возникла мысль как-то связаться с руководством этого госпиталя – а вдруг у них уже у самих витают мысли о восстановлении храма Николы Явленного?

17 декабря 2014 года, среда.

Состоялась последняя в этом году встреча главы управы Арбат Дерюгина с жителями на тему «Отчёт отделов управы о проделанной работе».

Сначала выступил начальник Инженерной службы, что-то говорил, но в голове ничего не осталось. Перечислил все стройки на Арбате, упомянул и реконструкцию 2-го военного госпиталя имени Мандрыка, в ведении которого находится земельный участок храма Николы Явленного. Я тут же встрепенулась и задала вопрос:

– У вас нет информации о том, входят ли в план какие-то работы по храму Николы Явленного? Сейчас этот участок захватил филиал музея эротики, установил там какого-то великана и его трон. Собираются ли там что-то делать?

В ответ начальник пожал плечами и ответил, что ничего не знает об этом, всё подчинено Министерству обороны, а работы должны закончиться уже летом следующего года, то есть практически через полгода.

Потом выступил с отчётом иванинновый начальник отдела потребительского рынка. Насколько мне известно, он был замом у Красновой, и как раз он сочинял отписки на мои жалобы. Мне казалось раньше, что Иванин – это какой-то молодой человек, работающий на подхвате у Красновой. Оказался толстым и лысым дядькой. Дерюгин сообщил, что Краснова уволилась. Потом ещё раз сказал, что её уволили. Так уволилась или уволили? Между этими словами большая разница. Но хрен редьки не слаще. Иванин – сразу видно, что матёрый чиновнище. Королёва, которая присутствовала тоже на этом собрании, тут же обрушилась на Иванина и припомнила, как он чуть ли не с рукоприкладством пытался вытолкать её с ярмарки выходного дня, когда она стала выяснять у якобы фермеров из Курской области, откуда у них персики и виноград. А после этого инцидента кто-то в отместку облил кислотой витрину в её магазине.

Потом Королёва стала жаловаться, что в мусорные баки в их дворе бросают мусор жители других домов, и просила навести в этом порядок. Дерюгин слушал её сочувственно, даже пригласил на какое-то завтрашнее заседание по поводу вывоза мусора.

Королёва совсем заважничала. Вообще, она стала выглядеть гораздо лучше, чем раньше: покрасила свои седеющие волосы в сиреневый оттенок и сделала модную укладку, явилась на собрание в шикарном норковом манто – просто некоронованная королева Арбата!

Какая-то пожилая жительница пожаловалась на то, что с января закрывается единственная булочная на Арбате, оставшаяся с прежних времён. И вообще, закрывается всё, что дорого старым жителям Арбата, многие из которых здесь родились и прожили всю жизнь. Например, закрыли детский кинотеатр, теперь вот хотят снести палатку, где работал очень хороший сапожник, мастер своего дела. «Нельзя ли как-то сохранить старое?» – интересовалась она.

– Почему мы вас всех так ненавидим? Потому что вы всё делаете в ущерб жителям, – вставила Королёва. Иванин после этого слегка дёрнулся, а Дерюгин выслушал реплику с непроницаемым видом, видимо, решив, что к нему это не относится.

Дама в норковой шапке стала что-то выяснять насчёт шлагбаума у их дома: нельзя ли поставить вместо шлагбаума металлические ворота и вообще запретить въезд машин. Дерюгин ответил ей, что всё решают сами жители на собрании.

Я присмотрелась к этой даме и узнала в ней женщину из 51-го дома по Арбату, которая во время выборов не пускала меня в свой подъезд. Она была против кандидатуры Шастиной и категорически возражала, чтобы я агитировала за неё в их доме. «Ярмольника мы не знаем, других кандидатов тоже, а вот Шастину мы хорошо знаем, она была муниципальным депутатом, и десять лет ничего не делала, поэтому мы точно знаем, что она ничего не будет делать и в Московской городской думе», – заявила она мне. Я не стала с ней спорить и ушла. Потом несколько раз приходила, надеясь проникнуть в подъезд и опустить в ящики жителей агитационные материалы, но дама постоянно дежурила у подъезда и бдительно следила за тем, чтобы я как-нибудь не проникла в их подъезд.

Кто-то из жителей пожаловался на установку на Арбате «шале» – торговых домиков, которые в большом количестве установили на Арбате к Новому году. В некоторых из них жарят шашлыки, и многим совсем не нравятся запахи, идущие в их квартиры.

– На Гоголевский бульвар – там самое место для них, – кипятилась дама в норковой шапке.

Но оказалось, что «шале» открыли на Арбате по распоряжению Департамента культуры, и наша управа не имеет к

этому никакого отношения. Однако Дерюгин твёрдо пообещал к началу Нового года решить этот вопрос и уже через месяц навести порядок с торговлей на Арбате. Хорошо бы ещё и с ресторанами тоже разобрались, и с филиалом музея эротики напротив нашего дома. Но я не стала поднимать этот вопрос. Кафе, которое мучило меня по ночам, закрылось. Но, очевидно, готовится его очередная, уже третья по счёту, реинкарнация под новым названием.

20 декабря 2014 года, суббота.

Наконец, получила из префектуры ответ на своё письмо к Собянину о ночных кафе на Арбате. Опять мне разъяснили, что органы исполнительной власти не имеют права устанавливать режим работы негосударственным предприятиям. Но эти предприятия, конечно, должны соблюдать закон «О тишине», за чем должны следить сотрудники органов внутренних дел, и мне в очередной раз посоветовали звонить в полицию. Изменять режим работы на 23 часа они считают нецелесообразным, а если я с этим не согласна, то могу обращаться к своему депутату в Мосгордуме, который обладает правом законодательной инициативы.

Подписал письмо зампрефекта А. В. Никитюк, в уголке – фамилия автора И. Н. Калашникова. Ну, разумеется, префектура не имеет права законодательной инициативы. Но я-то обращалась не в префектуру, а в правительство Москвы, которое спускает главные законодательные инициативы в Мосгордуму.

В общем, меня в очередной раз отфутболили.

Зато я отправила письмо теперь уже самому Патриарху, где описала все безобразия, которые творятся на месте нахождения храма Николы Явленного, и отправила это письмо в адрес патриархии в Чистом переулке. Если даже до Патриарха моё письмо не дойдёт, то хоть благочинный примет его к сведению. На ответ я особо не надеюсь – это общественная организация, которая не обязана отвечать на письма.

23 декабря 2014 года, вторник.

Пригласили советников главы управы Арбат на встречу с Дерюгиным. Пришло человек 20. Королёва то ли не пришла, то ли её не пригласили. Чего же она ещё хотела после своего недавнего горячего объяснения в любви к работникам управы!

Нас угостили чаем с пирожными и бутербродами и наградили почётными грамотами. Дерюгин всех поблагодарил и сказал, что мы – лучшие.

На встрече говорили в основном о реформе здравоохранения, что никто ничего не может понять, да и Путин говорил о том же – требовал, чтобы внятно объяснили жителям, что они получат от

этой реформы. Опять толковали о всяких мелочах типа неправильно установленных жёлобов на крыше какого-то дома.

В завершение разговора и я решила снова поднять вопрос о Николе Явленном и напомнила, что участок находится в федеральной собственности и принадлежит госпиталю Минобороны имени Мандрыка и что там сейчас проходит реконструкция, которая заканчивается в августе 2015 года. Сообщила, что я уже написала письмо Патриарху по поводу незаконного захвата земельного участка филиалом музея эротики, который устроил там свалку мусора, установил какого-то дурацкого великана с его троном и вообще использует это место неподобающим образом. Спросила, уместно ли будет, если я как общественный советник обращусь по этому поводу к руководству госпиталя или даже руководству Минобороны о благоустройстве участка в рамках проводимой реконструкции. Речь не идёт о полномасштабном восстановлении разрушенного храма, сейчас для этого не совсем подходящая финансовая ситуация, связанная с недавним обрушением курса рубля. Но установить небольшую часовню или простой крест, благоустроить территорию, разбить там сквер, посадить цветы, убрать бетонный забор с изображённым на нём Шариковым – всё это вполне реально.

– Напишите письмо на моё имя, а я обращусь от имени управы, – коротко ответил Дерюгин.

В конце встречи все общественные советники сфотографировались на память вместе с главой управы. Наверное, фотография появится в последнем номере этого года газеты «Арбатские вести». Правда, нас проинформировали о том, что в следующем году газета будет выходить в электронном формате – на бумагу нет денег.

Вечером я прочитала в последнем декабрьском номере газеты «Арбатские вести», которую взяла в управе, интервью главы Департамента культуры Москвы Сергея Капкова о том, что есть предложение проработать совместно с префектурой ЦАО особый статус улицы Арбат, который, оказывается, есть у бульваров, парка-сада «Эрмитаж», парка Горького, Нескучного сада. Но улица Арбат отличается от всех других пешеходных зон тем, что она жилая, и проблема тишины стоит здесь особенно остро. По словам Капкова, в следующем году будет введён регламент по звуковому максимуму или минимуму. Тогда громкость музыки любого кафе или другого развлекательного заведения будет строго ограничена. А на нарушителей будет накладываться административный штраф.

Это уже интересно. Кажется, меня услышали. Вместе с тем

уже и так существуют ограничения по громкости музыки и административные штрафы, вполне внушительные. Толку от этого мало. То есть ничего практически не изменится. Никто и не собирается выводить эти увеселительные заведения из жилых зданий.

Ну чего я ещё хочу от соратника Абрамовича? Такой же шашлычник, как и Роман Аркадьевич, который начинал свою карьеру с кафе-шашлычной, эту шашлычную посещали дочь Ельцина со своим другом. Вот он и украшает Арбат этими домиками-«шале», где стоят огромные дымящиеся мангалы, от которых жители Арбата закрывают наглухо окна и зажимают носы.

А недавно тот же Капков на заседании правительства Москвы предложил отменить запрет на продажу в парках спиртного под тем предлогом, что его всё равно приносят с собой. Новая Московская дума тут же отреагировала и на своём заседании отменила запрет на продажу в парках спиртного, но только пива и глинтвейна. Конечно, Капков имел в виду совсем другие спиртные напитки, но хоть шерсти клок. Однако для меня стало новостью, что в парках, оказывается, существовал «сухой закон». Почему бы не ввести его и на особой пешеходной зоне Арбат? И ничего, кроме пива и глинтвейна!

24 декабря 2014 года, среда.

Прежде чем передать Дерюгину обещанное письмо о храме Николы Явленного, решила поставить об этом в известность своих соседей по дому. Дозвонилась только Ире Покровской.

– Вы не возражаете против того, чтобы на месте пустыря установили часовню, убрали забор и разбили сквер? – спросила я.

– Разумеется, нет, – ответила Ирина. – Кстати, я хотела у вас узнать, что с нашим домом? Собираются ли делать капитальный ремонт? К Тарасову невозможно дозвониться, он вообще здесь не живёт. Такое впечатление, что он ничем в нашем доме не интересуется.

– Я же не член ТСЖ, откуда мне знать? Но я думаю, что Тарасов не будет заниматься нашим домом. Ему это ТСЖ нужно было только для того, чтобы получить контроль над нежилыми помещениями и чердаками в нашем доме. Он собирался устроить там мансарды, чтобы сдавать их в аренду, он в своё время делился со мной такими планами.

– Ну и что он сейчас, сдаёт эти чердаки? – оживилась Ирина.

– Откуда мне знать? Что-то там сверлили, стучали, может, уже и сдают. Я туда не поднималась и не смотрела. Чтобы случайно по голове не стукнули.

– И правильно сделали, – одобрила моё поведение Ирина.

– А что он, с членами ТСЖ не обсуждает этих вопросов и не делится доходами? – в свою очередь, невинно поинтересовалась я.

– Вообще-то, рестораны, которые работают в нашем доме, должны нам платить, – ушла она от ответа.

– А может, они уже и платят, – предположила я. – Только не жителям, а тем, кто их привёл сюда. Вот, например, Тарасов зачем-то ездил в Тульскую область, встречался с собственником помещения, в котором потом открыли ночное кафе «Евразия». И Марета в своё время подняла шум в пончиковой «Данкин и Донатс» из-за вони у себя под окнами, а ей администратор сказала, что всё согласовано с Тарасовым. Наверное, тоже не безвозмездно. Правда, он тогда отпирался, но почему-то не подписал коллективное письмо жителей в управу с жалобой на кафе, когда Никитина собирала подписи. Я сама уже год пишу жалобы на кафе «Евразия», которое по ночам устраивает под моей квартирой дискотеки. Но ничего не могу добиться: у них всё по закону, не подкопаешься. Я уже решила на всё плюнуть и не связываться. Чтобы случайно в тёмном подъезде потом со мной что-нибудь не случилось.

– Вот это правильно, – опять одобрила моё поведение Ирина и добавила, что толку от ТСЖ никакого.

– Создать ТСЖ легко, а вот ликвидировать его практически невозможно, – ответила ей я.

– А зачем ликвидировать, надо просто переизбрать Тарасова, раз он ничего не делает, – предложила Ирина. – Вот, например, в доме на Староконюшенном, где у меня вторая квартира, тоже был такой председатель ТСЖ, который ничего не делал, но сейчас его переизбрали и выбрали меня, – сообщила мне Ирина, намекая на то, что неплохо бы и в нашем доме тоже выбрать её председателем ТСЖ.

– Ну, это ваше внутреннее дело, я не член вашего ТСЖ, и вообще, я против всякого ТСЖ. Сейчас большие права даны общему собранию жителей. По любому вопросу каждый собственник может за десять дней уведомить жителей об общем собрании, и если соберётся половина собственников и половина из них проголосует за предложенное решение, можно обойтись без всякого ТСЖ. И потом, чтобы переизбрать Тарасова, вам надо заручиться поддержкой членов правления.

– А кто у нас члены правления ТСЖ?

– Такие же фиктивные собственники, как Тарасов. Но с доверенностями от собственников. Это незаконно, и я могла бы через суд ликвидировать и это ТСЖ, и перевод в новую

управляющую компанию, но не хочу тратить своё время и нервы. Пока мне присылают платёжки из ГУП ДЕЗ «Арбат», я буду платить за ЖКХ им, а не управляющей компании «Арбат-сервис», которую нам навязали, – сказала я.

– А меня вполне устраивает «Арбат-сервис»: Ратушняк по первому звонку приходит и устраняет любые неполадки в моей квартире, – не согласилась со мной Ирина.

– Конечно, маленькая компания более доступна, но ведь «Арбат-сервису» надо и больше платить. Вот в соседнем доме «Арбат-сервис» дерёт с жителей уже по 15 тысяч в месяц. Они ходят в управу, жалуются, но назад пути нет, им не хватает нескольких метров, чтобы переголосовать всё обратно и вернуться в государственную компанию, – сказала я.

– Ну, я не знаю, как там обстоят дела с «Арбат-сервисом» в других домах, а мне приходят от них вполне приемлемые счета, не намного больше, чем раньше, – похвасталась Ирина.

– У вас, может быть, разница не такая большая, а мне «Арбат-сервис» отменил все мои ветеранские льготы. С какой стати я буду им платить каждый месяц лишние полторы тысячи рублей непонятно за что? И главное, непонятно кому? Управляющая компания «Арбат-сервис» не числится ни в каких реестрах. Вы уверены, что она перечисляет ваши деньги ресурсоснабжающим организациям? С нового года дома переводятся в новую государственную компанию «Жилищник района Арбат», и вы можете оказаться в должниках, – предупредила я Ирину.

Кажется, я напрасно это сделала. На следующий день я позвонила, как обычно, Александре Андреевне, чтобы узнать, как её здоровье.

– У меня нормально, а вот Ирочка заболела, со вчерашнего дня у неё разболелась печень. Никуда не выходит, даже не знаю, чем ей помочь, – сокрушалась Александра Андреевна.

– Это, наверное, из-за того, что я вчера ей испортила настроение с их управляющей компанией «Арбат-сервис», – покаялась я.

– Ну что вы, у неё такая дружба с этим начальником: он к ней частенько заходит, она даже его продвинула, и он теперь обслуживает и тот дом в Староконюшенном, где у неё другая квартира, – сказала Александра Андреевна.

Вот это новость! А я-то разоткровенничалась с Ирочкой!

31 декабря 2014 года, среда.

Позвонила Александре Андреевне, чтобы поздравить старушку с наступающим Новым годом. Она мне сообщила, что Ирочка уехала к дочери праздновать Новый год, взяла с собой две

увесистые сумки.

– А мне хоть бы чёрствую корочку дала к празднику, – пожаловалась Александра Андреевна.

– Сейчас всё равно пост, не переживайте, – успокоила я её.

Воспользовавшись отсутствием Ирочки, я зашла вечером в гости, принесла яблоки, виноград и постные сладости, от которых Александра Андреевна на этот раз отказалась – болят зубы и сильно воспалились дёсны.

– Звонила как-то одна моя знакомая и жаловалась, что у неё не осталось ни одного зуба, а я похвасталась, что у меня ещё все зубы целы, и, наверное, сглазила, – сказала она.

– Ирочке говорили?

– Она сказала, что у меня, наверное, пародонтоз. Социальная работница, которая меня навещает, позвонила в поликлинику, ей сказали, что надо полоскать рот содой. Я начала полоскать – стало ещё хуже. Прямо не знаю, что делать.

Я купила и принесла ей водный экстракт прополиса, который рекомендуют применять как раз для лечения полости рта, и предложила:

– Если это лекарство не поможет, давайте пригласим на дом врача-стоматолога. Вы ветеран Великой Отечественной войны, вас должны обслуживать бесплатно на дому.

– Ну что вы! – подняла меня на смех Александра Андреевна. – Я как-то вызывала врача нашей районной поликлиники, когда меня замучили тромбы на ногах. Знаете, что врач мне посоветовал? Свернуть платочек и приложить к паховой области, чтобы тромб дальше не распространялся! Хорошо, что у моего социального работника был знакомый врач! Он действительно помог, но ему пришлось заплатить шесть тысяч рублей.

– Ирочка заплатила? – уточнила я.

– Да нет, ну что вы! Я из своей пенсии дала ей деньги, а она заплатила врачу!

2015 год

5 января 2014 года, понедельник.

В нашем доме произошло знаменательное событие: закрылось ночное кафе «Евразия», и на фасаде дома теперь висит большое объявление об аренде освободившегося помещения. Не думаю, что причиной закрытия этого кафе стали мои жалобы – сейчас из-за кризиса и катастрофического падения курса рубля увеселительные заведения с дорогой арендой в центре города закрываются одно за другим, весь Арбат пестрит объявлениями об аренде. Говорят, что кафе «Евразия» последние полгода совсем не платило за аренду, и его пришлось со скандалом выдворять из помещения.

Но на смену «Евразии» пришёл развлекательный центр – филиал музея эротики напротив нашего дома, который беспрерывно громко транслирует через громкоговоритель совершенно невыносимую звуковую рекламу. Сейчас, во время новогодних каникул, я сижу дома и, наверное, сошла бы с ума от этой рекламы, но, к счастью, после того как съехала «Евразия», прекратился и шум вентиляции под моим окном со стороны двора, и я с облегчением перебралась на другую сторону, где теперь нет никакого шума, не слышно надоедливой рекламы и не светит в глаза мигающая световая реклама развлекательного центра. Да пусть они теперь хоть треснут! Наконец-то я стала высыпаться! На той стороне квартиры, которая выходит на Арбат, я теперь почти не бываю.

Новый развлекательный центр в доме напротив благодаря своей настойчивой рекламе пользуется большой популярностью, очередь туда растянулась на весь Арбат. С этим развлекательным центром и его звуковой и световой рекламой, пожалуй, я ещё помучусь – ночное кафе мне раем покажется! Директор психоневрологического центра в нашем доме Степан Нарбеевич Матевосян при встрече уже говорил мне о том, что сотрудники и пациенты с трудом переносят новое соседство. «Я доктор-психиатр и могу сказать, что это очень вредно для психики!», – авторитетно заявил он. По моей рекомендации он уже обратился с жалобой в Совет муниципальных депутатов.

Впрочем, надоела не только реклама. Нет ни на минуту покоя и от работы уборочной техники: зимой на уборку снега вывели невероятное количество этой техники, которая громко рычит, ревёт и пищит под окнами круглые сутки. И как раньше справлялись с очисткой улиц от снега одни дворники? Утром поскребут полчаса лопатами, и уже чисто. А сейчас, кроме

дворников, ещё добрая сотня комбайнов круглосуточно утюжит Арбат, передвигая сугробы с места на место, и всё равно на улице полно снегу, грязно и скользко.

Кто теперь командует Арбатом? Глава Департамента и министр культуры в правительстве Москвы Сергей Капков! Это он, кажется, говорил о том, что уборочной техники на Арбате в разы меньше, чем в парке имени Горького. Вот и увеличили её количество. Наверное, Капков решил совсем уморить арбатских аборигенов.

Говорят, что когда он работал у губернатора Чукотки Романа Абрамовича, то занимался переселением чукчей в другие регионы России – покупать им квартиры оказалось дешевле, чем содержать социалку на Чукотке. Но хитрые чукчи купленные квартиры продали и с деньгами опять вернулись жить на Чукотку. Впрочем, я слышала и другое – что Капков у Абрамовича занимался футбольным клубом «Челси», который Абрамович приобрёл в Англии за очень кругленькую сумму в несколько сот миллионов английских фунтов стерлингов, и благодаря этому приобрёл британское гражданство.

В московских газетах пишут, что Капков давно хочет уйти с поста главы Департамента культуры Москвы на вольные хлеба и стать губернатором Нижегородской области, но Собянин его пока не отпускает. А от губернатора до вице-премьера и премьера – один шаг. Кажется, Капков уже начал свою рекламную кампанию. Недавно во всеуслышание высказался по поводу экономического кризиса: «Поднимай ж… и иди работать!» Просто поражаюсь высокой культуре наших культурных министров: недавно и министр культуры России Мединский тоже что-то выдал насчёт фильмов о «рашке-говняшке», на которые он не будет больше давать денег.

21 января 2015 года, среда.

Прочитала в газете «Арбатские вести» сообщение о том, что сегодня в 19 часов в Социальном центре в Трубниковском переулке должна состояться встреча главы управы Арбат Дерюгина и начальника пожарной инспекции района с жителями района по вопросу пожарной безопасности. Этот вечер у меня был свободным, и я решила пойти послушать, что будут на этой встрече обсуждать.

Когда я пришла, в помещении сидела только Людмила Королёва. Я поздоровалась с ней, но она как-то косо посмотрела на меня и отвернулась. Ко мне подошла девушка-секретарь с просьбой записаться на листе присутствующих. Я записалась и передала бумагу Королёвой, но она отвела её в сторону.

– Меня никто сюда не приглашал, поэтому я не буду записываться. Это вас приглашают и на встречи, и на чаепития в управе, и награждают там грамотами, – с обидой сказала она.

– Да меня тоже никто сегодня не приглашал, я прочитала объявление в газете «Арбатские вести» и сама пришла, без всякого приглашения, – пожала я плечами и села на своё место.

Постепенно зал заполнился, и Дерюгин предоставил слово начальнику пожарного надзора, который бодро доложил о своей работе, после чего жители стали задавать вопросы.

Кто-то спросил об истории с пожаром в «шале» на Арбате, в котором погиб охранник. Пожарник подтвердил эту информацию, но не стал распространяться о подробностях, сославшись на тайну следствия. Недавно прошла информация в печати о том, что глава Департамента культуры Капков может не выйти из отпуска, так как его собираются снимать с должности. И возможно, это связано с гибелью человека от пожара на Арбате, в «шале», которые открыли на новогодние праздники по инициативе главы Департамента культуры Москвы Капкова.

Потом кто-то напомнил о бомжах, которые сейчас, в зимние холода, устраивают костры в пустующих зданиях. Докладчик бодро ответствовал, что пожарники регулярно инспектируют такие здания. Дерюгин спросил, есть ли ещё вопросы, Королёва тут же подала голос и сказала, что работу пожарников можно оценить на «отлично». Ну ещё бы, ведь эти пожарники регулярно проверяют безопасность в её магазине! Я не утерпела и подняла руку, чтобы добавить ложку дёгтя:

– Я советник главы управы от дома № 25 по Арбату, – представилась я. – Жителей нашего дома очень беспокоит ситуация с незаконной пристройкой к дому на углу Староконюшенного и Арбата. Какие-то подозрительные личности там ночуют, проникают на чердак, чуть ли не разводят костры, а у нас дом с деревянными перекрытиями…

– Мы проводим регулярные проверки отселённых домов, – повторил пожарник.

– И этой пристройки тоже? – уточнила я. Пожарник в ответ неопределённо кивнул.

Потом начались вопросы по другим темам. Я воспользовалась этим и снова поднялась со своего места:

– Максим Александрович, – обратилась я к Дерюгину, – если вы помните, жители нашего дома долгое время жаловались на нарушение тишины в ночное время со стороны ночных кафе и байкеров. Сейчас ситауция, в том числе с вашей помощью, можно сказать, нормализовалась. Но появилась новая напасть – напротив дома открылся развлекательный центр, который с утра до ночи

крутит рекламу, от которой жители и арендаторы сходят с ума в буквальном смысле слова. Закон «О тишине» они вроде бы не нарушают, в 23 часа прекращают свою трансляцию, но их же невозможно слушать целый день! А если все остальные арендаторы тоже начнут таким же образом рекламировать свои услуги? Что же это будет?

– Подготовьте жалобу на моё имя, – кратко ответил Дерюгин.

После окончания встречи я подошла к Дерюгину и вручила ему свою рукописную жалобу, которую написала тут же на коленке, извинившись, что она не напечатана. Но он благосклонно принял её и даже поблагодарил меня за активность. Я поинтересовалась, дошло ли до него моё письмо по поводу благоустройства площадки на месте бывшего храма Николы Явленного на территории госпиталя имени Мандрыка.

– Мы вам уже отправили ответ, вы должны его скоро получить, – ответил Дерюгин.

– Спасибо вам, – поблагодарила я его.

– Это вам спасибо, – ещё раз поблагодарил меня Дерюгин.

Вернувшись домой, я зашла к своим соседям-медикам. Матевосян ещё был на работе. Я ему доложила, что озвучила и даже вручила письменную жалобу главе управы, которую написала прямо во время встречи.

– Теперь у них есть ваша жалоба, от арендаторов, и моя жалоба от жителей. Будем действовать вместе, иначе нас доконают этой рекламой! – заключила я. Матевосян поддержал меня и ушёл очень довольный.

28 января 2015 года, среда.

Сегодня в 19 часов на 5-й Монетчиковской улице, в здании школы № 1259, вернее в актовом зале этой школы, состоялась встреча префекта Центрального округа Виктора Семёновича Фуера с общественностью округа по социальным вопросам. Присутствовал и заместитель мэра Москвы по социальным вопросам Григорий Петросян, который и открыл встречу своим выступлением.

Он заверил всех присутствующих, что никакого сокращения социальных программ в городе Москве в связи с кризисом не будет, и попросил не поддаваться на призывы оппозиции выходить на протестные митинги. Правда, он сказал, что социальные работники, которые прикреплены к престарелым и инвалидам, теперь будут оплачиваться по другой системе: не будет усреднённого количества 8–10 человек на одного социального работника, а будут смотреть, сколько времени требуется на обслуживание. Тем социальным работникам,

которые обслуживают лежачих ветеранов, которым надо менять постель, мыть их и т. д., может быть, сократят количество прикреплённых к ним ветеранов, а тем, которые лишь два раза в неделю покупают продукты, возможно, и увеличат.

Я очень удивилась, потому что никогда не слышала, что есть такие социальные работники, которые ухаживают за лежачими больными, перестилают им постель, меняют подгузники, да ещё и кормят с ложечки.

Впрочем, последующие вопросы внесли некоторую ясность: есть бесплатные патронажные сёстры, которые прикрепляются к тяжелобольным ветеранам, но, чтобы добиться такой сестры, надо встать на очередь. Женщина, которая задавала вопрос, сказала, что её одинокую соседку – ветерана войны, которая сломала шейку бедра, поставили в очередь на посещение патронажной сестры, в которой она 169-я. Интересно, когда же эта очередь до неё дойдёт? Но Петросян тут же дал поручение присутствующей здесь же, в зале, социальной начальнице этого района, чтобы она незамедлительно решила данный вопрос. Оказалось, что в зале сидело несметное количество этих чиновниц, которые тут же отдавали честь, записывали поручение и обещали на следующий день заняться тем или иным вопросом.

Большой актовый зал был заполнен только наполовину: из-за позднего времени и плохой погоды жителей пришло не так уж много, но все они активно задавали вопросы и озвучивали свои просьбы, которые тут же на месте решались или Петросяном, или Фуером. Они сразу поднимали в зале нужного социального работника и давали ему поручение срочно решить вопрос.

Кто-то пожаловался, что невозможно дозвониться, чтобы заказать социальное такси для ветеранов. А когда удаётся это сделать, диспетчер говорит, что все машины в разъезде, их всего сто на всю Москву, и на всех ветеранов не хватает.

– Как это сто? – удивился Петросян. – Мы недавно передали эту службу в Департамент транспорта. 240 машин, все в исправном состоянии. Я буквально на этих днях интересовался, мне сказали, что у них всё в порядке, ветераны довольны. Я им ещё раз позвоню и выясню, в чём дело.

Пожилая блокадница задала интересный вопрос: почему мнения москвичей, когда проводят опросы, собирают на электронном сайте «Активный гражданин», а телефонные звонки от пенсионеров, у которых нет айфонов, не учитываются?

– Вы что же, выбрасываете нас из жизни? Мы тоже хотим высказать своё мнение, не у всех же есть Интернет, – сказала она.

– Так мы купим вам ноутбук, если у вас его нет. Или запишем на бесплатные компьютерные курсы для ветеранов, – притворился

непонимающим Петросян. Не станет же он критиковать Анастасию Ракову, которая разработала этот проект и очень гордится им. Эта скромная и улыбчивая девушка теперь превратилась в важную даму, постоянно сопровождающую Собянина на всех его мероприятиях. А Собянин, как и Путин, недавно развёлся со своей старой женой. Естественно предположить, что, как и Путин, он тоже завёл себе молодую подружку. Кто же станет поднимать вопрос о том, что сайтом «Активный гражданин» пользуются всего 20 процентов москвичей и на основании такого непрезентабельного опроса принимаются важнейшие решения?

Собрание затянулось почти до 22 часов, от социальной помощи перешли уже и к парковкам, и к жилищно-коммунальным проблемам. Поднялась со своего места и наша арбатская Королёва, которая спросила, кому всё-таки подчиняется Арбат – управе, капковскому Департаменту культуры или ещё кому-то? Прозвучала фраза о «рейдерском захвате Арбата»:

– Сколько наши жители будут терпеть это круглосуточное гульбище на Арбате, кто должен подумать о ветеранах, детях и стариках, которые не знают ни днём, ни ночью покоя? Я дожила до седых волос, мне уже 66 лет, может быть, хотя бы мои внуки доживут до того времени, когда эта вакханалия на Арбате прекратится? Жители не единожды встречались с Капковым, написали коллективное письмо в его адрес, которое подписали 80 советников района Арбат, но никто до сих пор на это письмо не ответил. Когда же руководство города повернётся лицом к жителям Арбата? – вопрошала Королёва.

Порешили провести ещё одну встречу жителей с Капковым, которого, оказывается, никто и не собирался увольнять после того, как в организованном им «шале» на Арбате сгорел человек.

Встреча прошла очень динамично, все разошлись очень довольные.

А я вечером позвонила Александре Андреевне и сообщила о возможных изменениях в обслуживании её социальными работниками.

– Значит, они решили их больше загрузить? – предположила Александра Андреевна.

– Не обязательно больше. Если социальный работник ухаживает за лежачим ветераном, могут и уменьшить, – объяснила я.

– Да ну что вы, где вы видели, чтобы социальный работник ухаживал за больными? – посмеялась Александра Андреевна. – Они только приносят продукты два раза в неделю, а бывает, что и реже, и то всё время жалуются, что они перегружены. Я, видя это,

сама им предлагаю не два раза приходить, а один раз в неделю, а то и раз в две недели.

– А ведь они должны ещё и убирать квартиру, и готовить пищу, всё это записано в договоре на обслуживание, – напомнила я.

– Не знаю, что там написано, но они уже так разбаловались, что не будут ничего этого делать, – отмахнулась Александра Андреевна.

– Ничего не скажешь, хорошая у них работа, – только и сказала я.

Мы ещё немного поболтали о том о сём. Александра Андреевна пожаловалась на новое кафе «Пиросмани», которое после двухмесячного ремонта открылось в помещении, где до этого почти двадцать лет располагалось очень дорогое итальянское кафе «Сан Марко». Новое кафе «Пиросмани», начав работать после ремонта, стало включать музыку, от которой в квартире буквально сотрясается пол.

– Они и ночью включают эту музыку? – спросила я.

– После восьми вечера включают, и так до самого закрытия в 11 часов вечера.

– Ваше счастье, что не всю ночь. Кафе «Евразия» под моей квартирой включало музыку ещё и ночью. Я на них куда только не жаловалась – бесполезно. Но недавно они, слава Богу, съехали. Наверное, они продали свою музыкальную установку-караоке вашему кафе «Пиросмани».

– Значит, вы всё-таки добились своего – это кафе закрыли?

– Оно само закрылось, я тут ни при чём. Наоборот, на мои жалобы мне отвечали, что они ничего не нарушают. Сейчас там второй месяц висит объявление об аренде помещения. Не знаю, что откроется вместо прежнего заведения, может, ещё что и похуже. А что Ирочка? Ей, наверное, тоже мешает эта музыка?

– Ирочка молчит. Да она редко здесь бывает – то у одной дочери ночует, то к другой дочери уезжает в Голландию, то на курорте отдыхает.

– Я думаю, Ирочке надо для начала поговорить с этими рестораторами, чтобы они сделали звукоизоляцию потолка, – посоветовала я.

– Ну что вы, какая звукоизоляция! Когда они делали ремонт, у меня в полу вообще образовалась огромная дыра, так что через неё можно было переговариваться с рабочими. И у меня вся квартира была покрыта толстым слоем пыли. Никто даже не подумал, как я в этой пыли буду жить. Хорошо, что я попросила Любочку, которая убирает у нас подъезд, и она помогла мне убраться после их ремонта! Да не станут они делать никакую

звукоизоляцию!

Я вспомнила, как недавно Ирочка мне говорила, что кафе должны платить жителям за причиняемые неудобства. Может, Ирочка что-то из них и вытрясет: им дешевле будет заплатить, чем делать звукоизоляцию. Но тем, кто живёт в доме постоянно, той же Александре Андреевне, ведь не деньги нужны, а покой, чтобы её не беспокоили эти шумные заведения. «Сколько может стоить собственное здоровье?» – размышляла я. Если бы я чем-то могла помочь этой старушке!

3 февраля 2015 года, вторник.

После работы позвонила Александре Андреевне.

– Как вы себя чувствуете, ничего не надо? – поинтересовалась я. Накануне она говорила, что Ирочка должна на днях уехать в Голландию к своей дочери.

– Ирочка вчера уехала. Сначала собиралась на месяц, а теперь говорит, что на два месяца. Её дочь Таня разводится с мужем, и тот вроде бы хочет разделить квартиру, которую Ирочка ей купила. Претендует на ребёнка, который вовсе не его ребёнок.

– А чей же? – удивилась я. Я видела эту симпатичную девушку, которая летом приезжала в Москву: когда я заходила агитировать Ирочку перед выборами, она выглядывала из соседней комнаты.

– Этого ребёнка она родила ещё до замужества от другого человека. А сейчас она со своим мужем разводится и собирается выйти замуж за какого-то француза, военного, который обещает увезти её во Францию. Вот Ирочка и поехала разруливать ситуацию, – по секрету сообщила мне Александра Андреевна.

– А как же вы? – забеспокоилась я. – Всё-таки два месяца – большой срок.

– Ну что вы, обо мне она и не думает. Наоборот, раньше, когда уезжала, наказывала мужу сестры, чтобы он заезжал ко мне и проверял, жива ли я, продукты привозил. А сейчас и сама устранилась, и всех родственников тоже так настроила, чтобы никто мне не помогал. Я её понимаю, у неё уже нет терпения больше ждать, когда вся квартира освободится! Но я же не виновата, что дожила до таких лет!

– Ну какие ваши годы, многие живут и побольше, чем вы!

– Вот и Ирочка как-то сказала Насте, той, которая меня обворовала: «Она до ста лет доживёт!». Ох, не зря Григорий Васильевич меня предупреждал! Он мне говорил: «Ты нашим не доверяй. Они тебя обмануть могут». А ведь это были его последние слова. Утром мне позвонили из больницы и сказали, что он умер. Гриша хотел меня предупредить. Ну да что теперь

говорить! Я им не нужна теперь.

– А как Любочка, которая у нас в подъездах убирает, вы говорили, что теперь она к вам приходит, готовит вам кушать и убирает? – спросила я.

– С Любочкой тоже не всё хорошо. Я ведь ей платила хорошие деньги, 15 тысяч в месяц, за то, что она мне раз в неделю варила борщ и убирала. Но она в последнее время стала всё из рук вон плохо делать, командовать стала. Я на кухне под ноги себе подкладывала мягкий коврик, она его забрала себе, а вместо него какую-то грязную тряпку положила. А недавно я попросила её разморозить морозильник, он уже давно не размораживался, может испортиться из-за этого. Она сказала, что разморозила, а сама и не подумала. Куда-то торопилась и убежала. Я слепая, но после её ухода пощупала – лёд на месте. Хотела сама разморозить – шнур включён. Он высоко, я не достаю, хотела на скамеечку встать, чтобы самой дотянуться и выключить, но ноги дрожат, побоялась, что упаду, позвала Ирочку, она выдернула шнур и ушла к себе, и я сама тёплой водичкой всё на ощупь промыла и снова включила. Как же она так могла – молчком, пообещала и не сделала? А я без холодильника не могу, если он из строя выйдет, продукты не смогу хранить. После этого случая, когда она мне позвонила, чтобы прийти, я ей сказала, что уже не надо приходить. Но я ей ничего не стала объяснять. Она и сама знает, в чём виновата.

– Наверное, она нахватала себе работ, не успевает везде, вот и убежала. С морозильником же надо долго возиться, пока он растает, а ей ждать некогда, – предположила я.

– Но могла бы сказать, а не обманывать. И коврик мой забрала без спросу. А я теперь думаю: ну что я от неё хочу? Она ведь сама мне рассказывала: её муж привёл в дом, когда его жена ещё жива была, умирала от рака. А я уже тогда подумала: неужели она не понимает, что это грех, что так нельзя? Так спокойно об этом рассказывала, как будто эта женщина ещё и виновата! А ведь она вдвойне страдала – и от болезни, и от того, что всё это происходило у неё на глазах! А сейчас муж с Любочкой разводится, не хочет с ней жить и уезжает к своим детям в Белоруссию. Я её жалела, а теперь думаю, что по-другому она и не могла со мной поступить.

– Но кто же теперь будет вам готовить и убирать? – забеспокоилась я.

– Я пока сама себе готовлю. Не спеша, на ощупь. Социальный работник мне приносит капусту, картошку, морковь, куриные грудки, и я сама себе готовлю. Даже винегрет себе недавно приготовила.

– Вообще-то, социальный работник, если нужно, может и даже обязана приготовить вам пищу. У меня есть прейскурант, который я взяла на последней встрече с руководством города по социальным вопросам. Там указано время приготовления пищи – 2 часа, стоимость – 315 рублей. И за уборку, и за другие услуги тоже указаны цены в этом прейскуранте. Я могу его вам принести.

– У меня тоже есть такой список, – сказала Александра Андреевна.

– А что же вы тогда платили такие деньги Любочке за то, что она вам борщ варила?

– Да мне её жалко было, у неё с мужем сейчас разлад, двое взрослых сыновей остались на Украине и подлежат призыву на военную службу, а там сейчас идёт война на Донбассе. Хотелось как-то поддержать её. А она решила, что может со мной особо не церемониться. Но я не жалуюсь. Мне моя тётя всегда говорила: не смотри на тех, у кого лучше, смотри на тех, у кого хуже, чем у тебя. Вот у меня знакомая есть, она была десять лет назад моим социальным работником, а теперь у неё после инсульта отнялись левая рука и левая нога. Вот кому действительно тяжело!

– А социальные работники её навещают? – спросила я.

– Она отказалась от социального работника. Сказала, что сама там работала и знает, что там работают одни жулики. Она нашла сама каких-то людей, которые вот уже 10 лет навещают её. Но она не торопится свою квартиру на них оформлять, хотя все её родственники умерли и наследников у неё нет.

– Как социальный работник она знает, что ни на кого наверняка нельзя надеяться, да и обстоятельства меняются. Нельзя связывать себя договорами с определёнными людьми. Может, она ещё и их переживёт? Но, наверное, эти люди на что-то надеются, раз 10 лет за ней ухаживают. А может, просто люди отзывчивые. Таких людей сколько угодно, – заметила я.

Жаль только, что Александре Андреевне не везёт с такими людьми. Вот и Любочка оказалась совсем не такой хорошей, как она надеялась. А мне Любочка как-то говорила, что в церкви молится, чтобы Александра Андреевна пожила подольше. Ещё бы, раз она ей так щедро приплачивала!

5 февраля 2015 года, четверг.

Весь день у меня был отключён мобильный телефон, который я смогла включить только около 8 вечера, когда возвращалась домой. Тут меня и настиг звонок Королёвой, которая сегодня звонила мне шесть раз.

Оказывается, моё письмо Патриарху наконец-то дошло до благочинного нашего района, и тот, видимо, обратился за

разъяснениями к знакомой ему Королёвой.

– Вы там писали, что можете помочь с финансированием, – деловито осведомилась Королёва.

– Немного не так. Я писала, что готова для восстановления храма Николы Явленного вносить посильные пожертвования, но восстанавливать на свои средства храм я не в состоянии.

– Разумеется, не вы одна будете участвовать в этом, – быстро сказала Королёва и уточнила: – Батюшка интересуется, сколько вы сможете пожертвовать.

– Ну, примерно тысяч пятьсот единовременно и потом каждый месяц тысяч по десять, – прикинула я и поинтересовалась: А что, разве уже назначен настоятель в этот храм?

– Да нет, это на приходском совете нашу церковную общину пригласили и сказали об этом письме, просили связаться с вами.

– Я обращалась с письмом не только к Патриарху, но и к Собянину, и мне ответили, что этот участок находится в федеральной собственности, а конкретно в ведении Клинического госпиталя имени Мандрыка, где сейчас идёт реконструкция. И вроде бы от патриархии никаких заявок не было на восстановление этого храма. Тогда я написала письмо нашему главе управы Дерюгину по поводу земельного участка, который был под колокольней храма Николы Явленного. Этот земельный участок сейчас захватили коммерческие фирмы, устроили на этом месте свалку и вообще установили за оградой какое-то чудище. Я просила, чтобы в рамках реконструкции госпиталь благоустроил этот участок под сквер и установил там часовню, потому что многие возмущаются таким неподобающим использованием этого места. Дерюгин мне уже дал ответ, что моё письмо переслали в госпиталь и теперь ждут ответа.

– А вы не можете для меня сделать копии всех этих писем? И передать их завтра-послезавтра девочкам в мой магазин? А они мне передадут, – попросила Королёва.

– Хорошо, – согласилась я.

– Спасибо вам большое, – рассыпалась в благодарности Людмила Михайловна.

– Это вам спасибо. Я не знала, что у вас уже и церковная община создана. А я в письме в основном предлагала помощь не столько финансовую, сколько в прохождении необходимых документов, думала, что здесь ещё и конь не валялся.

– Ну что вы, у нас и проект разработан, я пятьсот тысяч заплатила за проект ещё десять лет назад, – опять напомнила мне Королёва.

– А что же дело не двигается?

– Надо участок закрепить за церковью, – объяснила она. – Но на приходском совете сегодня сообщили хорошую новость – Следственный комитет, который занимает здание, в котором была церковно-приходская школа, в ближайшее время освободит это здание, ему дали помещение в другом месте. Теперь надо выяснить, кому принадлежит весь земельный участок, чтобы закрепить его за храмом.

– Земельный участок принадлежит госпиталю Мандрыка, а госпиталь – Министерству обороны России. Я думаю, по этому вопросу надо обращаться к министру обороны Сергею Шойгу. Совсем не обязательно выводить землю из федеральной собственности. Это богатое министерство, оно может и само восстановить весь храм, а не только одну колокольню, а уж поставить часовню и благоустроить сквер – для них это вообще раз плюнуть, – предположила я, а про себя подумала, что раз всё это не двигалось столько времени, то, наверное, или патриархия, или благочинный не очень были в этом заинтересованы. Но, возможно, я ошибаюсь. Всё-таки Шойгу назначили недавно, а его предшественник, небезызвестный маршал Табуреткин-Сердюков, вряд ли отдал бы эту землю под храм. Хорошо, хоть не успел её продать каким-нибудь нуворишам.

7 февраля 2015 года, суббота.

Часам к 12 дня я сделала копии документов и занесла в магазин Королёвой. Она уже была там.

– Хороший у вас магазин, самый приличный сувенирный магазин на Арбате, – вполне искренне сказала я Королёвой.

– Вы думаете, это просто так он таким стал? – польщённо зарделась Королёва. – Его освящал такой иерарх!

Я не стала выяснять имя иерарха, освятившего магазин Королёвой, и предложила ей посмотреть бумаги, которые я принесла:

– Здесь три моих письма и два ответа: моё письмо Собянину о том, что жители возмущаются тем, что происходит вокруг места, где находился храм: вокруг ночные увеселительные заведения, рядом – филиал музея эротики. На это письмо мне ответили из префектуры ЦАО, что земля находится в федеральной собственности, а патриархия по вопросу восстановления храма в префектуру не обращалась. После этого я написала письмо Патриарху о неподобающем использовании места, где раньше стояла церковь Николы Явленного, просила вернуться к вопросу о восстановлении храма. А недавно я выяснила, что госпиталь имени Мандрыка, которому принадлежит участок, сейчас проводит реконструкцию, и я написала письмо уже главе нашей

управы Дерюгину, чтобы он обратился к ним с просьбой благоустроить этот участок и установить там памятный знак в рамках этой общей реконструкции. Раз уж патриархия не хочет восстанавливать храм, так пусть хоть скверик там будет с каким-то памятным знаком, – разъяснила я.

– Нет-нет, патриархия очень хочет восстановить храм. Они вам обязательно ответят, – категорически заявила Королёва.

– А я особо и не надеюсь на ответ из патриархии. Это общественная организация, и они не обязаны мне отвечать.

– Я обязательно передам эти бумаги батюшке, который назначен настоятелем церкви Николы Явленного и возглавляет наш приходской совет.

– Значит, уже назначен и настоятель будущего храма? Кто он? – спросила я.

– Это отец Иоанн из храма Казанской Божией матери, что на Красной площади, – сказала Королёва. – Но настоятеля патриархия может и поменять. А вот приходский совет останется в любом случае. У нас всё готово, но после смерти Патриарха Алексия II, который обещал восстановить храм, всё застопорилось. Землю отдали Следственному комитету. Я к ним ходила, они пожимают плечами – нам что дали, то мы и заняли. Но теперь им дают помещение в другом месте, и участок освобождается, так что церковь Николы Явленного будут восстанавливать, – заверила меня Королёва.

16 февраля 2015 года, понедельник.

Сегодня в 15 часов в управе состоялась встреча общественных советников управы Арбат с представительницей какого-то московского департамента на тему организации виртуальной книги памяти ветеранов войны к 70-летию Победы под названием «Бессмертный полк». Глава управы Дерюгин сейчас в отпуске, и встречу проводил его помощник Юрий Николаевич Нечаев. Людмила Михайловна Трайгель два раза звонила и напоминала мне о встрече, видимо, беспокоилась, как бы не упасть в грязь лицом перед городским начальством. В грязь не упали – на встречу явилось человек 20–25, все места за столом были заняты.

Представительница департамента оказалась молодой хмурой женщиной. Она сидела молча с то ли недовольным, то ли усталым лицом, пока Юрий Николаевич разглагольствовал о предстоящем мероприятии. Задача состояла в том, чтобы мы выявили не только живых ветеранов в своих домах, что, в общем-то, известно и социальным работникам, которые их опекают, но и уже ушедших из жизни родственников-ветеранов жителей своих домов и предложили им обратиться в многофункциональные

центры по месту жительства с информацией об этих людях. Центры должны будут поместить эту информацию в виртуальную книгу, изготовить большой портрет родственника в рамке, с которым жители при желании могут выйти на праздничное шествие в День Победы 9 мая.

Начальница тоже добавила несколько слов, советники уточнили некоторые детали, и на этом совещание закончилось.

Вечером я позвонила Александре Андреевне Гусевой, единственной участнице войны в нашем доме, поинтересовалась, как у неё дела, но пока не стала говорить ей об этой инициативе. Решила начать со своего отца, инвалида Великой Отечественной войны. Если в МФЦ всё удастся оформить без проволочек, буду предлагать это Александре Андреевне, вернее Ирочке Покровской, которая формально её опекает. Она сейчас всё равно в отъезде. Если она откажется, может быть, Александра Андреевна согласится доверить это дело мне.

17 февраля 2015 года, вторник.

Сегодня ходила с «Зелёной лампой» на экскурсию в закрытый выставочный зал Фонда русского культурного наследия в Трубниковском переулке. Зал открылся недавно и устраивает уже четвёртую выставку экспонатов из частных коллекций. На этот раз выставка посвящена императору Александру I. В трёх залах были выставлены картины, литографии и миниатюры, которые предоставили владельцы частных собраний, среди которых оказалась даже одна Романова, которая живёт в России. Непонятно, правда, как она уцелела.

На экскурсию пришли человек 10 шамкающих арбатских старух во главе с Португаловой и её верным оруженосцем, моложавым пенсионером Валей. Все старухи были в норковых шубах. Я тоже для важности надела свою норковую шубу, на голову водрузила такую же шапку.

После экскурсии Португалова всех пригласила послезавтра, 19 февраля, прийти на очередное заседание «Зелёной лампы», на которое пригласили 90-летнюю Аллу Шерер, преподавателя из Щепкинского театрального училища, которая должна была рассказать о жителях дома в Малом Левшинском переулке, в котором жили артисты Вахтанговского театра. Но 19-го числа у Шерер случился гипертонический криз, и её увезли в больницу. А нам показали любительский фильм об этом доме, довольно интересный и познавательный, из которого я узнала, что Вахтангов, который создал театр, имя которого он теперь носит, ушёл из жизни ещё в начале 30-х годов. Затем главным режиссёром стал Рубен Симонов, а после него – его сын. В

фильме были показаны документальные кадры с их участием.

19 февраля 2015 года, четверг.

Сегодня буддисты празднуют Новый год по восточному календарю. Говорят, что то, что произошло в этот день, будет продолжаться весь год. Я в этот день получила повестку с приглашением в Пресненский районный суд в качестве ответчика. Истец – Тарасова Н. В. и др.

Я предположила, что речь, видимо, идёт о взыскании платы за ЖКХ, которую я перечисляю не в ООО «Арбат-сервис», а в ГБУ «Жилищник района Арбат»: эта управляющая компания стала присылать в наш дом свои счета вместо прекратившего своё существование в конце прошлого года ГУП ДЕЗ «Арбат», счета которой я тоже оплачивала.

«Арбат-сервис» неоднократно присылал мне письма с требованием оплачивать их счета, с угрозами отключить в моей квартире воду и канализацию, подать на меня в суд о взыскании задолженности их компании. Я только удивлялась этой наглости и ожидала, когда же, наконец, «Арбат-сервис» предъявит мне обещанный иск, чтобы, наконец, в суде раз и навсегда покончить с этим делом. Видимо, «Арбат-сервис» вместе с ТСЖ, наконец, решились привести в исполнение свои угрозы в мой адрес. Я позвонила Виктору Тарасову:

– Что это за повестку мне прислали из Пресненского суда? Это вы затеяли или Ратушняк? – поинтересовалась я.

– Это коллектив ТСЖ так решил, – ответил Тарасов.

– Ну что же, тогда и я вынуждена буду подавать встречный иск о ликвидации вашего ТСЖ. Вы же прекрасно знаете, с какими нарушениями оно создавалось, – с сожалением сказала я.

В ответ Тарасов бросил трубку. Однако каков нахал! Он, видимо, ещё надеется и выиграть это дело!

«Ну что же, придётся судиться с этими негодяями», – с досадой подумала я и отправилась в Единый расчётный центр за справкой, подтверждающей отсутствие у меня задолженности по ЖКХ.

Заседание суда было назначено на 25 февраля.

23 февраля 2015 года, понедельник.

Зашла к Александре Андреевне, чтобы поздравить её с Днём защитника Отечества, вручила ей букет цветов и коробку шоколадных конфет. Заодно проинформировала её о новом проекте «Бессмертный полк» с созданием виртуальной книги памяти участников войны, заполнила анкету. Просидела у неё почти четыре часа, она вспоминала прожитые годы. Заодно я

включила в анкету ещё и её папу, который погиб в первые годы войны, двух двоюродных братьев – Николая Янсена и Виктора Злобина, которые тоже погибли в самом начале войны, и её покойного мужа Григория Васильевича Гусева, который хоть и не воевал, но играл в военном оркестре, который дошёл до самого Берлина.

Пока я у неё сидела, Гусевой несколько раз звонили, поздравляли с праздником. Позвонила также и мама Ирочки, которой Александра Андреевна сказала, что сейчас не может говорить, так как у неё гости. Через некоторое время позвонила из Голландии и сама Ирочка. Видимо, мама позвонила ей и сообщила о том, что у бабушки какие-то гости.

25 февраля 2015 года, среда.

Сегодня ездила в Пресненский районный суд на Зоологической улице, дом 20, где состоялось заседание суда по полученному мной иску.

На входе все проходили просвечивание рамкой металлоискателя, девушка-милиционер рылась в моей сумке. Раньше такого контроля в судах не было, просто проходили с предъявлением паспорта. Видимо, последние теракты заставили ужесточить контроль.

Заседание было назначено на 11.30, но началось почти на час позже. Тарасова я не приметила, но когда нас пригласили в зал заседаний, вместе со мной вошли ещё четверо мужчин, среди которых я узнала директора «Арбат-сервиса» Ратушняка и соседа из 5-й квартиры Гарика Карапетяна, сына Мареты Никитиной, которая уехала в США к другому сыну. Двое других – один здоровый рябой мужик, другой – небольшого роста тщедушный паренёк – были мне незнакомы.

– А где же истец Тарасова? – громко спросила я. – Хотелось бы наконец увидеть эту таинственную женщину, которая возглавляет это мифическое ТСЖ «Давыдов».

– Вместо истцов в суде представитель Андрианов, – объяснил мне судья.

Я уселась на первую скамейку, чтобы лучше слышать, а мужчины устроились сзади.

Судья Ершов В. В., молодой симпатичный парень в судейской мантии, попросил представить секретарю наши паспорта и другие документы, которые мы желали бы приобщить к делу.

– Я хотела бы заявить суду, что у меня нет никаких долгов по ЖКХ, – сказала я и передала свою справку об отсутствии задолженности секретарю, а она передала её судье.

– Ага, – сказал судья, пробежав бумагу глазами, и положил её

на стол.

– Я хочу также заявить, что я не знаю никакого ТСЖ в нашем доме, не слышала ни о каком собрании, на котором его якобы создали, и о переводе дома в управляющую компанию ООО «Арбат-сервис» меня тоже никто надлежащим образом не уведомил. Поэтому я как платила раньше, так и продолжаю платить за жилищно-коммунальные услуги сначала ГУП ДЕЗ «Арбат», а с 1 января этого года – Государственному бюджетному учреждению (ГБУ) «Жилищник района Арбат», – добавила я. Судья в ответ опять кивнул.

Потом выступил рябой дядька, который оказался тем самым представителем Андриановым, о котором мне сказал судья. Он что-то бормотал скороговоркой, но я уловила, что он заявляет ходатайство о представлении в суд каких-то документов, подтверждающих правомочность проведения собрания по выборам председателем Совета многоквартирного дома.

Оказалось, что речь в суде идёт вовсе не о моём долге управляющей компании «Арбат-сервис», а о каком-то проведенном ещё в августе 2013 года собрании жителей нашего дома. Я напрягла память и вспомнила, что два года назад действительно управа пыталась провести в нашем доме какое-то собрание по выбору Совета многоквартирного дома, но поскольку, кроме меня, на это собрание никто не пришёл, оно не состоялось. В то время в Москве, после принятия изменений в Жилищном кодексе, в массовом порядке организовывались собрания по выбору таких советов.

– В протоколе записано, что на этом собрании вы были избраны председателем Совета многоквартирного дома. Вы были на этом собрании, подтверждаете своё избрание? – спросил у меня судья.

– Да, я была на этом собрании, но, кроме меня и двух сотрудников управы, на это собрание больше никто не пришёл, и оно не состоялось. Поэтому председателем Совета многоквартирного дома меня никто не выбирал, – начала я рассказывать, но судья меня остановил:

– Вы получали уведомление о проведении этого собрания? – спросил судья.

– Да, я обнаружила его примерно за неделю до собрания в своём почтовом ящике, – подтвердила я.

– Вы можете его предъявить суду?

– Нет, конечно. Я же не знала, что это дело будет рассматриваться, – ответила я. – Но думаю, что это уведомление у меня сохранилось, я никогда не выбрасываю документы.

Потом судья дал слово юристу управляющей компании ГУП

ДЕЗ «Арбат», а теперь его правопреемнику – ГБУ «Жилищник района Арбат», в которое был переведён наш дом в январе этого года. Это оказался тот самый тощий паренёк, который зашёл с нами в зал заседаний. Он начал что-то мямлить о том, что люди из ГУИС и ГУП ДЕЗ «Арбат», по инициативе которых проводилось собрание, давно уволились, а в заключение заявил, что наш дом по адресу Арбат, 25 вообще не находится на обслуживании в управляющей компании «Жилищник района Арбат».

– А почему в таком случае мне приходят платёжки из «Жилищника»? – спросила я и попросила о переносе заседания для ознакомления с материалами дела, так как искового заявления я не получала и не читала его.

Судья согласился и объявил о переносе заседания на 25 марта.

– Не забудьте принести на следующее заседание уведомление о проведении собрания, – напомнил он мне.

– Я бы попросила всё-таки пригласить на следующее заседание истца Тарасову Надежду Валентиновну, которая предъявила мне иск от имени ТСЖ «Давыдов». Я с ней ни разу не встречалась и не разговаривала. Хотелось бы хоть раз увидеть её. Существует ли она на самом деле? Может, её и в живых-то уже нет? А если жива, то наверняка и не подозревает, что является председателем ТСЖ «Давыдов» в нашем доме. Это ТСЖ зарегистрировали по подложным документам трое злостных неплательщиков коммунальных услуг, которые вечно фигурировали в списке должников, которые вывешивала в подъезде управляющая компания. Вот они и нашли хороший способ не только законно не платить, но ещё и собирать деньги с остальных жильцов. Да тут не то что им платить, а надо возбуждать уголовное дело о мошенничестве, – заявила я.

– У нас нет полномочий по возбуждению уголовного дела, – сказал судья.

– Если вы считаете, что ваши права были нарушены при создании ТСЖ, вы могли бы давно подать иск в суд и опротестовать протокол собрания, – подал голос с места представитель Андрианов.

– У меня нет времени ходить по судам, а вот заявление в прокуратуру я, пожалуй, напишу, – пообещала я.

Когда все вышли из зала, ко мне подскочил Карапетян:

– Как же вы говорите, что не знали о проведении собрания? Я сегодня специально пришёл в суд, чтобы рассказать, как мы с Тарасовым, Харитоновым и Боровинских приходили к вам домой, звонили и приглашали на собрание. Вы отказались прийти на него, даже дверь не открыли! Сказали, чтобы мы присылали вам

приглашение по почте!

– Так это было совсем другое собрание, да и не собрание вовсе, вы вызывали меня в подъезд, чтобы поговорить со мной по поводу домофона, хотя я и так объяснила вам всё по телефону, – напомнила я ему. – Хотите платить жулику – платите, а я не собираюсь.

Тут к нам подошёл Ратушняк и вальяжно стал объяснять мне, как нехорошо быть должником по ЖКХ.

– Вы прекрасно знаете, что у меня нет никаких долгов, – резко ответила я ему.

– Почему же вы не хотите платить нашей компании? – продолжал громко стыдить меня Ратушняк.

– А у вашей управляющей компании есть лицензия? – спросила я и, видимо, попала в точку. Ратушняк сразу засуетился, даже вспотел от волнения.

– Да, получил, вернее, скоро получу, – запутался Ратушняк.

– А вот это мы ещё разберёмся, как вы её получили, кто выдаёт лицензии таким компаниям, как ваша! – пригрозила я.

После суда я навестила Александру Андреевну Гусеву. Она попросила забрать из почтового ящика счета на оплату телефона. Ей уже звонили и предупреждали, что в случае несвоевременной оплаты отключат телефон. Старушка после этого звонка была в панике, боясь остаться без последней связи с миром. Ирочка уехала на два месяца, и из ящика никто не забирал почту. Я принесла счета. Среди них оказалась и долговая квитанция от ГБУ «Жилищник района Арбат» на 37 тысяч рублей.

Видимо, такие же долговые квитанции получали и все остальные члены нашего так называемого ТСЖ, которые исправно платили в «Рога и копыта» Ратушняка. Пока счета приходили от управляющей компании ГУП ДЕЗ «Арбат», которая обслуживала временно наш дом, всё сходило с рук, но теперь, когда нас стала обслуживать уже постоянная компания ГБУ «Жилищник района Арбат», она может предъявить им судебные иски о погашении задолженности. Поэтому они и зашевелились, вспомнили какое-то собрание столетней давности и побежали с исками в суд. Так вот почему у всех моих истцов сегодня был такой жалкий вид! Да ещё и я на них наорала, грозилась заявлением в прокуратуру, уголовными делами. Господи, прости меня, грешную!

Нагрешила я в этот день немало, а ведь идёт третий день Великого поста, самый строгий пост, нельзя не то что ругаться, а вообще лучше не открывать рот, надо только молиться и читать покаянный канон. И надо же, что именно сейчас устроили мне судилище и спровоцировали на ссору! Конечно же, я не буду приводить свои угрозы в исполнение и писать жалобы в

прокуратуру и следственный комитет. Но впереди ещё сорок пять дней Великого поста. И предчувствую, что всё это время придётся ходить по судам и сутяжничать.

5 марта 2015 года, четверг.

Вторую неделю пыталась застать в управе консультанта населения по юридическим вопросам, который принимает, согласно объявлению, по вторникам и четвергам, но я ещё ни разу не заставала его на месте.

– А чего он будет здесь сидеть, как дурак, всё равно никого нет на приёме, – лениво объяснил мне охранник.

Пока я соображала, как быть дальше, в управе появился Юрий Николаевич Нечаев. Увидев меня, он поздоровался и спросил, в чём дело.

– Таскают меня по судам, – неохотно объяснила я. – Хотела проконсультироваться с юристом.

– А чего таскают? – заинтересовался Нечаев.

– Хотят, чтобы я платила какой-то непонятной управляющей компании «Арбат-сервис», которую привело ТСЖ, созданное в нашем доме. Но при этом о собраниях меня не уведомляли, протокол собрания не показывают, телефон председателя ТСЖ не дают. Естественно, я продолжала платить, как и раньше платила, в Дирекцию единого заказчика – ГУП ДЕЗ «Арбат», а последние три месяца – в ГБУ «Жилищник». Они присылали мне свои счета, и я их оплачивала. Теперь ТСЖ подало на меня в суд, а их управляющая компания «Арбат-сервис» грозит отключить коммуникации за неуплату их счетов, – объяснила я.

– Интересно, – удивился Нечаев. – А вы приходите ко мне во вторник, после праздника, с бумагами. Посмотрим, что можно сделать. Кто у вас судья?

– Какой-то молодой человек, фамилию я не разобрала, всё никак не выберусь в суд, чтобы познакомиться с материалами дела.

На следующий день я прямо с утра отправилась в Пресненский районный суд. В канцелярии секретарь выдал мне довольно толстую папку с материалами дела и отправил в комнатку со стеклянными стенами, закрыв меня на ключ.

Чтение оказалось захватывающим. Оказывается, судебный процесс кипит с апреля прошлого года, то есть почти год. Иск принят к производству 29 апреля 2014 года. С тех пор прошло 9 заседаний суда, о которых я даже не подозревала. Они постоянно переносились то в связи с неявкой ответчиков, то из-за срочного рассмотрения судьёй других дел, то из-за отпуска судьи. В деле также было собственно исковое заявление, но не от ТСЖ, а от

группы товарищей, подписанное Тарасовой, Боровинских, Смирновой и Карапетяном, и копии их паспортов с доверенностями на ведение дела от собственников. Из которых я почерпнула очень много интересной информации относительно и происхождения истцов, и принадлежащей им собственности. Судя по фотографии, госпожа Тарасова – ещё довольно молодая женщина, похожа скорее на сестру или жену, но никак не на мать Виктора Тарасова. Квартиру получила в собственность в порядке дарения, даритель не указан.

Бой-френд Смирновой Харитонов приехал из Рязани. Собственности пока не получил и действует по доверенности от Смирновой. Сама Смирнова, копия паспорта и свидетельство о собственности которой тоже оказались среди материалов дела, оказалась не такой уж старой, 1962 года рождения, то есть когда в 1973 году умер маршал Конев, о котором она говорила, что это был её муж, ей было ровно 11 лет. Как-то не вяжется с её утверждением о том, что она вдова Конева. Может быть, я ослышалась, и она была женой не маршала Конева, а его сына от первого брака Гелия Конева? Говорят, он женился раз пять, возможно, Смирнова оказалась его последней женой и унаследовала после него и квартиру в Сивцеве Вражке, и дачу в Малаховке, где проживает вместе со своим молодым мужем? Разница в возрасте у Смирновой с её новым мужем Харитоновым не такая уж и большая, всего лет 10. Однако Смирнова не торопится наделять его частью своей обширной 6-комнатной квартиры, да и доверенность выдана всего лишь до конца этого года.

А вот Боровинский каким-то образом умудрился отхватить две самые большие комнаты из 10 и стал собственником половины квартиры. Как она ему досталась, остаётся загадкой. Квартира принадлежала покойному Батенкову, который к моменту ухода из жизни с Глазыриной уже развёлся и оставил всю квартиру своей несовершеннолетней дочери.

Гарий Карапетян вообще не владеет никакой собственностью, но в деле фигурировало свидетельство о собственности, оформленное на другого человека с такой же фамилией Карапетян, но с другими инициалами, видимо, в расчёте на то, что никто особенно не станет приглядываться к документу.

А вот каких-либо документов по Виктору Тарасову, который, несомненно, организовал всю эту тяжбу, в материалах дела я не обнаружила, – он, как Штирлиц, не оставил никаких следов.

Изучив материалы дела, я попросила сделать мне копию искового заявления, которое, в общем-то, должны были давно выслать мне по почте. В нём пока и речи не было о взыскании

долгов по ЖКХ. Не понимаю, зачем тогда Ратушняк пришёл в суд? Для того, чтобы спросить после заседания, собираюсь ли я ему платить? А речь в иске шла о том, чтобы признать незаконным протокол собрания по созданию Совета многоквартирного дома, на основе которого мною якобы был подписан договор с ГУП ДЕЗ «Арбат». Оба документа – протокол собрания и договор – фигурировали в материалах дела, под ними стояла какая-то закорючка, совсем не похожая на мою подпись. На этом основании истцы просили признать незаконным выставление счетов ГУП ДЕЗ «Арбат» и его нынешнего правопреемника ГБУ «Жилищник района Арбат» жителям дома.

Очень интересной оказалась доверенность на представительство адвоката Андрианова Вадима Владимировича, датированная только 15 января 2015 года, то есть спустя девять месяцев после подачи иска. После этого вроде бы и началось какое-то движение по этому дохлому делу. Оформлена доверенность была в городе Ликино-Дулёво Орехо-Зуевского района Московской области, где, по-видимому, и проживает постоянно Виктор Тарасов. Я вспомнила, что кто-то мне говорил, что он представлялся муниципальным депутатом из Московской области. Очень может быть, что этот молодой человек «пасётся» не только в Москве, но и в области. В последнее время я редко вижу его на Арбате.

8 марта 2015 года, воскресенье.

Зашла к Александре Андреевне Гусевой и поздравила её с Международным женским днём. Принесла ей большую коробку крымских конфет «Севастопольский вальс» с цукатами в шоколадной глазури.

– Ой, какие конфеты! – всплеснула руками Александра Андреевна. – Откуда у вас такие конфеты?

– Мне подарили, – честно сказала я. – Но у меня сейчас пост, так что я их всё равно есть не стану. А вам можно.

– Мне позвонила Любочка, которая убирает в нашем подъезде, тоже поздравила с 8 Марта. Сказала, что уезжает на Украину на операцию, просила прощения, – сообщила Александра Андреевна.

– Она у меня спрашивала о вас, говорила, что она потеряла сознание и упала, когда вы просили её почистить холодильник.

– Значит, она знает, в чём виновата! – воскликнула бабушка. – Как ей не стыдно выдумывать! Не теряла она никакого сознания. Врёт она всё. Бессовестная! Ей Ира платила 10 тысяч, и я ещё приплачивала 15, а она так со мной поступила! Думала, что бабка слепая, ничего не видит. Бог ей судья. Я теперь нашла

другую женщину, плачу ей 25 тысяч из пенсии, она мне готовит кушать и убирает. Вчера она приходила с мужем, принесли мне цветы, поздравили с праздником.

Я дипломатично промолчала. Цветочки были довольно помятые. За 25 тысяч в месяц можно было бы расщедриться и на более приличный букет. Как бы бабушка опять не налетела на очередную Настю из Молдавии!

10 марта 2015 года, вторник.

С утра отправилась в управу к Нечаеву с бумагами, добытыми в суде.

Юрий Николаевич важно восседал во главе большого дубового стола. Он взял бумаги и углубился в чтение. Я по ходу дела комментировала тот или иной документ.

– Ну что же, по сути, вы правы, но с формальной точки зрения закон на стороне ваших истцов, – вздохнув, сказал он.

– Я понимаю, что мне трудно бороться одной против всех. В доме в Староконюшенном переулке, который обслуживает «Арбат-сервис», половина жильцов уже несколько лет ходит по судам, чтобы избавиться и от этой компании, и от ТСЖ, и ничего не может добиться. Им говорят: разбирайтесь сами, проводите собрание и переизбирайте. А жителей собрать невозможно – половина в доме не живёт. ТСЖ сдают в аренду подвалы, мансарды на чердаке, получают приличные деньги, которые делят между собой «Арбат-сервис» и председатель ТСЖ, а жильцам присылают счета самые маленькие на 15 тысяч рублей.

– А кто там председатель ТСЖ?

– Людмила Михайловна Королёва.

– А, Королёва! – многозначительно протянул Нечаев.

– Я, собственно, хотела выяснить у юриста: если я проиграю дело, и госкомпания перестанет присылать нам счета на оплату, как этого требуют истцы, могу ли я самостоятельно заключить договоры с ресурсоснабжающими организациями, а «Арбат-сервису» оплачивать услуги не по их ставкам, а по ставкам правительства Москвы? С какой стати я должна платить «Арбат-сервис» в пять раз больше, и какое они имеют право лишать меня заслуженных ветеранских льгот? Почему я должна каждый месяц переплачивать им по полторы тысячи рублей? Мне не жалко эти полторы тысячи, но за что, собственно, я должна платить эти деньги? Ничего особенного, по сравнению с госкомпанией, они не делают.

– Ну, я не знаю, – задумался Нечаев. – Наверное, вы имеете право настаивать на своих льготах. А что другие жильцы?

– Да у них ни у кого нет льгот, поэтому у них разница не

такая большая, но всё равно больше, чем у ГУП ДЕЗ «Арбат».

– Тогда вам надо поработать с ними и провести другое собрание собственников, которые недовольны таким положением вещей.

– Да с кем, собственно, судиться? На собрании я не была, протокол мне не дают, телефон председателя ТСЖ тоже скрывают. К кому иск предъявлять? – спрашивала я.

Ничего нового Нечаев мне не сообщил, но пообещал посоветоваться с юристом управы по моему вопросу и попросил позвонить ему дней через несколько. Не солоно хлебавши я покинула его кабинет, но потом решила заглянуть к Марине Баташовой.

– Помните, вы говорили, что подали документы на ликвидацию ТСЖ «Давыдов»? – напомнила я. – Что-нибудь получилось?

– Да нет, ничего не получилось. Тормознули в Жилинспекции. Сказали, что они стараются ничего не ликвидировать, иначе из судов не будут вылезать. А что случилось?

– Тарасов и компания подали на меня в суд, – протянула я ей исковое заявление. – Хотят, чтобы я платила за услуги ЖКХ не в «Жилищник», а в ООО «Арбат-сервис».

– Ну и чего вы переживаете? – спросила Баташова, пробежав глазами исковое заявление. – Они же не столько к вам предъявляют претензии, сколько к ГУП ДЕЗ «Арбат», и требуют, чтобы им не присылали счета. Кто там в суде представляет ГУП ДЕЗ?

– Какой-то молодой человек, фамилия его, кажется, Титов.

– А, это их юрист. Позвоните ему и попросите, чтобы он и ваши интересы представлял. И не ходите в суд, это заявление не к вам. Вы уже были на одном заседании, показались? Ну и не ходите больше. Пусть ГУП ДЕЗ с ними разбирается. Я вам дам телефон Титова, поговорите с ним, – сказала Баташова, записав на обороте искового заявления его номер телефона.

– Так-то оно так, но следующий этап – иск ко мне ООО «Арбат-сервис» о погашении долга. Они мне уже прислали претензию и требуют от меня погасить долг 37 тысяч рублей, угрожают отключить воду и канализацию, – невесело сказала я.

– Они не имеют права отключать, раз вы платили в ГУП ДЕЗ «Арбат». Пусть они там сами разбираются между собой, а вы туда не ходите, – напутствовала меня Баташова.

В общем, и отсюда я ушла не солоно хлебавши. На всякий случай позвонила по телефону Титову. Разговор с ним тоже не получился.

– Ваш дом не стоит на обслуживании ГБУ «Жилищник района Арбат», – упорно твердил он.

– Как же не стоит, если всем жильцам присылают счета от этой управляющей компании? – возражала я.

– Ничего не знаю, вот передо мной распечатанный с сайта список домов, которые обслуживает ГБУ «Жилищник района Арбат», дом № 25 здесь не числится, – продолжал бубнить он.

– Так что же, вы собираетесь признавать претензии к вашей управляющей компании? – спросила я.

– Мы вообще третья сторона, мы никакого отношения не имеем к этому иску.

– И что же вы тогда делаете в суде? – изумилась я.

– Если у вас претензии к истцам, сами с ними и разбирайтесь. Мы – новая компания и к протоколам ГУП ДЕЗ не имеем никакого отношения. И ваш дом у нас не числится, – опять продолжал своё Титов.

Мне осталось только махнуть рукой и закончить разговор. Сначала я немного расстроилась, но, подумав, решила, что, возможно, это и хорошо, что юрист не хочет признавать себя стороной конфликта. В таких случаях действительно лучше притворяться идиотом. Но мне придётся всё-таки ходить в суд и продумать свою стратегию. Что же мне ещё остаётся делать, если юрист «Жилищника» занял позицию стороннего наблюдателя?

Вечером все средства массовой информации обсуждали тему отставки министра – главы Департамента культуры правительства Москвы Сергея Капкова. Об этом говорили давно, но отставка случилась только сейчас. Говорили, что перед отставкой Капков уволил 40 директоров парков. Вспоминали, что он ушёл в Департамент культуры из Государственной Думы, был сначала директором парка Горького, а потом возглавил весь Департамент культуры Москвы. Освоил огромные бюджеты, которые выделялись на культуру. Считает своей гордостью самый большой в Европе каток на ВДНХ, где, как он считает, культурная публика будет знакомиться и находить свою пару, вспоминая в старости, что они познакомились не в армии или в тюрьме, а на катке. Каток устроили по какой-то особой технологии, угрохав на это колоссальные деньги. Интересно, как же раньше в Москве катки заливались?

Вместо Капкова назначили бывшего главу Москомнасления Александра Кибовского. Пожалуй, это неплохо, может быть, наконец обратят внимание на состояние пешеходных зон и их исторического облика, прежде всего Арбата. При Капкове вся культура здесь сводилась к установке торговых павильончиков «шале» на Арбате. Интересно, сколько «откатывалось» за

размещение одного такого павильончика на Арбате? Судя по ценам в них, совсем немало.

Мэр Собянин распрощался с Капковым вполне доброжелательно, поблагодарил за работу, и Капков объявил, что отъезжает с любимой женщиной на отдых. После приезда, видимо, получит новое назначение. Надеюсь, что оно не будет связано с культурой.

13 марта 2015 года, пятница.

В газетах появились новые комментарии по поводу ухода Капкова. Его бывшая пассия Ксения Собчак сообщила газетчикам, что Капков ушёл, потому что ему не дали пост вице-мэра Москвы, на который он претендовал.

Сам Капков выступил с лекцией в одном из московских вузов и на вопрос о том, почему Собчак считает его трусом и интриганом, сказал, что не комментирует обиженных женщин и давно не интересуется её мнением.

Ксения же, напротив, считает, что он её очень даже читает. И даже немножечко занимается плагиатом. После отставки Капков написал на своей странице в Фейсбуке: «Я не устал, но я ухожу…» Ксения немедленно отреагировала: мол, точно такими же словами она пару месяцев назад объявила о своём уходе с поста редактора журнала: «Я не устала, но ухожу». «Люблю, когда мои слова вдохновляют людей», – ехидно прокомментировала заявление Капкова Ксения Анатольевна.

«Комсомольская правда» вспомнила, что роман Собчак и Капкова длился около года. Ради неё он оставил свою жену, ведущую канала «Вести 24», которая родила ему двоих детей. Впервые Сергея и Ксению увидели вместе в марте 2010 года на выставке американского художника. Потом они вместе ездили на фестиваль «Новая волна» в Юрмале, ведущей которого была Ксения. Свидетелями того, как красиво Капков ухаживал за Ксюшей, была вся светская Москва. За банкет в честь 30-летия возлюбленной чиновник выложил пять миллионов рублей. Он даже встал перед Собчак на одно колено и признался Ксении в любви. В знак нежных чувств преподнёс кольцо с изумрудом стоимостью 80 тысяч евро.

Но не срослось. «С Ксенией мы расстались, и инициатором нашего разрыва был я», – сообщил тогда Капков. Собчак часто повторяет, что со всеми своими возлюбленными она остаётся в тёплых отношениях. Но с Капковым всё ровно наоборот: она то и дело выпускает коготки. «Видать, и вправду обиделась», – заключила газета.

Капков продолжал давать направо и налево интервью, в

которых заявил, что его всегда зовут, когда всё плохо, но когда он всё сделает, говорят «спасибо» и приглашают других. Так было, когда его назначили в 2006 году на пост вице-президента Российского футбольного союза. Он вывел сборную на третье место в чемпионате Европы, а министром спорта назначили Мутко. Потом его бросили на парк Горького, он всё сделал, упаковал, и опять ему сказали «спасибо», пожали руку – и всё. «Я просто сейчас опасаюсь, что меня теперь в Луганск пошлют, или в Донецк, или Крым восстанавливать», – жаловался Капков в одном из интервью. Поэтому, дескать, он и ушёл. Но уезжать из страны он не собирается, просто хочет уделить время своей любимой девушке, с которой уезжает на отдых за рубеж. Однако вскоре в прессе появились какие-то смутные намёки на то, что в Департаменте культуры Москвы обнаружились какие-то крупные нецелевые расходы. Так что очень может быть, что Капков из-за границы уже и не вернётся.

В газетах прочитала о том, кто такой Александр Кибовский. В 2000 году стал кандидатом исторических наук, защитив диссертацию «Историко-предметный метод атрибуции произведений портретной живописи России XVIII – первой половины XIX века». Уже будучи кандидатом исторических наук, прошёл срочную военную службу в Военно-морском флоте России. На тот момент ему было 27 лет. Автор многочисленных публикаций по истории российской императорской армии и идентификации портретов русских офицеров на основе сведений об их форменной одежде и наградах. Преподавал историю военного костюма в Школе-студии МХАТ, выступал консультантом во многих фильмах, например, «Остров», «Адмирал», «1612». В 2010 году стал руководителем Департамента культурного наследия Москвы (Москомнаследия).

16 марта 2015 года, понедельник.

Неожиданно мне позвонила Людмила Михайловна Королёва и спросила, знаю ли я, что завтра в 1-м Кадашевском переулке будет встреча общественности с новым главой Департамента по культуре Кибовским?

– Первый раз слышу, – удивилась я.

– Ну вот, видите, они опять хотят в узком кругу всё обсудить без нас. Я вам звоню потому, что вы тоже подписывали моё письмо в Департамент культуры. Приходите обязательно, мы будем задавать вопросы по пешеходной зоне Арбат, пусть новый министр нам скажет, что он собирается делать с этими художниками и музыкантами на Арбате!

– Я подписывала ваше письмо потому, что там упоминались

ночные кафе. Но против художников и музыкантов на Арбате я ничего не имею, они никому не мешают, – сказала я. – Им же надо где-то выставляться!

– Пусть идут на набережную на Крымский вал, им там выделили специальное место.

– Да кто туда ходит, на эту набережную? И молодым музыкантам тоже надо где-то выступать. Академики на Арбате не будут рисовать. Не только у нас, но и везде, в других странах, во всём мире есть уличные художники и уличные музыканты. Они не нарушают закон «О тишине», потому что заканчивают свои выступления в 23 часа. К сожалению, такой у нас закон: после 23 часов нельзя шуметь, а до 23-х – пожалуйста. И поднимать этот вопрос бесполезно. Я вот исписала кучу бумаг по нарушению закона о тишине в ночное время, и никакого толку, а вы хотите, чтобы днём запретили выступать!

– Ах, вы не имеете ничего против художников и музыкантов на Арбате? Тогда, пожалуйста, не приходите на эту встречу! – рассердилась Королёва и бросила трубку.

Я припомнила, что в последнем номере газеты «Москва-Центр», которую выпускает префектура Центрального округа, было какое-то похожее объявление, порылась в бумагах, нашла эту газету, там было написано, что 17 марта 2015 года в 19.00 в многопрофильном лицее по адресу: 1-й Кадашевский переулок, дом 3а состоится встреча префекта ЦАО Виктора Фуера с жителями района Якиманка на тему «О перспективах развития сферы культуры в Центральном административном округе Москвы».

Конечно, объявление адресовалось жителям района Якиманка, но раз уж речь идёт о возможной встрече с Кибовским, я решила, что не мешало бы мне завтра пойти и послушать, что будет говорить новый министр – глава Департамента культуры Москвы на этой встрече.

После обеда по пути домой зашла в управу и позвонила Трайгель, спросила у неё, на месте ли Юрий Николаевич Нечаев, с которым я встречалась накануне. И тут увидела его самого, выглядывающего из-под входной арки.

– Зашла к вам узнать, нет ли чего-то нового по моему вопросу, – сказала я.

– В общем-то, ничего нового, – замялся он. – Но я доложил о вашей ситуации Максиму Дерюгину. Кстати, приходите в четверг в 18 часов в управу – глава управы будет отчитываться перед муниципальными депутатами как раз по жилищным вопросам.

– А я после вас зашла к юристу ГБУ «Жилищник». Он занял какую-то странную позицию – мы третья сторона, ничего не знаю,

ничего не ведаю, и вообще, ваш дом не стоит у нас на обслуживании.

– Как это третья сторона? – возмутился Нечаев. – Если не стоит на обслуживании, почему же тогда они присылают счета?

– Вот я его и спросила: откуда вы это взяли, что дом не находится у вас на обслуживании? Он мне сказал, что взял эту информацию на сайте «Дома Москвы». Зачем было лезть в Интернет, когда тут же рядом находится Единый расчётный центр? Я у них спрашивала, никто наш дом с обслуживания не снимал.

– Ну вы приходите в четверг, – махнул рукой Нечаев. Видимо, он совсем запутался.

17 марта 2015 года, вторник.

В 19 часов прошла встреча с префектом ЦАО Фуером и главой управы «Якиманка» в 1-м Кадашевском переулке. Зал гимназии был немаленький, но весь был забит битком жителями Якиманки и, как выяснилось, также и других районов, которые, как и я, пришли посмотреть и послушать нового главу культурного департамента. Но оказалось, что вопросы культурного департамента вовсе не стоят в повестке дня, как это первоначально заявлялось. То ли потому, что Кибовских не пришёл, то ли по какой-то другой причине. В основном поднимались вопросы благоустройства и капитального ремонта, сноса незаконных мансард на чердаках, работы районной поликлиники, сноса гаражей.

Какой-то мужчина стал рассказывать о рейдерском захвате территории, на которой стояли их гаражи: налетела целая банда, сорвала замки, выбросила на улицу имущество, начали ломать постройки.

– Ничем не могу помочь, все гаражи как незаконные строения должны быть снесены, – заявил Фуер. – Но вместо них на этом месте будет автомобильная стоянка. Там вы можете поставить свои машины.

– А как же насчёт охраны автомобилей? – поинтересовался житель, который задавал вопрос о сносе гаражей, на которые им давали разрешение ещё в 1982 году Советом народных депутатов.

– Там было разрешение на землю, а не на гаражи, – ответил Фуер. – А охраной заниматься – это уже ваше дело. Страхуйте вашу собственность. Другого пути у вас нет.

Какая-то женщина рассказала о том, что ещё в 90-годы самовольно застроили арку рядом с домом, открыли там ночное кафе и шашлычную, ночью включают музыку, которая слышна до пятого этажа и не даёт спать жителям. Есть решение о сносе

незаконной постройки, но уже три года, как волокитят выполнение этого решения.

– Ничем не могу помочь, – опять развёл руками Фуер. – Пока не пройдёте все судебные инстанции, без суда – никак.

– А Васька слушает да ест, – обиженно протянула женщина и разочарованно села на своё место.

Королёва тоже пришла на собрание и выступала в своём репертуаре, ругая почём свет торговцев на Арбате, художников, музыкантов и требуя, чтобы всё это запретили и обеспечили покой жителям Арбата.

– В субботу на Арбате была настоящая вакханалия – празднование Дня святого Патрика. Какое мы имеем отношение к этому ирландскому празднику? По Арбату слонялись толпы ряженых, на меня налетела какая-то зелёная дама, ударила в плечо. Посмотрите, какой у меня синяк на руке. Когда же наконец будет тишина на Арбате? Весь день гремит музыка, все кому не лень выступают на Арбате. Опять же художники. Если вы не можете обеспечить порядок на Арбате, тогда объявите эту улицу нежилой, выселите нас в другое место! – с пафосом завершила она свою речь.

Фуер сочувственно её слушал, но ничего толком не ответил. А что можно ответить? Ведь это Арбат. Не нравится – уезжайте в другое место. Я думаю, они с удовольствием бы выселили с Арбата всех его жителей, чтобы они не надоедали им своими жалобами. Или вот недавно какой-то московский чиновник выступил с предложением опять сделать Арбат проезжей частью и пустить по нему автомобили, чтобы разгрузить Новый Арбат.

19 марта 2015 года, четверг.

В 19 часов состоялся отчёт главы управы Максима Дерюгина перед муниципальными депутатами района Арбат с приглашением общественных советников.

Я пришла пораньше, чтобы занять место. Там уже сидела Королёва. Я села поодаль. К нам подошёл Нечаев и стал расспрашивать Королёву о том, что за суды идут у неё с жителями её дома в Староконюшенном переулке.

– Никаких судов уже нет, жильцы из 9-й и 3-й квартир не платили за ЖКХ, ТСЖ подал на них в суд, и принято решение в нашу пользу, они теперь платят нам, – заявила Королёва.

– А что, эта управляющая компания «Арбат-сервис» обслуживает и дом № 25 на Арбате? – продолжал спрашивать Нечаев.

– Да, она и этот дом взяла на обслуживание, есть решение ТСЖ этого дома. Недавно по жалобе Бабенко в прокуратуру

«Арбат-сервис» оштрафовали на 10 тысяч рублей за нарушение, которое она не делала, – это вина прежней компании, которая обслуживала дом. Но тем самым прокуратура признала «Арбат-сервис» как управляющую компанию этого дома, раз выписала ей штраф, – победно покосилась на меня Людмила Михайловна.

Я сидела молча, но тут не утерпела и поинтересовалась у неё:

– А это правда, что вы выставляете своим жильцам счета по 15 тысяч рублей?

– Да, в соответствии с занимаемой площадью. Это решение общего собрания, и они должны платить, – высокомерно ответила мне Королёва.

Тут пришёл Дерюгин, и отчёт начался. Глава управы кратко доложил об итогах работы в 2014 году и планах на следующий год. Несколько депутатов задали ему вопросы, и на этом обсуждение закончилось. Потом депутаты стали обсуждать программу капитального ремонта и сообщили, что перечень домов находится на сайте управы, обсудили размещение летних веранд у кафе на Арбате и новых торговых киосков.

Королёва демонстративно встала и, с грохотом отодвинув стул, покинула зал, громко заявив при этом:

– Нечего тут слушать всякую ерунду. Мне это не надо. Я хозяйка в своём доме, мне плевать, что они тут решают. А вы тут сидите, как овцы, – кивнула она в сторону общественных советников.

Сидящий во главе стола председатель Совета муниципальных депутатов Евгений Петрович Бабенко даже не повернул голову в её сторону, продолжая внимательно слушать вопросы по повестке дня.

Недавно я познакомилась с его биографией. Родился в Минске, в семье офицера, окончил в Москве медицинский институт, работал в системе московского здравоохранения на различных должностях – от медбрата до заместителя главного врача. В 2012 году стал муниципальным депутатом муниципального округа Арбат, в 2013 году стал председателем Совета депутатов этого округа. Награждён медалями «Защитник свободной России» и «Участник локальных конфликтов». Почётный донор России. Женат, двое детей. Член партии «Единая Россия».

Это он по моей жалобе и жалобе жителей соседнего дома напустил районную прокуратуру на управляющую компанию «Арбат-сервис», в результате проверки которой, по словам Королёвой, фактически узаконен её статус. А ведь я писала на имя Бабенко жалобу о том, что в доме создано фиктивное ТСЖ, которое незаконно перевело дом в такую же фиктивную

управляющую компанию. А межрайонный прокурор Басов, получается, своим штрафом сделал эту компанию легитимной. Ну что ж, придётся это учитывать. На каждого прокурора всегда найдётся вышестоящий начальник, которому можно пожаловаться на решение нижестоящего.

Кстати, в конце заседания сообщили, что в наш район назначен новый прокурор, и встреча с ним должна состояться уже в апреле.

Рядом со мной сидела какая-то круглолицая курносая женщина, которая громко и довольно по делу комментировала рассмотрение вопросов повестки дня. Я спросила у неё, из какого она дома.

– Сивцев Вражек, дом 20. Это на углу Сивцева Вражка и Староконюшенного, в нашем доме находится Многофункциональный центр городских услуг.

– А, это тот самый красивый дом для членов политбюро? – догадалась я.

– Он самый, – подтвердила круглолицая.

– А какая управляющая компания вас обслуживает? – поинтересовалась я.

– У нас управляет домом ТСЖ, я его председатель.

– ТСЖ? – подозрительно переспросила я. – И по каким ставкам вы обслуживаетесь?

– По ставкам правительства Москвы, – уверенно ответила круглолицая. – У нас нет управляющей компании, мы сами управляем своим домом.

Ну что же, очень может быть, что это одно из тех немногих ТСЖ, которые работают на пользу жителей, а не обирают их.

Я припомнила, что именно этот дом, предназначенный для верхушки КПСС в начале 90-х, когда развалился Советский Союз и Горбачёв ушёл в отставку, захватили многодетные очередники, которые держали там оборону несколько лет. Их поддерживал Фонд ликвидации коммунальных квартир, с которым я тогда довольно тесно сотрудничала. Потом я уехала из Москвы и не знала, чем закончилось это противостояние. Значит, многодетным, видимо, удалось отстоять свои права на этот дом. Но и жизнь, наверное, хорошо их потрепала и заставила быть в курсе всех жилищных проблем. Судя по репликам, которые подавала круглолицая, по всем вопросам она была хорошо подкована, всё отлетало от зубов. Возможно, она ещё из тех многодетных, которые тогда сражались за свои права. Да и она сама вполне похожа на многодетную мать: внешность у неё несколько заурядная, хотя лицо моложавое и довольно приятное. Кажется, я её встречала в нашем храме в Филипповском переулке.

Видимо, с Божьей помощью им и удалось отстоять этот дом. Никто не верил, что этот элитнейший дом в таком престижном месте достанется каким-то многодетным.

Выходя из зала, столкнулась с Мариной Баташовой из Жилищного отдела.

– Ну как, вы переговорили с юристом «Жилищника» Титовым? – спросила она.

– Да, я ему звонила, – поделилась я. – Вот только он занял какую-то странную позицию: ещё на первом заседании заявил, что «Жилищник» наш дом не обслуживает.

– Нет-нет, он будет защищать в суде ваши интересы, – заверила меня Баташова.

Воодушевлённая ею, на следующий день я с утра опять позвонила Титову, чтобы всё-таки прояснить его позицию. Может, действительно что-то изменилось.

– Вы пойдёте 25 марта на заседание суда? – издалека начала я.

– Возможно.

– И что, вы в суде опять будете утверждать, что не обслуживаете наш дом?

– Да. Вы тоже можете войти в Интернет и увидеть это на сайте «Дома Москвы».

– Ну, знаете, я в Интернет не вхожа. Я поинтересовалась в нашем Едином расчётном центре, и они мне сказали, что наш дом продолжает находиться на обслуживании в ГБУ «Жилищник района Арбат», – возразила я.

Титов опять что-то невразумительно промычал в ответ, и я закончила с ним этот бесполезный разговор.

Случайно узнала, что данные для сайта «Дома Москвы» сообщает Мосжилинспекция. Ну что же я хочу после всех моих выяснений отношений с мадам Булаевой?

25 марта 2015 года, среда.

Сегодня я отправилась на второе заседание Пресненского суда по иску ко мне Тарасовой и компании. Заседание было назначено на 12 часов. Я поднялась на лифте на 5-й этаж, где находился зал судебных заседаний № 30, и увидела сидящего посреди вестибюля адвоката Андрианова, поздоровалась с ним и села неподалёку под дверью зала заседаний в ожидании вызова. Адвокат без конца говорил с кем-то по телефону. Оглядевшись, я не увидела других участников процесса и, улучив момент, когда адвокат перестал говорить по телефону, спросила у него:

– А где же истцы?

– Я их представитель, им нет нужды приходить, – небрежно бросил он.

– А я вот всё хочу спросить у вас: вам доверенность на ведение дела давала сама Тарасова?

– Ко мне приходила целая группа, у них у всех доверенности, заверенные нотариально, нет оснований им не доверять.

– А, значит, она не сама всё-таки к вам обращалась? – продолжала допытываться я, но адвокат демонстративно отвернулся и опять достал телефон, давая мне понять, что разговор окончен.

Начала заседания пришлось ждать долго. Рассматривалось какое-то сложное дело о кадастровой оценке, за дверью слышались громкие споры. Вышли спорщики в начале второго часа, как раз перед обедом, и секретарша сообщила, что наш вопрос будет рассматриваться после обеда. Адвокат Андрианов, немного поразмыслив, встал и ушёл, видимо, перекусить, а я осталась сидеть под дверью и продолжила изучение Гражданско-процессуального кодекса, который захватила с собой на всякий

случай. Там наткнулась на статью 99 «Взыскание компенсации за потерю времени», которая гласила, что со стороны, недобросовестно заявившей неосновательный иск или спор относительно иска, суд может взыскать в пользу другой стороны компенсацию за фактическую потерю времени. Правда, в следующей статье под № 100 «Возмещение расходов на оплату услуг представителя», было написано, что стороне, в пользу которой состоялось решение суда, по её письменному ходатайству суд присуждает с другой стороны расходы на оплату услуг представителя. Ну вот, не хватало ещё, чтобы я оплатила услуги этого противного рябого дядьки! Значит, надо сражаться до последнего.

В полтретьего вышла секретарша и пригласила нас в зал судебных заседаний. Вместе со мной и адвокатом Андриановым вошёл невесть откуда взявшийся Титов, которого я не заметила раньше и уже подумала, что он, видимо, решил проигнорировать заседание суда.

Все передали секретарю свои паспорта, а я – ещё и извещение о проведении собрания собственников, которое на прошлом заседании судья попросил меня принести по ходатайству адвоката истцов.

При рассмотрении дела первым выступил Титов. Он долго и нудно что-то читал по бумажке, закончил тем, что опять сказал, что дом на обслуживании в «Жилищнике» не находится, его обслуживает управляющая компания «Арбат-сервис», и в подтверждение передал секретарю распечатку сайта «Дома Москвы».

– Ваша честь, господин Титов представляет суду недостоверную информацию, у меня имеются другие данные: по данным Единого расчётного центра, наш дом не снимался с обслуживания ГУП ДЕЗ «Арбат» и ГБУ «Жилищник района Арбат». Это подтверждают платёжные документы, которые мне высылались для оплаты этими компаниями, в них указаны соответствующие реквизиты, счета имеют штрих-код, зарегистрированы в электронной платёжной системе, – и я передала секретарю одну из оплаченных мною платёжек «Жилищника». Та вручила её судье. Тот повертел её в руках и спросил у Титова:

– Как вы это можете объяснить?

– Очевидно, вовремя не проследили и не сняли с учёта, поэтому платёжки продолжали приходить, – промямлил Титов.

Потом слово предоставили представителю истцов, адвокату Андрианову. Он сосредоточился в основном на том, что стал оспаривать правомочность собрания, протокола и договора, якобы

подписанных мною, и передал судье уточнённое исковое заявление, в котором даже не упоминалось главное требование истцов – о прекращении выставления счетов «Жилищника». Поскольку никаких документов, подтверждающих проведение собрания, ответчики не представили и я не отрицала, что не подписывала этих документов, он просил признать их недействительными.

Я попросила у судьи разрешения задать несколько вопросов представителю истцов.

– Скажите, пожалуйста, а по какой причине истцы не пришли на собрание? – спросила я.

– Я не знаю, наверное, потому, что не получали извещения.

– Ничего подобного, – возразила я. – Я видела, что такие же извещения лежали и в их почтовых ящиках, потому что истцы никогда их не ремонтировали, и они всегда были нараспашку. Так что истцы знали о проведении собрания. Они и в исковом заявлении записали в качестве ответчика инженерную службу ГУИС. Это подтверждает, что они были знакомы с содержанием извещения, в котором было написано, что инициатором собрания был ГУИС района Арбат.

– Ну и что это меняет? – хмыкнул адвокат.

– У меня ещё один вопрос, – продолжала я. – Жаль, конечно, что нет самих истцов, но может быть, их представитель знает, чем истцов не устраивала управляющая компания ГУП ДЕЗ «Арбат»? Хорошая компания, добросовестно выполняла свои обязанности, регулярно убирала подъезды, выполняла другие работы, даже сделала текущий ремонт подъездов, заменила почтовые ящики, которые истцы уже десять лет не ремонтировали. И обслуживали по городским ставкам. Какие к ней претензии были?

– Не знаю, наверное, были основания, – опять пожал плечами адвокат.

– И разрешите ещё один последний вопрос, – продолжила я. – Скажите, пожалуйста, истцы проводили другое собрание собственников по выбору способа управления домом и управляющей компании?

– А что, такое собрание надо было проводить? – насторожился адвокат и с сомнением посмотрел на меня.

– Жилищный кодекс обязывает жителей проводить собрание и выбирать способ управления дома и управляющую компанию. Но если жители не в состоянии организоваться и провести такое собрание, то специально для этих случаев существует другая статья Кодекса – о назначении управой своей управляющей компании по конкурсу. Если истцы не провели другого собрания, то какие у них могут быть претензии? Раз собрания не было,

управа самостоятельно выбрала и назначила в наш дом управляющую компанию ГУП ДЕЗ «Арбат», а потом ГБУ «Жилищник района Арбат», – подытожила я и села на своё место.

У адвоката отвисла челюсть, а судья немного озадаченно посмотрел на меня.

– Позвольте, а как же протокол собрания, договор на управление? Вы эти документы подписывали или нет? – засуетился адвокат.

– Я не подписывала документы, которые фигурируют в материалах дела, закорючка, которая стоит под этими документами, – это не моя подпись, – заявила я.

– Значит, все эти документы недействительны. Что и требовалось доказать, – обрадовался адвокат.

– И договор с управляющей компанией вы не подписывали? – спросил судья.

– А в этом не было никакой необходимости. Раз я оплачиваю счета этой компании, значит, я её признаю. Они мне не присылали на подпись договор. А если бы прислали, я бы его подписала. Сама от себя, а не за других. Но в этом не было никакой необходимости, – повторила я.

– Зачем же в таком случае управляющая компания подписывала за вас эти документы? – спросил адвокат.

– Ну это вы уж у них спросите, зачем они тут мудрили. Может быть, хотели подстраховаться. Но никакой необходимости заключать договор с жильцами не было, – повторила я.

Кажется, это было откровением и для судьи, и для адвоката.

– А в чём суть ваших претензий? – начал допытываться судья у адвоката.

– Понимаете, жильцам присылают счета две разные управляющие компании, накопились серьёзные долги, надо определяться. Истцы выбрали такую стратегию, чтобы сначала признать собрание неправомочным, и на этом основании признать законным выставление счетов «Арбат-сервис», а затем уже взыскать долг с ответчика. У них есть ТСЖ в доме…

– А вот это мы ещё посмотрим, – громко перебила я адвоката. – Нет у нас в доме никакого ТСЖ. И о собрании по переводу в «Арбат-сервис» меня не уведомляли. Можете не сомневаться, что раз уж вы сами завели речь об этом, я предъявлю суду такое же ходатайство, как и вы. Прошу суд перенести заседание для подготовки ходатайства.

Судья удовлетворил мою просьбу и назначил следующее заседание на 22 апреля.

Тут подал, наконец, голос юрист «Жилищника» Титов.

– А я прошу вызвать в суд истца Тарасову Надежду

Валентиновну. У меня есть сомнения в том, что она жива.

Наконец-то! А то я уж начала думать, что он с ними в сговоре.

– Почему у вас появились такие сомнения? – спросил судья.

– У нас в управе есть очень опытный сотрудник, он говорит, что часто бывают такие случаи, когда человека нет в живых, а от его имени поступают иски и ходатайства.

– Тарасова Надежда Валентиновна лично оформляла с вами договор? – обратился судья к адвокату. Тот замялся:

– Нет, я заключал его с Тарасовым Виктором Владимировичем. У него есть доверенность от Надежды Валентиновны Тарасовой.

– Кем она ему приходится? – довольно резко спросил судья.

– Наверное, это его мать, – жалобно проблеял адвокат. – Доверенность на Тарасова оформлена нотариально, поэтому я посчитал, что не обязательно с самой Тарасовой… И потом, другие истцы лично присутствовали на прошлых заседаниях. От истцов на прошлом заседании присутствовал Карапетян…

– Гарий Карапетян, который был на прошлом заседании и фигурирует в качестве одного из истцов, вообще не является собственником, он представил в суд чужое свидетельство о собственности, – поднялась я со своего места.

Секретарша после моих слов заёрзала. Это ведь её прямая обязанность – проверять, надлежащие ли документы представлены в суд. Судья строго посмотрел на неё, но ничего не сказал.

– И вообще, во всей этой компании нет ни одного собственника. Все получили доверенности от своих жён, матерей, подруг, – продолжала я.

– Ну что ж, можно дать судебный запрос по поводу Тарасовой и Карапетяна, – вынужденно согласился адвокат Андрианов.

– Да-да, очень бы хотелось наконец увидеть эту женщину, которая у нас якобы председатель ТСЖ, – поддакнула я.

Судья удовлетворил эти ходатайства, и на этом заседание закончилось.

Секретарша вынесла сданные нами паспорта и другие документы, чтобы мы их забрали. Среди них я обнаружила и платёжку ГБУ «Жилищник», которую я предъявила судье в подтверждение того, что дом не снят с обслуживания этой компании. Почему-то судья вернул эту бумагу, а не приобщил к материалам дела. «Что бы это значило?» – гадала я. Может быть, он посчитал распечатку из Интернета, которую представил юрист «Жилищника», более достоверным документом, чем моё доказательство? Но я не стала это выяснять, забрала документы,

попрощалась и вышла из зала судебных заседаний.

В холле я увидела адвоката, который копался в своём портфеле. Я остановилась и нахально заявила ему:

– Передайте истцам, что я потребую с них возмещения за потерю времени. Чтобы в другой раз неповадно было таскать меня по судам!

– Для этого надо подавать отдельный иск в суд, – пробурчал адвокат.

Разумеется, я и не собиралась взыскивать компенсацию с истцов, тем более что ещё не известно, чем закончится дело. Но решила на всякий случай их припугнуть.

30 марта 2015 года, понедельник.

Сегодня утром случайно обнаружила в подъезде на доске объявлений какое-то сообщение. Висело оно под самым потолком, кое-как я его вытащила из ячейки, чтобы разглядеть. Оказалось, что это сообщение о проведении 7 апреля общего собрания собственников. В приведенной здесь же повестке дня значился отчёт ТСЖ, отчёт управляющей компании «Арбат-сервис» и обсуждение вопроса о предстоящем капитальном ремонте. Видимо, чтобы решить, как собирать деньги – на отдельном счёте ТСЖ или у регинального оператора. Я сделала копию этого объявления и не без труда вставила оригинал обратно в ячейку.

Но я напрасно старалась, потому что в этот же день получила заказное письмо с уведомлением. Видимо, общение с адвокатом не прошло даром. По крайней мере, теперь знают, как надо уведомлять жильцов о собраниях. Ну что же, обязательно пойду на него, чтобы задать свои вопросы. А самое главное – посмотреть, кто будет отчитываться о работе ТСЖ. Появится ли наконец эта таинственная Надежда Валентиновна Тарасова?

Вечером по дороге домой заскочила в управу взять свежие газеты и столкнулась с председателем Совета муниципальных депутатов Бабенко.

– Евгений Петрович, – обрадовалась я. – Я всё хочу у вас спросить: помните, вы мне как-то говорили о том, что к вам обращались жильцы дома № 41 по Староконюшенному, где председатель ТСЖ – Королёва, которым не хватает четырёх метров, чтобы переизбрать председателя ТСЖ и управляющую компанию «Арбат-сервис»? Вы не могли бы мне сказать телефоны этих людей, чтобы мне связаться с ними?

– Сейчас в управу поступило письмо о том, что они ко мне не обращались, это письмо находится у нашего юриста, но она сейчас на больничном. Позвоните мне послезавтра, может быть, к тому времени она выйдет на работу, – озабоченно сказал Бабенко.

1 апреля 2015 года, среда.

С утра наведалась к Евгению Петровичу Бабенко, а он отвёл меня к своему секретарю Алле, чтобы она дала мне номера телефонов жильцов дома № 41 в Староконюшенном, которые обращались к нему с письмом.

– Вообще-то, мы не имеем права давать номера телефонов жителей без их согласия, – заупрямилась Алла.

– У нас в доме спорный вопрос с управляющей компанией, которая обслуживает и этот дом тоже. Мне надо связаться с кем-нибудь, так как люди, с которыми я поддерживала связь раньше, сейчас не отвечают на звонки. Это правда, что жители дома дезавуировали своё прошлое письмо? Мне об этом сказал Евгений Петрович, – спросила я у Аллы.

– Ничего подобного. Я об этом ничего не слышала, – ответила Алла.

«Час от часу не легче! Какая-то странная история происходит», – подумала я, но ничего не сказала.

Тем временем секретарь Алла по толстым папкам стала искать подшитое письмо, с которым они обращались раньше, но так ничего и не нашла. Потом стала искать по компьютерной базе и нашла заявление некого Болдырева Сергея Михайловича, с которым он обращался по поводу легитимности собрания по земельному отводу, но там не оказалось его телефона. Я записала его фамилию, сказав, что попытаюсь найти его телефон по другим каналам.

Воспользовавшись тем, что оказалась в помещении управы, я решила заглянуть в кабинет Нечаева. Он сидел за своим огромным столом и что-то писал. Увидев меня, пригласил зайти.

– Решила рассказать вам об итогах судебного заседания, если это вам интересно, – начала я.

– Да-да, чем закончилось?

– Закончилось тем, что я попросила отложить заседание, чтобы я подготовила ходатайство о легитимности собраний о ТСЖ и переводе в управляющую компанию «Арбат-сервис». Исковое заявление подано по другому вопросу, но раз зашла речь об этих собраниях, я тут же этим воспользовалась. На суде истцов, к сожалению, не было, а адвокат не смог ответить на мои вопросы о том, по какой причине истцы не пришли на собрание, которое проводило ГУИС, чем их не устраивала управляющая компания ГУП ДЕЗ «Арбат» и проводили ли они своё собрание по выбору управляющей компании. Я объяснила и адвокату, и судье, что раз собрание ГУИС было сорвано, а своего они не провели, то управа в этом случае имеет право и даже обязана назначить в дом

свою управляющую компанию, и поэтому их исковое заявление лишено всякого смысла. Адвокат стал говорить, что жильцам приходят платёжки из двух управляющих компаний. Я тут же воспользовалась этим и попросила отложить суд для подготовки ходатайства.

– То есть вы хотите подать встречный иск? – уточнил Нечаев.

– Я полагаю, что можно в рамках этого дела одновременно поставить вопрос о легитимности собраний по созданию ТСЖ и выбору управляющей компании «Арбат-сервис», – предположила я.

– Ну да, пожалуй, можно попробовать, – подумав, согласился со мной Юрий Николаевич.

– Плохо, что юрист «Жилищника» принёс в суд распечатку с сайта, где указано, что дом у них не числится на обслуживании. Но я не согласилась и сказала судье, что это недостоверная информация и что наш дом не снимался с обслуживания. Это подтверждают платёжные документы, которые присылала компания ГУП ДЕЗ «Арбат», а теперь «Жилищник» для оплаты. Из-за этого юриста мне приходится работать на два фронта, – пожаловалась я.

– Ничего, мы немного освободимся и поможем вам, – обнадёжил меня Юрий Николаевич. – А вообще, настроение какое?

– Да я особенно и не переживаю по этому поводу. Даже если проиграю дело, это же не смертельно, – пожала я плечами. – Кстати, в нашем доме на 7 апреля назначено отчётное годовое собрание ТСЖ. Я это ТСЖ не признаю, но там вопрос о капитальном ремонте, так что я думаю пойти на него. Кстати, представителя управы там не должно быть?

– Если нет доли города, то нет.

– Доля города есть – 399 метров у Городского психоэндокринологического центра, – сказала я.

– А, ну тогда должен прийти представитель ГУИС, – почесал затылок Нечаев.

После разговора с Нечаевым я решила зайти ещё и к Марине Баташовой, которая сидела выше этажом, но как только я туда направилась, выскочил невесть откуда взявшийся охранник и стал орать, что меня пропустили только к Бабенко и нечего ходить по другим кабинетам.

– Ой, какой злой, – деланно испугалась я, но решила не связываться с ним и дисциплинированно пошла на выход. Охранник следовал за мной, подгоняя и крича что-то вслед. Правду говорят, что самые большие начальники в учреждениях – уборщицы и охранники!

Придя домой, застала в подъезде Любочку, которая убирала лестницу. На ловца и зверь бежит.

– Любочка, скажите, пожалуйста, вы убираете подъезд в 41-м доме по Староконюшенному?

– Да, а что?

– Не знаете, в какой квартире живёт Болдырев?

– Сергей Михайлович? Знаю. Он живёт на первом этаже в квартире 1.

– А вы случайно не знаете, что у него за конфликт с Королёвой? Говорят, он писал жалобу в муниципалитет по поводу земельного отвода.

– Да нет, ну что вы, какой конфликт, он с Королёвой не разлей вода. А вот во второй квартире напротив живёт Нона – вот она как раз Королёвой недовольна, она с ней ругается. Вы слышали, в магазине Королёвой опять облили витрину кислотой? Она только-только заменила витрину, и вот опять, – сообщила Люба.

– Так она же со всеми конфликтует. Вот на уличных художников постоянно нападает. Чем они ей мешают? И вообще пытается всех построить на Арбате. А в доме на Староконюшенном, где у неё контрольный пакет голосов, вообще всех взяла за горло. Подвалы и чердаки, как я слышала, сдаёт за большие деньги в аренду, ни перед кем не отчитывается. Кажется, у неё в этом доме есть ещё один магазин, где продаются ткани?

– Нет, там уже не ткани, а обувь и сумки. Она мне предлагала работать там продавцом, но я отказалась. Хотя на Украине я работала и кассиром, и продавцом, – сказала Люба.

– Ну конечно, зачем там сидеть с утра до вечера? А тут убрала с утра, и целый день свободна, – согласилась я.

После разговора зашла посмотреть, что за магазин в подвале у Королёвой. Обувь явно с европейских распродаж, куплена по дешёвке, но всё из натуральной кожи – и сумки, и обувь, хотя всё очень вычурно и безвкусно. Покупателей в магазине не было, да и вряд ли они вообще здесь бывают. Как, собственно, и в основном магазине Королёвой на Арбате – «Арбатской лавице». А ведь все эти площади надо содержать. Одно из двух: либо эти магазины – отмывочные прачечные для каких-то мафиозных денег, либо Королёва держит их ради собственного тщеславия, а все расходы по их содержанию перекладывает на жильцов своего дома в Староконюшенном.

7 апреля 2015 года, вторник.

С утра побывала в храме на праздничной службе Благовещения Пресвятой Богородицы и дала себе слово

воздерживаться на собрании от всяких споров, держать рот на замке, как и положено в Страстную неделю. Больше всего меня интересовало, придёт ли отчитываться о работе ТСЖ сама Тарасова, или опять вместо неё будет вещать Виктор Тарасов. Если она не придёт, это будет очень наглядное доказательство того, что она не руководит ТСЖ.

Ровно в 20 часов я направилась в холл первого подъезда, где должно было состояться собрание. Подождала минут 15 – ни души. Вышла из подъезда, прошлась вдоль дома. И вдруг заметила, что в центральном подъезде, где раньше была аптека, а потом кафе «Евразия», где сейчас идёт ремонт, приоткрыта дверь. Решила заглянуть, и увидела, что там собрались все участники сегодняшнего собрания. Видимо, место проведения собрания в последний момент изменили, сообщив об этом всем, кроме меня. Наверное, Тарасов решил, что я подожду-подожду и пойду домой, и он проведёт опять собрание без меня и, таким образом, избежит неудобных вопросов, но при случае будет говорить, что оповестил меня заказным письмом, а я сама не захотела прийти на собрание.

Тарасов стоял со всеми и, увидев меня, не смог скрыть досады. Но он изобразил хорошую мину и, деланно улыбаясь, сказал мне:

– А я послал вам уведомление по почте, как вы и просили.

– Спасибо, а то я уже хотела стремянку искать, чтобы прочитать ваше объявление. Но если вы изменили место проведения собрания, надо было меня проинформировать. Я совершенно случайно вас здесь обнаружила.

Тут, откуда ни возьмись, появилась Людмила Михайловна Королёва и пригласила всех пройти в свой магазин, где у неё есть специальное помещение для собраний. Меня немного удивило такое внимание Королёвой к нашему собранию, но я ничего не сказала и проследовала за всеми в подвальное помещение магазина.

На собрание пришло человек 12, в том числе Ирочка из 6-й квартиры, которая уже приехала из Голландии, где устраивала дела своей дочери, её сосед по подъезду из 7-й квартиры, артист Боровинских. Из нашего подъезда, кроме меня и Тарасова, – Гарик Карапетян из 5-й квартиры. Смирнова со своим Харитоновым из 4-й квартиры почему-то отсутствовали. Также присутствовал директор управляющей компании Ратушняк, который по повестке дня должен был доложить о работе своей компании «Арбат-сервис». Остальные были мне незнакомы. Видимо, это пришли представители собственников нежилых помещений на первом этаже, где сейчас работают два кафе

«Пиросмани» (бывшее «Сан Марко») – его представляла пухленькая крашеная блондинка лет 40 с бархатным бантиком в волосах, и бывшее помещение аптеки, где до последнего времени было кафе «Евразия», – пришли сразу два представителя собственника – индивидуального предпринимателя Воробьёва, приехавшие из Тулы. В отдалении сидел какой-то незнакомый молодой человек, который сказал, что он новый собственник 8-й квартиры. Недавно я звонила Игнатьевой и узнала, что она наконец-то разменялась и переехала куда-то в район Динамо. Новая хозяйка, которая представилась Тамарой, очень любезно сообщила мне это, сказала, что она живёт вдвоём с сыном, и даже пригласила меня в гости. Я поинтересовалась у неё, какие счета она оплачивает. Она ответила, что компании «Арбат-сервис». Больше у меня к ней вопросов не было. Молодой человек, который сегодня пришёл на собрание, очень активно задавал вопросы, делал всякие сумбурные предложения, возмущался, что дом уродует самовольная пристройка, и всем обещал в ближайшее время добиться, чтобы её разобрали, а на этом месте разбили сквер с лавочками. Все вежливо его слушали. Я подумала, что это сын Тамары, о котором она мне говорила по телефону. Но через некоторое время появилась сама Тамара, в изысканной шубке из какого-то очень тонкого меха, похожего на стриженую лису, с висящими лапками и лисьими мордочками. Она оказалась не просто Тамарой, а Тамарой Хачатуровной. Пока я гадала, какой она национальности, появился её сын, ярко выраженный армянин, ещё довольно молодой, но уже с солидным животиком. Сразу начались недоумённые вопросы, и парень, который сначала представился собственником, вынужден был признаться, что он не собственник, а представитель собственника 8-й квартиры.

Самозванство молодого человека вызвало бурную реакцию блондинки, которая долго возмущалась этим. Неудивительно, потому что все прожекты, которые он озвучил, касались кафе «Пиросмани», арендатора нежилого помещения у ООО «Руджи», которое представляла блондинка. Они по этим планам должны были за свой счёт очистить территорию и благоустроить её, что было предложено обсудить собранию. Но поскольку повестка дня утверждалась заранее и не подлежала изменению, это предложение было снято и не рассматривалось.

Со вступительным словом выступил Тарасов. Он предложил открыть собрание и заслушать отчёт ТСЖ. Я тут же задала ему вопрос: а где, собственно, госпожа Тарасова, которая вроде бы является инициатором собрания и председателем ТСЖ, – по закону она не имеет права передавать свои полномочия

председателя ТСЖ другому лицу. Я предложила перенести собрание, пригласить на следующее заседание и заслушать саму Тарасову, а не её доверенное лицо. Тарасов не согласился и поставил вопрос на голосование.

– Такие вопросы не решаются голосованием. Имейте в виду, что и ваше собрание, и все решения, принятые на нём, являются нелегитимными, – предупредила я.

– Вообще-то я не знаю, собственник ли вы, предъявите ваше свидетельство о собственности, – в ответ заявил мне Тарасов.

– А вы, собственно говоря, кто такой, чтобы я вам его предъявляла? – в свою очередь, спросила и я.

– Тогда покиньте помещение, – сказал Тарасов.

Все скопом набросились на меня, но я и не подумала уйти и продолжала сидеть. Ирочка отпускала на мой счёт ехидные замечания, а Карапетян громогласно стал что-то рассказывать об иске, который они мне предъявили в суде. Я уселась поудобнее и приготовилась слушать.

– Ну что ж, я предусмотрел и это, – сказал Тарасов и положил передо мной миниатюрный микрофон. – Имейте в виду, что все ваши оскорбления я буду записывать на микрофон, и вы будете отвечать за них в суде!

После краткого сообщения Тарасова о работе ТСЖ перешли к отчёту управляющей компании «Арбат-сервис». Ратушняк долго расписывал свои подвиги на поприще обслуживания дома, жаловался, какой тяжёлый дом, какое плохое наследство оставила ему прежняя управляющая компания.

– Очень тяжело, просто невыносимо, но уходить вы всё-таки не хотите, – иронично заметила я. – Я думаю, что мы должны поблагодарить Владимира Васильевича за его работу и вернуться в прежнюю управляющую компанию.

Тут вскочил самозванец из 8-й квартиры и сказал:

– Я знаю этого человека, это профессионал высочайшего класса, я с ним сталкивался по работе и учёбе в Высшей школе экономики. Вам повезло, что вас обслуживает такая компания. Я случайно с ним столкнулся сегодня и вспомнил, поверьте мне, я очевидец, не подумайте, что я подставной какой-то.

Я подумала, что, наверное, он точно и есть какой-то подставной. Но все слушали разинув рот. Под шумок Ратушняк раздал всем свой отчёт. В конце на последней странице были предложения по работам на 2015 год, и в последней строчке скромно напечатано мелким шрифтом, что плата за обслуживание повышается до 28 рублей за квадратный метр.

– А почему ГБУ «Жилищник» может обслуживать по ставкам правительства Москвы, а вы не можете? – спросила я и

добавила: – И вообще-то, даже ту ставку, по которой вы сейчас обслуживаете, 19,50, вы установили без согласия жителей. Вы просто явочным порядком стали брать больше, а это незаконно.

– Вы всё время создаёте конфликтную ситуацию, – попытался увести в сторону Ратушняк. – Все согласны, только вы одна не согласна. Посмотрите: вы одна против всех!

– Да, мы все поддерживаем отчёт управляющей компании, – поддержала Ратушняка Ирочка Покровская. Тарасов тут же предложил проголосовать за то, чтобы принять предложения управляющей компании. Все дружно подняли руки. По-моему, они даже не поняли, что голосуют за повышение платы за обслуживание. Напрасно я взывала: «Ну что вы голосуете, как бараны!» Меня никто не слушал.

Но представители собственников нежилых помещений от голосования уклонились, видимо, они что-то заподозрили и воздержались при голосовании. Тарасов тут же мстительно заговорил о конфликтах между собственниками жилых и нежилых помещений.

– А, так это вы по ночам устраивали дискотеки под моей квартирой? – повернулась я к представителям ИП Воробьёв, которые сидели позади меня рядом с Гариком Карапетяном.

– Да, это было, но этого больше не будет, – твёрдо пообещал он. – Сейчас у нас идут переговоры с новым арендатором. Это продовольственный магазин. Я прошу согласия собственников жилых помещений на то, чтобы открыть продовольственный магазин.

– Это уже интересно. А вы не можете мне сказать, кто давал вам раньше разрешение на открытие ночного клуба? – поинтересовалась я. Тарасов слегка побледнел, но представитель ИП Воробьёв его не выдал.

Тамара Хачатуровна сидела разинув рот, а её сын-армянин стоял, расставив ноги, и исподлобья разглядывал всех присутствующих. Их представитель-самозванец сорвался с места, подсел ко мне и стал спрашивать, почему я против ТСЖ.

– Я занимаюсь этими вопросами уже 20 лет, насмотрелась на эти ТСЖ и знаю, что в лучшем случае это пустота…

Я не успела договорить, в подвал вошла Королёва и, услышав мои слова, стала рассказывать, какое прекрасное ТСЖ у неё в доме, как они собрали жителей, провели собрания и отвоевали подвалы, которые теперь сдают в аренду.

– А жители что имеют от ваших подвалов? – спросила я. – Как вы используете доходы от аренды?

– А я вам не обязана объяснять, – вспыхнула Королёва.

– И не надо ничего объяснять. И так знаем, что жителей вы

использовали, как статистов, чтобы прибрать к рукам эти подвалы, доходы от аренды присваиваете, а жителям присылаете пятизначные счета, – парировала я.

– Что вы сочиняете, – громко начал возмущаться Карапетян.

– И вам скоро такие же счета будут приходить, – повернулась я к нему. – Пока вы не поумнеете.

– Но так же не бывает, что вы одна права, а все остальные не правы, – опять начал громко увещевать меня Ратушняк.

Наконец, перешли к последнему вопросу – выбор способа хранения средств на капитальный ремонт. Тарасов посмотрел на Карапетяна. Тот поднялся с места и заявил:

– Надо создавать спецсчёт ТСЖ, чтобы мы сами распоряжались своими деньгами и выполняли работы по капремонту.

– Нашему дому невыгодно создавать спецсчёт, потому что в этом случае на капитальный ремонт не хватит денег, нам выгодней быть в «общем котле» – деньги от других домов будут перераспределяться в нашу пользу. И вообще, я думаю, что Фонд капитального ремонта лучше справится с капитальным ремонтом. Да и контроль там построже. А вот нашему ТСЖ, и особенно Тарасову, я бы не доверила свои деньги на капремонт, – сказала я.

– А почему вы не доверяете Тарасову? – снова подскочил ко мне самозванец из 8-й квартиры. Может быть, он просто хотел, чтобы я под микрофон назвала Тарасова жуликом и дала повод ему обвинить меня в клевете?

– Потому что это абсолютно непрозрачная личность. Кто-нибудь из присутствующих знает, откуда он приехал, чем занимается, на какие доходы живёт? – спросила я. – Как же мы можем доверять деньги человеку, о котором никому в доме ничего не известно? Может, он сам нам сейчас расскажет о себе?

Тарасов криво усмехнулся, но промолчал. На его защиту встал Гарик Карапетян.

– А вы на какие доходы живёте? – вскочил он со своего места. – Вы на какие такие доходы свою квартиру купили? Давайте разберёмся с вами.

– Со мной не надо разбираться, я на посты в вашем ТСЖ и на деньги на капремонт не претендую. А вот с вами надо бы разобраться: вы куда Никитина дели, который вас в квартире прописал? – повернулась я к Гарику.

Пухленькая Женя взвизгнула и засмеялась. Другие тоже начали смеяться. Гарик смешался и, продолжая что-то ворчать себе под нос, сел на своё место.

– А мне вы доверяете? – кокетливо спросила Ирочка. – А если

бы я была председателем ТСЖ? Вы бы поддержали мою кандидатуру?

– Вообще-то, вас я тоже не знаю, – сказала я.

– Ну как же, вы же хорошо знаете мою бабушку. А я её родная внучка!

– Родная? Какая может быть родная внучка, если у неё не было детей? – спросила я.

Ирочка прикусила губу. В общем, переругалась я практически со всеми. И это в Страстную неделю и в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы! А ведь собиралась держать рот на замке! Господи, прости меня, грешную!

Собрание закончилось. Я сложила отчёт Ратушняка и хотела сунуть его себе в сумку, но тут ко мне подлетела Королёва и выхватила его прямо из рук:

– Этот отчёт нельзя выносить, он для внутреннего пользования, – заявила она.

Я просто лишилась дара речи от такой наглости: ей-то какое дело до нашего собрания? Похоже, что всем процессом рулит Королёва! Однако как ловко они обделывают свои делишки!

11 апреля 2015 года, суббота.

Вечером мне позвонила Ирочка Покровская и сказала:

– А ведь вы были правы: Тарасов действительно собирается приватизировать чердак! Нам надо объединиться с вами и переизбрать его.

– Вы напрасно ищете во мне союзника, я вообще против ТСЖ в нашем доме. Нет никакой необходимости сажать себе на шею ТСЖ. Сейчас все вопросы можно решать на общем собрании, и для этого не нужно создавать никакое ТСЖ.

– Но мы уже создали ТСЖ. Я председатель ТСЖ в другом доме, мы там все вопросы прекрасно решаем. В нашем доме тоже можно всё решать на собрании ТСЖ, но надо как-то переизбрать Тарасова. Вы уже куда-то жаловались на него?

– Вы лучше спросите, куда я не жаловалась! Только никому дела нет до нашего ТСЖ. Никто не хочет заниматься этими дрязгами, все считают, что жители сами должны разбираться.

– Вот как, – заинтересовалась Ирочка. – А мы-то в своём ТСЖ так боимся что-то нарушить, а оказывается, всё можно?

– Я думаю, что мы с вами попали в лапы очень опасных мошенников, и нам очень трудно будет от них избавиться, – серьёзно ответила я Ирочке. Но, кажется, моё предостережение не произвело на неё никакого впечатления.

– Вот вы на собрании упомянули, что вопрос о ставке на обслуживание 19,50 на собрании не обсуждался? Вы же не были

на этом собрании, кто вам сказал об этом? – спросила меня Ирочка.

– А вам зачем это нужно знать? – подозрительно спросила я. Кто её знает, эту Ирочку? Может быть, она сейчас говорит со мной по телефону, а под кроватью у неё сидит Ратушняк? И она не просто так выспрашивает у меня явки, пароли, имена? Наверняка Ратушняк обеспокоен этой информацией. Ведь если вопрос о повышении ставки за обслуживание не обсуждался на собрании, это можно оспорить в суде и заставить его вернуть незаконно полученные деньги.

– Вот сейчас на вас подали иск в суд. Чего они хотят от вас? – продолжала допытываться у меня Ирочка.

– Хотят, чтобы я платила не «Жилищнику», а Ратушняку.

– А что вы будете делать, если проиграете этот суд? – опять мягко стала выведывать Ирочка.

– Тем хуже будет для вас, – ушла я от ответа и закончила с ней разговор.

Это было в Страстную субботу. Вечером в 23.30 я отправилась на ночную службу в храм Иерусалимского подворья в Филипповском переулке. Как обычно в пасхальную ночь, был крестный ход вокруг храма, праздничное богослужение, потом причастие. Отходя от чаши, заметила в толпе круглолицую из бывшего дома для членов политбюро на Сивцеве Вражке.

– Христос Воскресе! – приветствовала она меня.

– Воистину Воскресе! – ответила я.

22 апреля 2015 года, среда.

Сегодня отправилась к 12.30 в Пресненский суд на очередное заседание. На этот раз юрист «Жилищника» не явился, на заседании были только я и адвокат истцов Андрианов. Заседание опять перенесли на более позднее время, пригласили где-то в полтретьего. Всё это время я слонялась по коридору. Андрианов тоже спал где-то в углу.

Когда началось заседание, я передала ходатайство об истребовании документов по переводу дома в управляющую компанию «Арбат-сервис», пояснив при этом, что хотя в исковом заявлении истцов нет ни слова об этой компании, истинная подоплёка иска состоит именно в том, что жильцам приходят счета от двух управляющих компаний. Но истцы старательно избегают упоминания об этом и пытаются оспорить решение собрания двухлетней давности, чтобы потом, получив решение суда, потребовать от «Жилищника», чтобы он не присылал свои счета. Такой окольный путь подтверждает, что с собранием не всё чисто. Я долгое время не могу добиться, чтобы мне предоставили

протокол этого собрания, хотя уже только то, что я не была уведомлена о собрании, является основанием для признания нелигитимности этого собрания и недействительности его решения о переводе дома на обслуживание в «Арбат-сервис».

Судья нетерпеливо слушал мои доводы, потом прервал, сказав, что истцы вправе выбирать любую стратегию своих действий, после чего удалился в соседнюю комнату для принятия решения.

Мы ждали его довольно долго. Наконец, он вышел и скороговоркой огласил свой вердикт.

– Вам всё ясно? – спросил он. Я вежливо кивнула, хотя ничего не поняла из того, что он пробормотал себе под нос.

– А какой срок исполнения моего ходатайства об истребовании документов? – поинтересовалась я.

– Вы что же, не поняли? В принятии вашего ходатайства отказано, так как оно не имеет отношения к заявленному иску. Вы можете подать самостоятельный иск о том, что вам не предоставляют протокол собрания, и там заявить ваше ходатайство.

– Я на слух плохо воспринимаю информацию, – извинилась я. – А когда я смогу получить на руки решение суда?

– Вообще-то дней через пять, но учитывая, что впереди майские праздники, приходите после праздников, – ответил судья.

Кстати, в ходе заседания он сообщил, что по полученным данным истец Тарасова Надежда Валентиновна, слава Богу, жива-здорова. А адвокату попенял на то, что документы Карапетяна, представленные в суд, оформлены не на него самого и что документы надо проверять – на запрос по Карапетяну пришёл ответ, что он не является собственником в нашем доме.

23 апреля 2015 года, четверг.

Накануне вечером мне позвонили из «Зелёной лампы Арбата» и пригласили к 18 часам прийти в Карманицкий переулок, где находится Совет ветеранов, на традиционную встречу арбатских старух. На этот раз планировалась встреча с какой-то сербкой.

Сегодня с утра, просмотрев свою почту в Интернете, я обнаружила ещё и приглашение от управы района Арбат на встречу с прокурором Пресненской межрайонной прокуратуры Юрием Алексеевичем Басовым, которая должна состояться в том же Карманицком переулке, но на два часа раньше, в 16 часов.

Я немного удивилась, что Басов остался нашим межрайонным прокурором, потому что раньше говорили о том, что в апреле должна состояться встреча с новым межрайонным прокурором, но

оказывается, прокурорскую встречу будет проводить прежний прокурор Басов.

Тем не менее я обрадовалась случаю поприсутствовать на этой встрече и даже набросала на бумажке текст своего вопроса Басову по поводу непонятных ТСЖ, которые захватывают дома на Арбате, приводят какие-то подозрительные управляющие компании и начинают незаконно собирать деньги с жителей, сдавать в аренду нежилые помещения, присваивать деньги и вообще превращать дом в источник своего личного обогащения. Хотела привести в пример не только ТСЖ в нашем доме, но и в доме на Староконюшенном, где председатель ТСЖ – Королёва. Именно по нашим двум домам обращался к межрайонному прокурору Басову Евгений Петрович Бабенко.

Я пришла пораньше и заняла место во втором ряду, чтобы лучше всё слышать. Впереди меня уже сидела Королёва. После того как я облаяла её на собрании, я не рассчитывала на её хорошее отношение ко мне и сделала вид, что её не заметила, но она, оглянувшись и увидев меня, приветливо поздоровалась, назвав меня по имени и отчеству. Я ответила и как-то сразу засомневалась, стоит ли мне упоминать о её ТСЖ, к которому я, собственно, не имею никакого отношения. Если сами жители не приходят на встречу с прокурором, не жалуются на Королёву, хотя она затаскала их по судам, если они покорно оплачивают все её фантазии, мне что же, больше всех надо?

Тем временем за столом в президиуме уселся прокурор Басов, рядом с ним – глава Совета муниципальных депутатов Евгений Петрович Бабенко.

Встреча началась с отчёта прокурора, который довольно долго повествовал о своих прокурорских достижениях, упомянул о хостелах как больной теме Арбата, вспомнил о новых делах, которыми ему пришлось заниматься, в частности косметическими салонами, которые заманивают женщин обещаниями каких-то омолаживающих процедур, с помощью психотропных чаёв навязывают им кредиты по 50–100 тысяч рублей. Суды неохотно принимают иски от прокурора по таким делам, но в последнее время удалось отсудить деньги в нескольких случаях.

Потом вступил в разговор Евгений Петрович Бабенко, который рассказал страшную историю о том, как в преддверии 70-летия Победы в каком-то магазине на Арбате обнаружились в продаже шахматы с изображением Гитлера, Кейтеля, Сталина и т. п., и спросил, будет ли прокуратура заводить дело по этому вопиющему факту. Прокурор с удовольствием пространно стал объяснять, как это нехорошо и как надо поступить в таком случае.

Прошёл час. Наконец, дали слово для вопросов жителям.

Тут же подхватилась Королёва и начала пламенную речь в своём традиционном репертуаре, требуя, чтобы с Арбата наконец прогнали всех художников и музыкантов.

Прокурор начал было и ей объяснять, что у него нет полномочий для этого, но Королёва начала спорить, как всегда, приводя свои доводы о том, что художники продают свои услуги, не платят налоги, и за них социальные расходы оплачивают честные предприниматели вроде неё. Эти споры заняли ещё минут тридцать. Не получив устраивающего её ответа, разъярённая Королёва демонстративно покинула зал и ещё долго шумела в коридоре, с кем-то споря. Видимо, у неё в последнее время стали сдавать нервы.

Тем временем встала пожилая женщина и спросила, когда наконец прокуратура займётся всерьёз незаконной застройкой чердаков в доме Жолтовского на Смоленской площади. Прокурор стал ёрзать. Опять начал долго рассказывать, что чердак приватизирован, находится в частной собственности, собственник не пускает туда представителей правоохранительных органов, и поэтому они ничего не могут сделать. Поэтому жителям надо обращаться в суд. Женщины зашумели.

– У нас пенсионеры, старики, они не могут ходить по судам. У нас нет денег, чтобы платить адвокатам, а у этих жуликов, которые строят мансарды, деньги есть. Они купят все суды. А у нас весь дом пошёл трещинами. У жителей верхних этажей обрушились потолки. Тем временем мансарды выставлены на продажу, по 9 миллионов за квартиру. То, что дом приведен в аварийное состояние, никого не волнует. Те, кто застроил чердак мансардами, озабочены только тем, чтобы поскорее их продать, а что будет потом с нашим домом, их не волнует. Как вообще умудрились приватизировать чердак, ведь это общедомовая собственность?

– Напишите письмо на моё имя, и я дам вам ответ, – заученно продолжал своё прокурор.

– Нам не нужен ваш ответ, нам нужно, чтобы вы прекратили это незаконное строительство! И вообще, жители с этим вопросом обращались к вам уже много раз, почему нет до сих пор решения этой проблемы? Работы на чердаке продолжаются, нам на голову сыплется мусор, а нас продолжают кормить объяснениями. Кто же нас защитит? – в сердцах выкрикнула женщина.

– Да что ему говорить, он там сидит в кабинете, только штаны протирает! – стали кричать с места другие жители.

Бабенко засуетился, поднялся с места и сказал:

– Товарищи, нам уже надо освобождать помещение, сейчас здесь будет другое мероприятие. Если вопросов больше нет, то

будем заканчивать встречу.

В общем, я так и не успела озвучить свой вопрос. Прокурор быстро собрал бумаги и, подхватив свою папочку, с видом оскорблённой добродетели удалился из зала, сопровождаемый недовольным ворчанием и косыми взглядами присутствующих на собрании жителей. Бабенко ещё какое-то время оставался в окружении женщин, которые долго не отпускали его, пытаясь что-то выяснить, но потом он всё-таки сумел от них вырваться и тоже ушёл. За ним ушли и все остальные.

А я осталась сидеть в зале, дожидаясь следующего мероприятия, назначенного на 17.45. Часы показывали 17.30, когда в зал явилась Португалова со своим оруженосцем Валей и стала на первых трёх рядах раскладывать бумажки о том, что места заняты под президиум. Мне пришлось встать и пересесть подальше. Я хотела всё-таки посмотреть на сербку, с которой должна была пройти встреча. Наконец, она явилась. Это оказалась высокая статная старуха, сильно нарумяненная, в ярко-сиреневом платье, обвешанная бижутерией, которая на чистейшем русском языке приветствовала прибывающих на встречу приглашённых «членов президиума», таких же старух, сопровождая это объятиями и лучезарными улыбками. Притащились и наши арбатские старухи, которые заняли задние ряды. В зале было довольно душно, и я ушла, не дожидаясь начала встречи. Уж не знаю, что такое должна была поведать нам эта сербка, но я почувствовала, что не смогу высидеть ещё одно подобное мероприятие в душном помещении.

Придя домой, я подумала, что надо было бы познакомиться с женщинами из дома Жолтовского, которые жаловались на приватизацию чердака и незаконное устройство там мансард. Всё-таки какой-то обмен информацией не помешал бы мне в подобной ситуации в нашем доме. Но понимание пришло с запозданием. Вот всегда у меня так бывает – хорошие мысли приходят слишком поздно. Но я вспомнила, что на завтра назначена встреча жителей Арбата с депутатом Государственной Думы Николаем Гончаром. К нему я тоже в своё время обращалась и по поводу фиктивного ТСЖ, и управляющей компании «Арбат-сервис», и по поводу ночных концертов «Евразии». Толку от этого, правда, было немного: он переслал мои письма в Жилинспекцию и в управу Арбат, а те прислали мне очередные отписки. Но я подумала, что женщины из дома Жолтовского тоже могут прийти на эту встречу, и я смогу завязать с ними какие-то контакты.

25 апреля 2015 года, суббота.

Немного опоздала на встречу с депутатом Госдумы Гончаром, которая началась в 12.00 в Досуговом центре на Смоленской набережной. Почти все места в небольшом помещении Центра были заняты. Женщин из дома Жолтовского я в зале не увидела, но когда я пришла, как раз какая-то молодая женщина задавала вопрос на аналогичную тему:

– В нашем доме по адресу Смоленская набережная, дом 2а создано ТСЖ «Геолог», которое приватизировало чердак и как раз над нашей квартирой начало сооружение мансарды, поднимают наверх огромные бетонные блоки, цемент. Я боюсь, что потолок, не рассчитанный на дополнительную нагрузку, в один прекрасный момент рухнет нам на голову. ТСЖ утверждает, что на собрании жильцов было принято решение об этом, но я не была на собрании, и ещё один жилец говорит, что в протоколе его подпись подделана.

– Этот жилец должен написать заявление на моё имя, и если он точно знает, что его подпись подделана, я дам этому заявлению ход, – ответил Гончар. – Я уже тридцать лет у вас депутат, провёл сотни встреч с жителями, вы должны знать, что без вашего заявления с подтверждающими материалами я не смогу вам помочь. А помочь я могу только одним путём – направив ваше письмо в соответствующую инстанцию.

– Так что же нам делать? – спросила женщина.

– То, что я вам сказал, – повторил Гончар. – Напишите заявление на моё имя и принесите его мне на мою очередную встречу с избирателями, которая состоится на следующей неделе в Хамовниках.

– А что я там должна написать? – продолжала спрашивать женщина.

– Что вашу подпись подделали.

– Так это мой сосед говорил, что его подпись подделали. А я не знаю, может быть, и мою подпись тоже подделали, я не видела протокола.

– Тогда пусть ваш сосед напишет на моё имя заявление.

Женщина рассыпалась в благодарностях и поспешила на выход, видимо, торопясь сообщить новость своему соседу. Я вышла вслед за ней.

– Вы должны затребовать у ТСЖ протокол собрания, а если откажут, то обратиться в суд, и если кворума не было, то опротестовать решение собрания. За освоение чердаков должно проголосовать две трети собственников, – объяснила я ей.

– Да кто у нас будет ходить по судам? – махнула она рукой.

Я не стала её задерживать и попросила её телефон, сказав, что в нашем доме такая же ситуация и хотелось бы обменяться

информацией по этому вопросу. Она не возражала. Я тоже оставила ей свой телефон и вернулась в зал.

Моё отсутствие, видимо, не осталось незамеченным, потому что Гончар решил более обстоятельно осветить эту тему. Поглядывая на меня, он начал объяснять, что в случаях начала каких-то работ на чердаках надо затребовать разрешительную проектно-сметную документацию, посмотреть, кем она утверждена. Скорее всего, документация есть, но надо проверить законность действий должностного лица, чья подпись стоит под этими документами.

– Вот, например, по адресу Фрунзенская набережная, дом 12 несколько лет, почти четыре года, велось разбирательство, но в итоге все чердачные строения сейчас разбирают. В префектуре создана комиссия по самострою. Таких адресов, где незаконно надстраивают чердаки, довольно много: это и Большая Молчановка, 16, и Новый Арбат, 14, рядом с Кремлём ведётся незаконное строительство на чердаках, захвачено неизвестными лицами 500 квадратных метров чердачной площади в центре Москвы…

– А как же это может быть, чтобы чердак стал чьей-то собственностью? – спросил какой-то мужчина.

– Очень просто: руководство ТСЖ может оформить на собрании чердак как общедомовую собственность, а потом взять кредит на реконструкцию под залог этой площади, деньги не вернуть, и заложенный чердак перейдёт в собственность кредитора, как и было с самого начала задумано. Потом чердак перепродадут несколько раз, и собственность станет законной. Вот так и появляется эта собственность, – объяснил Гончар.

После встречи с депутатом я отправилась домой, решив по пути зайти на почту у Смоленского метро, чтобы узнать почтовый индекс ставшего мне известным из материалов дела адреса Тарасовой, – мне пришла в голову мысль послать ей заказное письмо с просьбой предоставить для ознакомления протокол собрания собственников о создании ТСЖ, председателем которого она якобы была избрана.

Не успела я задать вопрос о почтовом индексе Старобитцевской улицы, где проживает Тарасова, как рядом со мной выросла внушительная фигура Евгения Петровича Бабенко, который тоже зачем-то зашёл на почту.

– Здравствуйте, – обрадовалась я. – А что же вас не было на встрече с Гончаром?

– Да у меня сегодня субботник, – сказал Бабенко. – А что там было?

– Всё то же: чердаки, мансарды. И в нашем доме тоже

начинается что-то подобное.

– Ну что же это такое – мансарды на чердаках растут как грибы, просто не знаю, что с ними делать. Надо к прокурору обращаться, – плачущим голосом сказал Бабенко.

– Да вы же сами видели, наш прокурор Басов вообще мышей не ловит.

– Надо писать генеральному прокурору Чайке, – сказал Бабенко.

– Для этого надо сначала пройти все инстанции, – заметила я. Тут сотрудница, ведущая поиск почтового индекса, меня отвлекла, и я не заметила, как Бабенко куда-то исчез. Видимо, он не стал ждать своей очереди и ушёл. А я отправилась домой, размышляя о том, что борьба с мансардами, видимо, не по зубам не то что муниципальным депутатам, но и депутатам Государственной Думы.

30 апреля 2015 года, четверг.

Всю неделю из окна спальни, выходящей во двор, я наблюдала, как на чёрном ходу какой-то киргиз приводил в порядок подъезд. Видимо, Ратушняк готовит комнатки, которые находятся на лестничных клетках, к сдаче в аренду. Парень-киргиз показался мне старательным, и я решила попросить его подремонтировать мою квартиру в свободное время.

Когда я надумала подойти к чёрному ходу, там, как назло, оказался Ратушняк. Он, видимо, тоже не ожидал, что я загляну на чёрный ход, и с перепугу стал причитать:

– Вот, до какого состояния управляющая компания, которую вы защищаете, довела дом!

Я сразу и не поняла, что это Ратушняк, потому что в подъезде было темно, и громко спросила, заглянув в темноту:

– Это кто это здесь?

– Валерий Васильевич Ратушняк!

Сообразив, что к чему, я тут же ретировалась, так и не договорившись с киргизом.

Через несколько дней я опять решилась подойти к чёрному ходу. Ратушняка там не оказалось. Киргиз старательно шпаклевал стены и выбоины на лестнице. Я спросила у него, как насчёт того, чтобы сделать небольшой косметический ремонт в квартире, он согласился и дал свой телефон, сказав, что освободится к концу месяца.

Тут откуда ни возьмись, как из-под земли, появился какой-то мужичок.

– А, это вы, – сказал он, назвав меня по имени и отчеству.

– Откуда вы меня знаете? – подозрительно спросила я.

– Знаю, – уклончиво сказал мужичок.

– А вы кто такой?

– Я Сергей из управляющей компании «Арбат-сервис», заместитель Ратушняка.

– Это вы муж Любы, которая убирает у нас подъезд? – спросила я, вспомнив, что мужа Любочки зовут тоже Сергеем и он вроде бы занимается сантехническими работами в «Арбат-сервисе».

– Нет, я не её муж, но мы с Любой земляки, только она из-под Одессы, а я из Винницы.

– А фамилия ваша как? – продолжала выяснять я.

– Ерёменко.

– Не родственник ли маршала Ерёменко? – с улыбкой уточнила я.

– Нет, однофамилец.

– Вы и дом в Староконюшенном тоже обслуживаете?

– Да.

– А что же жители жалуются на вас?

– Да это есть отдельные жильцы, которые всем недовольны.

– А вы знаете, какие счета им выставляет ваша компания «Арбат-сервис»? – поинтересовалась я.

– Я не знаю, я другими вопросами занимаюсь. А что вы хотели? – наконец, поинтересовался он причиной моего визита в подъезд. Видимо, он только что подошёл и не слышал моего разговора с киргизом. Я решила не посвящать заместителя Ратушняка в свои планы по приглашению киргиза и заявила:

– Я хочу посмотреть, в каком состоянии находится дверь в мою квартиру на чёрном ходу. Однажды был случай, когда эту дверь ночью взломали и проникли в квартиру с чёрного хода.

Это была чистая правда, было это лет двадцать назад, когда квартира была коммунальная. Какой-то мужик на Арбате напился пьяным, валялся где-то во дворе, с него стащили ботинки, и он, протрезвев, сильно замёрз и зашёл погреться на чёрный ход, который тогда не закрывался. Дёрнул нашу дверь на втором этаже, сорвал её с петель, вошёл в квартиру и улёгся спать в комнате, где лежала парализованная мать моей соседки Галли Ивановны Кричевской. Утром та зашла к матери, увидела мужика, храпящего в кресле рядом с постелью матери, перепугалась до смерти и стала звонить в милицию. Пришёл наряд, и бедного мужика прямо в носках конвоировали в участок. А дверь на чёрном ходу мы заставили большим тяжёлым шкафом и вообще сняли с неё ручку, чтобы больше никому неповадно было её дёргать.

Я прошла на второй этаж: шкаф уже убрали, дверь без ручки

была покрашена свежей коричневой краской. Убедившись, что она заперта, я спустилась вниз, поблагодарила Сергея и сказала ему, что дверь чёрного хода надо запирать, чтобы опять не случились подобные эксцессы.

Киргиз помалкивал и продолжал делать своё дело, так что Сергей, кажется, ни о чём не догадался. Но я всё же решила не связываться с «Арбат-сервисом» и не стала звонить киргизу по поводу ремонта в своей квартире.

7 мая 2015 года, четверг.

Позвонила Александре Андреевне Гусевой, чтобы поздравить её с наступающим праздником Победы.

– Вы помните, что я вас записала в «Бессмертный полк»? Так вот мне уже напечатали ваш портрет с той вашей маленькой фронтовой фотографии, которую вы мне дали, – напомнила я. – Хотите, я принесу вам этот портрет? Я его вставила в очень красивую рамочку.

– Ой, я теперь всё больше лежу, за мной ухаживает женщина, которая постоянно находится в квартире. Ирочка уже неделю как опять уехала к дочери в Голландию, её не будет полтора месяца. Но вы приходите, я буду очень рада вас повидать.

Через 10 минут я с цветами и подарками уже была у неё. Дверь открыла толстая узбечка с очень недовольным видом. Увидев меня, Александра Андреевна приподнялась и села на постели. Она долго рассматривала портрет и ощупывала его руками.

– Я только сейчас разглядела, какая вы красивая, – сказала я. – На маленькой фотографии не очень было видно, какая вы красавица. И как у вас красиво уложены волосы под шапкой! Вы просто как американская кинозвезда, хотя в шинели и в шапке!

– Да, у меня же были косы ниже пояса. И я действительно, без ложной скромности признаюсь вам, что я и вправду выделялась, на меня обращали внимание. Из-за этого и неприятности были, потому что мой непосредственный начальник всё время пытался меня склонить к тому, чтобы я с ним жила, а потом мстил за отказ, посылал в самые опасные места налаживать связь. На фронте многие жили со своими командирами. А некоторые специально беременели, чтобы их отправили в тыл. Но они потом теряли все военные льготы фронтовиков. Мне, слава Богу, удалось избежать всего этого.

Она ещё долго любовалась портретом, а потом спросила:

– А нельзя ли в такую же рамочку поместить и фотографию Григория Васильевича, которая стоит у меня на столе?

– У меня есть ещё одна такая рамочка, я могу сбегать домой и

принести, – с готовностью отозвалась я.

Тут же я помчалась домой и вскоре вернулась с новой рамкой. Толстая узбечка опять сердито взглянула на меня, открывая дверь, но потом немного подобрела, когда я вручила ей шоколадку к празднику.

Вставив портрет Григория Васильевича в рамочку, я поставила их портреты рядышком на столике перед кроватью, где лежала Александра Андреевна. Я ещё немного посидела с ней, прочитала статью о ветеранах – жителях Арбата из праздничного выпуска газеты «Арбатские вести» и немного пожалела о том, что не нашла времени написать хотя бы маленькую заметку в эту газету об Александре Андреевне. Как бы сейчас кстати оказалась эта заметка! Доживёт ли старушка до следующего Дня Победы?

Возвращаясь домой, столкнулась в подъезде со Степаном Нарбеевичем из медицинского центра.

– Ну что же, это вас надо благодарить, что наконец-то перестал развлекательный центр напротив нашего дома транслировать свою рекламу? – спросил он меня.

– А я думала, это ваша заслуга, – сказала я и только сейчас обратила внимание на то, что уже давно не слышу за окном надоедливую рекламу этого развлекательного центра. – Наверное, это нашими общими усилиями удалось избавиться от неё!

Но если развлекательный центр наконец угомонился, то этого никак нельзя было сказать о мотоциклетных байкерах, которые с наступлением весны опять по вечерам стали приезжать в кафе напротив и потом всю ночь по очереди разъезжаться со страшным воем своих моторов. Правда, я по ночам теперь сплю на другой стороне квартиры, выходящей во двор, где я установила шумозащитное окно, и меня уже это не так волнует, как прежде.

Кстати, тема байкеров перед майскими праздниками стала очень популярной в связи с именем Александра Залдостанова, бывшего стоматолога по кличке Хирург, лидера байкерской группы «Ночные волки» и друга Путина. Эта группа байкеров отправилась перед Днём Победы по местам боевой славы, намереваясь закончить поездку у здания рейхстага в Берлине. Шуму это наделало много, их не пустили в Польшу и в Германию, несмотря на наличие виз на въезд в Европу. Наш МИД сделал по этому поводу заявление. Портрет Александра Залдостанова, 50-летнего красавца с вьющимися волосами до плеч и татуированными руками, обошёл все газеты. А оппозиционная радиостанция «Эхо Москвы» посвятила байкерскому движению целую передачу, из которой я узнала, что в мире достаточно много разных байкерских групп с очень разной репутацией. В США, например, есть байкерский клуб «Ангелы ада», который

является международным движением мотоциклистов определённого толка. Они ездят на мотоциклах со страшной скоростью, носят кожаные куртки с цепями и черепами и считаются чуть ли не сатанистами. Уж не эти ли «Ангелы ада» облюбовали кафе на месте разрушенного храма Николы Явленного? Почему-то нечистая сила старается оттоптаться именно в таких местах. Вот и филиал музея эротики сюда притащили, и этот непонятный трон поставили с подбоченившимся не то Воландом, не то Гулливером, видимо, неспроста! Правда, сейчас их почти скрыла распустившаяся весной листва деревьев.

9 мая 2015 года, суббота.

С утра в Москве на Красной площади проходил военный парад, посвящённый 70-летию Победы, после которого Путин пешком прошёл от Мавзолея к Вечному огню и возложил цветы к памятнику Неизвестному Солдату. А ближе к вечеру, с 15.00 состоялось шествие с портретами участников войны, живых и уже ушедших из жизни, опять во главе с Путиным, который шёл в начале колонны с портретом своего отца.

Я тоже собиралась пойти с портретом отца на это шествие, но испугалась, услышав, что о своём желании принять участие в шествии «Бессмертного полка» заявили 55 тысяч человек. Но я напрасно боялась, что меня там затопчут: в шествии приняли участие не 55, а почти 400 тысяч человек. Вся Пушкинская площадь от Белорусского вокзала до Красной площади была заполнена народом. Но всё прошло великолепно, без всяких эксцессов.

14 мая 2015 года, четверг.

Позвонила Трайгель и попросила зайти в управу. Там сидела какая-то девушка, которая задавала советникам вопросы, как относятся жители к грядущему капитальному ремонту, а главное – к увеличению почти вдвое платы по ЖКХ с 1 июля. Спросила и об акции «Бессмертный полк». Я призналась, что не ходила, так как испугалась большой толпы, а сейчас жалею, что не пошла. Наверное, я подвела Трайгель, но лучше уж сказать правду, чем врать, что я там была.

Потом девушка спросила о капитальном ремонте. Я сказала, что дом старый, и нам невыгодно создавать свой спецсчёт, и на собрании жители остановились на том, чтобы перечислять деньги региональному оператору, в московский фонд капитального ремонта. Наверное, надо было бы поднять вопрос о том, что сроки капитального ремонта для нашего дома установлены очень

поздние, на 2018–2044 годы, тогда как даже для более новых домов капремонт начинается уже в этом году. Видимо, Людмила Алексеевна тоже хотела обратить на это внимание и сказала, что дом проблемный. Я поняла это совсем иначе, и меня понесло:

– Да, у нас есть проблемы. В доме появились новые собственники, скажем так, не очень прозрачные, они сколотили группу, которая, получив контрольный пакет голосов, без ведома остальных собственников создала какое-то подозрительное ТСЖ, перевела дом в свою управляющую компанию, которая теперь осваивает чердаки для сдачи в аренду. Чтобы привести их в порядок, нужны деньги, и они обложили нас поборами, – пожаловалась я.

– А что другие жители?

– А ничего. У многих рыльце в пушку: кто-то хостел держит, кто-то подпольное казино, и, чтобы не поднимать шум, они готовы подписать что угодно. Я никак не могу добиться, чтобы мне показали протокол собрания: может, у них и необходимого количества голосов нет, для того чтобы повышать плату за обслуживание? Наверное, придётся официально обращаться с письмом, чтобы мне предоставили протоколы.

– Можно написать жалобу в Жилищную инспекцию, – посоветовала девушка.

– Ну что вы, я уже туда писала, никто не хочет разбираться. Все отправляют в суд.

После встречи Трайгель завела меня в свой кабинетик, вручила несколько свежих газет и сообщила по секрету, что помощника главы управы и начальника их группы по работе с общественностью Юрия Николаевича Нечаева увольняют. Я уточнила, увольняют или сокращают должность? Она сказала, что должность остаётся. Сама она тоже вела себя довольно нервно. О том, что аппарат московских чиновников будет сокращаться на треть, я слышала уже давно. Видимо, решили начать с управ.

Выходя из управы, я увидела самого Юрия Николаевича, с грустным видом беседующего у входа с председателем Совета муниципальных депутатов Бабенко. Я ничего не стала спрашивать, но поздравила их с прошедшими праздниками. Они ответили, что и меня тоже поздравляют, и я ушла.

31 мая 2015 года, воскресенье.

Навестила Александру Андреевну и принесла ей букет сирени, привезенный из моей загородной поездки. Она в полном расстройстве от своей сиделки-узбечки. Та начала командовать, распоряжается всем, не считаясь с мнением хозяйки. Вдобавок целыми днями гуляет, хотя деньги получает как полноценная

сиделка. Да ещё и постоянно выпрашивает деньги то на больную тётю, то на больную племянницу.

– Она считает, что вы богатая, у кого же ей ещё просить деньги? – философски заметила я.

Как только пришла домой, мне позвонила Королёва:

– Мы сейчас формируем народные дружины. Вы не хотите войти в состав нашей дружины? – спросила она.

– А что там нужно делать? – поинтересовалась я.

– Нужно дежурить на Арбате и следить за порядком. Мы уже начали проводить такие дежурства. Вы, наверное, заметили, что на Арбате сразу стало больше порядка?

Я как-то не заметила этого: по-прежнему под окном ночью горланят свои песни пьяные посетители кафе и трещат мотоциклы. Но я не стала этого говорить, а попыталась осторожно отказаться от предложения:

– Я пьяных боюсь, и вообще, этим лучше заниматься мужчинам.

– Но я же не мужчина, – возразила Людмила Михайловна.

– Вы женщина боевая, а я трусиха, – вздохнула я.

Чтобы сгладить свой отказ, рассказала Людмиле Михайловне, что в пятничном номере «Вечерней Москвы» в небольшой заметке есть упоминание о ней, вполне уважительное. Она об этом не знала.

Королёва давно добивалась, чтобы ей разрешили устраивать рейды на Арбате и формировать дружины из жителей Арбата. Видимо, она слышала, что в прошлом году был принят закон о народных дружинниках, вроде тех, которые были до перестройки, при советской власти. Собственно, ещё до принятия этого закона на Кубани, да и в Москве создавались казачьи дружины, которые «строили» торговцев на рынках, где было засилье кавказцев. Правда, потом оказалось, что казаки не хуже кавказцев собирают дань с торгующих. А может, это был поклёп на народных защитников?

3 июня 2015 года, среда.

Сегодня в газете «Метро» опубликована заметка о том, что с Арбата пытаются убрать музыкантов: «Полиция задержала музыканта Сергея Садова. Он много лет играл на Арбате на необычном струнном инструменте, который придумал сам. Сергея обвинили в том, что он организовал “одновременное пребывание граждан в общественном месте 10 человек” и при этом играл на гитаре, создавая помехи движению пешеходов. Уличные музыканты, объединённые в организацию “Звёзды Арбата”, считают это способом борьбы с ними.

– Это не мы решили их убрать, а жители, – объяснил глава управы Арбата Евгений Бабенко. – На Арбате звук разносится как по трубе, поэтому музыкантов с колонками не должно быть. Мы вообще-то давно поднимаем вопрос, что музыканты и художники должны получить лицензию и платить налоги. Что касается задержания, то законодательно это неправильно. Я бы советовал Сергею обратиться в прокуратуру». К статье приложена фотография патлатого и бородатого Садова, играющего на гитаре с двумя держателями для струн.

Очень странная статья. И небрежно написана. Вообще-то, Евгений Бабенко – вовсе не глава управы, а глава Совета муниципальных депутатов. Недавно в другой московской газете я прочитала, что новым начальником арбатской полиции стал некий Сергей Щукин, который сменил Янчука. Может быть, новый начальник арбатской полиции и начал все эти эксперименты с дружинниками и с задержанием музыкантов за «одновременное пребывание граждан в 10 человек»? Интересно, кто придумал эту дурацкую формулировку?

Королёва, судя по всему, сейчас на коне. Раньше она почти на всех встречах поднимала вопрос о художниках и музыкантах на Арбате, которые не платят налоги, и каждый раз персонально о Садове. Не знаю, чем он ей так насолил. Она даже как-то цитировала его откровения в Интернете, которые показались ей сатанистскими. А о художниках она на одной встрече жителей с главой управы вообще сказала, что все они голосовали за Навального. Не знаю, откуда ей это известно, но в этом, собственно, нет ничего криминального. До сих пор её слушали вполуха, и всё оставалось по-прежнему, тем более что когда полиция попыталась однажды прижать художников, они устроили демонстрацию перед Минкультом, и Мединский разрешил им рисовать на Арбате. И вот теперь очередной наезд полицейских. Если на Арбате действительно назначили нового начальника полиции, то Королёва, по-видимому, у него в фаворе. Правда, не знаю, надолго ли? Если он будет задерживать людей по таким смехотворным обвинениям, его затаскают по судам. А может, полиция с помощью таких, как Королёва, просто хочет приструнить работающих на Арбате художников и музыкантов? А то, понимаешь, осмелели после распоряжения Мединского и, наверное, перестали платить то, что положено. Впрочем, недавно прошёл слух, будто Мединского отправляют в отставку, а на его место собираются назначить небезызвестного Сергея Капкова, которого не так давно освободили от должности московского министра культуры. Возможно, это всего лишь слухи. Но в наше время всё может быть, особенно если учесть, что у Капкова есть связи в федеральных структурах власти.

8 июня 2015 года, понедельник.

Вечером обнаружила в своём почтовом ящике письмо, адресованное председателю правления ТСЖ «Давыдов» Н. В. Тарасовой из Мосжилинспекции. В адресе не был указан номер квартиры, и почтальон, видимо, просто бросила письмо в верхний ящик моей квартиры № 1.

Письмо, конечно, было адресовано не мне, но поскольку оно было не личное, а официальное и касалось всего дома, а следовательно, и меня как его жителя, я сочла возможным его вскрыть и прочитать.

В письме за подписью первого заместителя начальника Мосжилинспекции С. Н. Хоняева (исполнитель Т. А. Харитонова) сообщалось о том, что в Мосжилинспекции рассмотрено уведомление товарищества собственников жилья «Давыдов» о выборе способа формирования фонда капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме по адресу: Арбат ул.,

д. 25/36. С припиской: «По представленным документам замечаний не имеется».

Я сразу насторожилась: что-то тут нечисто. Скорее всего, Тарасов направил в Жилинспекцию очередной фальсификат, теперь уже о том, что собрание собственников приняло решение о сборе средств на капремонт на спецсчёте ТСЖ.

Решила проверить – позвонила в информационный кабинет при управе для консультаций жителей по вопросам капитального ремонта. Как я и предполагала, наш пострел Тарасов действительно заявил от имени собрания собственников о том, что мы якобы создали спецсчёт для сбора средств на капремонт.

– Но собственники такого решения не принимали, – сказала я.

– У нас сообщение от председателя вашего ТСЖ Тарасовой.

– На самом деле никакой Тарасой нет, есть Виктор Тарасов, который создал фиктивное ТСЖ под её именем, потому что он не собственник. Есть у нас в доме такой немного жуликоватый паренёк. Боюсь, как бы они вместе с такой же управляющей компанией «Арбат-сервис» не разворовали деньги, предназначенные для капитального ремонта, – объяснила я.

– Да ну что вы, как они смогут эти деньги разворовать? – усомнилась моя собеседница и посоветовала написать в городскую Мосжилинспекцию на Проспекте мира, чтобы они проверили достоверность заявленной информации. Или обратиться в суд.

Опять меня посылают на эти заветные три буквы – в суд! Или в Мосжилинспекцию. Я уже обращалась в эту контору в прошлом году по поводу регистрации ТСЖ «Давыдов» и получила отписку о том, что ТСЖ «Давыдов» создано «согласно решению общего собрания собственников, проведенного путём совместного присутствия».

Тем не менее я решила опять обратиться туда с письмом с просьбой проверить, где и когда принималось решение о спецсчёте. В конце дописала грозное предупреждение о том, чтобы они дали мне ответ о принятом решении в установленный законом срок. С намёком на то, что если они опять подойдут к этому вопросу формально, я на этом не остановлюсь и буду жаловаться дальше. В конце концов, есть ещё Министерство жилищно-коммунального хозяйства по Москве, то же самое – по Российской Федерации, есть прокуратуры разных уровней. Я не хочу, чтобы мои деньги присваивали жулики!

Так я думала, но потом, поразмыслив, решила не связываться и не писать новые жалобы, от которых будет столько же проку, сколько и от предыдущих. Конечно, пока деньги будут собирать,

украсть их трудно, а сам капремонт для нашего дома запланирован на 2018–2044 годы. За это время многое может измениться. Зачем суетиться раньше времени? Хочет Тарасов возиться с отдельным спецсчётом нашего дома – пусть возится, пока не надоест. А по закону, если спецсчёт перестаёт обслуживаться, он автоматически переводится в общий региональный московский фонд капитального ремонта.

17 июня 2015 года, среда.

Вечером в 19.00 в Досуговом центре на Смоленской набережной состоялась очередная встреча с главой управы Арбат Максимом Дерюгиным с жителями района. Тема: работа управляющих компаний. Я решила пойти на эту встречу, потому что интересно было узнать, появился ли новый начальник в «Жилищнике». Как я поняла, на место ушедшего уже приняли нового. Вопросов было много, но все какие-то мелкие. Новый начальник явно «плавал», но обещал всё сделать, о чём просили жители. Опять поднимался вопрос о незаконных застройках чердаков. Часть незаконных мансард уже продано, их новые собственники никого туда не пускают. На встрече был глава муниципальных депутатов Евгений Петрович Бабенко, и он сказал, что уже дело дошло до генпрокурора Чайки, и скоро все эти незаконные мансарды ликвидируют, а тех, кто их построил, оштрафуют на очень большую сумму. Ну что ж, посмотрим, чем закончится эта история. Пока что мансарды на чердаках множатся, как грибы, застраивают чердаки всё в новых и новых домах. Они что же, не знают, что висят на волоске: завтра их лавочку прикроют, и они потеряют вложенные в строительство деньги, да ещё и штраф заплатят? Подозреваю, что всем этим расширяющимся строительством руководит одна и та же фирма, которая всё согласовала «наверху». Иначе чего эта история так долго тянется? Когда хотят, сносят незаконные постройки, вроде киосков, в течение нескольких часов. А тут уже несколько лет панькаются. Наверное, ждут, когда жителям надоест жаловаться.

18 июня 2015 года, четверг.

Решила проконсультироваться по единому справочному телефону Фонда капитального ремонта:

– Как быть, если в нашем доме существует какое-то непонятное ТСЖ, которое не проводило голосования собственников по сбору средств на капремонт на спецсчёте дома, но подало в Жилинспекцию информацию о создании такого спецсчёта?

– По закону за это должны проголосовать две трети

собственников в вашем доме. Вы можете запросить у председателя ТСЖ протокол и ознакомиться с ним, – любезно разъяснили мне на другом конце провода.

– В том-то и дело, что председателя ТСЖ никто не знает, это новый собственник, в доме не живёт, от его имени по доверенности орудует какой-то подозрительный молодой человек – не собственник. Протокола не даёт, телефон председателя ТСЖ тоже скрывает. Собираются строить мансарды на чердаке. Как будут контролировать расходование этих средств, когда начнётся капремонт, если даже протокол невозможно получить? Кто-нибудь проверяет достоверность этих протоколов? И как можно всё-таки с ним ознакомиться? Похоже на то, что это явный фальсификат.

– Оригиналы протоколов хранятся в Жилищной инспекции города Москвы. Их также можно запросить в Департаменте капитального ремонта по адресу улица Маросейка, дом 11/4, строение 3, – задумчиво ответил голос.

На этом наш разговор закончился. Немного поразмышляв, я всё-таки решила написать письмо в Мосжилинспекцию, чтобы они выслали мне материалы, на основании которых принято решение о сборе средств на капремонт нашего дома на спецсчёте ТСЖ «Давыдов». Объяснила это тем, что получить эти документы у председателя ТСЖ Тарасовой Н. В. не представляется возможным, так как её адрес и телефон неизвестны, а её доверенное лицо отказывается их сообщить и предоставить для ознакомления протокол собрания, на котором собственники якобы проголосовали за это решение. В действительности никакого голосования собственников по этому вопросу не было. В конце приписала, что эти материалы необходимы мне для оспаривания в суде этого решения, так как средства, которые будут собраны на этом счёте, без всякого сомнения, будут расходоваться бесконтрольно и не по назначению.

Разумеется, есть и другие основания, чтобы не создавать отдельный счёт на наш дом. Дом старый, дореволюционной постройки, а жителей мало. Поэтому быть в общем «котле» на общемосковском счёте для нас выгоднее, чем создавать свой счёт. Хотя запланирован ремонт на 2018–2044 год, собранных денег всё равно не хватит. Значит, опять начнутся поборы с жителей. Да ещё наверняка часть денег прикарманят Тарасов с Ратушняком. Не для того же проводятся все эти махинации с собраниями, чтобы облагодетельствовать жителей и сохранить их деньги от разворовывания в Московском фонде капремонта! В Московском фонде хоть какой-то контроль, а здесь кто будет их контролировать? Нет уж, раз я узнала об этой афёре, нельзя

оставить это без внимания. Иначе получится, что я соучастница.

Наверное, я поступила правильно, потому что вечером в газете прочитала о том, что ещё 9 июня Госдума приняла поправки к Жилищному кодексу, вводящие уголовную ответственность за фальсификацию протоколов собраний собственников жилья и их подписей. Прежде организаторам собраний подобные поступки сходили с рук. Теперь «жилищный» протокол получил статус официального документа, подлежащего хранению в Государственной жилищной инспекции. По-видимому, такие «мудрецы» завелись не только в нашем доме, раз даже Государственная Дума озаботилась этим вопросом.

Вообще, из газет я узнала о том, как много интересных решений принято в последнее время по жилищным вопросам. Например, «Единая Россия» поручила своим муниципальным депутатам разбираться в случаях жалоб на фальсификации протоколов собраний: при переводе жилых помещений в нежилые обещают открыть в нём «тихий офис», который будет закрываться в шесть вечера, а на самом деле открывают ресторан или магазин, который круглые сутки не дает покоя жителям. Со всеми прелестями такого соседства: ночной продажей спиртного, разгрузкой машин по ночам, кучами пищевых отходов во дворе, отчуждением придомовой территории и т. п. Муниципальным депутатам – членам «Единой России» предписано осуществлять взаимодействие с собственниками жилья, чтобы проверять достоверность сведений, изложенных в протоколах общих собраний. Кроме того, должны возобновить свою работу конфликтные комиссии, а сам порядок перевода помещений из жилого фонда в нежилой должен быть изменён.

Не знаю, чем вызвано внимание к этому вопросу. Даже в газете «Метро» появилась рубрика «Что нужно запретить в Москве», в которой регулярно публикуется подборка предложений читателей на тему шумных магазинов и ресторанов в Москве. Правда, недавно было помещено предложение одного читателя о том, чтобы запретить в Москве всё, кроме его самого, запретить такие звуки, как лаяние, мяукание и т. п. Напрасно он ёрничает. Когда в марте начинаются кошачьи концерты, мало не покажется. Правда, я давно таких концертов у себя под окном не слышала, говорят, в Москве истребили всех бездомных собак, и кошек заодно.

24 июня 2015 года, среда.

Позвонила Людмила Алексеевна Трайгель и сказала, что нужны моя фотография для сайта управы, где будет размещена информация обо всех советниках. Также фото советника поместят

в каждом подъезде дома для сведения жителей.

– Да все и так знают, что я советник, – стала отнекиваться я.

– Это будет в очень красивой рамочке, мы сами всё установим, – стала уговаривать меня Людмила Алексеевна.

Я сдалась, хотя не очень вся эта затея мне понравилась. Наверняка жильцы подумают, что это я сама развесила в подъездах свои фотографии. Ну а насчёт сайта – обо мне в Интернете и так можно всё узнать, всё есть, вплоть до адреса и номера мобильного телефона. Это и информация из «Горного журнала», где я член редколлегии, и из нескольких энциклопедий, и из справочника «Кто есть кто?» Вольного экономического общества, и из справочника о депутатах Государственной Думы первого созыва. Конечно, мне это очень не нравится, но закрыть эту информацию, которая уже попала в Интернет, невозможно. Это ещё не самая плохая информация. А о других, более известных личностях можно такое прочитать, что после этого остаётся только пойти и повеситься. И ничего не сделаешь – не вырубишь и топором. Хотя я слышала, что кое-кто из депутатов Государственной Думы озаботился тем, чтобы по требованию убирали недостоверную или нежелательную информацию. Это окрестили «Законом о забвении», но пока ещё не приняли, так как многие депутаты считают, что официальные лица не должны стирать нежелательную информацию о себе.

Людмила Алексеевна показала мне в своём компьютере уже оформленный сайт управы с помещёнными туда фотографиями советников главы управы.

25 июня 2015 года, четверг.

Сегодня 9 дней, как ушла в другой мир небезызвестная Джуна, которая жила в Николопесковском переулке на Арбате. По этому случаю в «Московском комсомольце» о ней большая статья на всю газетную полосу с фотографиями самой Джуны, её охранника Валеры, её изобретений и даже крыльца дома с собачкой Джуны Вики. Оказывается, Джуна владела двумя квартирами на третьем этаже, а все остальные помещения в доме арендовала, платила каждый месяц по полмиллиона рублей. В последнее время посетителей, нуждающихся в её лечении, было немного, и она сдавала третий этаж под казино, которое полиция недавно прикрыла. Какая-то не то ассирийская, не то армянская семья ссужала её деньгами и обещала оформить арендуемые помещения в собственность. Но похоже на то, что они переоформили собственность Джуны на себя без её согласия, а ей «помогли» перейти в мир иной. У дома постоянно топчутся её многочисленные наследники, приехавшие из Грузии, которых она

при жизни боялась как огня и которые, по её словам, убили её сына. Полгода надо ждать открытия наследства, тогда многое и выяснится. А пока все гадают, куда пропали две короны – Джуны и её погибшего сына – из чистого золота. Оказывается, Джуна была ассирийской царицей.

Она собиралась клонировать своего сына и уже подыскивала суррогатную мать. Чтобы заполучить биоматериал, ей пришлось вскрывать могилу сына. Она рассказывала, что он был как живой, и она пыталась его оживить, но это ей оказалось не под силу, и его опять закопали. Как это напоминает историю с Александром Пороховщиковым! Он тоже носился с идеей клонировать свою мать, потом решил с помощью суррогатной матери родить себе ребёнка, из-за этого поссорился со своей женой Ириной. Кончилось всё трагической гибелью их обоих. Я до сих пор не верю в самоубийство жены Александра Пороховщикова Ирины. Она была племянницей маршала Жукова, дочерью его родного брата. И девичья фамилия её была Жукова. Деревянный резной дом в Староконюшенном переулке, где повесилась Ирина, сейчас стоит заколоченный. Недавно его ограбили. Говорят, что он был обставлен мебелью самого Геринга, вывезенной из Германии.

Ректор института, где я сейчас состою в штате, бывший полковник ГРУ, по секрету рассказал мне, что когда он служил в Грузии, Джуна в то время жила там и была очень знаменита. Он с ней был знаком, и она даже пожаловала ему титул князя. Ассирийского князя, наверное. Раз она ассирийская царица.

Другой мой знакомый, бывший член ЦК КПСС, рассказал, что однажды на бывшую дачу Сталина, где они работали над программой КПСС, помощник Черненко Александров-Агентов привёз Джуну. Она произвела на всех впечатление базарной торговки, но когда кто-то усомнился в её чудодейственных способностях, Александров-Агентов сказал, что ему она помогла: вылечила от хронической закупорки кишечника, поводив руками вокруг живота. После этого его якобы сразу пронесло.

Конечно, это не доказательство того, что она вылечила и Брежнева, что, кстати, отрицала его дочь Галина, которая, как рассказывают, чуть не подралась с ней на какой-то тусовке, но какими-то способностями она, видимо, всё же обладала. Невозможно столько времени морочить голову стольким умным людям. Хотя в наше время реклама может всё. Пишут, что её способности проверяла какая-то специальная комиссия Академии наук и не обнаружила никакого поля ни в её приборах, ни в руках, которые Андрей Вознесенский воспел в своих стихах: «У Джуны волшебные руки…».

30 июня 2015 года, вторник.

Утром в метро мне вручили ежедневную бесплатную газету «Метро», на второй странице – большая статья почти на всю полосу «Уличные музыканты протестуют на Арбате». С подзаголовком «За свободу творчества. После задержаний столичные артисты начали митинговать».

Жители Арбата, как всегда, узнают обо всём самыми последними. Оказывается, столичные уличные музыканты уже два дня подряд выходят на Старый Арбат, но не играют – они заклеивают себе рты скотчем и связывают руки, чтобы привлечь внимание к тому, как в последнее время с ними обращается полиция.

«Количество задержанных – громадное! Для нас, по крайней мере. Я лично знаю восемь случаев», – приводятся слова организатора этого флешмоба, музыканта Олега Мокрякова.

«Пока Олег разговаривал, вокруг девушки с заклеенным ртом начали собираться люди и подошёл полицейский», – читаю дальше.

«– На каком основании вы задерживаете музыкантов? – громко спросил его Олег.

– Поступают жалобы от жителей, – ответил тот.

– Вы слышали? – обратился Олег к толпе. – А если я иду по улице и кому-то мешаю, на меня тоже могут пожаловаться? Музыкант может играть на улице! Это не запрещено!

Пока у музея Пушкина разворачивалась эта сцена, в других уголках Арбата музыканты продолжали играть.

– Меня задерживали пять раз. А недавно у нас отобрали инструменты, – рассказал “Метро” флейтист Дмитрий Ларичев, сделав перерыв в своём выступлении. – Выписали штраф за незаконное предпринимательство. Две с половиной тысячи. Сказали, пока не заплатим, инструменты не отдадут.

Кроме незаконного предпринимательства, музыкантов обвиняют в организации несанкционированных собраний (некоторых оштрафовали на 10 тысяч рублей), а также в попрошайничестве. Это происходит и на других улицах.

По какому принципу совершаются задержания, пока не ясно, но есть на Арбате место, которое артисты и художники обходят стороной, – пятачок перед магазином “Арбатская лавица”.

– Когда много художников приходит, у этого магазина видимый разрыв получается, – рассказала “Метро” Алёна Мак, которая рисует портреты на Арбате. – Приходят очень вежливые молодые люди, извиняются, говорят, что у них начальство ненормальное, просят передвинуться в другое место и даже сами помогают это сделать.

Владелицу магазина Людмилу Королёву на Арбате многие знают – от лица жителей она жалуется в органы власти на музыкантов и некоторых художников. За необычный цвет волос арбатская богема прозвала её Мальвиной, а местный баянист Михаил периодически играет у её магазина шутливую песенку. Оперативно связаться с предпринимательницей не удалось – в магазине сообщили, что она в отпуске.

Юрист Герман Вишневский рассказал, когда музыкантов задерживать можно.

– Если играют “на шляпу”, это не предпринимательство. Попрошайничеством это можно назвать только в случае навязчивого приставания. А за организацию массового одновременного пребывания граждан в общественном месте можно, только если они нарушают общественный порядок.

Мы спросили у прохожих на Арбате, нужны ли музыканты на этой улице. “Я считаю, что нужны. Они соответствуют духу Арбата. С самого детства люблю останавливаться у них, когда гуляю здесь”, – сказала 19-летняя студентка Мария. “Нормальные пусть остаются. Некоторых я бы запретил. Тех, которым надо денег дать, чтобы они играть перестали. Бывают такие, что слушать противно. Это должен какой-то компетентный человек решать”, – сказал 28-летний бизнесмен Василий. “Обязательно музыканты тут нужны. Ради этого люди сюда и идут. Но одни ребята приходят сюда вечером и бьют в барабаны. Эта монотонная музыка… Нервы не выдерживают”, – сказала художница Алёна».

Прочитав эту статью, я позвонила Королёвой – сообщить ей, что она стала общемосковской знаменитостью. Но телефон не отвечал. Видимо, она действительно уехала в отпуск.

На Арбате музыканты продолжали петь и играть, как ни в чём не бывало. Видимо, задержания и штрафы их никак не пугают. Ещё бы! Я помню, как ещё в начале 90-х мне кто-то рассказывал, что девочка, которая играет на дудочке у нашего дома, зарабатывает 700 рублей в час!

Но, видимо, новый начальник полиции взялся всерьёз за музыкантов и художников. О бывшем начальнике Игоре Владимировиче Янчуке, переведённом на другое место службы, в своём интервью в последнем номере газеты «Арбатские вести» с соболезнованием отозвался один из арбатских муниципальных депутатов Александр Лазарев, сказав, что это был один из лучших в истории начальников.

Что-то я не заметила этого. Впрочем, кукушка хвалит петуха. Лазарев – очевидно, выходец из правоохранительных органов. По фотографии в газете я сразу узнала его – он был на отчётном

совместном заседании муниципальных депутатов и работников управы Арбат в конце прошлого года, на которое пригласили некоторых общественных советников, в том числе меня и Людмилу Королёву. Она тогда ещё демонстративно и с шумом покинула заседание, заявив, что ей не нужны депутаты, она сама себе хозяйка в своём доме, и ей плевать на то, что они тут решают.

Я же тогда обратила внимание на с иголочки одетого высокого и статного красавца, который пришёл на заседание буквально на пять минут, провёл решение о приближении сроков капитального ремонта высотных домов на Новом Арбате и сразу после этого удалился. Это и был муниципальный депутат Александр Лазарев. Который муниципальным депутатом от правящей «Единой России» избирается уже третий срок.

Я тогда удивилась его предложению – везде писали о том, что к чемпионату мира по футболу высотные дома на Новом Арбате будут отселяться и перестраиваться под гостиницы. А оказывается, это был всего лишь кем-то запущенный пробный шар. На самом деле никто никого отселять не будет, ещё и капремонт проведут досрочно. В своём газетном интервью Лазарев тоже упоминал о капремонте высотных домов на Новом Арбате, сказал, что там не было ремонта 50 лет. А в нашем доме сто лет! А капитальный ремонт запланирован через двадцать лет. Вот бы и нашему дому тоже такого хорошего депутата-лоббиста!

2 июля 2015 года, четверг.

Зашла в управу за газетами и опять встретила там Людмилу Алексеевну Трайгель.

– У меня ещё есть газета, где написано об арбатских музыкантах, – сказала она и вынесла мне вчерашнюю «Вечернюю Москву».

Придя домой, я развернула газету и сразу увидела эту статью под названием «Власти хотят легализовать уличных музыкантов» с цветной фотографией длинноволосого Сергея Садова в шляпе со своей гитарой с двумя приспособлениями для струн, которая, оказывается, называется вовсе не гитарой, а «сидурой» – этот музыкальный инструмент, с которым он выступает на Арбате, изобрёл он сам.

В статье речь шла о том, что Департамент транспорта Москвы и Московский метрополитен начали обсуждать вопрос о предоставлении музыкантам специальных площадок для выступления на территории метрополитена. Вопрос о взимании платы с музыкантов за аренду места пока ещё не определён, так же, как и возможность взимания с них налогов в городской

бюджет за концертную деятельность.

А депутаты Мосгордумы также обсуждают возможность организации специальных площадок для уличных музыкантов на законодательном уровне. Но детально этот вопрос будет рассматриваться только осенью. Председатель комиссии Мосгордумы по законодательству Александр Семенников считает, что этот вопрос очень сложный, с организационной точки зрения: лицензирование деятельности музыкантов может быть установлено только федеральным законом. Потом нужно будет установить тех, кто будет выдавать документы, следить за выполнением лицензионных требований. В лондонском метро, например, с музыкантов не взимается плата, однако они проходят лицензирование и обязуются соблюдать определённые правила. Для получения лицензии в Лондоне необходимо пройти достаточно строгий отбор и прилично выглядеть. Также самые популярные места для выступления (на центральных станциях) требуется бронировать заранее – от двух до шести недель.

«Сейчас, если уличные музыканты кому-то мешают, находятся в нетрезвом состоянии, нецензурно выражаются, с ними начинают работать сотрудники полиции. Они же могут следить и за соблюдением введённых правил, если уличных исполнителей легализуют», – предлагает Александр Семенников.

Столичные стражи правопорядка, в свою очередь, говорят, что музыканты создают довольно серьёзные проблемы для жителей московских улиц.

– К примеру, улица Арбат – жилая, на неё выходят окна квартир обычных людей, у которых есть право на отдых, на тишину в вечернее время, – пояснил начальник ОМВД Арбат Сергей Щукин. – Музыканты нередко используют звукоусиливающую аппаратуру, что запрещается законом. Ежесуточно мы получаем многочисленные жалобы от жильцов. Кроме того, собравшаяся рядом с музыкантами толпа зрителей создаёт проблему для прохода граждан по улице. За это предусмотрена ответственность как за организацию несогласованного публичного мероприятия.

Планируется обсудить не только вопрос правильного размещения уличных музыкантов в городе, но и их репертуар.

– Это касается вещей, которые унижают человеческое достоинство, – пояснил Семенников. – Нельзя приставать к гражданам, находиться в нетрезвом состоянии, ругаться матом.

6 июня 2015 года, понедельник.

Сегодня бесплатная газета «Метро» продолжила обсуждение темы гонений на арбатских художников. На второй, самой

популярной странице газеты опубликованы заметка «Полиция конфисковала картины арбатских художиков» и фотография двух арбатских художников Петра и Татьяны, которые продают свои картины на Арбате больше двадцати лет.

«На Арбате прошёл рейд против уличных художников.

– Арестовали пять-шесть художников, конфисковали картины, наложили денежный штраф за несанкционированную торговлю, – рассказал “Метро” художник Пётр Немчинов. – Пообещали, что больше мы тут стоять не будем.

По словам председателя Общественной организации художников Татьяны Кирсановой, двое штраф заплатили.

– Более того, их заставили подписать бумаги о том, что они больше никогда не будут реализовывать свои работы на Арбате, – сказала она “Метро”.

По словам Кирсановой, всего конфисковано пятьдесят картин, они хранятся в гараже.

– У нас есть ответы мэрии, Департамента культуры, разрешающие документы имеются в наличии, но их даже смотреть не стали, а требовали разрешения, – добавила Татьяна. – Какого именно, ответа мы не получили».

9 июля 2015 года, четверг.

Была на рынке, купила черешни и позвонила Александре Андреевне:

– Хотите, я принесу вам черешню? – предложила я.

– Приходите, – Александра Андреевна. – Ирочка уехала к своей маме на дачу, я одна дома.

– А где Майя? – спросила я о сиделке.

– С Майей мы расстались, приходите, я расскажу, – вздохнула Александра Андреевна.

Я быстро собралась, помыла черешню и отправилась к Александре Андреевне.

– Ну что мне было делать с Майей? – прямо с порога стала жаловаться она. – У неё постоянно какие-то проблемы. Сначала она плакала и жаловалась, что у мамы диабет. Я дала ей денег сверх того, что договаривались. Потом заболела тётя. Я спрашиваю: «А дети есть у вашей тёти?» Оказывается, есть, но она выпросила денег и на тётю. Потом её девочка, которая осталась в Узбекистане с её мамой, сломала ручку. Майя так плакала, я ей опять помогла деньгами. Потом она стала говорить, что девочку надо привезти в Москву на лечение, и стала просить, чтобы она жила с ней. Я была в ужасе. Конечно, мне её жалко, но ведь за ребёнком нужен уход.

– Что же за помощница у вас, что не столько она вам, сколько

вы ей помогаете? – удивилась я.

– Вот-вот. Но это ещё не всё. Недавно она мне сказала, что хочет купить земельный участок в Подмосковье, там работает её муж. Она спросила, не могу ли я помочь им с деньгами. Я спросила: «А сколько нужно денег?» Она говорит: «Триста тысяч рублей». Я ей говорю: «Майя, ты думаешь, что я миллионерша?» Она обиделась, что я не помогла. В общем, у неё постоянно какие-то просьбы, причём она обманывает: сказала, что у её родственников, которые торгуют в палатке, тоже возникли проблемы, все палатки в Москве закрывают, и надо им помочь. Опять стала просить денег. Я позвонила своей знакомой и спросила, правда ли, что в Москве закрывают палатки? Та пошла, узнала – оказывается, ничего подобного, все торгуют, как и раньше. Тогда я ей сказала, что нам надо расстаться, я уже не выдерживаю.

– Но кто теперь за вами присматривает? – спросила я.

– Ко мне теперь приходит женщина, которую мне порекомендовала мой социальный работник. Сегодня она приходила, убралась и приготовила еду.

– Все сиделки одинаковые, – вздохнула я. – Думаете, новая сиделка будет лучше?

– Нет, эта новая женщина гораздо лучше, – возразила Александра Андреевна. – Она опытная сиделка, раньше она ухаживала за онкологической больной здесь на Арбате. Майя всё-таки не сиделка, ей нужна другая работа, где-нибудь в торговле, на людях. Она приехала-то в Москву потому, что ей сказали, что у мужа какая-то женщина здесь появилась. Она и от мужа всё время что-то требует. Постоянно звонит ему по телефону и устраивает ему сцены. Он очень терпеливый, но и он ей сказал: «Майя, я от тебя устал».

– Но она жила с вами, а новая сиделка приходит, да ещё не каждый день. Ирочка вами хоть немного интересуется?

– Вы знаете, недавно у меня закончились лекарства, и я решила попросить её, чтобы она купила в аптеке. Я просила одну упаковку, а она принесла мне целый пакет. Я ей говорю: зачем так много, я столько не проживу. А она мне вдруг говорит: «Ну что вы, живите долго!» У меня даже слёзы на глаза навернулись. Видимо, у неё что-то произошло, и она как-то поменяла ко мне отношение. Скоро она опять едет к дочери за границу, там не всё хорошо, муж претендует на квартиру, которую она купила дочери за свои деньги. Да ещё Ирочкина мама заболела – с ней случился инсульт, она лежала в больнице, простудилась там, сейчас на даче, и Ирочка поехала сейчас к ней на дачу во Владимирскую область. Так что ей не сладко, поэтому она и ко мне стала иначе

относиться.

Вернувшись домой, я стала звонить своей соседке Ирине Анатольевне Смирновой, которая когда-то представилась мне вдовой маршала Конева. Две недели назад я стала свидетелем того, как из этой квартиры выносили вещи в больших коробках. Я спросила ребят, которые тащили коробки, они мне ответили, что жильцы съехали. Я позвонила Смирновой, чтобы узнать что-нибудь о новых жильцах, а заодно поинтересоваться, зачем она подала на меня в суд в компании с Тарасовым, Карапетяном и Боровинских. От её имени заявление подписал её молодой муж Харитонов, который оставил в материалах дела её доверенность.

На мой звонок ответил мужской голос, кажется, тот самый Харитонов, сказал, что она будет через неделю. Через неделю я ещё раз позвонила, потом ещё, телефон молчал. Жива ли она?

14 июля 2015 года, вторник.

Сегодня наконец-то получила решение суда от 21 апреля по тяжбе с членами ТСЖ, подавшими на меня в суд. До этого безрезультатно обивала пороги в суде, пытаясь получить решение суда. В последний раз неделю назад возмутилась нарушением сроков и пообещала написать жалобу.

В канцелярии мне выдали решение на четырёх страницах убористого шрифта, я расписалась в получении и отправилась домой, где внимательно изучила полученную бумагу.

Из неё я узнала, что суд признал недействительным протокол общего собрания и договор управления с уже не существующей управляющей компанией ГУП ДЕЗ «Арбат», которые я якобы подписала. Всё правильно, я это и не отрицала.

Ещё одним пунктом записано, что Карапетяну в иске ко мне отказать, так как из представленных им в суд документов следует, что он не является собственником.

И последняя фраза – о том, что решение суда может быть обжаловано в течение месяца путём подачи апелляционной жалобы в Московский городской суд. Это спустя три месяца после принятия решения!

Пока я продолжаю исправно получать счета от ГБУ «Жилищник» и так же исправно их оплачивать. Возможно, теперь, после получения на руки этого решения суда, истцы отправятся в ГБУ «Жилищник» и потребуют прекратить высылать жителям дома счета на оплату. Ну что ж, тогда придётся мне платить по счетам жуликам из «Арбат-сервиса». Но пусть не надеются, что я буду им платить на обслуживание по их завышенным тарифам!

Ещё раз позвонила Смирновой. Думала, если опять не ответит, позвоню её бойфренду Харитонову, пусть объяснит, где

его подопечная старушка. Но на этот раз Смирнова мне ответила.

– Наконец-то, – обрадовалась я. – А я уже начала беспокоиться.

– А чего вам беспокоиться обо мне? – надменно спросила Смирнова.

– Вы продали свою квартиру? – спросила я.

– С чего вы это взяли? – опять через губу спросила Смирнова.

– Из вашей квартиры какие-то люди выносили вещи, и они мне сказали, что квартира продана. Я хотела узнать, кто новые хозяева.

– Ничего я не продавала, – ответила Смирнова и, намекая, что не желает продолжать разговор со мной, спросила: – Это всё, что вы хотели у меня спросить?

– Нет, не всё: скажите, зачем вы подали на меня в суд? Не стоит плевать в колодец – ещё пригодится напиться. Если с вами, не дай Бог, что-то случится…

– А что со мной может случиться? – выдержав паузу, спросила Смирнова. Кажется, она решила, что я её запугиваю.

– Да мало ли что может случиться с вами! Вот вы дали доверенность какому-то непонятному молодому человеку. Вашу квартиру могут ограбить. Я, собственно, потому и позвонила вам, что из вашей квартиры какие-то люди вещи выносили. Но в следующий раз десять раз подумаю, нужно ли вам звонить.

– Это всё?

– Ещё я хотела у вас уточнить информацию: в прошлый раз вы мне говорили, что имеете какое-то отношение к маршалу Коневу…

– Я не собираюсь отвечать вам на личные вопросы! – поспешно ответила Смирнова и бросила трубку.

21 июля 2015 года, вторник.

Вчера позвонили из управы Арбат и пригласили на собрание общественных советников по вопросу музыкантов и художников на Арбате.

Я немного опоздала и пришла на собрание в 17.10, но всё равно пришлось ждать организаторов. Пришёл некий Григорян Рудольф Андреевич, кажется, он замглавы управы по потребительскому рынку, объявил, что глава управы Дерюгин не сможет присутствовать. Рядом с Григоряном уселась какая-то девушка, видимо, начальник соответствующего отдела. Записывала всё секретарь – девушка, которая мне звонила и приглашала на собрание. Она попросила меня после этого собрания зайти и взять анкеты по капитальному ремонту для опроса жителей.

Григорян сразу объявил, что наше собрание записывается на видео и микрофон, и мы должны дать конкретные предложения по вопросу работы музыкантов и художников на Арбате. Присутствовало всего 10 человек, мне были знакомы только Королёва и круглолицая из бывшего цэковского дома в Староконюшенном, который в начале 90-х захватили многодетные семьи. Королёва и сидящие с ней тётки сразу подняли страшный гвалт, не давали Григоряну вставить даже слово. Наконец, он прорвался и сказал, что хочет выслушать всех, и предложения внесёт в протокол. Кому пойдёт дальше этот протокол, я так и не поняла.

Первая, как всегда, начала говорить Королёва. Видимо, она только что приехала с отдыха, загоревшая и посвежевшая. Она принесла с собой толстую пачку бумаг – собранное ею досье на главу муниципальных депутатов района Арбат Евгения Петровича Бабенко, депутата Мосгордумы и главу комиссии по культуре Герасимова, которые, как заявила Людмила Михайловна, действуют заодно с уличными художниками и музыкантами и полностью игнорируют требования жителей Арбата убрать их с Арбата. Разумеется, Королёва заявила, что она выражает мнение всех жителей Арбата, хотя то, что на это собрание пришло всего 10 человек из тридцати приглашённых, говорило само за себя.

Королёва зачитывала своё досье больше часа. Сначала озвучила все законы и постановления по этому вопросу, потом вспомнила всю подноготную Герасимова и Бабенко, который, как она выяснила, будучи студентом, тоже с женой рисовал картины и продавал на Арбате по доллару за штуку (это при том, что в то время запрещались валютные операции!). Потом пошло досье на 80 музыкантов и художников: Королёва озвучила всё, что она отрыла в Интернете, и, страшно вращая глазами, сказала, что уличные художники и музыканты готовят на Арбате Майдан по украинскому сценарию, и если их в течение недели не уберут с Арбата, она пойдёт прямо в ФСБ.

Когда она, наконец, закончила, я попросила слова и сказала, что у меня есть конкретное предложение, которое я прошу записать в протокол, – установить в квартирах, выходящих на Арбат, шумозащитные окна. Моё предложение потонуло в гвалте: все стали хором меня убеждать, что это не поможет. Я возразила, что недавно поставила тройной стеклопакет на одно окно, и он прекрасно защищает от шума. А есть ещё и на пять слоёв. И деньги на это есть в управе – те же шлагбаумные и парковочные сборы, предназначенные на благоустройство. Если их не хватит, попросить Кескинова, чтобы добавил из Фонда капремонта.

Какая-то тётка сказала, что она не против этого предложения,

но это всё должны оплачивать музыканты и художники, которые зарабатывают на Арбате огромные деньги. Тут я рассердилась и сказала, что пока ещё никто из этих музыкантов и художников не стал олигархом. И вообще, пытаться весь Арбат зачистить от артистов и художников бесполезно: Арбат есть Арбат, и мы можем ещё сто лет сотрясать воздух и бороться с ветряными мельницами, но ничего не добьёмся.

Конечно, мне очень хотелось бы сказать ещё о том, что я ничего не имею против художников и музыкантов, гораздо больше мне досаждают ночные кафе, байкеры и уборочная техника, которая начинает грохотать под окном с трёх часов утра, и вообще я не поддерживаю идею о том, чтобы уличные художники покупали патенты для работы на Арбате, как какие-то торговцы чебуреками. Но вовремя сообразила, что присутствующая публика меня не поймёт.

В 19 часов Григорян закрыл собрание, и я пошла вместе с девушкой-секретарём за анкетами. Стол Людмилы Алексеевны Трайгель был пустой. Я спросила, где она, ушла в отпуск?

– Она ушла на пенсию, – просто ответила девушка. Она дала мне бланки анкет по капремонту. Ничего особенного в них не было: знаю ли о капремонте, являюсь ли льготником, буду ли платить и т. д. Не знаю, кто будет изучать наши анкеты, если почти весь персонал управы пошёл под сокращение?

– Сколько человек нужно проанкетировать? – спросила я.

– В вашем доме 10 квартир, я думаю, достаточно трёх человек опросить. По моим данным, в вашем доме жильцы создали свой спецсчёт?

– А вот это большой вопрос. У нас никакого голосования по этому вопросу не было. Я написала по этому поводу письмо в Жилинспекцию и буду добиваться, чтобы деньги на капремонт собирали на счёте регионального оператора, потому что я не уверена, что то, что соберут на спецсчёте ТСЖ, будет использоваться по назначению. Уж слишком много жульничества с самого начала. Собралась компания каких-то подозрительных личностей, причём не собственников, и объявила, что создано ТСЖ, тут же сменила управляющую компанию, та сразу повысила плату за обслуживание, а теперь они хотят ещё и распоряжаться деньгами на капремонт.

– Как это – не собственники создали ТСЖ?

– Да вроде трясут какими-то доверенностями, но как их проверить? Протокол собрания не дают, найти председателя этого ТСЖ невозможно, в общем, какие-то шулеры обосновались в доме. Я отправила жалобу в Жилинспекцию, ответа пока нет, хотя уже прошло больше месяца, как я её отправила. Я вам

ответственно заявляю: если всё-таки останется этот спецсчёт, я не стану платить за капремонт. Зачем кормить жуликов?

22 июля 2015 года, среда.

Сегодня позвонила Ирочке из 6-й квартиры, чтобы взять у неё интервью для анкеты по капремонту.

– Вы же знаете, что у нас спецсчёт? – сразу с места в карьер заявила она.

– Вот как? А разве у нас на собрании было голосование по этому вопросу? – удивилась я.

– Мы собирались ещё раз позже и решили создать спецсчёт.

– А почему меня не пригласили на это собрание?

– Я вам много раз звонила, но ни разу не дозвонилась, я даже послала вам эсэмэску, чтобы вы пришли на собрание, – защебетала Ирочка.

– Удивительно, что вы не смогли мне дозвониться, и СМС-сообщение я от вас не получала. А зачем вы звонили мне? Вы ведь даже не член правления ТСЖ.

– Ну как же, по-соседски, вы же всегда жаловались, что вас не приглашают на собрания.

– На такие собрания надо приглашать не по телефону и не по эсэмэске, а по почте, да ещё с уведомлением. Иначе невозможно потом ничего доказать. Вот вы говорите, что звонили мне по мобильному, и даже не один раз, как же это могло быть, что в моём телефоне даже не зафиксированы ваши звонки? Это же серьёзный вопрос – кто будет распоряжаться нашими сбережениями. И вообще, зачем было проводить ещё одно собрание, когда этот вопрос с капремонтом мы уже рассматривали на том собрании, где я была, и никакого голосования по спецсчёту тогда не проводилось?

– Ну вот, вы меня как будто в чём-то подозреваете, – разобиделась Ирочка. – Знаете, я, пожалуй, не стану отвечать на вопросы вашей анкеты.

– Дело ваше, можете не отвечать, – сухо ответила я. – Мне и так всё ясно.

24 июля 2015 года, пятница.

Рылась в Интернете и набрела на бесплатную юридическую консультацию. Набрала свои координаты, и мне тут же перезвонили, спросили, в чём суть вопроса, сказали, что у них есть хороший специалист по жилищному праву, и пригласили в их Центр правовой помощи в 3-м Сыромятниковском переулке, сказали, что это рядом с Курским вокзалом. Как оказалось, это не совсем рядом, но я отыскала их довольно быстро. Приняли меня

два юриста: один – тот самый специалист по жилищным вопросам, другой, видимо, ещё только натаскивается. Юрист дал мне свою визитку, но я обратила внимание, что в ней указаны только имя и отчество, а фамилия не указана. Это уже немного меня насторожило.

Я вкратце рассказала ему суть своего вопроса по спецсчёту ТСЖ на капитальный ремонт, по которому не было голосования, и поэтому есть опасения, что деньги будут бесконтрольно расходоваться не на капитальный ремонт, да к тому же взносы могут быть выше, чем 15 рублей, как уже случилось с платёжками за коммунальные услуги. Жилинспекция на мою жалобу до сих пор не ответила и, судя по ответам на предыдущие жалобы, опять ничего проверять не будет.

– Конечно, вам надо идти в суд, всё остальное – совершенно бесполезная трата времени.

– Очень не хочется тратить время и деньги на судебные разбирательства, – сказала я. – Пока меня не бьёт по карману, я, честно говоря, не очень активно действую, но можно направить жалобу и в прокуратуру, если Жилинспекция не хочет разбираться.

– Прокуратура тоже вам не поможет. Вы потеряете время, а вы можете оспорить решение собрания в течение 6 месяцев. Что касается денег, то, если вы выиграете дело, все судебные издержки вы сможете взыскать с ответчиков. Я хорошо знаю этот вопрос, потому что сам был председателем ТСЖ и выигрывал все суды у нашей администрации.

– Да я знаю, какие юристы в наших управах – это слёзы, а не юристы. Не знаю, способны ли они вообще на что-то, – вздохнула я. Его признание меня не порадовало. Значит, он знает вопрос совершенно с другой стороны.

– Сейчас у нас бесплатная консультация, хотя моя консультация стоит 7 тысяч рублей. Если вы обратитесь в суд, то можете заключить с нашим центром договор, и мы от вашего имени будем вести это дело, вы вообще ничего делать не будете, – деловито сообщил юрист.

– И сколько будет стоить сопровождение? – поинтересовалась я.

– Я вам это скажу, когда будем заключать договор, – ушёл от ответа юрист. – Ну так что, будем заключать договор?

– Надо подумать, – уклончиво ответила я. – Вы же не хотите сказать самое главное – сколько стоит эта услуга.

– Мы делаем скидку. Если вы придёте, допустим, в следующий раз, скидки уже не будет, она действует только в день первичного обращения. Вы одна являетесь собственником или

ещё, кроме вас, кто-то живёт в квартире? – начал допытываться юрист.

Тут уж я совсем насторожилась. Какое это имеет значение – одна я или не одна?

– Мне надо посоветоваться с мужем, – уклончиво ответила я. – Деньги-то он будет платить.

– Так вы приходите сегодня с мужем, мы работаем до 21 часа. Или завтра, скидка ещё будет действовать. А вы вдвоём с мужем живёте, дети у вас есть?

– Ну да, конечно, – туманно ответила я. Интересно, зачем это ему надо?

– А они работают? – продолжал допытываться юрист, сверля меня глазами.

– Да нет, они ещё учатся, – соврала я и совсем разозлилась на себя. Ну зачем я пришла в эту подозрительную контору? Ясно, что здесь ловят доверчивых пенсионеров, падких на бесплатные консультации, а потом продают полученную информацию каким-нибудь бандитам. А может, это вообще рейдерская контора, которая только прикрывается юридическими услугами? Правильно говорят: бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Я любезно распрощалась со своими консультантами и поспешила домой, жалея о том, что назвала им свою фамилию. По ней они запросто найдут обо мне всю информацию в Интернете, вплоть до домашнего адреса и места работы. А при желании можно потом уточнить и семейное положение. И когда я наконец поумнею? До седых волос дожила, а ума не нажила!

29 июля 2015 года, понедельник.

Отнесла в управу анкеты по капитальному ремонту, отделалась тремя анкетируемыми, включая себя, Александру Андреевну и арендатора государственного медицинского центра для беременных рядом с моей квартирой Степана Нарбеевича Матевосяна. После Ирочки не хотелось ни с кем больше общаться. Ну не анкетировать же Тарасова, Карапетяна, Смирнову и Боровинских, которые недавно судились со мной? Правда, есть ещё какие-то новые собственники-армяне из 8-й квартиры, где раньше жила Игнатьева, но дозвониться к ним не удалось. Однако даже трёх анкет оказалось вполне достаточно.

Сразу появились вопросы по моим анкетам.

– В анкете предложены три варианта ответа отношения к фонду капитального ремонта – положительное, отрицательное и нейтральное. А в вашей анкете как-то непонятно написано, что вы и за, и против. Как это понимать? – спросила Аня.

– Что же тут непонятного? К региональному фонду я

отношусь положительно, и с удовольствием платила бы ему, но в нашем доме без голосования зарегистрирован спецсчёт ТСЖ, который собирается собирать наши деньги. Это самозванцы, никакого голосования собственников по этому вопросу не было, и я не собираюсь им платить. Пусть проведут, как положено, собрание собственников, соберут две трети голосов, вот тогда и будем разговаривать. Если нас не переведут к региональному оператору, я буду перечислять деньги в свой собственный счёт и рассчитываться только по факту выполненных работ. Потому что никакой уверенности нет, что спецсчёт ТСЖ будет использоваться по назначению, – они сами будут собирать деньги и сами себя контролировать.

В отделе по работе с общественностью остались всего две девочки-сотрудницы. Они дали мне моё фото в фирменной рамочке управы с указанием, что я назначена общественным советником главы управы, попросили разместить на доске объявлений в двух подъездах. Просили разрешения прийти и сфотографировать после того, как я вывешу их в подъездах. Видимо, это нужно им для отчёта. Старшую из них зовут Аней. Кажется, она и проводила консультации советников управы по капитальному ремонту ещё при Людмиле Алексеевне и Юрии Николаевиче, которые попали под сокращение.

Возвращаясь из управы по Арбату, обратила внимание, что уже несколько дней на Арбате не выступают музыканты. Возможно, потому, что на ВДНХ проходит какой-то фестиваль уличных музыкантов, и все направились выступать туда. Но художников и торговцев картин по-прежнему на Арбате много, никто их не гоняет. Видимо, шумиха, которую подняли журналисты, сыграла свою роль, и полицейские немного умерили свой пыл. Говорят, что все эти гонения начались после того, как один художник осмелился подать в суд и потребовать с арбатской полиции один миллион рублей компенсации за моральный и материальный ущерб. Не знаю, почему именно на него наехали: говорят, не платил установленную дань полиции.

Но, кажется, вопрос о патентах не снят с повестки дня, московские депутаты разрабатывают какой-то законопроект на эту тему. Интересно, если музыканты будут платить за патенты, они тогда на законном основании будут устраивать концерты под окнами жилых домов? А говорили, что заботятся о жителях…

Появилась информация о бывшем министре культуры Московского правительства Сергее Капкове. После медового месяца он вернулся в Москву и возглавил Центр исследования экономики культуры при экономическом факультете МГУ.

30 июля 2015 года, четверг.

Вчера целый день отдыхала за городом, а приехав сегодня, обнаружила, что моё фото с информацией из управы о том, что я назначена советником главы управы, исчезло с доски объявлений в обоих подъездах. Я тут же позвонила в отдел по работе с общественностью:

– Вы успели сделать фотографии? Я сегодня обнаружила, что на доске объявлений их уже нет. То ли из вредности кто-то убрал, а может, взяли на память. Если можно, сделайте мне чёрно-белую копию, я снова повешу её на доске объявлений.

– Кто же это мог сделать?

– У нас есть люди, которые зарегистрировали какое-то лже-ТСЖ, и им очень невыгодно, чтобы жителям кто-то что-то объяснял. Им приходят завышенные платёжки, а они ругают Собянина – думают, что это он им завышает плату за коммунальные услуги.

Прямо из управы зашла в наш многофункциональный центр в Староконюшенном переулке. В этом месяце я почему-то не получила платёжку от ГБУ «Жилищник» и решила узнать в МФЦ, чем вызвана задержка. Оказалось, не далее, как вчера в МФЦ пришло письмо, подписанное новым директором ГБУ «Жилищник» А. В. Юлиным с просьбой о снятии их с обслуживания нашего дома и передаче дома управляющей компании «Арбат-сервис». Основание – решение Пресненского районного суда о признании недействительным протокола собрания собственников и связанного с ним договора на обслуживание ГУП ДЕЗ «Арбат» в 2013 году. Внизу письма – фамилия составителя В. А. Тугушева и телефон. Я пришла домой и незамедлительно позвонила по этому телефону. Поднял трубку тот самый юрист Титов, который присутствовал в суде. Я спросила, кто такая Тугушева? Он сказал, что она начальник юридического отдела ГБУ «Жилищник», но её сейчас нет.

– Если вы не согласны, пишите жалобу, мы ответим, – флегматично заявил мне Титов.

– Я не собираюсь писать жалобу вам, теперь мне придётся жаловаться уже на вас. На каком основании вы снимаете наш дом с обслуживания?

– Потому что есть решение суда, – продолжать талдычить своё Титов.

– Посмотрите внимательно решение суда – там нет никаких предписаний ГБУ «Жилищник» передавать наш дом на обслуживание ООО «Арбат-сервис», – парировала я. – Речь идёт всего лишь о признании недействительными протокола собрания и договора с управляющей компанией ГУП ДЕЗ «Арбат». А вовсе

не о том, какая управляющая компания должна управлять домом.

– Но это следует из решения суда.

– Вы же присутствовали на суде и слышали, что именно тот факт, что жители не реализовали своё право на выбор управляющей компании и не пришли на собрание, и дало право назначить управляющую компанию без их согласия! Поэтому никаких договоров с жителями в этом случае не нужно составлять, и это была всего лишь безграмотная инициатива работников ГУП ДЕЗ «Арбат», которые зачем-то решили подстраховаться и сфальсифицировали мою подпись под договором, – стала уже раздражаться я.

Спорить с ним было бесполезно, и я тут же настрочила жалобу на имя главы управы Арбат Дерюгина с просьбой восстановить обслуживание дома ГБУ «Жилищник» и вообще инициировать уголовное расследование по факту мошеннических действий при создании непонятно когда и кем созданного ТСЖ «Давыдов», самозахвата дома управляющей компанией «Арбат-сервис», которые в тесном содружестве уже полтора года незаконно собирают деньги с жильцов, направляя их на несанкционированное переустройство чердачных помещений, присваивают средства от аренды нежилых помещений, а недавно ещё и создали спецсчёт на капитальный ремонт, средства которого, совершенно очевидно, будут расходоваться так же бесконтрольно и не по назначению.

С этим грозным письмом я направилась в управу. Уже на подступах увидела наряды полиции и толпу людей, осаждающих управу. Это оказались уличные художники и музыканты, которые протестовали против арестов и штрафов, развязанных против них полицией в последнее время. Акцию поддержала партия «Яблоко», председатель которой присутствовал тут же. Полиция пыталась вытеснить за ограду управы протестующих, которые намеревались устроить здесь бессрочную акцию. Никто из руководства управы к ним не вышел.

Я сдала письмо в канцелярию и ушла домой. Протестующие уже разошлись, но пообещали прийти снова.

17 августа 2015 года, понедельник.

Получила из Жилинспекции копию протокола собрания жителей нашего дома о создании спецсчёта ТСЖ на капремонт. Дата собрания не 7 апреля, когда я присутствовала, а 21 апреля, то есть уже после того собрания собрались в тесном кругу «свои люди» и порешили то, что не удалось провернуть 7 апреля. Я тогда стала задавать неудобные вопросы Тарасову, спрашивать, нет ли у него судимости, потому что должна знать, кому доверяю

свои деньги на капремонт, и Тарасов не стал ставить этот вопрос на голосование, промямлив что-то про фонд регионального оператора. А теперь, судя по протоколу, в доме создан спецсчёт ТСЖ. Мало того, собственники нежилых помещений якобы в добровольном порядке проявили инициативу и решили платить на капитальный ремонт не 15 рублей с квадратного метра, а 150. В обмен на разрешение собственников на установку вентиляционной вытяжки кафе под окнами жилых квартир.

Я порылась в своих записных книжках и нашла телефон нежилого помещения, которое раньше занимало злосчастное кафе «Евразия». Этот телефон был указан в объявлении на аренду, которое висело довольно долго на первом этаже дома.

Ответил какой-то молодой человек.

– Вы в курсе, что в нашем доме создан спецсчёт на капитальный ремонт? – спросила я, предварительно представившись.

– Да, – настороженно ответил голос. – А что?

– У меня сейчас протокол этого собрания, о котором меня, кстати, не уведомляли. В нём написано, что собственники нежилых помещений изъявили желание платить не 15, а 150 рублей за метр на капитальный ремонт. Вы в самом деле так решили?

– Ну да, в общем-то, – туманно ответил мне мой собеседник.

– А вы уверены, что ваши деньги пойдут по назначению? Как вы собираетесь контролировать расходование этих средств?

– Ну, как обычно.

– Так обычно у нас невозможно проконтролировать даже расходы на текущий ремонт.

– На собрании же управляющая компания давала какую-то раскладку.

– За пять минут до голосования? Вы хотя бы успели прочитать, что там было написано в конце мелким шрифтом?

– Что?

– Что плата за обслуживание повышается с 19,50 до 28 рублей за квадратный метр. И вы за всё это проголосовали, не глядя.

– Я уже не помню, у меня много объектов в управлении.

– Так вы тоже не собственник? А если завтра они установят плату тысячу рублей за квадратный метр, ваш собственник тоже будет платить? Ему что, деньги девать некуда? Что у вас за собственник такой? У меня есть знакомые, очень состоятельные люди, они, между прочим, считают свои деньги. Если бы у них был такой управляющий, они бы давно его уволили.

– Да, я, пожалуй, попрошу у Тарасова протокол этого

собрания, посмотрю, что там написано, – после некоторой паузы сказал собеседник.

– Да-да, обязательно попросите. Если он вам его даст. Я вот запрашивала протокол в Жилинспекции, когда пришлют, обязательно обращусь в суд.

18 августа 2015 года, вторник.

Сегодня в 19 часов состоялась встреча жителей Арбата с префектом Центрального округа Виктором Семёновичем Фуером. На встрече присутствовал и глава управы Арбат Максим Дерюгин, загоревший, только что вернувшийся из отпуска. Попал прямо с корабля на бал. Но, по-видимому, его заместитель уже проинформировал его о моём письме с требованием инициировать возбуждение уголовного дела о мошенничестве с ТСЖ и управляющей компанией «Арбат-сервис» в нашем доме, потому что он как-то испуганно посмотрел на меня. Зато глава муниципальных депутатов Евгений Бабенко чуть не в пояс поклонился, издалека увидев меня в вестибюле. Видимо, до него тоже дошла информация: когда я в прихожей управы ожидала секретаршу, чтобы отдать своё письмо, мимо проходила Баташова, поинтересовалась, кого я жду, и я ей показала своё письмо, а она рассказала о нём Бабенко.

Вскоре в зале появилась Королёва, в узких обтягивающих бёдра брючках и полосатой тельняшке. Встреча была посвящена благоустройству в районе Арбата. Половина выступавших была вообще не из нашего района, они жаловались на незаконно спиленные деревья, засилье парковок, многие выступления вообще были не по теме. Опять выступала женщина из дома Жолтовского на Смоленской площади, где неизвестные люди незаконно приватизировали чердак и построили там мансарды. «Это же рейдерский захват общедомовой собственности», – возмущалась жительница. Префект в очередной раз её выслушал и опять же в очередной раз объяснил, что идёт судебное разбирательство по этому вопросу. Что-то уж больно долго оно продолжается!

Королёва, как всегда, долго выступала перед микрофоном о музыкантах, зарабатывающих деньги на Арбате, а потом привела длинную цитату из газеты «Мир новостей», где какой-то музыкант откровенно объясняет, что все гонения на музыкантов на Арбате объясняются тем, что они не платят кому надо. Те, кто платит, спокойно работают, их никто не трогает. «Вот видите, они сами об этом открыто говорят», – потрясала газетой Людмила Михайловна. Префект внимательно её выслушал и попросил передать ему все бумаги для изучения. Хотя вряд ли такой

опытный аппаратный зубр, как Виктор Семёнович Фуер, не знает, что полиция собирает дань с торгующих на Арбате. Но надо же ему как-то реагировать!

Встреча закончилась в 21 час, я немного задержалась у столика секретариата, за которым сидела Аня из отдела управы по связям с общественностью. Уходя, заметила цепкий взгляд Королёвой, которая наблюдала за нашим разговором. Видимо, до неё тоже дошли какие-то слухи.

23 августа 2015 года, воскресенье.

В пятницу, позавчера, мне позвонила какая-то женщина и, невнятно представившись, пригласила меня на какую-то акцию у «Синего троллейбуса». В этом самом настоящем троллейбусе, который притащили на Арбат, какие-то предприимчивые ребята открыли кафе авторской песни, где выступали молодые начинающие исполнители. Мне это кафе особенно не мешало, хотя расположено было недалеко от нашего дома и транслировало на Арбат свою музыку. Это кафе работало до 23 часов и шуму создавало не больше, чем всё остальное на Арбате в дневное и вечернее время. Но на собраниях советников не раз поднимался вопрос об этом кафе, что его надо закрыть, так как такие заведения позорят Арбат. Глава муниципальных депутатов Евгений Бабенко, к которому обращались возмущённые жители, лично посетил это кафе и обнаружил, что там подают разбавленное пиво.

– Есть два решения суда о том, чтобы это кафе убрать с Арбата, а они как ни в чём не бывало продолжают работать, – пожаловалась мне моя собеседница. – Не можете ли вы поддержать нашу акцию, вы же там недалеко живёте?

– Да, это кафе почти напротив нашего дома, – подтвердила я, но не стала спорить и говорить о том, что оно мне не мешает. В это время я находилась за городом и, сославшись на это, сказала, что не смогу участвовать в мероприятии. Но, приехав сегодня домой, решила перезвонить неизвестной даме, номер телефона которой остался в моём мобильнике.

– Извините, вы мне в пятницу звонили по поводу акции у «Синего троллейбуса», как она у вас прошла?

– Да никак, никто не пришёл из жителей.

– Ну конечно, в выходной день, да ещё погода хорошая. А что это за акция, кто её организовал?

– Это наша управа, муниципалитет, – туманно начала объяснять женщина. – А встреча должна была состояться с журналистами.

– А эти журналисты «за» или «против» «Синего

троллейбуса»? – осведомилась я.

– Они не «за» и не «против», они хотят разобраться. Но никто из жителей не пришёл, поэтому ничего не состоялось.

– А вы из какого дома? Тоже на Арбате? – полюбопытствовала я.

– Я из 43-го дома, рядом с памятником Булату Окуджаве.

– А, это за квартал от Смоленского метро. Там, кажется, живёт Людмила Михайловна Королёва? – стала припоминать я.

– Людмила Михайловна Королёва в нашем доме только прописана, а живёт она в Староконюшенном переулке, дом 41, и ей очень мешает «Синий троллейбус» своей музыкой, – обижено сказала дама. Как-то странно: одна живёт в Староконюшенном, другая почти у Смоленского метро, и им почему-то мешает «Синий троллейбус»?

– А вы тоже советник главы нашей управы? – осторожно поинтересовалась я. – Я не расслышала ваше имя. Возможно, я вас видела на встречах в управе?

– Меня зовут Инна, – отрекомендовалась собеседница, почему-то не назвав свою фамилию.

– А, кажется, я вас припоминаю, – деликатно ответила я. – У вас такие пышные волосы? И вы приходили с Людмилой Михайловной на собрания?

– Да-да, именно у меня пышные волосы, – радостно подтвердила моя собеседница.

Теперь я её вспомнила. Фамилия её, кажется, Фельдман, и она всегда приходит на встречи вместе с Королёвой. На последнем собрании, когда я предлагала решить проблему с музыкантами путём установки шумозащитных окон, она возразила, что у неё стоят пятислойные стеклопакеты и они не спасают от шума. Я тогда ещё удивилась, потому что недавно поставила себе тройные стеклопакеты, и они очень хорошо защищают. Вся эта кампания против музыкантов показалась мне какой-то подозрительной. Но я вежливо поблагодарила даму и сказала, чтобы она и в следующий раз приглашала меня на мероприятия.

25 августа 2015 года, вторник.

С 15-го до 17-го был приём по личным вопросам у нового директора ГБУ «Жилищник района Арбат» Юлина Александра Владимировича, к которому я записалась на прошлой неделе. Руководство ГБУ «Жилищник района Арбат» размещалось на третьем этаже в здании управы, но Юлин принял меня на первом этаже, где раньше сидели общественные юристы управы, бесплатно консультировавшие жителей по юридическим

вопросам.

Юлин оказался ещё довольно молодым человеком.

– Меня зовут Александр, называйте меня просто Александр, без отчества, мельком взглянув на меня, – сказал он.

Неужели я так старо выгляжу? Хотя по годам он действительно годится мне в сыновья.

Я показала ему письмо на имя главы управы Дерюгина, которое спущено ему для подготовки ответа, и предупредила, что если получу отписку, то вынуждена буду жаловаться уже в префектуру на то, что «Жилищник» необоснованно передаёт наш дом другой управляющей компании – какому-то сомнительному ООО «Арбат-сервис».

– Ну что вы, мы ни в коем случае не отказываемся от вашего дома, но это должны решать сами собственники. По инициативе любого из них может быть созвано собрание и изменена форма управления домом. Вы собственник, соберите собрание собственников. Если они проголосуют за это, мы с удовольствием возьмём ваш дом на обслуживание.

– Почему я должна тратить время и силы, если и так заведомо ясно, что дом незаконно обслуживается «Арбат-сервисом»? Кстати, у этой компании есть лицензия?

– Да, есть, они получили лицензию, – подтвердил Юлин.

– Интересно, кто выдаёт лицензии таким компаниям? – заметила я. – Это же самые настоящие жулики. Я не так давно, правда, не без труда, попала на собрание, где она якобы отчитывалась. Там не было ни одного собственника, какие-то подставные лица трясут доверенностями, возможно, липовыми, но проверить ничего невозможно. Карапетян так даже в суд умудрился притащить чужое свидетельство о собственности. И оно прошло бы, если бы я в материалах дела не увидела другие инициалы и не обратила на это внимание суда. Одним словом, напёрсточники. Я не смогу справиться с ними на собрании.

– В вашем доме, кажется, есть собственность города? Так вам может помочь провести собрание ГУИС как представитель городской собственности. У них хороший юрист Анна Павловна, она умеет проводить такие собрания, всё разложит по полочкам и расскажет жителям. Правда, она сейчас в отпуске, но в конце сентября должна выйти, – предложил Юлин.

– ГУИС уже проводил собрание жильцов в нашем доме, никто на это собрание, кроме меня, не пришёл. Как раз из-за этого собрания меня и таскали в суд, хотя я никаких протоколов не подписывала, – напомнила я. – И вообще, я против того, чтобы новым собранием покрывать старые грехи. Вы мне объясните, на каком основании вы сейчас сняли наш дом с обслуживания?

– На основании решения суда, – глядя на меня честными глазами, сказал Юлин.

– Да какое отношение это решение имеет к «Жилищнику»? Где тут написано, что вам надо снять с обслуживания наш дом?

– Потому что «Жилищник» – правопреемник ДЕЗа, а в решении суда написано, что признать недействительным договор с ДЕЗом, заключённый на основании решения собрания, подписанного вами.

– Я ничего не подписывала, поэтому эти документы и признали недействительными. Это ещё надо разобраться, откуда они взялись? И при чём тут «Арбат-сервис»? Он вообще пришёл в дом через полгода после этого. Дом захватили какие-то дельцы, и никто не хочет проверять легитимность собраний по созданию ТСЖ и переводу в «Арбат-сервис», – возмущалась я.

– Так вы обращайтесь в суд, – посоветовал Юлин.

– Я думаю, что это дело не для суда, а для прокуратуры, – грозно ответила я и, попрощавшись, направилась на другое мероприятие, которое должно было состояться здесь же, в управе. На 16.30 была назначена встреча главы управы Максима Дерюгина со своими советниками по вопросу подготовки ко Дню города.

На встречу пришло всего 15 человек из списочных 116 советников, в том числе та самая Инна, которая мне звонила по поводу «Синего троллейбуса». На этот раз она пришла без Королёвой, с которой обычно приходила на все заседания. В холле управы на столе лежали свежие номера газеты «Москва-Центр». Я раскрыла газету и увидела там отчёт о последней встрече с префектом Фуером, которая состоялась неделю назад. Рядом с фотографией Фуера красовалось фото Людмилы Михайловны Королёвой, снятое крупным планом.

Я уселась на своём обычном месте, рядом со мной по левую руку опять села круглолицая из бывшего дома для членов политбюро на углу Староконюшенного переулка и улицы Сивцев Вражек, который в начале 90-х захватили многодетные семьи. Я воспользовалась случаем и поинтересовалась у неё, много ли многодетных осталось в доме.

– Да почти все продали свои квартиры, и на них купили несколько квартир в других районах, – беспечно ответила круглолицая. Я хотела спросить у неё, не является ли она тоже многодетной матерью, но постеснялась задавать такие немного бестактные вопросы.

Перед началом встречи опять начались прения по поводу музыкантов и художников на Арбате. Советник Белова из дома на Поварской заметила, что «Синий троллейбус» – это легенда

Арбата, и его не надо убирать, потому что там выступают начинающие барды. Но женщины с Арбата стали кричать, что музыка мешает их детям спать днём.

– А художники чем мешают? – вмешалась другая жительница Арбата. – Художники создают праздничное настроение на Арбате, они – лицо Арбата. И вообще, художники присутствуют во всех крупных городах мира, в Париже например. Кому-то нравится, кому-то не нравится их творчество, но если их картины покупают, значит, на них есть спрос.

Её противницы закричали:

– Мы не Париж и не хотим быть Парижем, мы Москва, и на Арбате не место каким-то маргиналам.

Круглолицая кричала громче всех.

– Все великие художники были маргиналами, – тихонько сказала я ей. – И вообще, я слышала, что Арбат опять хотят сделать проезжей улицей и пустить по нему троллейбусы.

– Нет-нет, это уже не говорят, – замахала руками круглолицая.

По правую руку от меня сидела Валентина Алексеевна Вязенкина, советник от дома в Калошином переулке. У неё были какие-то трения с созданным в доме ТСЖ. Она показала мне заявление на имя Дерюгина, в котором просила освободить её от обязанностей советника главы управы, так как она не видит смысла в этом из-за бездействия чиновников.

– Это, в общем-то, демонстрация, – заметила я, прочитав её заявление. – А что у вас там происходит с этим ТСЖ в вашем доме?

– Председатель ТСЖ собирается взять кредит в банке. Жители ничего не знают об этом. Я категорически против, но ничего не могу сделать. Видимо, буду продавать свою квартиру и уеду из этого дома.

Тем временем сообщили, что Дерюгин не сможет прийти на встречу, и вместо него принялась отдуваться его новая заместительница Лолита Каримовна Курцева, которую назначили вместо уволенного Юрия Николаевича. Она взяла бразды собрания в свои руки и стала щебетать о том, что советники – это их глаза и уши, что наша миссия – доносить проблемы дома до управы, быть связующим звеном и т. д. и т. п. Потом она поинтересовалась, нет ли у нас каких-то пожеланий по работе советников с управой.

Встала одна пожилая дама по имени Роза Яковлевна и стала просить, чтобы на встречах устанавливали регламент.

– Вот, например, Людмила Михайловна Соколова…

– Наверное, Королёва, – поправили её.

– Ах, да, простите, Королёва. Она любит выступать, и хорошо выступает, но слишком много говорит, и другим времени уже не остаётся.

Потом Роза Яковлевна стала жаловаться, что её уже год таскают по судам за то, что она в своё время добилась приёма у Лужкова и он разрешил получать деньги от размещённой на их доме рекламы, чтобы использовать эти деньги на текущий ремонт дома, и вот теперь какие-то новые собственники судятся с ней за эти деньги.

– Не надо злоупотреблять, и тогда не будут таскать по судам, – шёпотом просветила меня круглолицая. – Этот собственник подал на неё в суд потому, что в доме начали собирать с жителей деньги на шлагбаум. Вот тогда и возник вопрос: почему жители должны платить за шлагбаум, куда делись деньги от рекламы?

В конце заседания Курцева представила двух молодых девиц-психологов, которых взяли на работу в управу специально для того, чтобы консультировать советников по трудным вопросам общения. Похоже на то, что после сокращения аппарат управы снова начал быстро разрастаться.

Девицы рассказали, что к ним можно будет обращаться, если возникают какие-то психологические проблемы с жильцами.

– Ну вот, например, вы можете научить, как надо разговаривать с теми, кто ни в какую не хочет платить больше? – спросила одна из присутствующих.

– Вы приходите, расскажите о своей ситуации, и мы вам подскажем, какими приёмами пользоваться, чтобы убедить таких людей платить больше.

– Это как, с помощью гипноза? Вот у нас в доме такая ситуация: жильцы ни в какую не хотят платить меньше, а хотят платить в три раза больше. Как будто их кто-то загипнотизировал. Можно ли их как-то разгипнотизировать? – с серьёзным видом поинтересовалась я. Девицы посмеялись и пригласили и меня тоже на приём.

Помитинговав около часа, все мирно разошлись.

Подходя к дому, увидела на углу Староконюшенного переулка и Старого Арбата Людмилу Михайловну Королёву, которая стояла посреди Арбата возле своего магазина «Арбатская лавица» и, расставив ноги, недовольно оглядывала проходящих мимо людей. Я поздоровалась с ней. Она как-то косо посмотрела на меня, но ответила на моё приветствие. Я хотела спросить у неё, видела ли она своё фото в газете, но передумала и молча прошла мимо.

31 августа 2015 года, понедельник.

Зашла в 7-ю квартиру-хостел, чтобы узнать телефоны собственников – актёра Боровинских и Глазыриной. Дверь была приоткрыта, я свободно вошла. В прихожей стояло около десятка два пар обуви, за стойкой стоял какой-то молодой человек. Я решительно подошла и попросила телефон Боровинских. Тот замешкался. Из соседней комнаты вышла толстушка небольшого роста, оказалось, Елена Глазырина. Я представилась и сказала, что собираюсь провести вместе с ГУИС собрание по вопросу выбора управляющей компании, так как «Арбат-сервис» необоснованно завышает тарифы на обслуживание.

– А у нас есть претензии к ГУИС, к тому, как они обслуживали дом, – заявила Елена, перепутав ГУИС с управляющей компанией.

– ГУИС – это представитель города. В нашем доме 20 процентов площадей принадлежит городу, а их ни разу не приглашали на собрания собственников – это нарушение, – объяснила я и добавила: – Вот ваш муж Боровинских вместе с Тарасовым, Харитоновым и Карапетяном подал на меня в суд за подложный протокол, который я, кстати, не подписывала, а сами проводили собрания с какими-то подставными лицами. Карапетян даже в суд умудрился представить чужое свидетельство о собственности.

– Откуда вы взяли, что Боровинских – мой муж? – польщённо засмеялась Глазырина. – Что же вы думаете, что если он живёт здесь, то он мой муж?

– А какая у него доля? – спросила я, хотя из материалов дела, где было подшито его свидетельство, прекрасно знала, что у него в собственности половина квартиры.

У Глазыриной почему-то забегали глаза.

– У нас три собственника: я, моя дочь и Боровинских, – у всех по одной трети, – честно глядя мне в глаза, соврала она. Не знаю, зачем она мне солгала. Возможно, она продала Боровинских полквартиры не совсем законно: ведь покойный Виктор Батенков, который был её мужем, завещал свою долю несовершеннолетней дочери, так как с ней был в разводе. Но я не стала уличать её в обмане, а стала объяснять, почему нужно провести собрание.

– Очень много вопросов, возможно, прошлые собрания по созданию ТСЖ и выбору управляющей компании не были легитимными. К тому же Виктор Тарасов не собственник и по закону не может быть председателем ТСЖ. Председатель ТСЖ – Тарасова, но она не имеет права передавать свои полномочия другим людям. Я её никогда не видела. А вы встречались с ней когда-нибудь? Она приходила на собрания?

– Нет, я её тоже никогда не видела на собраниях, все собрания проводил Тарасов. Я согласна, что его надо переизбрать. А вместо него надо выбрать председателем ТСЖ Покровскую.

– А она собственник? – усомнилась я.

– Она племянница Гусевой.

– Никакая она не племянница. Она внучка мужа Гусевой от первого брака, с Гусевой у неё договор ренты по уходу за ней с проживанием. Не знаю, даёт ли это право собственности?

– Вот как? – удивилась Глазырина. Стараясь быть как можно приветливее, она с готовностью продиктовала мне свой телефон и телефон Боровинских и спросила, когда будет собрание, потому что она живёт за городом с мамой, а здесь бывает только раз в месяц.

– Я ещё не решила окончательно, надо посоветоваться с юристом ГУИС Аллой Павловной, она выходит из отпуска в понедельник. И вообще я ещё не решила: может быть, лучше обратиться в прокуратуру, а не проводить собрание, – сказала я, уходя.

– Прокурору тоже надо жить, – бросила мне вслед Глазырина. От её фальшивой доброжелательности не осталось и следа.

– Ничего, на каждого прокурора найдётся вышестоящий прокурор, – с достоинством ответила я, чтобы оставить всё-таки за собой последнее слово.

Почему она считает, что всех можно купить? Гусева мне рассказывала, что подпольное казино в их квартире закрывали городские полицейские, а местные арбатские целый год никак не реагировали на сообщения Покровской. Но теперь Глазырина с Покровской, кажется, нашли общий язык и даже подружились: не случайно же она предлагает её в председатели ТСЖ.

Впрочем, Глазырина во многом права: недавно Адвокатский союз опубликовал результаты опроса о коррупции в России. На первом месте оказались суды, на втором – полиция, а на третьем – прокуратура.

5 сентября 2015 года, суббота.

Сегодня День города – 868 лет Москве. Накануне Лолита Каримовна пригласила меня в Екатерининский парк, где должны награждать лучших советников, и несколько раз напоминала об этом. С утра лил проливной дождь, но я всё-таки отправилась на это мероприятие и не пожалела: заместитель префекта ЦАО Кирилл Воронцов лично вручил мне почётную грамоту, букет алых роз и шерстяной плед в подарок.

Из советников нашего района наградили ещё Абрикосова из Трубниковского переулка. Мы с ним разговаривали, и он сказал, что раньше жил в 51-м доме на Арбате, в коммуналке, после расселения дали квартиру в центре, так как его отец занимал высокий пост. Какой, он не стал уточнять. Рассказал, почему уволили Юрия Николаевича Нечаева: оказывается, он не задекларировал один из своих счетов, и хотя на нём было всего 500 рублей, этого оказалось достаточно, чтобы выразить ему недоверие за утаивание важной информации.

Потом был неплохой концерт. Всех советников угощали

бесплатным чаем и кофе с очень вкусной выпечкой. Дождь перестал, и я с удовольствием погуляла в парке, созданном по повелению императрицы Екатерины Второй её фаворитом Салтыковым. Когда-то я читала её мемуары, в которых она жаловалась на то, что враждебные ей придворные распускают слухи, будто её дочь Анна – от Салтыкова, а сын Павел – от Понятовского, которого она потом назначила польским королём. Возможно, дыма без огня не бывает, но парк замечательный – в центре находится большой пруд, рядом – пруд поменьше, везде стоят красивые ротонды, скульптуры. Парк сейчас прекрасно ухожен, гулять в нём – одно удовольствие. Вышла я с другой стороны, к спортивному комплексу «Олимпийский», а заходила со стороны театра имени Советской Армии и студии Грекова.

7 сентября 2015 года, понедельник.

Решила наведаться с визитом в управляющую компанию «Арбат». Когда-то это была большая госкомпания, которая обслуживала практически все дома района Арбат. Потом она стала частным ООО – обществом с ограниченной ответственностью. Обслуживала довольно успешно. Но 2 года назад грянул гром – оказалось, что она собранные на текущий ремонт деньги использовала не по назначению: строила мансарды на чердаках, у неё накопились миллионные долги. Её раздербанили, как ЮКОС, с позором изгнали из помещения в Вахтанговском переулке, отняли дома, которые она обслуживала, и временно передали их подчинённому управе ДЕЗу – Дирекции единого заказчика, которую сделали управляющей госкомпанией. ГУП ДЕЗ «Арбат» просуществовал год и был преобразован в новое, специально созданное государственное бюджетное учреждение ГБУ «Жилищник района Арбат» госкомпании по обслуживанию домов в районе Арбат.

Но управляющая компания «Арбат» не исчезла. С большими потерями, с трудом сохранив за собой всего 17 домов, она перебралась в Малый Каковинский переулок, в подвальное помещение, где меня встретил директор Игорь Иванович Митрофанов, очень любезный дяденька лет так под 60–70. Любезность, возможно, объяснялась тем, что я сказала секретарю, что пришла по вопросу перехода нашего дома в управляющую компанию «Арбат».

– Когда-то вы обслуживали наш дом, и у меня остались об этом самые хорошие воспоминания, – начала я с похвал. – В нашем доме сейчас ситуация, когда можно было бы восстановить обслуживание вашей компании. И вообще, хотелось бы посоветоваться со знающим человеком.

– Что-то все почему-то ходят ко мне советоваться, – улыбнулся Митрофанов. – А что за ситуация в вашем доме?

– Есть решение суда, по которому протокол собрания жильцов, якобы проголосовавших за переход в ГУП ДЕЗ «Арбат», признан недействительным. Управляющая компания «Жилищник» – правопреемник ГУП ДЕЗ «Арбат», которая обслуживала наш дом, на основе этого решения суда прислала письмо в Единый расчётный центр о том, что она перестаёт обслуживать наш дом и отдаёт нас в одну сомнительную управляющую компанию «Арбат-сервис», которая до этого тоже присылала счета в наш дом вместе с «Жилищником». В решении суда нет никакого предписания на этот счёт, но в письме ссылаются на то, что у этой компании есть договоры с русурсоснабжающими организациями, – показала я письмо Юлина в МФЦ и выписку из решения суда.

– Очень глупое письмо, – заключил Митрофанов, прочитав письмо. – При чём здесь договоры «Арбат-сервис» с ресурсоснабжающими организациями? И при чём здесь наша управляющая компания?

– Но собрание, протокол которого оспорен, датировано временем, когда ваша компания обслуживала наш дом. То есть вас незаконно отстранили тогда от обслуживания нашего дома. Так вот, не могли бы вы теперь в соответствии с решением суда восстановить свои права над нашим домом, поскольку на основании этого решения тогда незаконно наш дом забрали у вас и передали ДЕЗу? – спросила я.

– Нет, без решения собрания собственников мы не можем принять ваш дом, – категорически отверг моё предложение Митрофанов. – Вот если вы проведёте это решение через общее собрание собственников, тогда другое дело. А чего вы не хотите платить «Арбат-сервису»?

– У них завышенные ставки. Хорошо бы, они на них остановились, но ведь аппетиты всё растут и растут, сначала был тариф 19,50, сейчас уже 28 рублей за квадратный метр, и обещает догнать до 100 рублей. Во всяком случае, Ратушняк хвалился на собрании, что в 31-м доме на Арбате, который они обслуживают, уже установлен тариф 80 рублей. Видимо, нас ждёт та же участь.

– Да, знакомая ситуация, – посочувствовал мне Митрофанов. – Он будет повышать и дальше, и вы ничего не сделаете. Вот тут недалеко один иностранец купил в доме две квартиры, которые чуть больше половины площади дома, но он сразу зарегистрировал ТСЖ, сам установил плату 250 рублей, и все как миленькие вынуждены были съехать из этого дома.

– Вы меня пугаете. Я выкупила коммуналку, думала на

старости лет спокойно пожить…

– Нашли место для спокойной жизни, – усмехнулся Митрофанов. – В любом случае, вам надо проводить общее собрание.

– Бесполезно, – вздохнула я. – В нашем доме новые собственники, которые свою собственность сдают в аренду, сами где-то прячутся, на собраниях голосуют какие-то непонятные личности с доверенностями, проверить ничего невозможно, когда начинаешь что-то выяснять, сразу поднимают гвалт, не дают слова сказать. Я была на последнем собрании, на котором почти в два раза повысили тариф на обслуживание: план работ на следующий год дали подержать за пять минут до голосования, я хотела взять этот план домой поизучать, но тут на меня, как коршун, налетела Людмила Михайловна Королёва и буквально вырвала у меня из рук. Какое она вообще имеет отношение к нашему дому? – пожаловалась я.

– Как какое? – усмехнулся Митрофанов. – Да самое прямое: «Арбат-сервис» – это её компания, она его хозяйка, а Ратушняк – наёмный управляющий. Так же, как и я. У нашей компании тоже есть хозяйка, она давно требует от нас, чтобы мы повысили тарифы на обслуживание своих домов, но нам пока удаётся их держать на уровне городских ставок, иначе жители уйдут от нас в «Жилищник».

– Вот это новость! – открыла я рот от удивления. – А кто она вообще такая, эта Королёва, откуда она взялась?

– Да никто, бывшая доярка.

– Доярка? А деньги откуда на магазин «Арбатская лавица»?

– А деньги были её мужа, который однажды скоропостижно скончался.

– Что же мне теперь делать? Неужели придётся платить этим жуликам? Вы знаете, какой спектакль они устроили перед собранием по выбору управляющей компании «Арбат-сервис»? Перед самым собранием набился полный подъезд бомжей. Я им и «Социальный патруль» вызывала, и «Милосердие», они ни в какую не хотели уезжать: оказывается, им носили из ресторана еду и выпивку. Казалось бы, какое отношение к бомжам имеет управляющая компания? Но довели жильцов до белого каления, те переизбрали старую управляющую компанию, и на следующий день все бомжи ушли из подъезда.

– Ну молодцы! Вот это класс! – восхитился Митрофанов. От избытка чувств он даже хлопнул себя по колену. Видимо, он тоже решил взять этот способ на вооружение.

Он долго смеялся. Разумеется, я не разделяла его восхищения и, вконец расстроенная, ушла домой.

8 сентября 2015 года, вторник.

На сегодня я записалась на приём к директору ГУИС района Арбат Гнездовскому Леониду Владимировичу. Я надеялась договориться о собрании жителей, что предложил сделать Юлин.

– Я обращалась с письмом в управу по поводу передачи «Жилищником» нашего дома «Арбат-сервису». Письмо направили директору «Жилищника», а он предложил мне объединиться с вами и провести собрание жильцов.

– А при чём здесь ГУИС? – вальяжно развалившись в кресле, спросил Гнездовский.

– В нашем доме 20 процентов площадей принадлежит городу, ГУИС – представитель города на собраниях жителей, Юлин мне сказал, что Алла Павловна – опытный специалист по собраниям, – стала объяснять я.

– Алла Павловна сейчас в отпуске, выходит через неделю, и она не будет заниматься вашим собранием, у неё много дел по капитальному ремонту, – прервал меня Гнездовский.

– Но компания «Арбат-сервис», которая претендует на управление домом, необоснованно завышает тарифы на обслуживание, без согласования с жителями.

– Это ваши проблемы. Проводите свои собрания и сами разбирайтесь с вашим домом, – небрежно бросил Гнездовский.

– Ну конечно, вы же не из своего кармана платите за городские площади, – обозлилась я.

Его пренебрежительный тон вывел меня из себя, и я незаметно для себя тоже перешла на повышенные тона. Чтобы вконец не разругаться, я свернула разговор:

– Ну что ж, большое вам спасибо за помощь, – деланно раскланялась я, прощаясь. – В общем-то, я согласна с вами. Я против того, чтобы новыми собраниями покрывать старые грехи. Это самый настоящий захват дома. С подставными лицами на собраниях и спектаклями с бомжами в подъезде…

Гнездовский как-то странно посмотрел на меня. Видимо, он что-то уже слыхал о бомжах. Догадываюсь, что Глазырина после моего ухода позвонила Ратушняку и сообщила ему о том, что я готовлю собрание с участием ГУИСа, а Ратушняк позвонил Гнездовскому и описал ему, какой запущенный дом он взял, что там дневали и ночевали бомжи, а он привёл его в порядок.

9 сентября 2015 года, среда.

Сегодня я была записана на приём к заместителю главы управы Арбат по ЖКХ Кириллу Мудрому. В прошлую среду он не смог меня принять, секретарша мне предложила прийти на

следующий день, но я в этот день была занята, и пришлось перенести визит на следующую неделю.

На этот приём я немного опоздала, и секретарь заставила меня ждать в холле управы. В это время мимо пробегала сотрудница жилищного отдела Марина Баташова. Увидев меня, она остановилась и сообщила мне новость: директор управляющей компании «Арбат-сервис» был у неё по какому-то вопросу, и он был очень недоволен председателем ТСЖ Тарасовым. Баташова побежала дальше, а я задумалась: с чего бы это Ратушняк ходит в управу и ведёт задушевные разговоры с сотрудниками жилищного отдела?

Мудрый принял меня последней из пришедших к нему на приём. Я думала увидеть пожилого мудреца, а это оказался довольно симпатичный спортивный молодой человек.

Я опять завела свою песню о том, что решение суда по протоколу двухлетней давности не имеет никакого отношения к «Жилищнику», который на основании этого решения передаёт наш дом какой-то сомнительной управляющей компании «Арбат-сервис».

– Протокол, который оспаривался в суде, датирован августом 2013 года, вы тогда, наверное, ещё не работали в управе, но по логике вещей никакого протокола не должно быть. Собрания не было, а раз жители не воспользовались своим правом выбрать свою компанию, управа в таких случаях сама назначает управляющую компанию. Она и назначила ГУП ДЕЗ «Арбат». При чём здесь какой-то протокол? Может быть, они сами его сочинили и подали на меня в суд? Естественно, в суде я подтвердила, что я не подписывала этот документ, и суд признал его недействительным, – начала я.

– В 2013 году я работал в управе, – сказал Мудрый, повертел в руках письмо Юлина в МФЦ и повторил то, что там написано: – У «Арбат-сервис» есть договоры с ресурсоснабжающими организациями…

– Ничего подобного, – возразила я. – У «Арбат-сервиса» нет договоров со всеми ресурсоснабжающими организациями, и те, которые сейчас у него есть, были заключены после проверки прокуратуры по жалобе Бабенко. А с Мосгазом до сих пор нет никакого договора, и те жители, которые оплачивают счета «Арбат-сервиса», уже полтора года не платят за газ.

– Ну, я не знаю, – сказал Мудрый и вызвал в кабинет Марину Баташову.

Я снова принялась путанно повторять свои доводы, чувствуя, что они не доходят до собеседников.

– Так вы проведите собрание жителей, у вас большая часть

площади принадлежит городу, поэтому ГУИС как представитель собственности города тоже должен принять участие в собрании. Проголосуйте и переизберите «Арбат-сервис», раз он задирает цены, – предложила Баташова.

– А вот теперь я не уверена, что жители проголосуют, – упавшим голосом сказала я. – «Арбат-сервис», в отличие от «Жилищника», который тоже присылал счета, но не настаивал на их оплате, запугивал жителей, что отключит коммуникации за неуплату. Жители почти полтора года платят «Арбат-сервису» и боятся, что им придётся дважды платить за ЖКХ. Поэтому они вынуждены будут теперь голосовать за «Арбат-сервис».

– Но «Арбат-сервис» обслуживал ваш дом?

– Обслуживал незаконно. У нас убирала подъезд женщина из «Жилищника», они её выгнали, привели свою. Какое они имели право это делать? Это самый настоящий самозахват дома.

– Вы обращались в Жилинспекцию? – прервал меня Мудрый.

– Обращалась, они ответили, что никаких нарушений не заметили. Но они ничего не проверяли. Вообще, в таких случаях никто ничего не проверяет, говорят: разбирайтесь сами, идите в суд.

– Но без собрания ничего нельзя сделать, – развела руками Марина Баташова. – Надо проводить общее собрание собственников.

– Не знаю, возможно ли его провести в нашем доме. Вот ГУИС уже пытался когда-то проводить собрание в нашем доме, никто, кроме меня, не пришёл. А на собраниях, которые у нас якобы проходили, собирается неизвестно кто, голосуют какие-то подставные люди, проверить ничего невозможно. Документы никто не даёт, в лучшем случае дают подержать в руках и тут же отбирают. Вот на последнем собрании я хотела забрать домой отчёт «Арбат-сервис», но Королёва на меня набросилась, как коршун, и вырвала из рук. Какое вообще Королёва имеет отношение к нашему дому? Это правда, что «Арбат-сервис» – компания Королёвой? Почему Виктор Тарасов все свои сходки проводит в подвале у Королёвой? – спросила я, обращаясь к Баташовой.

Мудрый безучастно прислушивался к нашему разговору. Но последняя фраза его насторожила.

– Нет, просто Тарасов и Королёва дружат, поэтому и собрания вашего дома проводят у Королёвой, – стала разубеждать меня Баташова.

– Вы сможете прийти ко мне на приём в следующую среду? – вмешался, наконец, в наш разговор Мудрый. – Я постараюсь к этому времени разобраться в вашем вопросе.

16 сентября 2015 года, среда.

Опять ходила на приём к Мудрому. Но, по-видимому, своё обещание разобраться он не смог или не захотел выполнить. Опять пошло по накатанной: Баташова стала убеждать меня организовать собрание жителей в доме по выбору управляющей компании, то есть попыталась решение вопроса опять свалить на меня. Мудрый мудро поддакивал, одним словом, умыл руки.

– Да, видимо, надо проводить собрание, инициатором может выступить ГУИС, поскольку в вашем доме есть городская собственность, – сказал он.

– Но ГУИС не хочет проводить собрание в нашем доме, я уже была у Гнездовского, и он сказал, что не будет в нём участвовать.

– Это он раньше сказал, а теперь есть на этот счёт указание заместителя главы управы Кирилла Александровича Мудрого, так что не беспокойтесь, ГУИС проведёт собрание в вашем доме, – успокоила меня Баташова.

Она увела меня из кабинета Мудрого к себе и развила бурную деятельность: вытащила из компьютера данные о собственниках нашего дома, пригласила Аллу Павловну из ГУИСа, чтобы обсудить возможность совместных действий по организации собрания.

Пришла Алла Павловна, ещё молодая, дородная и довольно приятная на вид женщина. Она принесла копию типового договора «Жилищника», который нужно будет обсудить на предстоящем собрании.

– Это правда, что «Арбат-сервис» – это компания Королёвой? – решила поинтересоваться я и у неё тоже.

– Да нет, это они обслуживают ТСЖ Королёвой, – перебила меня Баташова. Однако Алла Павловна отрицательно покачала головой:

– Я думаю, что это её компания. Ратушняк перед ней дрожит, как осиновый лист, а она ему прямо говорит: «А ты помолчи, не твоё дело, я здесь хозяйка».

– А кто вообще эта Королёва? – спросила я у Аллы Павловны.

– Да вот, с музыкантами воюет, – неопределённо ответила она.

– А она не мафиозная дама? Может, не стоит связываться с ней? – опять спросила я.

– Ну музыканты же не боятся с ней связываться, – пожала плечами Алла Павловна и, сославшись на срочные дела, попрощалась и ушла.

17 сентября 2015 года, четверг.

Сегодня я побывала в Правовом центре на Кузнецком мосту. Вышла я на этот центр совершенно случайно: увидела в управе объявление о бесплатных юридических консультациях по жилищным вопросам и решила позвонить.

Меня принял пожилой представительный мужчина. Узнав, что я преподаватель, он сказал, что тоже преподаёт право в Академии ФСБ. Он уделил мне довольно много внимания, слушал почти три часа, пока я излагала ему все перипетии своего дела. Выслушав, задумчиво сказал, что лучший способ защиты – нападение, и если я этого не сделаю, скорее всего, с меня по суду взыщут все долги перед «Арбат-сервисом», вынудив меня потом судиться с «Жилищником», чтобы вернуть заплаченные ему деньги. «Арбат-сервис» уже высылал мне досудебную претензию о взыскании долга, и этим можно воспользоваться, чтобы начать действия против этой управляющей компании: параллельно действовать по линии суда, прокуратуры и административных органов. Но стоить это мне будет: подготовка документов – 27 тысяч рублей (с учётом ветеранской скидки), а если с сопровождением в суде, то больше ста тысяч. Пока я решила остановиться на первом варианте, хотя вначале собиралась вообще ограничиться только бесплатной консультацией. Но адвокат Павел Евгеньевич Уферт оказался очень убедительным:

– Ваша ситуация в центре Москвы довольно типичная, – сказал он. – Многие люди, оказавшись в подобной ситуации, в конце концов вынуждены или сдавать, или продавать свои квартиры в центре, то есть в любом случае покидать своё место проживания из-за высоких тарифов, устанавливаемых такими управляющими компаниями.

– Но не получится так, что своим обращением в суд я как бы признаю законность этой компании? – с опаской спросила я. – Уже был прецедент, когда я обращалась в прокуратуру через депутатов, и закончилось тем, что «Арбат-сервис» оштрафовали на 10 тысяч рублей, то есть фактически признали, что они законно управляют домом.

– Нет, вы будете предъявлять к ним претензии именно как к мошенникам, которые обманным путём пытаются взыскать с вас деньги. Требование предоставить им копии паспорта и свидетельства о собственности вообще нарушают закон о конфиденциальности персональных данных и наводят на мысль о каких-то криминальных намерениях. Если вы в результате этого шантажа обратились в лечебные учреждения с жалобами на ухудшение состояния здоровья, с них можно взыскать ваши затраты на лечение и моральный ущерб, – объяснил адвокат.

Такой подход показался мне вполне обоснованным, и я

заключила договор на подбор правовых актов и составление необходимых документов, которые адвокат пообещал изготовить уже к понедельнику.

22 сентября 2015 года, вторник.

Приехала в правовой центр, чтобы ознакомиться с подготовленными документами. Полное разочарование: бумаги составлены отвратительно, с грамматическими ошибками, повторами, незаконченными предложениями, перепутаны статьи Жилищного кодекса. Такое впечатление, что их наспех кроили и клеили в компьютере по готовым лекалам. Я стала прямо при адвокате исправлять ошибки. Он пообещал переделать. Но дело сделано – я уже опрометчиво оплатила все расходы, включая и сопровождение, ни много ни мало – 80 тысяч. Плюс полторы тысячи за оформление доверенности аж на четырёх человек, ещё и с правом передоверия. Я спросила адвоката, почему он сам не хочет вести дело: всё-таки он более или менее в курсе дела, слушал меня три часа, чем и подкупил. Он ответил, что у них разделение труда: одни составляют бумаги, другие специалисты по ведению дела в судах, знают там все ходы и выходы. Если это так, то, возможно, это и не так важно, что бумаги с ошибками, если их и читать не будут в суде? Ну когда этому бедному адвокату писать бумаги? У него конвейер, каждый день с утра до вечера он слушает посетителей. Во всяком случае, назад пути нет, деньги уже уплачены, процесс пошёл.

27 сентября 2015 года, воскресенье.

Завтра у меня день рождения. В этот день я обычно причащаюсь в храме, поэтому вечером я отправилась в храм великомученика Никиты, память которого отмечается 28 сентября, на вечернюю службу. Это очень старинный храм XVI века постройки, подворье Свято-Пантелеймоновского Афонского монастыря, в нём готовят русских насельников для Афона. Обычно на свой день рождения я исповедуюсь и причащаюсь у себя на Арбате, в Иерусалимском подворье, где есть ковчег с мощами великомученика Никиты, но сегодня почему-то решила исповедаться в храме Никиты.

Исповедовал довольно молодой, но словоохотливый священник, поэтому очередь на исповедь двигалась медленно. Наконец, дошла и до меня. Я исповедала свои обычные грехи, с которыми никак не могу справиться: осуждение чужих грехов, невыдержанность, гнев и другие грехи, видимые и невидимые. Потом спросила: как быть, если я сейчас нахожусь в конфликте, веду судебную тяжбу с соседями по дому, которые обманно

навязали дому очень дорогую управляющую компанию? Можно ли в этом случае причащаться, ведь перед причастием полагается со всеми примириться?

На этот счёт священник сказал, что я сама для себя должна это решить: могу причащаться или нет. Но добавил, что стоит подумать над тем, вести ли эту тяжбу или остановиться на берегу, потому что вражда может разрастись, и потом может так случиться, что и сама рада буду вернуться в исходное положение, заплатить любые деньги для этого, но уже нельзя будет ничего исправить. На это я возразила, что если оставить всё так, как есть, то я сама себя не буду уважать. Батюшка тут же упрекнул меня в гордости и отсутствии смирения, сказал, что и храму часто навязывают дорогих поставщиков, но приходится смиряться. Я отошла от него в раздумье. Но отступать уже нельзя, деньги адвокатам уплачены, всё запущено. Не бросать же всё на полпути. Я и сама недовольна, что приходится вести эту тяжбу, но ситуация такая, что и ничего не делать тоже нельзя.

29 сентября 2015 года, вторник.

Сегодня после обеда ходила на занятия общественных советников с психологом. Это уже вторая встреча. Ведёт её девушка, которую зовут Наталья Шувалова. Пришли на занятия человек десять, в том числе главный советник Дмитрий Абрикосов. Он сразу начал хвалиться тем, что он потомок тех самых купцов Абрикосовых, которые владели в Москве кондитерской фабрикой, ныне Бабаевской. Шувалова на это ответила, что она тоже потомок того самого Шувалова, который создал Московский университет. Я слушала их с определённой долей скепсиса. Наверняка ни у кого из них нет подтверждающих документов – они могут быть только у потомков, которые успели сбежать за границу, а однофамильцев, многие из которых сами верят в свою чудесную родословную, в России тьма.

Но, возможно, Наташа Шувалова – родственница гораздо более важного лица, чем основатель Московского университета, что-то в её лице напомнило мне черты самого богатого вице-премьера в нашем правительстве. Возможно, просто однофамилец: фамилия достаточно распространённая. Но почему-то наши занятия лично курирует Лолита Каримовна, которая звонит советникам и очень настойчиво приглашает их посетить занятия с психологом, а потом приходит сама на эти занятия и горячо благодарит тех, кто на них явился.

Сама Наташа Шувалова ничего особенного на этом тренинге не предложила, но я второй раз прихожу, так как это даёт возможность познакомиться поближе с другими советниками.

Скорее всего, Шувалова получила на этот тренинг какой-то грант, который отрабатывает, чтобы нашим чиновникам в управе можно было поставить очередную «галочку» и отрапортовать вышестоящему начальству о работе с советниками.

На этот раз Шувалова рассказывала о какой-то новой теории: четырёх типах матрицы психологических характеров, ориентируясь на которые, можно находить подход к людям, принадлежащих к разным типам, и соответствующую линию поведения с ними. Все слушали с умным видом и кивали. Шувалова начала опрашивать сидящих и спрашивать их мнение о занятиях. Когда дошла очередь до меня, я честно сказала, что ничего не поняла из сказанного. Все стали смеяться и сказали, что тоже ничего не поняли. Шувалова всполошилась и сказала, что продиктует мне авторов, которых можно почитать на досуге по этому вопросу, на что я резонно ответила, что ничего читать не буду, так как нет для этого времени, а вот краткую информацию об этих матрицах на листке в систематизированном виде наподобие того, как это, например, даётся в гороскопах, было бы очень желательно иметь. У Шуваловой сразу испортилось настроение: видимо, я поставила перед ней неразрешимую задачу. Может быть, она пишет диссертацию по этой проблеме и у неё свои планы? Но, спрашивается, ради чего я должна сидеть три часа и слушать какие-то сказки? Мне что, больше делать нечего? Разумеется, всё это я только подумала, а вслух сказала, что довольна занятиями, и добавила: «Я всегда всем довольна».

1 октября 2015 года, четверг.

Утром в газете «Метро» прочитала информацию о том, что президент России Владимир Путин освободил от должности прокурора Москвы Сергея Куденеева. На его место назначен государственный советник юстиции Владимир Чуриков. По одной из версий СМИ, отставка связана с тем, что Куденеева подозревают в возможной причастности к делу о взятке в 500 тысяч долларов.

После дела Сердюкова и его бухгалтерши как-то не очень верится, что это дело закончится чем-то более серьёзным, чем отставка. Ещё в газете прочитала, что арест с имущества Сердюковской дамы ещё не снят, среди арестованного имущества – какая-то квартира на Арбате. Как бы это не в 31-м доме, который обслуживается «Арбат-сервисом». Ратушняк мне когда-то сказал, что в этом доме есть квартира кого-то из Оборонсервиса, на которую наложен арест. Но дама там, видимо, никогда не появлялась, а управляет от её имени какое-нибудь доверенное

лицо вроде нашего Виктора Тарасова. Ратушняк хвалился, что в этом доме он дерёт с жильцов 80 рублей с квадратного метра. Можно было бы и больше. Наверняка сейчас догнал рублей до ста, а то и больше. Для них это всё равно копейки.

Днём наконец-то встретилась с адвокатом, которая будет вести моё дело, – Авдеевой Ольгой Анатольевной, судя по данным паспорта, занесённым в доверенность, уроженкой Бурятского округа в Читинской области. Но не бурятка, русская, крепко сбитая 45-летняя женщина, довольно сообразительная. Я вкратце рассказала ей о своём деле, но сказала, что полностью буду переделывать то заявление, которое сочинил Павел Евгеньевич Уферт. В конце беседы он сам предстал перед нами в дверном проёме с умилительной улыбкой и попросил Авдееву зайти к нему. Чует, что на мои деньги наворочал мне всякого хлама. Но я тоже улыбнулась ему, как ни в чём не бывало. Ну когда ему вникать во все дела, когда он с утра до вечера на конвейере?

Когда уходила из конторы, какая-то клиентка устроила скандал, крикнула тем, кто сидел в приёмной: «Чего вы сидите, здесь одни халтурщики!» Наверное, она права. Но назад у меня пути уже нет. Посмотрим, чем закончится моя судебная эпопея. Во всяком случае, оптимистичные уверения Уферта получить свои деньги обратно в случае выигрыша дела тоже оказались весьма и весьма сомнительными: Авдеева мне объяснила, что это решается по усмотрению судьи, который может и не вернуть всю сумму, особенно если дело не касается каких-то материальных вопросов.

Вечером вторично обошла нашу поликлинику в Николопесковском переулке и отнесла анкету о проверке в управу: общественных советников обязали каждую неделю проверять чистоту полов и туалетов в поликлинике, наличие информаторов, кулеров с водой и дежурных медсестёр на этажах. Хотя надо было бы лучше проверять квалификацию принимающих врачей. Я провожу проверку второй раз. Всё, что требуется в анкете, имеется в наличии, по почему-то совсем нет посетителей. Раньше в этой поликлинике с утра до вечера было полно народу, а сейчас – ни души. Возможно, это связано с тем, что в этом году все получили возможность прикрепляться к любой поликлинике и просто ушли в другие места. А может, отсутствие людей у дверей принимающих врачей – это результат предварительной записи. Я особо не стала вдаваться в анализ, наскоро заполнила форму и отнесла её в назначенное время в управу, где уже собрались другие советники, которые тоже проверяли эту поликлинику, но в разное время. Принимала отчёты Лолита Каримовна. Она спросила меня, смогу ли я прийти

завтра на встречу с Дерюгиным. Этот день у меня был занят, и я сказала ей об этом. Она не стала настаивать и даже дала мне два пригласительных билета на концерт в Доме актёра в честь Дня района Арбат.

14 октября 2015 года, среда.

Наконец-то отправила свои заявления в суд и прокуратуру. Заявление в суд решила разбить на два иска: одно, выигрышное, об отмене решений собрания от 21 апреля этого года по созданию спецсчёта ТСЖ для сбора средств на капитальный ремонт. Протокол этот Виктор Тарасов неосторожно отправил в Мосжилинспекцию, надеясь, что я не узнаю об этом: в счетах, которые мне присылает «Арбат-сервис», до сих пор отсутствует строка о капремонте, которая должна включаться в счёт с 1 июля. Видимо, специально тянут до истечения 6-месячного срока исковой давности для собраний, чтобы не дать мне в руки документ для оспаривания в суде. Они даже не догадываются, что я уже запросила копию этого фальшивого протокола, который они отправили в Мосжилинспекцию, и здорово этим подставились: к этому на сто процентов выигрышному иску я собираюсь присоединить иск о взыскании судебных издержек и оплаты услуг представителя в суде, которых ни много ни мало – 55 тысяч рублей плюс мелкие расходы на почтовые расходы и транспорт.

Второй иск – о признании незаконными решений собраний о создании ТСЖ и смене управляющей компании. Здесь, как и по первому иску, нарушены, по меньшей мере, две статьи Жилищного кодекса – об уведомлении за 10 дней всех собственников о собрании и уведомлении в 10-дневный срок о принятых на нём решениях. Представитель собственности города в нашем доме, а это ни много ни мало – 20 процентов площадей, тоже не получал уведомлений. Всё это я приобщаю к иску. Но по этим собраниям давно истёк 6-месячный срок исковой давности, и надо будет просить суд его восстановить, ссылаясь на то, что я до последнего момента получала и оплачивала счета «Жилищника» и поэтому не считала нужным обращаться в суд. Пойдёт ли судья навстречу – большой вопрос, придётся обжаловать это решение, дело затянется, и вообще неизвестно, смогу ли я его выиграть. Поэтому я этот иск взяла целиком на себя, без доверенного лица. Но если я выиграю и это дело, можно будет взыскать с ответчиков Тарасовой и «Арбат-сервиса» остальные издержки – 26 тысяч рублей, потраченные на консультации и составление исковых заявлений.

То, что исковые заявления, составленные и адвокатом Уфертом, и рекомендованным им представителем Ольгой

Авдеевой, пришлось полностью переделывать, – это уже в прошлом.

Справедливости ради надо сказать, что Ольга Авдеева – неплохой юрист, хотя, в отличие от Уферта, и не имеет официального адвокатского статуса. Она доктор юридических наук, в прошлом – профессор Сибирской Академии права. Но ей, видимо, некогда разбираться в деталях моего дела – то, что она мне прислала, не выдерживает никакой критики: тоже перепутаны все статьи законов, неправильные формулировки. Но она сама призналась мне, что работает по ночам, так как днём бегает представителем по судам вместо Уферта. Уж не знаю, сколько он ей отстёгивает от тех денег, которые содрал с меня. Да и самому Уферту тоже не всё достаётся – не меньше половины, а то и больше надо отдать руководству, а еще аренду. Но Уферт мне говорил, что за бесплатные консультации населению город даёт их конторе скидки по аренде.

Немного насторожило, что Авдеева сказала, что в комплект документов к иску должны войти копия моего паспорта и копия свидетельства о собственности на квартиру. На всякий случай я сказала ей, что копия моего паспорта не понадобится, так как я буду ходить вместе с ней и предъявлять свой паспорт в суде лично, а вместо свидетельства о собственности я даю в материалы дела выписку БТИ, где указано, что я являюсь собственником квартиры. Говорят, что давать даже копии документов опасно – сейчас появились такие умельцы, что с копиями запросто оформляют кредиты в банках, закладывают и даже продают квартиры. Конечно, Авдеева – вроде бы серьёзная дама, и подозревать её в этом грешно, но кто знает? Квартиры в Москве у неё наверняка нет, а соблазн велик. И кто знает, кто у неё муж? Или любовник? А вдруг он какой-нибудь чёрный риелтор? Может, я излишне подозрительна, но, как говорят, «бережёного Бог бережёт».

На всякий случай я решила подстраховаться и с заявлениями – решила сама отвезти их в Пресненский суд. По первому заявлению срок исковой давности истекает через неделю, а есть такие ловкие адвокаты и доверенные лица, которые помогают сразу и истцам, и ответчикам. И берут деньги и с тех, и с других. Посмотрим, как Авдеева будет защищать меня в суде, тогда и будем доверять!

20 октября 2015 года, вторник.

Что-то нами опять заинтересовались психологи. Из управы пригласили на встречу с женщиной-психологом из МГУ. Я так и не поняла цель встречи с общественными активистами Арбата. На

сбор информации для диссертации не похоже: женщина, Марина Вячеславовна Сёмина, – доктор психологических наук. Скорее всего, кафедре психологии МГУ заказали провести исследование-зондирование общественного мнения о чиновниках Москвы (а может, управы?). С самого начала Марина Вячеславовна объявила, что она проводит независимое исследование, никак не связана с чиновниками, и попросила откровенно высказываться по вопросам, которые она будет предлагать для обсуждения.

Опрос, впрочем, оказался вполне поверхностным. Уж не знаю, кому нужны такие исследования? Разве что для того, чтобы «освоить» выделенные на эти исследования средства. В конце все заполнили анкету с совершенно дурацкими вопросами типа «При каких условиях вы будете проявлять общественную активность?» и «В каких случаях вы перестанете проявлять общественную активность?» Я ответила на последний вопрос так: «Когда всё будет хорошо». Неужели не ясно, что жители не от хорошей жизни бесплатно занимаются общественными делами?

Активистов принимали в два приёма: в 14.30 и 15.30. Я пришла в первый заход, и Сёмина явно торопилась уложиться в отведённое время, обрывая слишком продолжительные разглагольствования. В этом заходе было десять человек, из знакомых мне – Дюймовочка из Николопесковского переулка и Лариса Константиновна Горбачёва из Большого Афанасьевского переулка, с которыми мы ходили на занятия с психологом. Рядом со мной сидел молодой человек, которого звали Алексей Волков. Я уже раньше встречала его на собраниях общественных советников. Он опять громогласно объявил, что долгое время жил в Нью-Йорке, и очень горячо поднимал вопрос платных парковок.

Ещё одна девушка, которую я раньше встречала на собраниях, по фамилии Бондарева, из дома № 43 на Арбате, жаловалась на засилье кафе на первом этаже их дома. Были ещё два незнакомых мне усатых мужика – один, Василий Борисович из дома на углу Троилинского переулка и Каменной слободы, жаловался на отсутствие лавочек в сквере у дома, другой, из дома на 40 квартир, – на парковочные карманы у дома.

Постоянно подавала голос какая-то манерная дама бальзаковского возраста, которая представилась председателем ТСЖ из 9-этажного дома № 6 в Калошином переулке чуть дальше Дома актёра. Она сразу объявила, что работала много лет и жила в Париже, что здесь у неё на стоянке находится её машина «Пежо» и что она крайне недовольна главой управы Дерюгиным, который пригласил её на какую-то встречу, а сам прошёл мимо и не поздоровался с ней. Потом она стала ругать общественного советника из своего дома Валентину Вязенкину, а в конце вообще

заявила, что та якобы стоит на учёте в психдиспансере. «Кто же выдвигает таких людей в Общественный совет?» – возмущалась она.

Сёмина радостно подхватила тему Общественного совета, пока я не выдержала и не внесла ясность, что никакого Общественного совета не существует, а есть общественные советники в домах, которых никто не выдвигает, потому что общественным советником может стать любой неравнодушный человек, если он согласен тратить своё свободное время на эту неблагодарную работу по информированию жителей об инициативах управы.

Валентину Вязенкину я знаю, она вполне нормальная женщина, и, скорее всего, бальзаковская дама сама придумала, что у неё справка из психдиспансера. Во всяком случае, такая информация считается конфиденциальной и не афишируется. Но мне стало любопытно, чем Вязенкина насолила этой бальзаковской даме. Я нашла её телефон и позвонила ей. Разумеется, я не стала передавать, что дама объявила её сумасшедшей, просто поинтересовалась, действительно ли она жила и работала в Париже.

– В Париже она действительно жила, это правда, но вот где работала, не знаю. Может быть, в публичном доме? – фыркнула Вязенкина.

Оказалось, что у бальзаковской дамы есть молодой сожитель, они зарегистрировали ТСЖ, которое объявило жителям, что они теперь должны платить за коммунальные услуги этой сладкой парочке. Половина жителей дома не признала это ТСЖ и вообще перестала платить за коммунальные услуги. Вязенкина писала жалобы в разные инстанции с просьбой проверить законность создания ТСЖ, но, как и у меня, всё окончилось пшиком, и дама с любовником продолжает собирать деньги со второй половины жителей, которым всё равно, кому платить.

– А бойфренд хоть что-то делает в доме?

– Взбивает ей подушки! А при любой неисправности говорят, чтобы сами искали мастера. Недавно в доме была авария водопровода, вода хлестала целую неделю, потому что они, видите ли, уехали отдыхать! Я жаловалась в управу, но никто не принимает никаких мер, и я написала Дерюгину заявление, что отказываюсь быть его советником, – разгневанно заявила Вязенкина.

Я сказала ей, что никто, кроме нас самих, не станет разбираться в наших склоках и что поэтому я решила попытаться оспорить аналогичное дело по нашему дому в суде. Она попросила меня, когда назначат дату рассмотрения дела в суде,

пригласить её на заседание, чтобы и ей кое-чему научиться на моём опыте.

26 октября 2015 г., понедельник.

Сегодня прочитала в газете «Метро» заметку о том, что трое полицейских и их посредник задержаны в Москве по подозрению в получении взятки. По версии следствия, они получили 2,5 миллиона рублей от учредителя одного из столичных караоке-клубов за непривлечение к административной ответственности и общее покровительство.

И я пыталась своими жалобами в полицию унять ночные концерты под моей квартирой! Чего же удивляться, что ответ из полиции был тот, что они не совершали никаких нарушений!

Но почему же тогда караоке-кафе в нашем доме закрылось? Тайна сия великая есть. Уже год, как ищут нового арендатора. Кажется, кто-то там копошится, собирались ко Дню города в сентябре открыть новое кафе, но что-то, видно, не сложилось.

Однако, видимо, кафе на Арбате неплохо зарабатывают. Да и другие развлекательные точки тоже: недавно ограбили хозяина Дома великана напротив нашего дома с дневной выручкой 150 тысяч рублей.

А парковка под моим окном? 12 машино-мест на площади примерно 50 квадратных метров, по 40 рублей за час, получается больше, чем сдавать квартиру такой же площади.

А хостелы? Там вообще зашкаливает. Каждый день 20–30 человек минимум по 500 рублей в сутки! Но недавно жители какого-то дома выиграли суд против хостела в своём подъезде. Жалобу в прокуратуру направила депутат Мосгордумы Вера Шастина, а прокуратура уже направила дело в суд. Но хостелу в нашем доме это не грозит – в подъезде всего три квартиры, вторая, где живёт Александра Андреевна: там Ирочка с нетерпением ждёт, когда 90-летняя старушка преставится, чтобы открыть такой же хостел ниже этажом. Армяне, которые купили у Игнатьевой квартиру на третьем этаже в этом подъезде, – тоже люди предприимчивые. Вряд ли они станут судиться, скорее, тоже откроют хостел.

28 октября 2015 года, среда.

Сегодня в 16 часов 12 лучшим советникам глава управы Дерюгин вручил благодарности по итогам 2015 года. Чувствуется дефицит средств: в прошлом году грамоты были в рамочках, сейчас – просто бумага. Кроме того, меня, Абрикосова и Анастасиади выдвинули в какой-то вышестоящий Общественный совет. Все остальные за нас проголосовали, потом каждый из нас

рассказал о своей работе. Сначала Анастасиади рассказала, как она работает с жителями. Она юрист, к ней многие соседи по дому обращались за консультациями, и так повелось, что все общественные вопросы приходится теперь решать ей. И новые жильцы, которые купили квартиры в их доме, сразу идут к ней на поклон, и она вводит их в курс дел по дому: парковки, управляющей компании, всяких там общих сборов-поборов. Девушка она видная: высокая, красивая и, видимо, хороший человек, раз соглашается бесплатно брать на себя такие обременительные общественные нагрузки.

Абрикосов сказал, что ему 52 года, и он выступает с лекциями об истории семейства Абрикосовых, которые до революции владели Бабаевским кондитерским концерном.

Я выступила последней и сказала, что завидую им белой завистью. Сказала, что живу в доме на Арбате с 1982 года, этот дом когда-то был типичный коммунальный особняк, где в каждой квартире жили по 10–15 человек. В начале 90-х жители объединились в товарищество, но не ТСЖ – тогда не было закона о ТСЖ, а в ТОО – товарищество с ограниченной ответственностью. Их объединил общий интерес: если кто-то помнит, тогда в Москве была принята программа реконструкции центра Москвы, по которой на старинные особняки накладывались ограничения по приватизации, дома продавались инвесторам, а жителей выселяли из центра на окраины, и вот чтобы противостоять такой депортации, люди объединялись, чтобы совместно выступать со своими требованиями к инвесторам. Никакой особенной хозяйственной деятельности не велось, просто ждали, когда появится инвестор. Инвестор так и не появился. В конце концов, приватизацию в доме разрешили, люди распорядились по-разному: кто-то продал, кто-то разменял квартиру. В результате из старых жильцов в доме остались только я и 92-летняя ветеран войны Гусева. Новые собственники в доме не живут, на контакт не идут, можно сказать, глубоко законспирированы. В доме непонятно как появилось ТСЖ, которое привело в дом свою управляющую компанию, которая сразу взвинтила тарифы на обслуживание. Но собрать собственников очень сложно, хотя я знаю, что не всем нравится ситуация, которая сложилась в доме. В общем, пока успехов нет, но я работаю.

Дерюгин слушал меня внимательно, иногда кивал головой, потом добавил, что управляющая компания – карманная, но аффилирована с какими-то госструктурами. Я не поняла, с какими именно, но не стала выяснять. Возможно, Дерюгин хотел услышать от меня более подробную информацию, но я пока не стала разглашать своих планов: на встрече была приятельница

Королёвой Инна Фельдман, которая наверняка расскажет ей о моих предстоящих исках. Пусть это будет неожиданностью. Лучше недоговорить, чем переговорить.

Через несколько дней стало понятно, для чего нас выбирали: нашу пятёрку пригласили на выборы главы Совета Центрального округа. Были аналогичные пятёрки из других районов. Перед началом мероприятия работал бесплатный буфет, угощали пирогами, конфетами и печеньем с чаем и кофе. Попив чаю и закусив печеньем, я зашла в зал. Лолита Каримовна тут же предложила нашей пятёрке сфотографироваться на память. Когда я заняла место в зале, ко мне подсела женщина-советник из дома на Поварской, 22. Она рассказала, что у них в доме 1900-го года постройки поселился потомок князей Мещерских, недавно вернувшийся из эмиграции.

– Он говорит, что князья Мещерские владели всем особняком, но это не так: я выяснила, что хозяева были другие, а Мещерские снимали у них один этаж. Но он сумел надстроить наш дом, сделал дополнительный этаж, – доверительно сообщила она мне.

– В доме дореволюционной постройки? – удивилась я. – А эта надстройка законная? И что, жители всё это проглотили?

– Да у нас люди не скандальные, никто не стал возражать. Зато теперь у нас в подъезде ковры и пальмы – душа радуется.

Рассказала она и о каком-то очень-очень влиятельном жильце в их доме. Когда разгорелась война между управляющими компаниями за обслуживание дома, обиженная компания устроила прощальный потоп в доме, другая не хотела устранять неисправность.

– Всё это продолжалось недели две, пока я не пошла к этому человеку, он снял трубку и решил вопрос за одну минуту. Очень сильный и влиятельный человек. Хотя уже очень старый.

– И несмотря на возраст, ещё сохранил своё влияние? Кем он работал раньше? – поинтересовалась я.

– Не знаю. Но он и сейчас при деле, ездит с персональным водителем и охраной куда-то каждый день.

Тут объявили о начале собрания, выбрали президиум, в который вошли председатели районных «пятёрок». От района Арбат выбрали в президиум Светлану Михайловну Анастасиади. Потом начались выборы председателя Общественного совета ЦАО. Предложили только одну кандидатуру. Это оказалась женщина – советник главы управы Басманного района, которая одновременно председатель ТСЖ в доме на Ново-Басманной улице, 43, что рядом с Елоховским собором. Её попросили рассказать о себе: она бывший бухгалтер из крупной корпорации, которая неожиданно обанкротилась, и она в 40 лет оказалась

безработной. Обратила внимание на общественную работу, которую ей предложили, и согласилась работать общественным советником.

Мне она показалась очень позитивной. Но Лобанов, который сидел слева от меня, проворчал что-то вроде того: на какие такие деньги она сейчас живёт? Он бывший работник правоохранительных органов. Я ему сказала, что председатель ТСЖ может получать зарплату за свою работу, особенно если дом большой. За неё проголосовали единогласно, и после выборов нас поблагодарили и попрощались с нами. Скоро, видимо, предстоит выбирать председателя Общественного совета городского. В общем-то, всё неплохо продумано: сначала выявляют активистов, готовых сотрудничать с управой, потом из их числа выбирают Общественный совет. Надеюсь, что этот совет не станет прикрытием для каких-нибудь неблаговидных делишек.

Возвращаясь домой, размышляла о том, почему в Москву стали возвращаться бывшие князья и графы из-за рубежа? И почему-то все идут в управдомы. Вспомнилась недавно услышанная историю о том, что в центре Нью-Йорка кто-то купил немыслимо дорогую недвижимость. Все спрашивали друг друга: кто этот богатый человек? Оказалось, хозяин управляющей компании из России.

29 октября 2015 года, четверг.

Кажется, я начинаю ходить в управу как на работу, каждый день, и даже не один раз в день. Сегодня на 16 часов меня пригласила Алла Павловна на встречу с Московским аналитическим центром, который консультирует активистов по жилищным вопросам. Пришло человек десять. Все говорили хором, ничего нельзя было разобрать. Многие жаловались на ГБУ «Жилищник района Арбат», который халатно выполняет свои обязанности. Встречу проводила главный специалист Центра Елена Борисовна Гришина. Она продиктовала нам десяток постановлений и распоряжений по ЖКХ, принятых в последнее время, которые ещё предстоит найти и прочитать. Рассказывала, как организовать и провести собрание жителей.

– А если невозможно собрать, что тогда? – поинтересовалась я.

– Сейчас вышло распоряжение, по которому инициативная группа может потом обойти квартиры и добрать нужное количество голосов, – ответила Гришина.

– А если собственники законспирированы и невозможно их вытащить? – продолжала допытываться я.

– Тогда можно ограничиться теми, кто пришёл на собрание, –

ответила Гришина.

– Как? – изумилась я. – А как же Жилищный кодекс? Между прочим, там есть статья, что в этом случае управа по конкурсу должна назначить свою управляющую компанию.

– Ах, да, это так. Вот так в дома и назначают ГБУ «Жилищник», – вспомнила Гришина.

– Да таких домов у нас 90 процентов! – возмутилась я.

Вот тебе и консультация! Кто кого консультирует? Тем не менее я напросилась к Гришиной на персональную консультацию по своему вопросу.

2 ноября 2015 года, понедельник.

В субботу обнаружила в почтовом ящике бумажку с приглашением получить на почте судебное уведомление. Так как в субботу почта работает до шести вечера, а я пришла домой в семь, пришлось получать заказное письмо на почте только сегодня утром. Думала, это приглашение на судебное заседание, а оказалось, мне прислали определение суда по обоим моим исковым заявлениям, что они не могут быть приняты, если до 13 ноября я не устраню замечания. По первому заявлению, где я просила аннулировать решение собрания о спецсчёте на капремонт, так как я не была должным образом была уведомлена о собрании и о его решении, я должна разъяснить в заявлении, чем нарушены мои права. Ничего себе, нарушены две статьи Жилищного кодекса, и они просят разъяснить, в чём нарушены мои права!

По второму заявлению об аннулировании решений собраний о создании ТСЖ и переводу дома на обслуживание новой управляющей компании – здесь уже от меня не просили указать, в чём нарушены мои права, но потребовали включить в число ответчиков, кроме инициатора собрания Тарасовой Н. В., ещё и само ТСЖ, и представить протокол собрания по созданию ТСЖ.

Я умышленно не включила ТСЖ в число ответчиков, так как этим косвенно как бы признаю его легитимность, но, видимо, придётся назвать и эту филькину контору, чтобы всё-таки запустить судебный процесс.

Протокола собрания о создании ТСЖ у меня не было, и я рискнула позвонить Чумаковой Анне Павловне, которая в управе занимается вопросами создания ТСЖ. Объяснила, что собираюсь обжаловать в суде решение о создании ТСЖ в нашем доме, и попросила копию протокола. Алла Павловна без всяких возражений мне его выдала в тот же день и даже дала пару советов, как вести себя в суде. Конечно, судиться должны были бы они, так как 20 процентов площадей в доме принадлежит городу,

а их тоже никто не уведомлял о собрании, но хорошо, что хотя бы дали документ.

Вечером отправила по электронной почте копии определений суда своей представительнице Ольге Авдеевой – пусть тоже подумает, как объяснить суду, в чём нарушены мои права по первому иску, всё-таки я за сопровождение заплатила их конторе 55 тысяч. Пусть работают, не всё же мне голову сушить, а они как-никак юристы.

9 ноября 2015 года, понедельник.

Позвонила из управы Марина Баташова и сообщила важную новость о том, что Валерий Васильевич Ратушняк, директор управляющей компании «Арбат-сервис», написал заявление о том, что он отказывается от обслуживания нашего дома. Якобы накопилось полмиллиона долгов, и он не может в таких условиях обслуживать дом.

– Откуда такие долги? – удивилась я. – Он же говорил, что ему платят все, кроме меня. Что-то не то. Наверное, ему не удаётся заключить договоры со всеми ресурсоснабжающими организациями, он уже полтора года не платит Мосгазу. Счета, которые он мне присылает, вообще даже не включают этой строки.

– Вам теперь надо готовить собрание по выбору новой управляющей компании, – сказала Баташова.

– Так у нас уже когда-то ГУИС пытался проводить собрание, пришли только представитель ГУИСАа и я одна от собственников. Собственники жилых помещений, вернее их представители, на «чужие» собрания не ходят, только на свои междусобойчики, а собственники нежилых помещений почему-то не хотят «светиться» на собраниях. А в таких случаях, когда кворум собрать невозможно, управляющую компанию должна назначать управа, – напомнила я.

– Но вы же сами говорили, что были на каком-то собрании в подвале у Королёвой, – напомнила Баташова.

– На том единственном собрании, на которое меня пригласили, потому что я требовала, чтобы меня приглашали, были какие-то подставные лица, почти все по доверенностям, которые проверить было невозможно. Вопросы задавать тоже было невозможно: не давали слова сказать, сразу поднимали гвалт. Я, кстати, недавно отправила два иска в суд – об аннулировании решения собрания о создании спецфонда на капремонт и о ликвидации ТСЖ и решения собрания о переводе в «Арбат-сервис». Пусть суд с ними разбирается. Но эти иски мне вчера вернулись для доработки. Так что «Арбат-сервис» ещё о них

ничего не знает, причина ухода, видимо, в другом.

Баташова пообещала держать меня в курсе, и на этом наш разговор закончился. И только потом я вспомнила, что, кроме исковых заявлений в суд, я месяц назад отправила ещё и жалобу в прокуратуру Москвы, откуда моя жалоба, вероятно, была спущена межрайонному прокурору Басову, который в своё время спустил на тормозах жалобу Бабенко на «Арбат-сервис». Но теперь, когда дело на контроле у городской прокуратуры, хочешь не хочешь, а придётся разбираться в этом вопросе и принимать какие-то меры в отношении ООО «Арбат-сервис». Вот «Арбат-сервис» и «слинял». Так что и разбирать больше нечего.

А пока я продолжала готовиться к суду. Авдеева пока не прислала своих соображений по определениям суда, и я решила заняться другим вопросом – выяснением, в каком доме живёт Ирина Покровская, которая создала там ТСЖ и привела туда для обслуживания «Арбат-сервис». Но Покровская – одновременно член ревизионной комиссии нашего ТСЖ. Налицо конфликт интересов, который мешает осуществлять контроль за деятельностью ТСЖ и управляющей компании в нашем доме.

Но установить номер дома, где живёт Ирина Покровская, оказалось не так-то просто. Александра Андреевна, которая сообщила мне эту информацию, номера дома не знала, Любочка, которая убирает наш подъезд, конечно, знает, но молчит, как партизан. Пришлось рыться в Интернете и обзванивать все выявленные ТСЖ в Строконюшенном переулке. В первом же доме напоролась на неприятности:

– Извините, это ТСЖ «Арбатская элегия» по Староконюшенному-35? – поинтересовалась я.

– Да, – ответил настороженный голос.

– Скажите, пожалуйста, кто председатель вашего ТСЖ?

– А зачем вам? До свидания, – бросил трубку собеседник.

Немного подождав, я опять набрала номер:

– Пожалуйста, не бросайте трубку, – начала я. В ответ – опять гудки.

Ну что ж, бывает, может, у человека несварение желудка, что он так раздражён и не хочет даже разговаривать.

Решила оставить телефон и обойти все дома с ТСЖ в Староконюшенном лично. Дойдя до 35-го дома, чуть не поперхнулась: на нём висела табличка «Дом ветеранов контрразведки». Попала, как кур в ощип! Но мой собеседник был явно не контрразведчик. Настоящий контрразведчик, конечно, не дал бы мне секретную информацию о жителях дома, но попытался бы максимально выяснить, кто я и зачем мне нужна эта информация.

В других домах повезло больше: в доме № 10а после моего звонка вышел охранник и на мой вопрос «Можно ли как-то переговорить с председателем ТСЖ “Фемиле”?» дал мне номер телефона и сказал, что председателя ТСЖ зовут Валерий Васильевич. Номер показался мне знакомым, и, придя домой, я заглянула в телефонный справочник – это оказался телефон Ратушняка. Охранник просто перепутал председателя ТСЖ и управляющую компанию. А может, он вообще не вникает в такие тонкости.

Информацию подтвердила Любочка, которая как раз пришла убирать подъезд. Она сказала, что скоро уже не будет убирать наш подъезд, так как Ратушняк уходит из нашего дома.

– А что так? – поинтересовалась я.

– Дом старый, невыгодно обслуживать, – туманно ответила Любочка и добавила: – Для меня это плохо, надо искать другую работу. Есть другие дома, но они далековато, надо ездить.

– А что 10-й дом в Староконюшенном, вы не убираете? – спросила я невинным тоном.

– Там другая убирает, тоже из Украины, я её один раз подменяла, когда она уезжала в отпуск, – неосторожно проболталась Любочка.

Любочка сообщила мне ещё одну важную информацию. А в 41-м доме в Староконюшенном недавно жильцы собрали собрание и переизбрали Королёву, потому что она не хотела отчитываться о доходах за аренду подвалов и чердаков – у них арендная плата больше 200 тысяч в месяц. Но жители всё равно эти деньги не получат: Королёва уже всю аренду получила на десять лет вперёд, она же юрист, и знает, как оформить, чтобы никто не смог предъявить ей претензии.

Я спросила, правда ли, что Ратушняк покидает наш дом? Не собирается ли он устроить очередной спектакль?

– Нет, мне он точно сказал, что собирается снимать меня с вашего дома, – заверила Любочка.

Мне стало совестно, что из-за меня Любочка лишилась работы – уборки подъездов в нашем доме, и я попросила у неё телефон на тот случай, если жильцы нашего подъезда захотят отдельно скидываться на уборку подъездов и приглашать человека со стороны. Любочка с радостью дала свой телефон, а я ушла с тяжёлым сердцем. Но я честно старалась компенсировать Любочке её труды – одела её с ног до головы в хорошие дизайнерские вещи. По крайней мере, если не будет их носить, сможет продать или сдать в комиссионный магазин.

11 ноября 2015 года, среда.

Дозвонилась до Марины Баташовой и сказала ей:

– Я совсем забыла о том, что месяц назад отправила в прокуратуру Москвы жалобу на «Арбат-сервис». Видимо, она уже дошла до межрайонной прокуратуры, и там начали расследование, и наш Ратушняк от греха подальше вообще решил унести ноги из нашего дома.

– Ну, это уже не важно, – отмахнулась Баташова. – Вам теперь надо готовить общее собрание в доме, чтобы выбрать новую управляющую компанию. В управе этот вопрос на контроле – грядёт зима, ваш дом не может остаться без управления.

– Вряд ли удастся собрать кворум на общем собрании в нашем доме, – усомнилась я. – Так что придётся управе назначать по конкурсу управляющую компанию в наш дом, и ещё неизвестно, кого найдут. А как вы смотрите, чтобы восстановить в нашем доме управляющую компанию «Арбат»? С юридической точки зрения, если «Жилищник» согласился с тем, что он не должен управлять нашим домом, значит, надо вернуть наш дом той компании, у которой её незаконно увели, а на тот момент это была управляющая компания «Арбат». Это уже проверенная компания, она у нас была, всё же лучше, чем незнакомая компания, да и ждать уже нельзя, вы сами говорите, что зима на носу. А вопрос всё не решается. Я уже три месяца не плачу за ЖКХ – не могу же я платить «Арбат-сервис», раз подала на него в суд! Давайте вернём ООО «Арбат».

– Нет, нет, ни в коем случае, – взвилась Баташова.

– Почему? Юридически всё правильно.

– Эта компания обанкротилась, – сердито отрезала Баташова и завершила разговор. Уж не знаю, чем ей не угодила компания «Арбат».

Но я всё-таки решила из любознательности проверить эту информацию и позвонила в ООО «Арбат».

– Это правда, что вы обанкротились?

– Ничего подобного. Кто вам такое сказал?

Я не стала называть Баташову, но описала ситуацию в нашем доме после ухода «Арбат-сервиса» и снова предложила им обратиться с письмом в Единый расчётный центр, чтобы восстановить управление нашим домом по решению суда.

– Тогда можно обойтись без проведения собрания, – объяснила я.

Однако там всё-таки не решились на это и тоже предложили мне провести собрание, от чего я отказалась.

12 ноября 2015 года, четверг.

Отвезла в Пресненский районный суд исправленные в

соответствии с определением суда исковые заявления. До этого так и не дождалась от Авдеевой предложений, вернее то, что она мне прислала, повторяло другими словами то же самое, что она мне присылала раньше. Пришлось корпеть самой, отправила окончательный текст Авдеевой, но она так и не удосужилась прочитать, поэтому пришлось отдать в суд то, что составила сама, не дожидаясь, пока прочитает Авдеева. Да и вряд ли она что-то добавит.

К вечеру договорилась встретиться с Гришиной из Московского аналитического центра, которая встречалась на прошлой неделе в управе с советниками нашего района.

Узнала много интересного: в конце июня этого года, то есть четыре месяца назад, приняты новые изменения и дополнения к Жилищному кодексу о введении очно-заочной формы голосования, которая позволяет совсем уж упростить процесс проведения общих собраний в многоквартирном доме, но вводят уголовную ответственность за фальсификацию протоколов собраний.

В конце Гришина сказала мне, что сейчас жалобы на управляющие компании практически прекратились, зато потоком идут жалобы на устройство незаконных мансард на чердаках домов. Причём бороться с этим трудно, так как действуют юридически очень грамотно.

– Наверное, схема кем-то хорошо отработана, и вообще, такое впечатление, что действует единая рука. Земельные отводы под строительство теперь трудно получить, вот и захватывают крыши и чердаки, чтобы надстраивать над уже существующими домами новые этажи, – добавила я.

16 ноября 2015 года, понедельник.

С утра позвонила из управы Баташова и сообщила мне очередную важную новость:

– ТСЖ «Давыдов» уже не существует со 2 ноября. Сегодня ко мне приходили из Жилинспекции и сказали об этом. Я уже на оперативке сообщила об этом главе управы. Все уже в курсе, вам надо сегодня же позвонить Алле Павловне в ГУИС и срочно проводить собрание о выборе новой управляющей компании.

Я позвонила Анне Павловне, чтобы определиться с датой проведения собрания:

– Вы мне перезвоните послезавтра, а то у меня уже назначены два собрания, последнее – на 30 ноября. Скорее всего, с учётом того, что надо за 10 дней уведомлять, у нас будет собрание уже в декабре.

Вечером позвонила своей юристке Авдеевой:

– Похоже, что я ломлюсь в открытую дверь: управляющая компания «Арбат-сервис» сама ушла, а ТСЖ «Давыдов», которое я в исковом заявлении прошу ликвидировать, оказывается, со 2 ноября уже и так ликвидировано Регистрационной палатой. Что будем делать? Надо об этом говорить в суде?

– Зачем? Тогда исковое заявление теряет смысл, и дело закроют. Вы же подали иск раньше 2 ноября? – резонно возразила Авдеева. – Пусть всё остаётся как было.

18 ноября 2015 года, среда.

Вечером обнаружила в своём почтовом ящике послание от директора ООО «Арбат-сервис» Ратушняка. В письме он уведомлял меня о том, что с 1 ноября 2015 года он расторгает договор с ТСЖ «Давыдов» в связи с его ликвидацией, а также потому, что не может выполнять услуги по договорным обязательствам из-за накопленной задолженности собственников в сумме 529 112,60 руб. К письму приложена расшифровка задолженности по каждому собственнику на 1 ноября, из которой следовало, что почти все нежилые помещения на первом этаже, включая ИП Воробьёв, и примыкающие к ним помещения, в котором расположены кафе «Данкин и Донатс», музей телесных наказаний и, что удивительно, квартира № 3 в лице Тарасовой Надежды Валентиновны, задолжали «Арбат-сервису» за последние три месяца, а остальные просто ещё не успели заплатить за октябрь. То есть причина вовсе не в задолженности. Это ещё больше утвердило меня в мысли о том, что главную роль сыграло моё обращение в прокуратуру, после чего все подозреваемые дружно разбежались, как тараканы, и попрятались по углам.

Попыталась дозвониться к Ирине Покровской, но она упорно не поднимала трубку. Я перезвонила Гусевой, та сказала, что Ирочка дома, значит, специально не отвечает на мои звонки.

Позвонила в ГУИС Алле Павловне, она мне сказала, что завтра скажет мне о дате собрания, а пока она готовит извещения, которые отправит всем собственникам по почте, чтобы потом не было претензий о том, что кто-то чего-то не знал.

19 ноября 2015 года, четверг.

Ближе к обеду опять попробовала позвонить Покровской. На этот раз она взяла трубку и ответила на мой звонок.

– Я вчера получила письмо от «Арбат-сервиса». Вы не можете мне объяснить, что всё это значит? – спросила я.

– Это значит, что «Арбат-сервис» с 1 ноября уже не обслуживает наш дом, и надо провести собрание, чтобы выбрать новую управляющую компанию. Инициатор собрания – Тарасова,

все уже подписали протоколы, – милым голосом ответила Ирина.

– А можно узнать, что за компания?

– ООО «РЕЛЕНА». А что вы так беспокоитесь?

– Не хотелось бы узнавать об этом последней. Вот вы хотите, чтобы вам доверяли, а сами опять шуршите у меня за спиной. Что это за «РЕЛЕНА»?

– Почему вы так со мной разговариваете? – оскорбилась Ирина. – Что значит шуршите? Надо ходить на собрания. А вы на собрания не ходите, а потом предъявляете какие-то претензии.

Я вежливо поблагодарила её и позвонила в ГУИС:

– Кажется, нас с вами уже опередили, – сообщила я.

– Я уже знаю, – ответила Алла Павловна. – Мы тоже получили уведомление. Но не собираемся признавать эти протоколы и будем всё равно рассылать свои сообщения о собрании.

– А что это за управляющая компания «РЕЛЕНА»? – спросила я.

– Эта компания зарегистрирована ООО «Арбат», как запасной аэродром. ООО «Арбат» собирало деньги с жителей, но за ресурсы не платило, оставляло у себя и перекидывало эти деньги в «РЕЛЕНУ». Теперь, когда у них перед ресурсными организациями накопились огромные долги, они объявили себя банкротами, перескакивают в «РЕЛЕНУ» и начинают всё по новой. Через пять лет опять, когда накопят долгов и в этой компании, они с деньгами соскочат, а старую обанкротят. Известная схема!

– Это я виновата, я была в ООО «Арбат», хотела восстановить их без собрания, по решению суда, но они предложили мне организовать собрание. Я отказалась, сказала, что собрание могу и с «Жилищником» провести, пришла к вам. А они позвонили Тарасову и предложили ему инициировать собрание в нашем доме! И как же быстро они сумели провернуть всю эту операцию с уведомлениями! – повинилась я.

Решила не оставлять просто так этого дела и отправилась в офис ООО «Арбат».

– Хорошо, что вы пришли, подпишите уведомление об очно-заочном собрании, – засуетилась юрист Наталья Алексеевна. – Вчера уже подписали уведомление Тарасова с сыном, Боровинских, Покровская, Никитина, Карапетян, Смирнова. Подпишите, что мы и вас уведомили о собрании и повестке дня.

– А как вам удалось найти Тарасову? – подозрительно спросила я, разглядывая реестр собранных подписей. – Это она сама подписала или опять Тарасов за неё? Знакомая подпись.

– Она сама, сама, – стала убеждать меня Наталья Алексеевна. – Такая рыженькая, с кудряшечками приходила.

Я промолчала: судя по фото в копии паспорта, которые я

смотрела в материалах судебного дела, она стриженая брюнетка. Но, может, изменила причёску, покрасилась и завилась?

– А Никитина что, уже вернулась из США?

– Наверное, вернулась, а если не вернулась, то доверенность оставила, – немного смутилась и заюлила юристка.

– Да она не оставляла никому никаких доверенностей, и Карапетяна, который у вас подписался, ещё в суде уличили в том, что он представил чужое свидетельство. И вообще, я вижу, что у вас побывала вся эта компания, которая таскала меня по судам. Вы у них проверяли документы? Тарасова вам показывала свой паспорт?

Наверное, мои запросы показались Наталье Алексеевне чрезмерными. Она поджала губы и не стала ничего отвечать.

Я подписала ведомость о том, что я уведомлена, – куда было деваться? Но если управа серьёзно подойдёт к этому делу, протокол этого собрания могут признать недействительным. И тогда всё начнётся по второму кругу – споры между двумя управляющими компаниями, параллельные счета от обеих и т. д. Хорошо, если кто-то из них в качестве последнего аргумента не устроит потоп в доме, как это случилось в 22-м доме на Поварской!

23 ноября 2015 года, понедельник.

Открыв сегодняшнюю газету «Вечерняя Москва», узнала из неё, что вчера на 58-м году жизни скончался префект Центрального округа Виктор Фуер. Позвонила Лолите Каримовне, она подтвердила новость.

– Он вроде бы совсем не старый и выглядел крепким и здоровым мужчиной, отчего он умер? – спросила я.

– Сердце, инфаркт, – вздохнула Лолита и добавила нравоучительно: – Это значит, что всем нам надо себя беречь.

Я подумала, что, наверное, Виктора Фуера довели до инфаркта встречи с жителями, которые заканчивались, как правило, поздно вечером, на них ему приходилось терпеливо выслушивать всякие дурацкие выступления от вздорных тёток, они засыпали его тысячами поручений, которые надо было на следующий день разруливать, он, наверное, никогда не отдыхал, – есть от чего схватить инфаркт!

Но потом в другой газете прочитала, что скончался он предположительно от сердечного приступа на стадионе «Открытая Арена» во время футбольного матча между «Спартаком» и «Краснодаром».

В газетах о нём сообщали много хорошего. Виктор Семёнович Фуер родился 17 декабря 1956 года в Москве (через месяц ему бы

исполнилось 59 лет!). Окончил Московский инженерно-строительный институт имени В. В. Куйбышева, с 1979 по 1988 год прошёл путь от мастера до главного инженера Советского района Москвы. С 1988 года работал заместителем председателя исполкома Советского района. Работал и в коммерческих структурах, был главой управы Гагаринского района, заместителем префекта и префектом Юго-Западного административного округа (где жил мэр Москвы Юрий Лужков). Он возглавлял Центральный округ с 18 декабря 2012 года (назначили аккурат на следующий день после дня рождения!). По количеству проживающих здесь людей – 750 тысяч – округ занимает 18-е место среди городов России. Плюс 3 миллиона гостей ежедневно. Витрина Москвы. За три года во всех районах центра столицы произошли качественные изменения. Сейчас Центральный округ считается лучшим в столице. Виктор Фуер твёрдо и профессионально решал все вопросы. Часто встречался с жителями. В своих последних интервью он жаловался, что нововведений по платным парковкам многие жители не понимали и не принимали, приходилось встречаться с жителями практически каждую неделю, и шёл сплошной негатив. «Не понимаем, не хотим никаких платных парковок!» – рассказывал Виктор Фуер. – И тут же слышались жалобы на то, что вся проезжая часть и все тротуары заставлены, ни пройти, ни проехать! А через полгода стали получать обратную реакцию от жителей: люди обращаются и просят сделать у дома платную парковку: «Пусть будет порядок!» Он действительно себя не щадил, работал без выходных, на износ, даже по ночам делал объезды территории. Он был первым, кто стал наводить порядок в ЖКХ, во всех районах ЦАО были созданы отделения государственного бюджетного учреждения «Жилищник». В них работали москвичи и жители регионов России. Для тех, кто приезжал и работал вахтовым методом, предоставлялось общежитие.

Но самое интересное – Виктор Фуер, оказывается, стал первым из столичных чиновников, кто не побоялся (так и написано!) начать снос незаконно возведённых мансард, пристроек, киосков. Ежегодно порядка четырёх тысяч объектов демонтировали в Центральном округе. Снос незаконно надстроенной мансарды на Фрунзенской набережной стал первым прецедентом в истории самостроя. Своих планов на мансарду застройщики не скрывали – хотели возвести двухэтажную гостиницу на 400 мест. Их остановили, а ремонт крыши провели за счёт городских средств. Думаю, что он задел интересы многих могущественных людей, задействованных в возведении мансард.

Не случайно же прокурора Москвы сняли именно из-за покрывательства таких махинаций с ТСЖ. Сейчас уже не секрет, что их использовали для мошеннических операций по передаче в частную собственность чердаков, на которых возводились мансарды.

Последняя встреча префекта ЦАО с жителями состоялась в прошлый вторник в Мещанском округе. «Дело не в том, что он мог быстро и качественно решать хозяйственные вопросы. Он умел выстроить диалог между властью и жителями, – вспоминает глава управы Мещанского района Дмитрий Башаров. – За это его все уважали. Он был сильным и мощным человеком: решительным, последовательным, умеющим ответить за свои слова. Он показал, как можно сделать невозможное возможным. Светлая память!»

29 ноября 2015 года, воскресенье.

Сегодня в 17 часов состоялось собрание жителей нашего дома по выбору новой управляющей компании «РЕЛЕНА» взамен ушедшего из дома «Арбат-сервиса», которое было инициировано Виктором Тарасовым с компанией.

К сожалению, я не смогла присутствовать на этом собрании – мне пришлось дежурить у постели тяжелобольного родственника далеко за городом. Но я попросила проголосовать вместо меня на собрании своего хорошего знакомого, дав ему доверенность на голосование и соответствующие инструкции, чтобы он воздержался по всем поставленным на голосование вопросам. Но голосовать ему не пришлось – на собрании не оказалось кворума.

– Там были люди, представлявшие нежилые и часть жилых помещений, и у всех оказались большие претензии к председателю уже ликвидированного ТСЖ «Давыдов» Виктору Тарасову. Оказывается, он не только не имеет никакой доли в квартире, но даже не прописан в ней и вообще живёт в другом месте. Как же он мог быть председателем ТСЖ? – недоумевал мой знакомый. – Я так понял, что он всем чего-то наобещал, но ничего не выполнил. Ему стали предъявлять претензии, дело дошло чуть не до рукоприкладства. Тарасов, видимо, не ожидал такой обструкции. Я столкнулся с ним в подъезде, и он по дороге мне сказал, что всё уже решено: в доме будет «РЕЛЕНА». Но большинство присутствовавших на собрании, в основном это были собственники нежилых помещений, которые пришли в полном составе, высказались против этой управляющей компании. Тарасов оказался как волк на псарне, и собрание закончилось ничем – не оказалось кворума. Решили собраться на следующем собрании, которое проводит 7 декабря ГУИС, чтобы

проголосовать за ГБУ «Жилищник».

– Неужели все на собрании выступили против «РЕЛЕНЫ»? – не поверила я своим ушам.

– Все, кроме Тарасова и ещё одного артиста, которому Тарасов, видимо, обещал урегулировать вопрос с хостелом в его квартире. Но недавно этот хостел закрыли из-за того, что в нём не оказалось запасного выхода на случай пожара. В доме есть чёрный ход, но его, оказывается, захватил ресторан «Пиросмани» и не собирается уступать его хостелу. «Мы с вами соседи, но на самом деле мы с вами враги», – сказал этот артист. Он был страшно расстроен и чуть не плакал. Его можно понять – он лишился своего очень выгодного бизнеса, – посочувствовал ему мой приятель.

Я насторожилась: недавно я по поручению управы проводила опрос по поводу хостелов и обзванивала соседей, в том числе позвонила и Боровинских.

– Всё, хостела уже нет! Я знаю, что вы написали на меня жалобу, и из-за вас его закрыли! – обрушился он на меня с обвинениями.

– Я ничего никуда не писала. Какое мне дело до вашего хостела, он вообще в другом подъезде, он мне совсем не мешает! И я вообще не против хостелов: если ваши соседи по подъезду не возражают, и слава Богу! – сказала я. Он в ответ бросил трубку.

Я ничего не могла понять. Конечно, у меня есть основания не очень хорошо к нему относиться – Боровинских, рассчитывая на помощь Тарасова в легализации своего заведения, согласился подписать исковое заявление, по которому меня таскали в суд. Тарасов ему не помог, и хостел всё равно закрыли, но при чём здесь я? Почему он считает, что я в этом виновата? – недоумевала я.

7 декабря 2015 года, понедельник.

Сегодня аномально тёплая погода и даже поставлен какой-то температурный рекорд – 8 градусов тепла, но пасмурно, сыро и ветрено, поэтому я весь день ходила как сонная муха. Но дел накопилось много: в 16 часов – предварительное заседание суда по моему иску к ТСЖ «Давыдов» и ООО «Арбат-сервис», а в 18.00 – собрание собственников дома по выбору управляющей компании, которое проводится по инициативе ГУИС.

Вообще-то, на заседании суда должна была присутствовать моя представительница Авдеева, но она позвонила, что у неё на это же время назначено заседание суда по другому делу. Она и сообщила мне о дате рассмотрения моего иска, о которой узнала в Интернете, почтового сообщения я опять не получила. После

разговора с ней я тоже полезла в Интернет, но так и не поняла, откуда она взяла эту информацию. Зато узнала много другой любопытной информации: судья Карпова, которая ведёт моё дело, оказывается, недавно вышла из декретного отпуска, и вообще, в Пресненском районном суде недокомплект судей, так как недавно лишились своих полномочий пятеро судей, которые выносили приговоры правозащитникам по «Болотному делу» и по скандальной телепередаче «Дом-2», которую вела Ксения Собчак. Однако Ксюшу голыми руками не возьмёшь, видимо, она в полной мере унаследовала гены своего папы, бывшего адвоката, известного политика Анатолия Собчака. Ещё одна судья, по совместительству – заместитель председателя Пресненского районного суда Печенина – скоропостижно скончалась на рабочем месте в возрасте 52 лет. Просто мор какой-то напал на этот суд!

Я приехала в Пресненский суд пораньше, чтобы в случае чего успеть на собрание к 18 часам. Оказалось, что судья Карпова на больничном, принял её помощник, здоровенный детина двухметрового роста. Говорят, что помощники судей часто со временем сами становятся судьями. Этот с внушительной внешностью, наверняка будущий судья. А может, он бывший судья? Куда-то ведь надо пристраивать уволенных из-за Ксюши Собчак судей!

Помощник спросил, нет ли у меня дополнительных материалов или заявлений. Я сказала, что не получала повестку по почте и думаю, что ответчики её тоже не получили и поэтому не пришли на сегодняшнее заседание. Помощник очень удивился, даже показал мне журнал, в котором было отмечено, что повестки отправлены. Следующее заседание суда он назначил на 21 января уже нового, 2016 года.

В суде я управилась быстро и успела вовремя прийти на назначенное на 18 часов общее собрание жителей нашего дома по выбору новой управляющей компании. Оно проходило в помещении управы, в отделе Инженерной службы (ГУИС), которая выступила инициатором проведения собрания как представитель собственника помещений в нашем доме, принадлежащих городу. К моему удивлению, на собрание пришли только собственники нежилых помещений. От жилых квартир была только я, хотя обещали прийти и артист Боровинских, и Ирина Покровская, с которыми я предварительно согласовала их включение в Совет многоквартирного дома. Видимо, Виктор Тарасов опять что-то затеял и решил сорвать собрание, но кворум сегодняшнего собрания – более 50 % площадей – был достаточным, и Алла Павловна объявила, что собрание правомочно. Она предложила

выбрать председателя и секретаря – председателем Евгению Котову, собственницу нежилого помещения на первом этаже нашего дома, где располагается грузинское кафе «Пиросмани». Себя Алла Павловна скромно предложила в качестве секретаря, который впоследствии оформит протокол и направит его в Жилинспекцию.

С самого начала я почувствовала какое-то напряжение вокруг своей персоны. Пришедшие на собрание собственники нежилых помещений как-то угрюмо и недоброжелательно посматривали в мою сторону. За исключением блондинки Котовой, все они оказались знойными кавказцами – осетинами и грузинами. Я вспомнила, что все российские воры в законе грузинского происхождения, потому что отличаются особой жестокостью, и невольно поёжилась. Но все присутствующие мужчины, хоть и косились на меня, хранили молчание. Самой «кровожадной», как это ни удивительно, оказалась Женя Котова, миловидная пухленькая блондинка средних лет. Бросая на меня свирепые взгляды, она сообщила присутствующим:

– Этот новый собственник Павлов из восьмой квартиры вконец обнаглел: он написал жалобу на наше кафе в Министерство по чрезвычайным ситуациям, те приехали, всё во дворе разломали, убрали забор, а Мосжилинспекция наложила на нас огромный штраф за перепланировку и требует, чтобы мы убрали вентиляционные системы на фасаде дома. Ну, если этот Павлов такой крутой и работает в ФСБ, он что, не мог прийти к нам и договориться по-человечески, спросить, может, ему надо кого-то убить, закопать, отравить, наконец. Почему он сразу пишет в МЧС?

– Министру МЧС, – поддакнул ей кто-то из присутствующих.

– А кто такой Павлов? – поинтересовалась я. Я уже слышала эту фамилию от своего представителя, который был на прошлом собрании. Среди собственников нашего дома такой фамилии не значилось.

– Так вы же сами с этим Павловым и написали эти жалобы, – взвилась блондинка.

– Но я не писала никаких жалоб, тем более в МЧС. Тем более министру по чрезвычайным ситуациям, – испуганно сказала я.

– Ну да, вы думаете, мы ничего не знаем? Я выяснила, что жалобу на сайт правительства Москвы и МЧС написали вы с Павловым. Под ней стоит и ваша подпись, – загалдели присутствующие.

– Вы знаете, недавно и Боровинских тоже мне сказал, будто по моей жалобе закрыли его хостел. Не знаю, кто в нашем доме этим занимается? Я жаловалась на ТСЖ и управляющую

компанию и даже подала на них в суд, но я не писала никаких жалоб на нежилые помещения. Когда-то я жаловалась на кафе «Евразия», которое по ночам устраивало дискотеки под моей квартирой, но это было давно, теперешнее кафе меня никак не беспокоит, я даже не жаловалась на вентиляционный короб, который круглосуточно гудел под моим окном, – поставила на окно тройной стеклопакет, а уж на то, что установлено в другом подъезде, тем более не стала бы жаловаться! Уверяю вас, что жалобы писала не я, а кто-то другой под моим именем!

– Ну это просто Санта-Барбара! – сказала Алла Павловна, которая с интересом наблюдала за нашей перепалкой.

Выяснилось, что от моего имени поступили жалобы на сайт правительства Москвы и на имя министра МЧС на все нежилые помещения, расположенные в нашем доме: на вентиляционные системы, незаконно установленные на фасаде дома, самовольный захват чёрного хода рестораном «Пиросмани», несанкционированное устройство дополнительного входа в кафе «Данкин и Донатс» и музей телесных наказаний в подвальном помещении. Конечно, это безобразие, и, наверное, этот Павлов прав. Но почему он пишет свои жалобы от чужого имени и натравливает на меня этих опасных соседей?

Оказалось, что Павлов – зять той самой Тамары Хачатуровны, которая вместе с дочерью недавно приобрела 8-ю квартиру в соседнем подъезде. Возможно, что квартиру купил тот же Павлов, но оформил её на свою тёщу, чтобы самому не светиться. Ну и заодно решил навести порядок в доме и во дворе. Честь ему и хвала! Только пусть подписывается сам.

Я пообещала своим грозным соседям, что напишу заявление в прокуратуру с просьбой разобраться, кто пишет жалобы от моего имени. После этого свирепости у них немного поубавилось, и мы уже совершенно мирно утвердили государственную управляющую компанию «Жилищник района Арбат» вместо ушедшей частной компании «Арбат-сервис».

После голосования я спросила Аллу Павловну, не грозит ли нам опять такая ситуация, что будут приходить счета от двух управляющих компаний – ГБУ «Жилищник» и «РЕЛЕНА», но она сказала, что это исключено, так как на собрании с «РЕЛЕНОЙ» не было кворума, и вообще были какие-то нарушения по срокам уведомления жителей о собрании.

На этом собрании очень многое прояснилось. Например, что Тарасов требовал от «Арбат-сервиса» обналичить деньги, которые нежилые помещения по завышенным ставкам обещали перечислять на капремонт ТСЖ «Давыдов». В обмен на это обещал дать согласие ТСЖ от имени жителей узаконить все незаконные

переустройства, сделанные рестораторами в нашем доме. Он заявил им, что эти деньги пойдут на благоустройство дома, в чём я очень сильно сомневаюсь. Иначе не делал бы этого без ведома жителей и с помощью подложного протокола, который отправил в Жилинспекцию. Ратушняк, видимо, смекнул, что дело уже получило огласку, и счёл за благо унести ноги из нашего дома, хотя и не собирался этого делать раньше.

– Тарасов думал, что никто от нежилых помещений сегодня не придёт на собрание, а мы все пришли! И навязать нам опять то, что они решат на своём междусобойчике, им не удастся! – торжественно подвела итоги собрания Евгения Котова, которую по её же просьбе избрали председателем Совета многоквартирного дома.

Я подумала, что теперь, наоборот, мы навяжем свою волю остальным, но, наверное, это будет хорошо. Во всяком случае, я на это надеюсь.

Когда я вышла на улицу после собрания, погода мне показалась уже совсем не такой мерзкой, какой казалась раньше. На Арбате ярко светились витрины, украшенные новогодней рекламой. Сегодня, кажется, праздник Хануки, который считается Новым годом по одному из восточных календарей. Говорят, то, что произошло в этот Новый год, будет продолжаться весь год. Видимо, в новом году мне опять придётся ходить по судам и участвовать в разных собраниях. Но надеюсь, что теперь на них уже я буду хозяйкой положения. И вообще, люди, если они живут по совести, не должны бояться никаких дурных предзнаменований, потому что всё, что происходит в нашей жизни, – всегда к лучшему.

Хотелось бы на этой ноте закончить историю, которая продолжалась в нашем доме почти два года, но, к сожалению, на этом она не закончилась. Уже на следующий день мне позвонил Боровинских и, заикаясь от возмущения, стал обвинять меня в том, что я вчера присутствовала на собрании.

– Вы связались с этой чёрной мафией, Вы с ними заодно, вместе с ними! – кричал он в трубку. – Они отобрали у жителей чёрный ход, из-за этого закрыли мой хостел, а вы вместе с ними! И председателем Совета многоквартирного дома вы выбрали хозяйку кафе «Пиросмани», которая не хочет освобождать чёрный ход! А вдруг случится пожар, и жители не смогут выйти из своих квартир, это вы будете виноваты в этом!

– А кто мешал вам прийти на это собрание и выбрать другого председателя Совета нашего дома? – спросила я. – От жилых помещений пришла на собрание только я одна, и собственники

нежилых помещений выбрали Евгению Котову, потому что их оказалось большинство. А вы бы хотели, чтобы я сражалась с этой, как вы говорите, чёрной мафией? Кстати, на собрании выяснилось, что от моего имени пишут жалобы не только на вас, но и на них тоже. Кто-то, видимо, хочет натравить на меня всю эту арбатскую мафию. Интересно было бы узнать, кто занимается всей этой писаниной от моего имени? Между прочим, я уже отправила заявление в прокуратуру, чтобы выявили и наказали этого писателя!

Боровинских ещё что-то возмущённо бормотал в трубку, грозился вместе с Тарасовым оспорить результаты вчерашнего собрания. Он всё ещё надеется, что Тарасов поможет ему очистить чёрный ход и он сможет вновь открыть свой хостел, который закрыли из-за отсутствия запасного выхода, захваченного «Пиросмани». Видимо, он не собирается сдаваться. Только вот и я вовсе не собираюсь вмешиваться в их разборки. Так что история нашего дома ещё продолжается. Но пока я поставлю в этой истории точку. Или многоточие… И продолжу повествование уже в другой книге.